This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

II. 2 A 59

ГЕРМАНИЗАЦІЯ

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИЗДАНІЕ
ПЕТЕРБУРГСКАГО
ОТДѢЛА
СЛАВЯНСКАГО
КОМИТЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій каналъ, между Полицейскимъ и Харламовымъ мостами, д. № 99—1
1876.

Perwolf, J.

ГЕРМАНИЗАЦІЯ

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ІОСИФА ПЕРВОЛЬФА,

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1876.

Гос. Публ. Библ.

ЯРК Обм-12329.

DK511
B3P43

Памяти Никлота.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Введеніе	1
Славянская колонизація полабско-балтійскихъ земель	24
I. Залабскіе Славяне	34
1. Славяне люнебургскіе	39
2. Славяне въ Старой Маркѣ	66
II. Брижане и Стодоряне	76
III. Ратаре	101
IV. Укряне	104
V. Любушская земля	109
VI. Новая Марка	113
VII. Вагры	119
VIII. Полабяне и западные Бодричи	129
IX. Бодричи и западные Лютичи	146
X. Рана	180
XI. Поморяне	212
Слѣды славянства въ нижненѣмецкомъ народонаселеніи	256
Заключеніе	260

Nunc vero, quia Deus duci nostro et ceteris principibus salutem et victoriam large contribuit, Sclavi usquequaque protriti atque propulsi sunt; et venerunt adducti de finibus Oceani populi fortes et innumerabiles, et obtinuerunt terminos Sclavorum, et aedificaverunt civitates et ecclesias, et increverunt divitiis super omnem aestimationem.

Helmoldi Chron. Sclav. I. c. 88.

Въ средней Европѣ совершается уже больше чѣмъ тысячу лѣтъ важный и интересный процессъ: въ ней происходитъ борьба двухъ великихъ племенъ арійскихъ, *нѣмецкаго* и *славянскаго*, борьба упорная, составляющая такъ сказать жизненный вопросъ того и другого племени. Завязалась она въ незапамятныя времена, еще съ самаго начала исторіи обоихъ племенъ, и продолжается до сихъ поръ, такимъ именно образомъ, что племя нѣмецкое подвигается все больше и больше *на востокъ въ ущербъ племени славянскому*. Славяне, сталкиваясь и сражаясь съ Нѣмцами, въ борьбѣ погибаютъ или поглощаются побѣдоноснымъ элементомъ нѣмецкимъ.

Еще семь столѣтій слишкомъ тому назадъ всѣ земли на правомъ берегу Лабы—теперь корень могучей германской имперіи—были населены почти исключительно племенемъ славянскимъ, а нѣмецкій элементъ былъ тутъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Во второй половинѣ XII вѣка падаетъ независимость полабскихъ и балтійскихъ Славянъ окончательно: на развалинахъ славянскихъ возникаютъ новыя государственныя тѣла, либо чисто нѣмецкія либо онѣмеченныя славянскія. Славянскій элементъ мало по малу уступаетъ передъ наступающимъ элементомъ нѣмецкимъ, и наконецъ исчезаетъ совсѣмъ.

Прослѣдить этотъ постепенный процессъ германизаціи у балтійскихъ Славянъ—вотъ цѣль этой книги. *Балтійскими*-же *Славя-*

нами называемъ *Бодричей*, *Велетовъ* или *Лютичей*, и *Поморянъ*, т. е. тѣхъ Славянъ, которые жили въ земляхъ прибалтійскихъ, полабскихъ и поодрянскихъ, начиная съ Травны, Бѣлины, Ильменавы и Оры далеко на востокъ за Персанту, на югъ-же за Гаволу и до Варты и Нотеци [1]).

Вся исторія балтійскихъ Славянъ—одна только трагедія. Едва они заняли свои земли, завязывается упорная борьба между ними и ихъ западными сосѣдями, вѣковыми врагами Славянъ, Германцами, Нѣмцами и Скандинавами. Къ племенной враждѣ присоединяется вражда религіозная. Славяне упорно держатся вѣры своихъ отцовъ, и не соглашаются никоимъ образомъ замѣнить ее новой вѣрой, христіанствомъ. Это понятно. Кто же является апостолами Христова ученія? Нѣмецкіе епископы и священники, окруженные полками ратниковъ, въ одной рукѣ держатъ крестъ, а въ другой мечъ; они заставляютъ Славянъ отказываться отъ Святовита, чтобъ преклониться передъ святымъ Витомъ и платить подать епископамъ — бископовницу; вооруженные помощники тѣхъ апостоловъ лишаютъ Славянъ свободы, налагаютъ на нихъ другую подать, герцогу—войводницу. Не мудрено, что Славяне всѣми силами стараются прогнать этихъ непрошенныхъ гостей, которые однако не перестаютъ навязываться. „Нѣмцы добиваются славы и обширнаго господства, Славяне же сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства“—такъ характеризуетъ эту борьбу уже въ X вѣкѣ одинъ нѣмецкій-же монахъ.

Но Славяне не отстояли своей свободы и самостоятельности, и подпали подъ власть жаждущихъ славы и господства Нѣмцевъ.

Посмотримъ на оба воюющіе лагеря. Нѣмцы выступаютъ противъ своихъ враговъ подъ предводительствомъ своихъ императоровъ-королей, окруженныхъ герцогами, маркграфами, епископами. Съ другой стороны наѣзжаютъ на балтійскихъ Славянъ хищные короли датскіе. Обоими германскими племенами руководитъ одна сосредоточенная власть, ихъ короли направляютъ силы подвластныхъ своихъ народовъ, своихъ государствъ, на одну цѣль, порабощеніе Славянъ-язычниковъ. Что-же дѣлаетъ другая сторона, Славяне? У нихъ не прекращаются внутреннія распри, драки, междуусобицы, нигдѣ не возникаетъ сильное государство, которое

---

[1]) Восточные Поморяне не входятъ въ наше изслѣдованіе; они, примкнувъ къ Польшѣ, не подверглись такой германизаціи, какъ Поморяне западные.

было-бы въ состояніи поднять борьбу съ сосредоточенными Нѣмцами и Датчанами. Вмѣсто того видимъ, какъ то или другое племя славянское одно съ своими силами нападаетъ на Нѣмцевъ; если и соединяется нѣсколько племенъ въ одно цѣлое, и дѣйствуютъ сообща, то это не длится долго, и какъ скоро виновникъ такого союза, сильный князь, сходитъ со сцены, возобновляется старая славянская разрозненность. Мало того. По славянскому обычаю, племена балтійскихъ Славянъ ненавидятъ другъ друга до такой степени, что они не только живутъ въ безпрерывныхъ дракахъ, но даже помогаютъ нѣмецкимъ наѣзднікамъ другъ противъ друга. Если христіанскіе Поляки и Чехи, во имя христіанства забывъ чувство одноплеменности, идутъ на помощь Нѣмцамъ противъ Бодричей и Лютичей, то это еще понятно; вѣдь въ средніе вѣка суть всей духовной жизни была религія, поглощая всѣ остальныя чувства и стремленія человѣчества. Но что же сказать, если видимъ, какъ языческіе Бодричи изъ слѣпой ненависти къ Лютичамъ спѣшатъ Нѣмцамъ на помощь противъ этихъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, единовѣрцевъ и соплеменниковъ? Что-же сказать, если даже племена Лютичей неистово воюютъ другъ съ другомъ и наконецъ призываютъ на помощь Нѣмцевъ? Польскій князь Болеславъ задумываетъ великолѣпный планъ соединить всѣхъ западныхъ Славянъ въ одно государство, начинаетъ съ успѣхомъ борьбу съ римско-нѣмецкой имперіей, громитъ Нѣмцевъ на повалъ. Можно-бы было ожидать, что всѣ западные Славяне съ восторгомъ сгруппируются около сильнаго своего князя соплеменника, что они всѣ подъ его побѣдоносными знаменами пойдутъ на вѣковаго своего врага. Но— увы, на дѣлѣ выходитъ иначе. Чехи предпочитая общимъ интересамъ славянскимъ свою династію Премысловичей, съ помощью Нѣмцевъ прогоняютъ Болеслава изъ Праги; Лютичи сами подстрекаютъ нѣмецкаго короля Генриха противъ Болеслава, и охотно примыкаютъ къ нѣмецкому войску, и ихъ богъ Сварожичъ идетъ дружелюбно рука объ руку съ патрономъ Саксовъ, св. Маврикіемъ, такъ что этотъ неестественный союзъ возмущаетъ даже одного нѣмецкаго мисіонера.

При такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ ослѣпленіи западныхъ Славянъ нельзя удивляться, что они наконецъ падаютъ въ неравной борьбѣ. На ихъ могилахъ водружаютъ Нѣмцы побѣдители крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и свое знамя — знамя нѣмецкой народности.

Земли между нижней Одрой и Лабой являются въ концѣ V-го вѣка послѣ Р. Х. заселенными многочисленными племенами славянскими. Сѣверо-западный уголъ занимали *Бодричи* или *Ободриты* (Вагры, Полабяне, Бодричи, Варны и др. [1]), на востокъ и на югъ отъ нихъ жили *Велеты* или *Лютичи* (Ране, Хижане, Чрезпѣняне, Ратаре, Укряне, Брижане, Стодоряне и др.), за Одрой—*Поморяне*.

Эти три главныхъ племени балтійскихъ Славянъ составляли часть того національнаго цѣлаго, которое простиралось отъ балтійскаго моря на югъ черезъ земли лабскія, одрянскія и вислянскія до Карпатъ, и которое—по примѣру перваго лѣтописца русскаго—можно назвать отраслью *ляшско-славянской*: „Словѣни пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи (вм. Лютичи), инии Мазовшане, инии Поморяне.“ Это національное единство ляшскихъ Славянъ помнятъ въ Польшѣ еще въ XIII вѣкѣ, оно видно между прочимъ и въ ихъ языкѣ; характеристическій знакъ ихъ языка—полное господство носовыхъ звуковъ (ѧ, ѫ), которыхъ въ языкѣ южныхъ и восточныхъ сосѣдей Ляховъ, отрасли полабско—сербской, чешской и русской или совсѣмъ не достаетъ, или они составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе [2]).

Ляховъ раздѣлила исторія на двѣ половины. Восточная ихъ половина, племена жившія на верхней Одрѣ и по Вислѣ, Слѧзане, Хорваты, Поляне, Мазовшане и восточные Поморяне, сгруппировались около князей племени *Полянъ*, и составили съ теченіемъ времени одно національное и политическое цѣлое, народъ *польскій*, *Польшу*. Между тѣмъ западные Ляхи такого національнаго и политическаго единства не достигли; у нихъ упрочилось племенно, раздробленіе, а не образовалось національное и политическое единство.

Главнымъ содержаніемъ исторіи балтійскихъ Славянъ — это, какъ уже сказано, безпрерывная упорная борьба съ племенемъ германскимъ, съ Норманами, Датчанами и Нѣмцами. Первые, отдѣленные отъ Славянъ моремъ, не могли, конечно, дѣйствовать такъ,

---

[1]) Въ исторической наукѣ принято предлагаемое Шафарикомъ названіе *Бодричи*, и мы за неимѣніемъ другого—его здѣсь тоже употребляемъ; но кажется, въ названіи «Ободриты» скрывается другое названіе, въ родѣ Ободричей т. е. жителей «объ Одру».

[2]) Знаками ѧ и ѫ означаемъ въ этой книгѣ звуки переданные въ латинскихъ памятникахъ черезъ *an*, *en*, *in*, *un* и пр., польск. ą, ę.

какъ Нѣмцы, сухопутные сосѣди Славянъ по всей лабской линіи. Столкновенія Норманов и Славянъ носятъ характеръ морскихъ разбоевъ; то Норманы нападаютъ на балтійское поморье славянское, то опять балтійскіе Славяне опустошаютъ страны датскія и скандинавскія. Болѣе опасными врагами Славянъ сдѣлались Норманы, особенно же Датчане, какъ христіанскіе союзники своихъ соплеменниковъ Нѣмцевъ.

Постоянныя племенныя войны между полабскими Нѣмцами, именно Саксами, и Славянами приняли—послѣ крещенія Саксовъ—другой характеръ: къ борьбѣ племенной присоединилась борьба религіозная, и побѣдитель и креститель Саксовъ, король Франковъ, въ послѣдствіи императоръ римскій, Карлъ, направляетъ силы всѣхъ подвластныхъ себѣ нѣмецкихъ племенъ противъ всѣхъ западныхъ Славянъ. Воинственные Велеты покоряются Карлу, а въ его войскѣ находятся вѣрные его союзники противъ своихъ соплеменниковъ, Бодричи, эти „наши Славяне", какъ ихъ честили сами Нѣмцы. Карлъ и его преемники распоряжаются въ странахъ балтійскихъ Славянъ, своихъ данниковъ; Карлъ назначаетъ бодричскихъ Дражка и Славоміра великими князьями славянскими, а Людовикъ рѣшаетъ вопросъ о занятіи княжескихъ столовъ у Бодричей и у Лютичей. Къ такому вмѣшательству побуждали нѣмецкаго государя сами недовольные своими князьями Славяне.

Раздѣленіемъ великой державы Франковъ Славяне не съумѣли воспользоваться; они отказываются отъ дани, постоянно воюютъ съ новымъ своимъ сосѣдомъ, королемъ нѣмецкимъ—но всѣ ихъ военныя дѣйствія страдаютъ недостаткомъ обдуманнаго плана, ограничиваясь сраженіями отдѣльныхъ племенъ съ Нѣмцами. Упадшее въ славянскихъ странахъ нѣмецкое владычество возобновлено уже въ первой половинѣ X-го вѣка; герцогъ Саксовъ, Генрихъ, избранный въ короли нѣмецкіе, взялся энергически за покореніе Славянъ; завоевана земля стодорская, поражены Лютичи, именно Ратаре, и Бодричи. Образъ дѣйствій Генриха относительно Славянъ продолжалъ и его сынъ и преемникъ нѣмецкій король и римскій императоръ *Оттонъ*. Нѣмецкое владычество у тѣхъ Славянъ упрочено избіеніемъ нѣсколькихъ десятковъ князей, рядомъ побѣдъ, и наконецъ устройствомъ особыхъ военныхъ украинъ, маркъ. Въ числѣ послѣднихъ была одна на нижней Лабѣ, въ Саксоніи противъ Бодричей, другая же, такъ называемая Сѣверная—управляемая извѣстнымъ Славяноубійцей Геромомъ — учреждена

противъ Лютичей. Всѣ эти племена отъ Лабы до Одры сдѣлались данниками короля и императора. Рядомъ съ этими свѣтскими порядками водворялось у Славянъ и новое устройство церковное; вѣдь пораженные Славяне — по мѣткому замѣчанію одного лѣтописца — „обѣщали добровольно королю дань, а богу христіанство". До половины X-го вѣка основаны въ ихъ земляхъ три епископіи, въ *Альденбургѣ* для Бодричей и сѣверныхъ Лютичей, и въ *Гавельбергѣ* и *Бранденбургѣ* для остальныхъ Лютичей; первая подчинена гамбургскому, двѣ другія магдебургскому архіепископамъ. Христіанство пускало впрочемъ очень слабые корни въ странахъ славянскихъ, и его зачатки скоро исчезли въ новомъ, повсемѣстномъ движеніи Славянъ.

Въ 983 году возникло всеобщее возстаніе балтійско-полабскихъ Славянъ, которое кончилось прогнаніемъ Нѣмцевъ за Лабу и истребленіемъ христіанства у Лютичей; только Бодричи остались въ нѣкоторой зависимости отъ Нѣмцевъ. Нѣмецкое владычество на правомъ берегу Лабы у Лютичей совсѣмъ исчезло, власть маркграфа Сѣверной Марки туда не простиралась, епископы гавельбергскій и бранденбургскій скитались въ сосѣднихъ странахъ нѣмецкихъ.

Въ началѣ XI вѣка, казалось, что и на долю западныхъ Славянъ достанется то, что у нѣмецкихъ племенъ было уже нѣсколько вѣковъ, то-есть, образованіе сильнаго государства. Польскій князь Болеславъ поднимаетъ мысли Сама, моравскаго Святополка и чешскихъ Болеславовъ, и начинаетъ собирать племена ляшскія въ одно политическое цѣлое. Въ составъ новаго великаго государства западославянскаго входятъ, кромѣ Полянъ и Мазовшанъ, и Поморяне, Слѧзане, карпатскіе Хорваты, Моравне и Словаки. Но у Болеслава есть болѣе обширный планъ; онъ стремится дальше на западъ, отнимаетъ у Нѣмцевъ земли полабскихъ Сербовъ до Лабы, и, наконецъ, садится и на чешскій княжескій столъ въ Прагѣ. Большая часть западныхъ Славянъ вошла въ составъ новаго основаннаго польскимъ Пястовичемъ государства опаснаго сосѣда Германіи. Къ встревоженнымъ Нѣмцамъ явились неожиданно союзники изъ рядовъ самихъ Славянъ. Старинные враги Поляковъ, Лютичи, опасаясь усиленія Болеслава, вдругъ приблизились къ королю нѣмецкому, и изъ заклятыхъ враговъ сдѣлались лучшими его друзьями. Съ другой стороны и Чехи отрываются отъ Болеслава. Такимъ образомъ король нѣмецкій, въ союзѣ съ Лютичами и Чехами, начинаетъ упорную войну съ Болеславомъ, которая кончается

неблагополучно для Германіи; но не удался и планъ польскаго князя,—создать изъ всѣхъ западныхъ Славянъ одно политическое тѣло. Со смертью Болеслава эта опасность исчезла для Германіи совсѣмъ.

Въ половинѣ XI вѣка зарождалось у Бодричей болѣе сильное государство. Князь *Годескалькъ*, сдѣлавшись изъ врага Нѣмцевъ и христіанства ихъ другомъ и усерднымъ христіаниномъ, соединилъ подъ свою власть всѣ бодричскія и нѣкоторыя лютичскія племена. Вскорѣ наступившая у Бодричей анти-христіанская и анти-нѣмецкая реакція уничтожила съ помощью Лютичей новые порядки, и возстановила старинную вѣру отцовъ, но мысль о болѣе сильномъ государствѣ осталась. Наслѣдство Годескальта принялъ ранскій князь *Крутъ*. Впрочемъ, балтійскіе Славяне опять не съумѣли воспользоваться тогдашнимъ смутнымъ временемъ въ Германіи, да когда самъ король Генрихъ IV старался возбудить Лютичей противъ старинныхъ ихъ враговъ, Саксовъ, обѣщая имъ ихъ землю, то тѣ Славяне въ отвѣтъ нѣмецкому королю сказали, что у нихъ своей земли достаточно, и что они довольны, если могутъ защищать ея границы. Національное и языческое государство Крута скоро смѣнено государствомъ хотя наружно христіанскимъ и опирающимся на Нѣмцевъ; убійца и преемникъ Крута, *Генрихъ Годескальковичъ*, съ помощью Нѣмцевъ сломилъ сопротивленіе балтійскихъ Славянъ и распространилъ границы отъ Вагріи далеко на востокъ за Одру; Бодричи, сѣверные Лютичи и западные Поморяне входили въ составъ государства этого „славянскаго короля“. Со смертью Генриха (ок. 1119 г.) распалось и его государство; только бодричскія земли остались его сыновьямъ; Лютичи и Поморяне— между тѣмъ соединенные въ одно политическое цѣлое — должны были признать верховную власть польскаго князя.

Поморяне, достигнувъ по смерти Болеслава Храбраго самостоятельности, защищали ее противъ Польши цѣлое столѣтіе; съ другой стороны имъ пришлось бороться и съ норманскими викингами, безпрестанно наѣзжавшими на славянское поморье; не даромъ получилъ одинъ шведскій ярлъ прозвище „убійцы Славянъ (Vinda myrdir)“. Въ Поморьѣ, при устьѣ Одры, именно въ *Волынѣ*, водворились еще въ X вѣкѣ норманскіе викинги, которые не мало повліяли и на развитіе морскихъ разбоевъ у балтійскихъ Славянъ. Въ началѣ XII вѣка польскому князю Болеславу удалось, наконецъ, покорить Поморянъ и сдѣлать ихъ своими данниками, и

такимъ образомъ распространить польское владычество глубоко на западъ до рѣки Пѣны и озера морицкаго; ибо и восточные Лютичи около того времени вошли въ составъ поморскаго княжества. Вмѣстѣ съ тѣмъ Поморяне и соединенные съ ними Лютичи приняли крещеніе, — изъ рукъ Оттона бамбергскаго, — и такимъ образомъ отняли у Нѣмцевъ и у Датчанъ поводъ къ войнамъ подъ предлогомъ религіи.

Не такъ было у Бодричей и у западныхъ и южныхъ Лютичей. У Бодричей старинная вѣра отцовъ восторжествовала еще на короткое время, при князьяхъ *Прибиславѣ* и *Никлотѣ*, и оба князя пробовали продолжать борьбу съ наступающими Нѣмцами. Но скоро долженъ былъ Прибиславъ покориться; его княжество, обнимавшее земли западныхъ Бодричей (Полабянъ и Вагровъ) присоединено къ Саксоніи. Дольше держался Никлотъ. Первый крестовый походъ Нѣмцевъ и Датчанъ противъ него былъ неуспѣшенъ, но на другой разъ этотъ храбрый защитникъ старины погибъ (1160 г.); Никлотовичи покорились и сдѣлались васалами герцога саксонскаго. Напрасно они еще разъ пытались освободиться отъ нѣмецкаго владычества; возстаніе Славянъ кончилось тѣмъ, что оставшійся въ живыхъ Никлотовичъ *Прибиславъ* крестился, покорился герцогу и получилъ отъ него почти всю отчину, то-есть земли восточныхъ Бодричей и нѣкоторыхъ смежныхъ племенъ лютичскихъ.

Между тѣмъ и южные Лютичи подпали подъ владычество Нѣмцевъ; маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдь завоевалъ землю Брижанъ и пріобрѣлъ землю Стодорянъ, и упрочилъ здѣсь—въ *маркѣ бранденбургской*—свое владычество (1157 г.). Оставалась еще Рана. Семь походовъ долженъ былъ предпринять датскій король противъ Ранъ, и только съ помощью князей бодричскаго и поморскихъ удалось, наконецъ, покорить это послѣднее убѣжище старины (1168 г.); Ране приняли крещеніе, и князь ранскій сдѣлался васаломъ короля датскаго.

Такимъ образомъ всѣ Бодричи, Лютичи и западные Поморяне подпали подъ непосредственное или посредственное владычество Нѣмцевъ, отчасти и Датчанъ.

Балтійскіе Славяне поселились въ своихъ земляхъ — равнымъ образомъ какъ и ближайшіе ихъ соплеменники, остальные западные Славяне — родами, т. е. союзами болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ, семействъ или *жижъ*; родъ жилъ сообща въ своемъ

имѣніи — *дѣдинъ*, подъ выбираемымъ начальникомъ, старостой, жупаномъ, княземъ. Со временемъ родовой бытъ исчезъ, и родъ замѣнила община, т. е. совокупность людей соединенныхъ уже не кровными связями; но отъ стариннаго родоваго быта остались и въ послѣдствіи нѣкоторые слѣды. На него указываетъ множество мѣстныхъ названій съ патропимическимъ окончаніемъ; такъ напр. названія селъ Славиборичи, Лобковичи, Гостирадичи,—первоначально означаютъ потомковъ, родъ Славибора, Лобка, Гостирада, но потомъ вообще общину, вступившую на мѣсто рода, но съ сохраненіемъ его имени. Остатки родоваго быта—также извѣстныя балтійскимъ Славянамъ названія староста (сторѣстъ), жупанъ и князь, первоначально названія родоначальниковъ, принявшія потомъ другое значеніе, именно сельскаго старосты, жупана-вельможи, князя-вельможи и князя-государя. Въ знатныхъ родахъ общее владѣніе имѣніемъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ; еще въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ цѣлые роды, владѣвшіе сообща имѣніемъ, напр. родъ Тѣшимѣричей, который состоялъ изъ нѣсколькихъ двоюродныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей и другихъ родственниковъ, и др.

Нѣсколько родовъ составляло *племя*, т. е. болѣе обширное цѣлое, общественное и политическое. Представителемъ племени былъ *князь — кънѧзь*, лицо возвысившееся какимъ бы то ни было образомъ надъ остальными родоначальниками, и часто сдѣлавшее свое достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Князь былъ верховнымъ судьей и войводой (вождемъ) своего племени или народа. Такихъ мелкихъ князей у балтійскихъ Славянъ было много. У *Велетовъ* въ самомъ началѣ ихъ исторіи—кромѣ мелкихъ князей—является и великій князь; великокняжеское достоинство было въ одномъ родѣ, но зависѣло отъ воли народа; народъ выбиралъ великаго князя по своему усмотрѣнію, обыкновенно старшаго въ родѣ, но иногда и младшаго, болѣе способнаго. Въ X вѣкѣ, однако, княжеская власть у Велетовъ упадаетъ; князья отступаютъ на задній планъ, а вся власть переходитъ къ самому народу, который на своихъ сходкахъ рѣшаетъ общественныя дѣла. Только подъ конецъ существованія Лютичей являются опять князья; такъ было именно у южныхъ племенъ брижанско-стодорскихъ. У *Бодричей*, кромѣ мелкихъ племенныхъ князей, былъ тоже великій князь; княжеская власть развилась здѣсь въ значительной степени, и бодричскіе князья попытались даже основать сильное государство по примѣру сосѣднихъ Нѣмцевъ и Датчанъ, какъ напр. Годескалькъ, Крутъ,

Генрихъ Годескальковичъ. У *Поморянъ* и соединенныхъ съ ними восточныхъ Лютичей тоже образовалась центральная власть въ лицѣ князя; поморскія общины пользовались значительнымъ самоуправленіемъ. *Ранскому* князю придавала особое значеніе находящаяся на островѣ святыня бога Свѧтовита.

Балтійскіе Славяне являются въ самомъ началѣ своей исторіи раздѣленными на высшія и низшія сословія. Первое мѣсто въ государственной и общественной жизни занимала шляхта, знать,— которая называлась вѣроятно *князьями*,—богатые землевладѣльцы,— дѣдичи, совѣтники, сановники и должностныя лица князя-государя. Остальное народонаселеніе жило въ городахъ и селахъ, не отличаясь, впрочемъ, въ юридическомъ отношеніи другъ отъ друга. Городъ или *гардъ* балтійскихъ Славянъ былъ первоначально укрѣпленное, огороженное мѣсто, мѣстопребываніе княжескихъ чиновниковъ, жреца, и—въ случаѣ войны—убѣжище окрестнаго народа; подъ гардомъ было иногда открытое *пригардіе* или *подгардіе* (позже *викъ*), населенное ремесленниками, торговцами и проч. Важными городами балтійскихъ Славянъ были Старгардъ, Любекъ, Дыминъ, Волынь, Щетинъ, Колобергъ и др. Города были главными мѣстами торговли внутренней и внѣшней; въ Волынь прибывали купцы нѣмецкіе и русскіе. Въ *весяхъ* (селахъ) жили *смарды* (*смерды*), поселяне подъ своими *старостами*; поселяне были люди лично свободные,— въ Поморьѣ они имѣли право носить копья, — но обремененные разными тяжелыми работами относительно государства и князя; они были подвержены круговой порукѣ, должны были нести всеобщую воинскую повинность, или какъ это называлось, „ополченіе славянскаго народа“, строить и поправлять города, дороги, мосты, платить подать (вѣроятно *порадлне*, т. е. подать по ралу) съ поземельной собственности, деньгами и натурой (*осепъ*, *восопъ*) и разныя пошлины, угощать и кормить путешествующаго и охотящагося князя и его чиновниковъ (*гоститва*, *нарѣзъ*), доставлять имъ подводы (*преводъ*) и другія разныя удобства, вообще—нести многочисленныя повинности по „праву славянскому“. Славяне какъ данники имперіи римской, платили подать деньгами и натурой императорамъ, герцогамъ-войводамъ (*войводницу*), маркграфамъ, графамъ; Поморяне были нѣкоторое время данниками польскихъ князей. Наконецъ,—послѣ введенія христіанства, — обязаны были платить и епископамъ-бископамъ или общую тогда десятину, или

особую славянскую, такъ-называемую *бископовницу* (бископницу), натурой и деньгами.

Кромѣ лично свободнаго народонаселенія были и люди несвободные, *невольники*, *рабы*, считавшіеся имуществомъ своихъ господъ. Рабы были большею частью плѣнники, и безпрерывныя, упорныя войны въ странахъ балтійскихъ и полабскихъ доставляли Славянамъ рабовъ нѣмецкихъ, датскихъ и славянскихъ; ибо и между собой воюющіе Славяне бросали своихъ плѣнниковъ въ тяжкую неволю. Съ другой стороны многочисленные плѣнники славянскіе наполняли базары Германіи и остальной западной Европы, такъ что тутъ названіе „Славянинъ“ приняло даже значеніе „склава“— раба. Кромѣ плѣнниковъ попадали въ неволю, на „подачу“, и неоплатные должники.

Средоточіемъ племени было укрѣпленное мѣсто, *гардъ* (городъ); если племя было побольше, то и у него было больше городовъ. Къ гарду принадлежалъ извѣстный округъ, извѣстная земля. Городъ былъ для окрестнаго народонаселенія средоточіемъ судебно-административнымъ, военнымъ и религіознымъ. Въ городѣ жилъ князь или его намѣстникъ (кастелянъ) и другіе должностныя лица; въ немъ была корчма, куда вносились подати, храмъ; въ городъ собирался народъ на сходки, на храмовые праздники, и стекался въ случаѣ опасности; повинность постройки, починки и защиты города лежала на окрестныхъ жителяхъ. На этомъ городовомъ устройствѣ основывался — послѣ возникновенія болѣе обширныхъ политическихъ цѣлыхъ, государствъ—государственный строй у балтійскихъ Славянъ. Въ этомъ строѣ не малое участіе принималъ и самъ народъ, преимущественно его высшія сословія—шляхта. Народъ сходился на *снемахъ* или *сеймахъ*, *вѣцахъ* (вѣчахъ), — такъ назывались, вѣроятно, эти общія сходки по примѣру Чеховъ, Сербовъ и Поляковъ,—и на нихъ, вмѣстѣ съ княземъ (у Лютичей же нѣкоторое время и безъ князя) совѣщался и рѣшалъ публичныя дѣла, о войнѣ и мирѣ, разныя судебныя дѣла, и пр.

Религія балтійскихъ Славянъ,—изъ-за которой они такъ упорно боролись,—основывалась, какъ и у остальныхъ Славянъ, на обожаніи природныхъ силъ. Но такъ какъ у балтійскихъ Славянъ старинныя вѣрованія сохранились до самаго паденія славянской независимости, то они успѣли развиться въ болѣе полную систему; природныя силы превратились въ божества, чтимыя въ видѣ кумировъ. Балтійскіе Славяне чтили одного наивысшаго бога, *Сварога* (т. е.

небо), отъ котораго происходили всѣ остальные боги, именно *Сварожичъ*, т. е. сынъ Сварога, солнце, носившее имя *Свѣтовитъ*, т. е. святый свѣтъ, *Бѣлбогъ*, бѣлый, свѣтлый богъ, *Триглавъ*, богъ трехглавый. Такъ какъ у балтійскихъ Славянъ война стала на первомъ планѣ, то и Свѣтовитъ, или—какъ у нѣкоторыхъ балтійскихъ Славянъ назывался — *Яровитъ*, принялъ характеръ бога войны; мирныя же занятія поручены *Радигостю*. Со временемъ развилось представленіе и о противоположномъ Бѣлбогу божествѣ, *Чернобогъ*, зломъ богѣ. Кажется, балтійскіе Славяне знали и другого Сварожича, огонь, именно небесный, молнію, *Перуна* или *Перена*. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ было множество частныхъ, мѣстныхъ боговъ; сохранились и остатки стихійнаго поклоненія священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, источникамъ. Богослуженіемъ завѣдывало особое сословіе жрецовъ въ многочисленныхъ храмахъ; главные храмы были въ Радигощѣ, Арконѣ и Щетинѣ.

Съ паденіемъ самостоятельности и старинной религіи славянской, произошелъ рѣшительный переворотъ въ дальнѣйшемъ развитіи балтійско-полабскихъ странъ. Германскій элементъ и христіанство восторжествовали въ странахъ по Лабѣ, Одрѣ и балтійскому морю: западные Бодричи, Вагры и Полабяне, южные Лютичи, Брижане и Стодоряне, подпали подъ непосредственную власть нѣмецкихъ господъ, герцога саксонскаго и маркграфа бранденбургскаго; князья восточныхъ Бодричей и сѣверовосточныхъ Лютичей, равнымъ образомъ и князья ранскій и поморскій, сдѣлались васалами герцога саксонскаго и короля датскаго. Маркграфы бранденбургскіе распространяли съ успѣхомъ предѣлы своихъ владѣній на востокъ, перешагнули наконецъ и Одру, и ворвались, такъ сказать, клиномъ среди Поморья и Польши, оторвавъ отъ нихъ много пограничныхъ земель.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XII вѣка, вѣковая борьба между Нѣмцами и западными Славянами, осѣдлыми между Лабой и Одрой, кончилась въ пользу первыхъ: вся сѣверозападная половина великаго западо-славянскаго племени Ляховъ очутилась либо подъ непосредственнымъ владычествомъ Нѣмцевъ, либо въ зависимости отъ вѣковаго, непримиримаго врага. Другая, юговосточная половина Ляховъ на верхней Одрѣ, по Вартѣ и по Вислѣ, сгруппировавшаяся около племени Полянъ въ Польшу,—не была уже

въ состояніи защитить своихъ сѣверозападныхъ братьевъ: время Болеслава Храбраго пропало навсегда.

Повсемѣстное введеніе *христіанства* сломало упорство балтійскихъ Славянъ. Христіанъ Славянъ уже не побуждала къ отчаянной борьбѣ святая станица — знамя ихъ національнаго божества Свѧтовита; они покорились кресту, подобно тому, какъ это сдѣлали нѣсколько столѣтій назадъ ихъ враги, Саксы и Норманы. Общая религія связала бывшихъ поклонниковъ Водена или Одина и Сварожича Свѧтовита въ одно духовное общество; по этой религіи они сдѣлались, или должны были сдѣлаться, братьями, любящими другъ друга.

Водвореніе христіанства въ балтійскихъ странахъ, повело за собой роковое для славянской народности послѣдствіе, именно *нѣмецкую колонизацію*, постепенное возвышеніе *элемента нѣмецкаго*, а упадокъ и наконецъ *гибель — славянскаго*.

Земли полабско-балтійскія были покрыты множествомъ лѣсовъ, озеръ и болотъ, и по этимъ физическимъ причинамъ не могли быть, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, густо заселены. Вслѣдствіе же безпрестанныхъ упорныхъ войнъ, особенно XII вѣка, земли эти значительно пострадали относительно обработанной почвы и народонаселенія. Много селъ и полей опустѣло, много людей погибло.

Новые господа полабско-балтійскихъ земель, Нѣмцы, духовные и свѣтскіе, стали въ нихъ вводить новые порядки. Съ нѣмецкимъ господиномъ прибыли его *васалы*, нѣмецкіе рыцари и кнапы, и получали въ новыхъ его владѣніяхъ земли, города и села, въ лены, по которымъ и стали называться. Въ ряды этихъ нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, вступила и оставшаяся въ тѣхъ земляхъ шляхта славянская; она принимала свои земли отъ государя въ лены, она принимала по этимъ своимъ ленамъ и свои названія, фамиліи. Такимъ образомъ, славянская шляхта съ теченіемъ времени расплылась въ массѣ нѣмецкой, отъ которой приняла наконецъ и языкъ. *Духовенство*, бѣлое и черное, съ самаго начала было нѣмецкое; лица славянскаго происхожденія были рѣдкимъ исключеніемъ. То же самое было и въ новыхъ *городахъ*, т. е. общинахъ, изъятыхъ изъ подъ земскаго права и пользующихся своимъ городскимъ правомъ. Такіе новые города (Чехи и Поляки ихъ называли *мѣста*, т. е. по нѣмецки stadt, stätte), возникали обыкновенно на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ; городъ (т. е. укрѣпленное мѣсто, замокъ) и открытое подгородіе соединены и расширены. Иногда

возникалъ городъ на мѣстѣ села, или наконецъ основанъ совсѣмъ вновь. Оттого нѣкоторые города продолжали называться по старому, по славянски, а другіе получили новыя, нѣмецкія названія. Въ такіе города приглашены мѣщане изъ разныхъ странъ, близкихъ и далекихъ городовъ и селъ, и имъ пожаловано или оставлено ихъ нѣмецкое городское право, которымъ они пользовались въ своей бывшей родинѣ. Городское право, распространившееся въ полабско-балтійскихъ странахъ, было именно право городовъ Любека, Магдебурга и Бранденбурга. Мѣщане были почти исключительно Нѣмцы, особенно Саксы; мѣщане славянскаго происхожденія составляютъ необыкновенно рѣдкое исключеніе. Если въ старыхъ городахъ оставалось славянское населеніе, то имъ отводимы были, какъ и жидамъ, особые кварталы, улицы (platea Slavorum, Wendenstrasse), или подгородныя предмѣстья, называемыя *хижъ* (kietz) или *вижъ*; ихъ жители подлежали суду княжескому, а не городскому.

Такъ было во всѣхъ славянскихъ земляхъ находившихся подъ непосредственнымъ господствомъ Нѣмцевъ, именно въ западо-бодричскихъ странахъ, въ владѣніяхъ герцога саксонскаго и его графовъ (гольштейнскаго, ратиборскаго, звѣринскаго, данненбергскаго) и въ южныхъ лютичскихъ странахъ Брижанъ и Стодорянъ, во владѣніяхъ маркграфа бранденбургскаго, по обоимъ берегамъ Лабы, по Гавелѣ и Одрѣ.

Такое же положеніе дѣлъ было однако и въ сѣверовосточной половинѣ балтійской Славянщизны, въ земляхъ восточныхъ Бодричей и Лютичей, Ранъ и Поморянъ, гдѣ остались свои славянскіе князья Никлотовичи, Крутовичи и Вартиславичи. Всѣ эти *княжескія династіи*, мекленбургская, ранская и померская, примкнувъ къ Германіи, съ удивительной легкостью поддались нѣмецкому вліянію; эти старинные роды славянскіе черезъ три поколѣнія онѣмечились до такой степени, что стали относиться враждебно къ своимъ подданнымъ славянскимъ, предпочитая имъ новыхъ пришельцовъ нѣмецкихъ. Такихъ пришельцовъ прибывало во владѣнія этихъ князей все больше и больше. Нѣмецкіе дворяне изъ далекихъ и близкихъ странъ, приходили ко двору тѣхъ сѣверославянскихъ князей, и получали отъ нихъ земли въ лены. Примѣръ германизующагося двора и все усиливающаяся масса нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, не остался безъ вліянія и на славянскую шляхту; она дѣлалась васалами князя, принимала по своимъ имѣніямъ и

ленамъ новыя названія, фамиліи, и наконецъ, приняла и нѣмецкій языкъ. „Славянинъ“ въ рядахъ балтійской шляхты былъ въ концѣ XIII вѣка уже рѣдкимъ исключеніемъ. *Духовенство* въ тѣхъ странахъ было тоже почти исключительно нѣмецкое. Новые *города* наполнялись Нѣмцами, призываемыми князьями ради финансовыхъ выгодъ, а Славянамъ отводились хызы или вики.

Такимъ образомъ, со времени покоренія и крещенія полабско-балтійскихъ Славянъ, нѣмецкій элементъ мало по малу присвоилъ себѣ всѣ ихъ высшія и среднія сословія, не только во владѣніяхъ саксонскихъ Вельфовъ и бранденбургскихъ Асканцевъ, но и въ княжествахъ славянскихъ родовъ, мекленбургскихъ Никлотовичей, ранскихъ Крутовичей и поморскихъ Вартиславичей. Въ половинѣ XIII вѣка всѣ эти три старинные роды славянскіе, и большинство оставшейся въ балтійскихъ странахъ славянской шляхты—можно считать уже онѣмеченными.

Рядомъ съ приливомъ нѣмецкаго дворянства, мѣщанства и духовенства, рядомъ съ германизаціей высшихъ сословій, княжескихъ родовъ и шляхты, съ устраиваніемъ нѣмецкихъ капитуловъ, монастырей и городовъ, шло громадное переселеніе крестьянъ нѣмецкихъ, особенно саксонскихъ, отчасти и нидерландскихъ, происходила стараніемъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, особенно же монастырей, *нѣмецкая колонизація* славянскихъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ *германизація славянскаго сельскаго народонаселенія*. Все это происходило наравнѣ и одновременно въ владѣніяхъ саксонско-бранденбургскихъ и въ княжествахъ балтійско-славянскихъ.

Нѣмецкая колонизація относилась во первыхъ къ незанятымъ, незаселеннымъ землямъ, особенно къ лѣсистой и болотистой почвѣ, которую надо было расчистить и высушить, и къ опустѣлымъ селамъ. Во вторыхъ, нѣмецкимъ колонистамъ отводились заселенныя уже мѣста, славянскія села и принадлежащіе къ нимъ поземельные участки. Такая колонизація производилась экспропріаціей коренныхъ жителей, за извѣстное вознагражденіе или даже безъ вознагражденія. Часть поземельной собственности принадлежавшей селу и самое село заняли новые колонисты, а славянскіе крестьяне должны были построить себѣ вблизи новое село; это новое село сохранило древнее названіе, но отличалось отъ „нѣмецкаго“ или „великаго“ прозвищемъ „славянское“ или „малое“. Иногда Славяне должны были уступать всѣ поля, и занимались въ своемъ селѣ (хызѣ) рыбацкимъ промысломъ; недостатокъ поземельной собствен-

ности, полей, не рѣдко — черта славянскаго села. Славяне тоже оставались въ своемъ селѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, иногда съ такимъ ограниченіемъ, что новая славянская колонизація воспрещалась; стало быть въ такомъ случаѣ, Славяне обречены были къ вымиранью. Наконецъ, встрѣчаются примѣры, что славянское населеніе заставляемо было уступать совсѣмъ свое село новымъ колонистамъ, или было просто прогоняемо. Разумѣется, что такія перемѣны, такое предпочтеніе чужого нѣмецкаго элемента и пренебреганіе мѣстнаго славянскаго населенія, возбуждало въ послѣднемъ вражду противъ новыхъ пришельцовъ, и повело ихъ къ столкновеніямъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка въ княжествѣ ранскомъ опасаются прогнанія нѣмецкихъ колонистовъ вытѣсненными Славянами, и одинъ епископъ звѣринскій жалуется, что онъ не въ состояніи вновь заселить село, по поводу наѣздовъ прогнанныхъ оттуда Славянъ.

Сама колонизація производилась такимъ образомъ, что землевладѣльцы продавали земли или селенія опытному въ колонизаціи человѣку; тотъ обязывался построить или преобразовать село, заселить его новыми колонистами или оставить прежнихъ жителей на извѣстныхъ условіяхъ; послѣ извѣстнаго срока возвращалось такимъ образомъ устроенное село владѣльцу. Основатель получалъ наслѣдственную должность сельскаго старосты, судьи или шульца, предсѣдателя сельскаго суда, извѣстную поземельную собственность и извѣстные доходы; крестьяне, наслѣдственные арендаторы, платили господину извѣстный оброкъ, деньгами и натурой. Такимъ образомъ устраивались селенія по праву нѣмецкому (jure teutonico), подлѣ существовавшихъ уже селеній по старому праву славянскому (jure slavico). Рядомъ съ такой нѣмецкой колонизаціей происходила и славянская колонизація. Заселяющимъ свои имѣнія, именно монастырямъ, прямо позволялось заселять ихъ Нѣмцами, Датчанами или Славянами; такіе колонисты жили по своему обычаю и праву, нѣмецкому, датскому или славянскому; только въ смѣшанныхъ селахъ, т. е. гдѣ жило также меньшинство другой народности, встрѣчаются постановленія, чтобъ такое меньшинство приноровлялось къ большинству. Славяне не были исключены даже изъ колонизаціи на правѣ нѣмецкомъ; колонизаторъ принималъ наравнѣ съ нѣмецкими колонистами и славянъ, которые были въ состоиніи исполнять требуемыя нѣмецкимъ правомъ обязанности; встрѣчаются даже шульцы Славяне. Наконецъ, Нѣмцы и Славяне

въ полабско-балтійскихъ земляхъ уравнены были именно такимъ образомъ, что и славянскимъ селамъ пожаловано нѣмецкое право. Послѣдніе слѣды славянскаго права въ тѣхъ странахъ исчезаютъ въ началѣ XIV вѣка.

Вмѣстѣ со всѣми этими перемѣнами сельскихъ отношеній происходила постепенная *германизація славянскаго народонаселенія.*

Главнымъ двигателемъ вѣковой упорной борьбы между Нѣмцами и балтійскими Славянами былъ, кромѣ національнаго антагонизма, религіозный фанатизмъ; религія стояла на первомъ, а національность на второмъ планѣ; во имя религіи помогаютъ даже христіанскіе Чехи и Поляки Нѣмцамъ противъ языческихъ своихъ соплеменниковъ. Какъ только исчезъ этотъ главный факторъ непримиримой вражды между Нѣмцами и Славянами, какъ только у послѣднихъ христіанство восторжествовало, то измѣнились и отношенія между обоими племенами. Славяне явились съ своимъ мягкимъ, податливымъ характеромъ подлѣ твердыхъ, неуступчивыхъ Нѣмцевъ, и болѣе сильный элементъ сталъ присвоивать себѣ, поглощать элементъ болѣе слабый.

Если славянское племя вообще отличается значительной долей податливости чужимъ вліяніямъ, подражательностью чужеземщинѣ или „чужебѣсіемъ“, какъ выражался одинъ славистъ XVII вѣка то эта черта является въ особенной силѣ у балтійскихъ Ляховъ, которыхъ уже нѣмецкій лѣтописецъ XII вѣка, Гельмольдъ, называетъ „племенемъ всегда непостояннымъ и подвижнымъ“ (genus vagum semper et mobile). Какъ только пала преграда отдѣлявшая Нѣмцевъ и Славянъ, т. е. религія, то послѣдніе, такъ сказать, торопятся воспользоваться новыми отношеніями и примкнуть къ нѣмечинѣ. Кто же велѣлъ славянскимъ династіямъ Никлотовичей, Крутовичей и Вартиславичей онѣмечиться такъ рано? Вѣдь уже внуки Никлота, Тетислава, Казиміра и ихъ сподвижниковъ—этихъ храбрыхъ защитниковъ славянской старины,— принимаютъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе обычаи, поддерживаютъ нѣмецкую колонизацію своихъ земель, и вообще благопріятствуютъ распространенію нѣмецкаго элемента въ ущербъ славянскому. Финансовыя соображенія, т. е. увеличеніе доходовъ княжеской казны вслѣдствіе нѣмецкой колонизаціи, не могли бы произвести такого рѣшительнаго переворота въ славянскихъ князьяхъ, еслибъ у нихъ не было той необузданной славянской страсти къ новизнамъ. Такая же склонность къ чужеземщинѣ замѣтна и въ славянской шляхтѣ и въ на-

небо), отъ котораго происходили всѣ остальные боги, именно *Сварожичъ*, т. е. сынъ Сварога, солнце, носившее имя *Свѣтовитъ*, т. е. святый свѣтъ, *Бѣлбогъ*, бѣлый, свѣтлый богъ, *Триглавъ*, богъ трехглавый. Такъ какъ у балтійскихъ Славянъ война стала на первомъ планѣ, то и Свѣтовитъ, или—какъ у нѣкоторыхъ балтійскихъ Славянъ назывался — *Яровитъ*, принялъ характеръ бога войны; мирныя же занятія поручены *Радигостю*. Со временемъ развилось представленіе и о противоположномъ Бѣлбогу божествѣ, *Чернобогѣ*, зломъ богѣ. Кажется, балтійскіе Славяне знали и другого Сварожича, огонь, именно небесный, молнію, *Перуна* или *Перена*. Кромѣ этихъ главныхъ божествъ было множество частныхъ, мѣстныхъ боговъ; сохранились и остатки стихійнаго поклоненія священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, источникамъ. Богослуженіемъ завѣдывало особое сословіе жрецовъ въ многочисленныхъ храмахъ; главные храмы были въ Радигощѣ, Арконѣ и Щетинѣ.

Съ паденіемъ самостоятельности и старинной религіи славянской, произошелъ рѣшительный переворотъ въ дальнѣйшемъ развитіи балтійско-полабскихъ странъ. Германскій элементъ и христіанство восторжествовали въ странахъ по Лабѣ, Одрѣ и балтійскому морю: западные Бодричи, Вагры и Полабяне, южные Лютичи, Брижане и Стодоряне, подпали подъ непосредственную власть нѣмецкихъ господъ, герцога саксонскаго и маркграфа бранденбургскаго; князья восточныхъ Бодричей и сѣверовосточныхъ Лютичей, равнымъ образомъ и князья ранскій и поморскій, сдѣлались васалами герцога саксонскаго и короля датскаго. Маркграфы бранденбургскіе распространяли съ успѣхомъ предѣлы своихъ владѣній на востокъ, перешагнули наконецъ и Одру, и ворвались, такъ сказать, клиномъ среди Поморья и Польши, оторвавъ отъ нихъ много пограничныхъ земель.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ XII вѣка, вѣковая борьба между Нѣмцами и западными Славянами, осѣдлыми между Лабой и Одрой, кончилась въ пользу первыхъ: вся сѣверозападная половина великаго западо-славянскаго племени Ляховъ очутилась либо подъ непосредственнымъ владычествомъ Нѣмцевъ, либо въ зависимости отъ вѣковаго, непримиримаго врага. Другая, юговосточная половина Ляховъ на верхней Одрѣ, по Вартѣ и по Вислѣ, сгруппировавшаяся около племени Полянъ въ Польшу,—не была уже

въ состояніи защитить своихъ сѣверозападныхъ братьевъ: время Болеслава Храбраго пропало навсегда.

Повсемѣстное введеніе *христіанства* сломало упорство балтійскихъ Славянъ. Христіанъ Славянъ уже не побуждала къ отчаянной борьбѣ святая станица — знамя ихъ національнаго божества Свѧтовита; они покорились кресту, подобно тому, какъ это сдѣлали нѣсколько столѣтій назадъ ихъ враги, Саксы и Норманы. Общая религія связала бывшихъ поклонниковъ Водена или Одина и Сварожича Свѧтовита въ одно духовное общество; по этой религіи они сдѣлались, или должны были сдѣлаться, братьями, любящими другъ друга.

Водвореніе христіанства въ балтійскихъ странахъ, повело за собой роковое для славянской народности послѣдствіе, именно *нѣмецкую колонизацію*, постепенное возвышеніе *элемента нѣмецкаго*, а упадокъ и наконецъ *гибель — славянскаго*.

Земли полабско-балтійскія были покрыты множествомъ лѣсовъ, озеръ и болотъ, и по этимъ физическимъ причинамъ не могли быть, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, густо заселены. Вслѣдствіе же безпрестанныхъ упорныхъ войнъ, особенно XII вѣка, земли эти значительно пострадали относительно обработанной почвы и народонаселенія. Много селъ и полей опустѣло, много людей погибло.

Новые господа полабско-балтійскихъ земель, Нѣмцы, духовные и свѣтскіе, стали въ нихъ вводить новые порядки. Съ нѣмецкимъ господиномъ прибыли его *васалы*, нѣмецкіе рыцари и кнапы, и получали въ новыхъ его владѣніяхъ земли, города и села, въ лены, по которымъ и стали называться. Въ ряды этихъ нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, вступила и оставшаяся въ тѣхъ земляхъ шляхта славянская; она принимала свои земли отъ государя въ лены, она принимала по этимъ своимъ ленамъ и свои названія, фамиліи. Такимъ образомъ, славянская шляхта съ теченіемъ времени расплылась въ массѣ нѣмецкой, отъ которой приняла наконецъ и языкъ. *Духовенство*, бѣлое и черное, съ самаго начала было нѣмецкое; лица славянскаго происхожденія были рѣдкимъ исключеніемъ. То же самое было и въ новыхъ *городахъ*, т. е. общинахъ, изъятыхъ изъ подъ земскаго права и пользующихся своимъ городскимъ правомъ. Такіе новые города (Чехи и Поляки ихъ называли *мѣста*, т. е. по нѣмецки stadt, stätte), возникали обыкновенно на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ; городъ (т. е. укрѣпленное мѣсто, замокъ) и открытое подгородіе соединены и расширены. Иногда

возникалъ городъ на мѣстѣ села, или наконецъ основанъ совсѣмъ вновь. Оттого нѣкоторые города продолжали называться по старому, по славянски, а другіе получили новыя, нѣмецкія названія. Въ такіе города приглашены мѣщане изъ разныхъ странъ, близкихъ и далекихъ городовъ и селъ, и имъ пожаловано или оставлено ихъ нѣмецкое городское право, которымъ они пользовались въ своей бывшей родинѣ. Городское право, распространившееся въ полабско-балтійскихъ странахъ, было именно право городовъ Любека, Магдебурга и Бранденбурга. Мѣщане были почти исключительно Нѣмцы, особенно Саксы; мѣщане славянскаго происхожденія составляютъ необыкновенно рѣдкое исключеніе. Если въ старыхъ городахъ оставалось славянское населеніе, то имъ отводимы были, какъ и жидамъ, особые кварталы, улицы (platea Slavorum, Wendenstrasse), или подгородныя предмѣстья, называемыя *хизъ* (kietz) или *викъ*; ихъ жители подлежали суду княжескому, а не городскому.

Такъ было во всѣхъ славянскихъ земляхъ находившихся подъ непосредственнымъ господствомъ Нѣмцевъ, именно въ западо-бодричскихъ странахъ, въ владѣніяхъ герцога саксонскаго и его графовъ (гольштейнскаго, ратиборскаго, звѣринскаго, данненбергскаго) и въ южныхъ лютичскихъ странахъ Брижанъ и Стодорянъ, во владѣніяхъ маркграфа бранденбургскаго, по обоимъ берегамъ Лабы, по Гаволѣ и Одрѣ.

Такое же положеніе дѣлъ было однако и въ сѣверовосточной половинѣ балтійской Славянщизны, въ земляхъ восточныхъ Бодричей и Лютичей, Ранъ и Поморянъ, гдѣ остались свои славянскіе князья Никлотовичи, Крутовичи и Вартиславичи. Всѣ эти *княжескія династіи*, мекленбургская, ранская и поморская, примкнувъ къ Германіи, съ удивительной легкостью поддались нѣмецкому вліянію; эти старинные роды славянскіе черезъ три поколѣнія онѣмечились до такой степени, что стали относиться враждебно къ своимъ подданнымъ славянскимъ, предпочитая имъ новыхъ пришельцовъ нѣмецкихъ. Такихъ пришельцовъ прибывало во владѣнія этихъ князей все больше и больше. Нѣмецкіе дворяне изъ далекихъ и близкихъ странъ, приходили ко двору тѣхъ сѣверославянскихъ князей, и получали отъ нихъ земли въ лены. Примѣръ германизующагося двора и все усиливающаяся масса нѣмецкихъ дворянъ-васаловъ, не остался безъ вліянія и на славянскую шляхту; она дѣлалась васалами князя, принимала по своимъ имѣніямъ и

ленамъ новыя названія, фамиліи, и наконецъ, приняла и нѣмецкій языкъ. „Славянинъ“ въ рядахъ балтійской шляхты былъ въ концѣ XIII вѣка уже рѣдкимъ исключеніемъ. *Духовенство* въ тѣхъ странахъ было тоже почти исключительно нѣмецкое. Новые *города* наполнялись Нѣмцами, призываемыми князьями ради финансовыхъ выгодъ, а Славянамъ отводились хызы или вики.

Такимъ образомъ, со времени покоренія и крещенія полабско-балтійскихъ Славянъ, нѣмецкій элементъ мало по малу присвоилъ себѣ всѣ ихъ высшія и среднія сословія, не только во владѣніяхъ саксонскихъ Вельфовъ и бранденбургскихъ Асканцевъ, но и въ княжествахъ славянскихъ родовъ, мекленбургскихъ Никлотовичей, ранскихъ Крутовичей и поморскихъ Вартиславичей. Въ половинѣ XIII вѣка всѣ эти три старинные роды славянскіе, и большинство оставшейся въ балтійскихъ странахъ славянской шляхты—можно считать уже онѣмеченными.

Рядомъ съ приливомъ нѣмецкаго дворянства, мѣщанства и духовенства, рядомъ съ германизаціей высшихъ сословій, княжескихъ родовъ и шляхты, съ устраиваніемъ нѣмецкихъ капитуловъ, монастырей и городовъ, шло громадное переселеніе крестьянъ нѣмецкихъ, особенно саксонскихъ, отчасти и нидерландскихъ, происходила стараніемъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, особенно же монастырей, *нѣмецкая колонизація* славянскихъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ *германизація славянскаго сельскаго народонаселенія*. Все это происходило наравнѣ и одновременно въ владѣніяхъ саксонско-бранденбургскихъ и въ княжествахъ балтійско-славянскихъ.

Нѣмецкая колонизація относилась во первыхъ къ незанятымъ, незаселеннымъ землямъ, особенно къ лѣсистой и болотистой почвѣ, которую надо было расчистить и высушить, и къ опустѣлымъ селамъ. Во вторыхъ, нѣмецкимъ колонистамъ отводились заселенныя уже мѣста, славянскія села и принадлежащіе къ нимъ поземельные участки. Такая колонизація производилась экспропріаціей коренныхъ жителей, за извѣстное вознагражденіе или даже безъ вознагражденія. Часть поземельной собственности принадлежавшей селу и самое село заняли новые колонисты, а славянскіе крестьяне должны были построить себѣ вблизи новое село; это новое село сохранило древнее названіе, но отличалось отъ „нѣмецкаго“ или „великаго“ прозвищемъ „славянское“ или „малое“. Иногда Славяне должны были уступать всѣ поля, и занимались въ своемъ селѣ (хызѣ) рыбацкимъ промысломъ; недостатокъ поземельной собствен-

ности, полей, не рѣдко — черта славянскаго села. Славяне тоже оставались въ своемъ селѣ вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, иногда съ такимъ ограниченіемъ, что новая славянская колонизація воспрещалась; стало быть въ такомъ случаѣ, Славяне обречены были къ вымиранью. Наконецъ, встрѣчаются примѣры, что славянское населеніе заставляемо было уступать совсѣмъ свое село новымъ колонистамъ, или было просто прогоняемо. Разумѣется, что такія перемѣны, такое предпочтеніе чужого нѣмецкаго элемента и пренебреганіе мѣстнаго славянскаго населенія, возбуждало въ послѣднемъ вражду противъ новыхъ пришельцовъ, и повело ихъ къ столкновеніямъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка въ княжествѣ ранскомъ опасаются прогнанія нѣмецкихъ колонистовъ вытѣсненными Славянами, и одинъ епископъ звѣринскій жалуется, что онъ не въ состояніи вновь заселить село, по поводу наѣздовъ прогнанныхъ оттуда Славянъ.

Сама колонизація производилась такимъ образомъ, что землевладѣльцы продавали земли или селенія опытному въ колонизаціи человѣку; тотъ обязывался построить или преобразовать село, заселить его новыми колонистами или оставить прежнихъ жителей на извѣстныхъ условіяхъ; послѣ извѣстнаго срока возвращалось такимъ образомъ устроенное село владѣльцу. Основатель получалъ наслѣдственную должность сельскаго старосты, судьи или шульца, предсѣдателя сельскаго суда, извѣстную поземельную собственность и извѣстные доходы; крестьяне, наслѣдственные арендаторы, платили господину извѣстный оброкъ, деньгами и натурой. Такимъ образомъ устраивались селенія по праву нѣмецкому (jure teutonico), подлѣ существовавшихъ уже селеній по старому праву славянскому (jure slavico). Рядомъ съ такой нѣмецкой колонизаціей происходила и славянская колонизація. Заселяющимъ свои имѣнія, именно монастырямъ, прямо позволялось заселять ихъ Нѣмцами, Датчанами или Славянами; такіе колонисты жили по своему обычаю и праву, нѣмецкому, датскому или славянскому; только въ смѣшанныхъ селахъ, т. е. гдѣ жило также меньшинство другой народности, встрѣчаются постановленія, чтобъ такое меньшинство приноровлялось къ большинству. Славяне не были исключены даже изъ колонизаціи на правѣ нѣмецкомъ; колонизаторъ принималъ наравнѣ съ нѣмецкими колонистами и славянъ, которые были въ состоиніи исполнять требуемыя нѣмецкимъ правомъ обязанности; встрѣчаются даже шульцы Славяне. Наконецъ, Нѣмцы и Славяне

въ полабско-балтійскихъ земляхъ уравнены были именно такимъ образомъ, что и славянскимъ селамъ пожаловано нѣмецкое право. Послѣдніе слѣды славянскаго права въ тѣхъ странахъ исчезаютъ въ началѣ XIV вѣка.

Вмѣстѣ со всѣми этими перемѣнами сельскихъ отношеній происходила постепенная *германизація славянскаго народонаселенія.*

Главнымъ двигателемъ вѣковой упорной борьбы между Нѣмцами и балтійскими Славянами былъ, кромѣ національнаго антагонизма, религіозный фанатизмъ; религія стояла на первомъ, а національность на второмъ планѣ; во имя религіи помогаютъ даже христіанскіе Чехи и Поляки Нѣмцамъ противъ языческихъ своихъ соплеменниковъ. Какъ только исчезъ этотъ главный факторъ непримиримой вражды между Нѣмцами и Славянами, какъ только у послѣднихъ христіанство восторжествовало, то измѣнились и отношенія между обоими племенами. Славяне явились съ своимъ мягкимъ, податливымъ характеромъ подлѣ твердыхъ, неуступчивыхъ Нѣмцевъ, и болѣе сильный элементъ сталъ присвоивать себѣ, поглощать элементъ болѣе слабый.

Если славянское племя вообще отличается значительной долей податливости чужимъ вліяніямъ, подражательностью чужеземщинѣ или „чужебѣсіемъ“, какъ выражался одинъ славистъ XVII вѣка то эта черта является въ особенной силѣ у балтійскихъ Ляховъ, которыхъ уже нѣмецкій лѣтописецъ XII вѣка, Гельмольдъ, называетъ „племенемъ всегда непостояннымъ и подвижнымъ“ (genus vagum semper et mobile). Какъ только пала преграда отдѣлявшая Нѣмцевъ и Славянъ, т. е. религія, то послѣдніе, такъ сказать, торопятся воспользоваться новыми отношеніями и примкнуть къ нѣмечинѣ. Кто же велѣлъ славянскимъ династіямъ Никлотовичей, Крутовичей и Вартиславичей онѣмечиться такъ рано? Вѣдь уже внуки Никлота, Тетислава, Казиміра и ихъ сподвижниковъ—этихъ храбрыхъ защитниковъ славянской старины,— принимаютъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкіе обычаи, поддерживаютъ нѣмецкую колонизацію своихъ земель, и вообще благопріятствуютъ распространенію нѣмецкаго элемента въ ущербъ славянскому. Финансовыя соображенія, т. е. увеличеніе доходовъ княжеской казны вслѣдствіе нѣмецкой колонизаціи, не могли бы произвести такого рѣшительнаго переворота въ славянскихъ князьяхъ, еслибъ у нихъ не было той необузданной славянской страсти къ новизнамъ. Такая же склонность къ чужеземщинѣ замѣтна и въ славянской шляхтѣ и въ на-

родной массѣ. Послѣдняя, со второй половины XIII вѣка была окружена со всѣхъ сторонъ Нѣмцами; господа, герцоги, князья, маркграфы, графы, дворяне, высшіе и низшіе, епископы, каноники, монахи и другіе священники, мѣщане—всѣ были Нѣмцы или онѣмеченные Славяне; около славянскаго сельскаго народонаселенія возникало все больше и больше нѣмецкихъ селъ, да нѣмецкіе шульцы и колонисты поселялись и среди славянскаго населенія. Славянскій простолюдинъ слышалъ въ городѣ, въ замкѣ, въ церкви и школѣ, отъ своихъ учителей-священниковъ, наконецъ и отъ своихъ сожителей-крестьянъ, только нѣмецкій говоръ. Нѣмецкій языкъ сталъ все больше и больше вліять на славянское нарѣчіе, которое, будучи достояніемъ одного только простого народа, не сдѣлалось, подобно языкамъ латинскому и нѣмецкому, литературнымъ языкомъ. Нѣмецкое вліяніе коснулось во первыхъ формальной, лексикальной стороны славянскаго языка, который принялъ множество чужихъ словъ; дальше оно коснулось и матеріальной стороны языка, его граматическаго и синтаксическаго строя, такъ что подъ конецъ славянскій языкъ представлялъ какую-то изувѣченную, безобразную массу, пропитанную насквозь нѣмецкимъ духомъ. На родномъ языкѣ говорили по большей части старики, а молодежь стала его забывать и предпочитать языкъ своихъ господъ и учителей.

Наглядный примѣръ такой германизаціи, такого упадка и гибели славянскаго языка и его постепенной замѣны нѣмецкимъ — представляетъ самый западный уголокъ полабско балтійской Славянщизны, на лѣвомъ берегу нижней Лабы, гдѣ въ степяхъ и лѣсахъ люнебургскихъ сохранились Славяне до самаго начала XVIII вѣка, довольно не смѣшанные; даже до сихъ поръ потомки этихъ Славянъ гордо называютъ себя „Вендами“ и не охотно смѣшиваются съ окрестными „Нѣмцами“ [1]). Тоже самое происходило несомнѣнно и въ остальныхъ странахъ балтійской Славянщизны, тѣмъ скорѣе, что эта Славянщизна была прорѣзана многочисленными нѣмецкими колоніями. Какъ быстро онѣмечились всѣ эти Славяне, видно изъ того, что кончина послѣднихъ двухъ людей, говорившихъ на Ранѣ по славянски, записана даже въ ранско-поморскихъ лѣтописяхъ: такимъ необыкновеннымъ явленіемъ были здѣсь говорящіе по славянски люди въ началѣ XV вѣка!

Процесъ германизаціи массы полабско-балтійскихъ Славянъ начавшійся съ половины XIII-го вѣка, продолжался въ теченіи

[1]) Подробный очеркъ этой германизаціи люнебургскихъ Славянъ см. ниже.

XIV-го и кончился въ XV-мъ; въ концѣ XIV-го и въ первой половинѣ XV-го вѣка встрѣчаются между Лабой и Одрой уже очень немногіе Славяне въ нѣкоторыхъ предмѣстьяхъ и рыбацкихъ селахъ. Только на нижней Лабѣ Славяне сохранились, какъ уже сказано, дольше: въ юго-западномъ уголкѣ Мекленбурга до начала XVI-го, а за Лабой въ Люнебургѣ до начала XVIII-го вѣка; наконецъ уцѣлѣли жалкіе остатки поморскихъ Славянъ, Словинцы и Кашубы, проживая въ самомъ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Помераніи свои послѣдніе дни. Они, наравнѣ съ другими племенами ляшскихъ Славянъ, включенными въ составъ Германіи, Слензанами, Полянами, Поморянами и Мазурами, исчезаютъ подъ давленіемъ нѣмецко-прусской администраціи, школы и церкви и колонизаціи. Происходящій теперь въ восточныхъ окраинахъ Германіи процесъ германизаціи объясняетъ такой же процесъ происходившій, подъ давленіемъ господствующихъ сословій, нѣсколько столѣтій тому назадъ между Лабой и Одрой [1]).

Перевороту происшедшему въ полабско-балтійской Славянщизнѣ въ теченіи одного столѣтія (1200—1300), способствовали и тѣ важныя обстоятельства, что тѣ Славяне не выработали высшей самостоятельной *образованности*, что они рано лишились *политической независимости*, и что у нихъ не образовалось *большое сильное государство*. Нѣмцы всѣхъ сословій прибывающіе въ полабско-балтійскія страны въ значительномъ количествѣ, не могли исчезнуть въ массѣ славянской, не могли къ ней приноровиться; Славянъ было относительно мало, и степень ихъ образованности, ихъ культура не была такая, чтобъ она присвоила себѣ чужой элементъ нѣмецкій, какъ это случилось напр. въ романскихъ странахъ съ германскими варварами. Напротивъ, Нѣмцы прибывали на востокъ съ той европейской цивилизаціей, какъ она развилась въ западной Европѣ на основаніи древнеримской образованности и христіанства. Эту же римско-христіанскую культуру Славяне — по извѣстнымъ причинамъ — упорно отвергали, а между тѣмъ сами не выработали собственной, равносильной культуры, которая бы могла съ успѣхомъ бороться съ новой культурой. Балтійскіе Славяне конечно не были дикари; земледѣліе, торговля, разныя ремесла, военное дѣло и пр. у нихъ процвѣтали не меньше, чѣмъ въ сѣверной Германіи, такъ что это поражало самихъ нѣмецкихъ мисіоне-

[1]) Срв. Beheim-Schwarzbach: Hohenzollernsche colonisationen (Leipzig 1874).

ровъ. Языческіе Славяне нисколько не стояли ниже языческихъ Нѣмцевъ; тѣ и другіе были только относительно, въ сравненіи съ болѣе образованными странами романскими „варвары“. Нѣмцы, принявъ крещеніе раньше чѣмъ Славяне, раньше и вошли въ кругъ тогдашняго образованнаго міра, между тѣмъ какъ Славяне продолжали жить по старому; высшая духовная сторона ихъ культуры была слабѣе принесенной къ нимъ Нѣмцами римско-христіанской образованности, и слѣдовательно должна была уступить послѣдней. Балтійскіе Славяне покорились римско-христіанской культурѣ, какъ это сдѣлали раньше и всѣ Германцы и остальные Славяне. Нѣмцы были относительно западныхъ Славянъ только ближайшіе представители этой христіанско-европейской цивилизаціи, а не ея виновники или изобрѣтатели, и слѣдовательно не могли и распространять между западными Славянами какой-то особой нѣмецкой культуры.

Что принятіе христіанско-римской образованности посредствомъ Нѣмцевъ, и принятіе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учрежденій Славянами не всегда влекло за собой гибель послѣднихъ, видно лучше всего у ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ полабско-балтійскихъ Славянъ, Чеховъ и Поляковъ. И эти Славяне вошли въ кругъ римско-христіанской цивилизаціи, приняли многіе нѣмецкіе порядки, а всетаки не онѣмечились. И въ Чехіи и въ Польшѣ нѣмецкій элементъ сильно распространился при дворѣ княжескомъ, въ духовенствѣ, въ городахъ и селахъ; нѣмецкое право водворилось въ городахъ и селахъ, ленное право между шляхтой (въ Чехіи); многіе Премысловичи и Пястовичи (силезскіе) благопріятствовали нѣмецкимъ порядкамъ, чешскій король Вячеславъ и силезскій князь Генрихъ „der milde furste“ блестятъ на нѣмецкомъ Парнасѣ. Но не смотря на это сильное вліяніе и распространеніе нѣмецкаго элемента у Чеховъ и Поляковъ, оба эти западославянскіе народы не онѣмечились (кромѣ нижнихъ Слѧзанъ), а остались Славянами. У обоихъ рано образовались не мимолетно, а на продолжительное время сильныя независимыя государства. Притязанія Нѣмцевъ на Польшу рано прекратились; если чешскій государь и вступилъ въ извѣстную зависимость отъ римско-нѣмецкаго императора—короля, то эта зависимость нисколько не мѣшала его суверенитету. Политическая независимость поддерживала у Чеховъ и Поляковъ національное сознаніе, національную гордость. Главный представитель и участ-

никъ государственной жизни чешской и польской, *шляхта*, вовсе не пошла по слѣдамъ шляхты бодричской, лютичской и поморской. Польская шляхта вообще мало поддалась нѣмецкому вліянію; чешская шляхта принимала разные нѣмецкіе обычаи, гербы, фамиліи и пр., дѣлалась васалами своего короля — но она не онѣмечилась, а защищала свою національность противъ внѣшнихъ и внутреннихъ Нѣмцевъ мечемъ и перомъ; земское право польское и чешское не уступило нѣмецкому, а продолжало господствовать и развиваться, благодаря дѣятельности польской и чешской шляхты на вѣчахъ и снемахъ. Раннее образованіе сильныхъ государствъ и принятіе римско-христіанской цивилизаціи, политическая независимость и проистекающая изъ того сила національнаго сознанія— вотъ что спасло Поляковъ и Чеховъ отъ судьбы полабско-балтійскихъ Славянъ.

Бо́льшая половина этихъ Славянъ, западные Бодричи и южные Лютичи, подпали рано, въ XII вѣкѣ, подъ непосредственную власть чужеземцевъ и вѣковыхъ національныхъ враговъ, и тѣмъ самымъ обречены были на неминуемую гибель. Народъ, который лишенъ политической независимости, который не имѣетъ участія въ своемъ управленіи и не можетъ уже надѣяться добиться такого участія,— такой народъ уже пропалъ, и его гибель составляетъ только вопросъ времени. Въ такомъ положеніи были Славяне подпавшіе подъ власть саксонскую и бранденбургскую. Но въ такомъ же самомъ положеніи очутились вскорѣ и другіе балтійскіе Славяне, восточные Бодричи, сѣверные Лютичи и Поморяне, какъ только онѣмечились у нихъ господствующія сословія, князья и шляхта. И онѣмечились они, какъ уже сказано, скоро. Малыя княжества мекленбургскія и ранское и поморское остались и малыми, и въ зависимости отъ Германіи и Даніи, а не образовали одного политическаго цѣлаго, одного государства. Князья поморскіе, которые еще по смерти Никлота давали убѣжище его сыновьямъ, сами скоро должны были примкнуть къ Германіи, кромѣ того уступить нѣкоторыя западныя и южныя земли мекленбургскимъ князьямъ и бранденбургскимъ маркграфамъ. Этому отчужденію поморскихъ князей Польша уже помѣшать не могла, и зависимость Поморья отъ Польши скоро прекратилась. Уже сынъ покорителя княжества поморско-лютичскаго, Болеслава III, Болеславъ IV, долженъ былъ самъ покориться императору римско-нѣмецкому на польской землѣ, и его преемникамъ не удалось даже сохранить цѣлость отчины

Пястовичей. Когда же Польша окрѣпла, то водвореніе польскаго вліянія въ онѣмеченномъ западномъ Поморьѣ было невозможно; съ трудомъ возобновлено польское господство въ одномъ только восточномъ Поморьѣ. Сѣверовосточные Бодричи и Лютичи и Поморяне, раздробленные на малыя княжества, неподдерживаемые Польшей, скоро пошли по слѣдамъ своихъ западныхъ и южныхъ братьевъ въ владѣніяхъ саксонскихъ и бранденбургскихъ, и онѣмечились. Этотъ процесъ германизаціи можно, какъ уже выше сказано, считать конченнымъ въ XIV вѣкѣ; уцѣлѣвшіе тогда еще остатки Славянъ доживали только свое время.

Таково, по нашему мнѣнію, развитіе событій въ полабско-балтійскихъ земляхъ съ конца XII до XIV вѣка. Онѣмеченіе этихъ странъ поражаетъ лишь быстротою, съ какою оно совершилось, а самый фактъ по себѣ не удивителенъ. Нѣтъ никакой надобности приписывать быстрое онѣмеченіе разнымъ болѣе и менѣе невѣроятнымъ причинамъ. Къ таковымъ принадлежитъ именно теорія о нѣмецкихъ подданныхъ и славянскихъ господахъ въ земляхъ между Лабой и Одрой; простой народъ будто бы остался съ незапамятныхъ временъ нѣмецкимъ, покоренъ позже завоевательными Славянами, и находился въ подданствѣ славянскихъ князей и шляхты; господствующее сословіе будто бы придало тѣмъ странамъ и ихъ исторіи славянскій характеръ, выдумало даже разныя географическія названія на своемъ официальномъ славянскомъ языкѣ, и пр. Когда же залабскіе Нѣмцы покорили тѣ страны и высшія сословія прогнаны или онѣмечились, то нѣмецкій элементъ будто опять всплылъ на верхъ и вскорѣ придалъ тѣмъ странамъ нѣмецкій характеръ. Такимъ образомъ объясняется, правда, весь процесъ германизаціи очень просто и легко, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легкомысленно. Эта теорія не основывается на положительныхъ современныхъ извѣстіяхъ, которыя упорно молчатъ о какихъ-то нѣмецкихъ подданныхъ и славянскихъ господахъ у Бодричей, Лютичей и Поморянъ; напротивъ, всѣ эти современныя извѣстія, лѣтописи и грамоты, знаютъ въ полабско-балтійскихъ земляхъ до XII вѣка однихъ только Славянъ, князей, шляхту и простой народъ. Теорія о „нѣмецкихъ подданныхъ“ и „славянскихъ господахъ“, о „германскихъ“ и „славянскихъ“ Лютичахъ оказалась неосновательной и не принялась въ исторической наукѣ [1]).

[1]) Эту теорію защищали особенно Фабриціусъ и Гизебрехтъ. Срв. при-

Не менѣе неосновательно мнѣніе о повальномъ изгнаніи и даже истребленіи Славянъ Нѣмцами побѣдителями. При громадной нѣмецкой колонизаціи полабско-балтійскихъ странъ, поддерживаемой не только господами нѣмецкими но и славянскими, случались нѣкоторыя несправедливости, напр. славянскіе поселяне должны были часто уступать новымъ колонистамъ. Но повальное изгнаніе славянскихъ подданныхъ изъ не очень густо заселенныхъ странъ не могло нисколько лежать въ интересахъ господъ даже нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ. Нѣмецкая колонизація въ селахъ и городахъ приносила господамъ больше доходовъ; но не всегда и не вездѣ можно было производить такую колонизацію, а надо было довольствоваться доходами отъ Славянъ. Нѣмецкіе или онѣмеченные господа, конечно, предпочитали нѣмецкихъ колонистовъ, руководясь не только финансовыми видами, но также національными симпатіями, но національныя антипатіи не повели еще къ пренебреженію славянскими колонистами. Мнѣніе о повальномъ изгнаніи Славянъ Нѣмцами не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ.

Національный антагонизмъ между Нѣмцами и Славянами заявился сильнѣе всего въ городахъ, съ самаго начала почти исключительно нѣмецкихъ. Но и здѣсь встрѣчаются хотя изрѣдка отдѣльныя лица славянскаго происхожденія въ рядахъ мѣщанъ, да и въ цехахъ разныхъ ремесленниковъ; прямо, по закону, Славяне съ начала еще не исключались изъ городскаго сословія, какъ видно изъ разныхъ статутовъ городскихъ и цеховыхъ XIII и XIV вѣковъ [1]). Только съ XV вѣка встрѣчаются прямыя постановленія, исключающія Славянъ изъ права мѣщанскаго и изъ почтенныхъ цеховъ. Очень можетъ быть, что на такія строгія мѣры повліяло и гуситское движеніе по поводу своего анти-нѣмецкаго и панславистскаго направленія. Не забудемъ, что гуситское движеніе разомъ сломало почти двухсотлѣтній перевѣсъ нѣмецкаго элемента въ чешскихъ городахъ, явно проповѣдывало соединеніе Чехіи съ великимъ государствомъ восточно-славянскимъ, съ Польшей и соединенной съ ней Литвой и Русью, и нанесло страшный погромъ всей Германіи. Понятно, что Нѣмцы еще сильнѣе возненавидѣли

мѣчанія Козегартена въ Codex diplom. Pomeraniae p. 316, и статью Болла въ Jahrbücher für meklenburg. geschichte IX.

[1]) На сколько знаемъ, только анклямскіе купцы (krämer) исключаютъ уже въ XIV в. (1330 г.) изъ своей среды Славянъ, но наравнѣ съ ними и Датчанъ и Шотландцевъ.

Чеховъ—еретиковъ и вообще всѣхъ Славянъ, и, можетъ быть, выразили эту свою ненависть и формально, въ городскихъ и цеховыхъ статутахъ [1]).

Изслѣдовать подробнѣе эту борьбу элементовъ нѣмецкаго и славянскаго между Лабой и Одрой,—вотъ цѣль нашей книги. Сначала мы разсмотримъ первоначальную колонизацію этихъ странъ Славянами, а потомъ прослѣдимъ постепенное распространеніе элемента нѣмецкаго и исчезновеніе славянскаго, начиная съ лѣваго берега средней и нижней Лабы и кончая западнымъ Поморьемъ—на правомъ берегу Одры, въ владѣніяхъ герцоговъ саксонскихъ, маркграфовъ бранденбургскихъ, князей мекленбургскихъ, ранскихъ и поморскихъ.

Славянская колонизація полабско-балтійскихъ земель.

Земли, лежащія на востокъ отъ средней и нижней Лабы, представляютъ обширную низменность покрытую до сихъ поръ множествомъ водъ, рѣкъ, озеръ, луговъ и болотъ. Такихъ водъ, озеръ и болотъ было прежде гораздо больше. Такъ напр. земля стодорская, окруженная съ трехъ сторонъ рѣкой Гаволой, во время славянскаго владычества была почти на половину покрыта болотами, топями, „лугами“ — какъ это слово сохранилось до сихъ поръ (Rhin — Luch, Havel — Luch); и не даромъ названа земля на югъ отъ Гаволы между Плоной и Нутой „Суха“. Кромѣ болотъ и озеръ эти страны были покрыты дремучими лѣсами; такъ напр. черезъ пограничный лѣсъ между Польшей и Поморьемъ надо было идти шесть дней, черезъ лѣса между устьемъ Гаволы и морицкимъ озеромъ—пять дней. Все это составляло для

---

[1]) Тоже самое явленіе замѣтно и въ Чехіи. Такъ въ собраніи правъ пражскихъ ок. 1425 г. первая статья исключаетъ Нѣмца, который не знаетъ по чешски, изъ должности бурмистра; хрудимскіе мясники исключаютъ въ 1455 г. Нѣмцевъ изъ своего цеха, и пр.—Статутъ города Zeulenroda (въ такъ назыв. Voigtland на границѣ чешской) 1438 г. запрещаетъ принимать въ мѣщане Чеховъ наравнѣ съ людьми опальными, бѣжавшими и незаконно родившимися (sie sullen in keiner weise wissens einnehmen zu bürgern *pömisch*, echtisch u. verloffen leuth, auch die entronnen oder unerlich geboren sind. Köhler: Volksglaube im Voigtlande 23, André: Wend. wanderungen 9).—Чехи и Поляки не рѣдко жалуются на гибель своихъ полабско-балтійскихъ соплеменниковъ. Срв. нашу книгу Славянская взаимность, стр. 198—204.

Славянъ естественную защиту ихъ страны; такъ напр. обширное болото въ землѣ Чрезпѣнянъ представляло датскому войску въ его походѣ огромныя затрудненія [1]).

Приведемъ здѣсь названія хотя нѣсколькихъ рѣкъ, озеръ и пр. въ странахъ балтійскихъ Славянъ, какъ мы ихъ выбрали—какъ попалось—изъ разныхъ памятниковъ до XIV вѣка. Главныя рѣки были *Лаба* (правильнѣе *Лабъе*) и *Одра*. Дальше были Травна, Свѧтыня, Бѣлина, Лабница, Трутава, Вокеница, Стубница, Радигость, Суда, Эльба, Степница, Гавола, Доса, Струмина, Плона, Нута, Спрѣва, Укра, Пѣна, Доленца, Требола, Рекница (Рокитница), Варнава, Невеля, Плона, Ина, Медуя, Рѣка, Персанта, Сушица, Студеница, Брезница, Терстеница, Каменица, Рыбница, Злоница, Суха рѣка, Чарна Струга, и пр. *Озера и болота*: Долгое, Доленское, Островица, Смольница, Свѣтъ, Клещно, Карпино, Мирчино, Совина, Дѧбье, Морица, Старица, Верхутица, Плесо, Глинки, Лѧки, и пр. *Горы, лѣса, пустыни, поля* и пр.: Желѣзный, Медвѣдь, Боринскій, Клещь, Сосница, Сосно, Хойно, Лысая гора, Бродогоры, Вольшигоры, Голешовъ, Скарбешовъ, Бездѣдъ, Вѧжій долъ, Стража, Баба, Горки, Княжья дѧброва, и пр.

Какъ вообще колонизація идетъ по водамъ, по морю, озерамъ и рѣкамъ, такъ было и у балтійскихъ Славянъ. На направленіе славянской колонизаціи по водамъ съ *востока на западъ* указываютъ названія: *Чрезпѣняне*, жители чрезъ т. е. за рѣкой Пѣной, на ея лѣвомъ, западномъ берегу; *Зарѣчье* (Zareze, cis aquam), часть той же чрезпѣнской земли на лѣвомъ, западномъ берегу Невели; *Заделбѧдье* (Sadelbande), земля между Лабой, Бѣлиной и Делбѧдой, на западномъ берегу послѣдней рѣки. Многія племена балтійско-полабскія назвались по водамъ, берега которыхъ заняли, *Поморяне* — племя поселившееся по морю балтійскому, *Укряне* — по Укрѣ, *Доленчане* — по Доленцѣ, *Чрезпѣняне* — чрезъ Пѣну, *Моричане* — по озеру морицкому, *Дошане* — по Досѣ, *Гаволяне*—по Гаволѣ, *Спрѣвяне*—по Спрѣвѣ, *Полабяне*—по Лабѣ, *Мезерѣчье* — между рѣками Пѣной и Доленцой, *Зарѣчье*, *Заделбѧдье* и пр. Другія племена назывались по мѣстоположенію, по качест-

[1]) Срв. карту старой стодорской земли въ Fidicin: Die territorien der mark Brandenburg, III, карту стодорской и окрестныхъ земель въ Klöden: Entstehung der städte Berlin u. Kölln, карту Раны и запѣнской земли въ Fabricius: Urkunden zur gesch. v. Rügen, I., и пр. О чрезпѣнскомъ болотѣ см. Saxonis Hist. Dan. (ed. Müller) p. 884.

вамъ почвы и пр. *Брижане* или *Брежно*—жители береговъ средней Лабы и моря, *Лѣшане* и *Лѣшичи* — жители лѣсовъ, *Древяне* или *Дравяне*—жители древъ или дравъ (деревъ), *Глиняне*—жители почвы глинистой, *Блони* — жители блонь (болонь), *Острожна* (Вострожна), — жители „острога“ т. е. полуострова, и пр. Иногда племя называлось по своему городу: *Волынь*, *Узноимь*, *Хижане*, по разнымъ качествамъ и случайностямъ: *Велеты* (волоты, исполины), *Лютичи* (лютые), *Вагры* (отважные), *Ратаре* (воины, ратники), *Варны* (вороны), *Суслы*, *Вепрево*, *Турно*, *Туры*, *Рароги* (соколы), т. е. если считать послѣднее названіе славянскимъ, а не датскимъ. Нѣкоторыя названія — темнаго происхожденія, наприм. *Руяна* или *Рана*, *Стодоряне*.

Жилища балтійскихъ Славянъ были, мѣсто огороженное — *гардъ* (городъ), и мѣсто открытое — *весь* или *васъ* (село). Эти жилища назывались очень разнообразно.

Къ древнѣйшимъ селеніямъ надо причислить селенія, которыя имѣютъ названія съ патронимическимъ окончаніемъ — *ичи* или *овичи*, у западныхъ Славянъ — *ици*, — *ице* [1]). Бояновичи напр. означаетъ потомковъ, родъ Бояна, и потомъ ихъ усадьбу, село. Такія *родовыя названія* суть напр.: Барновичи, Босковичи, Бузичи, Вершевичи, Врещевичи, Гостирадичи, Драговичи, Житеничи, Лобковичи, Любановичи, Малешичи, Миличичи, Мировичи, Миротичи, Мыследаржичи, Обеличи, Попеловичи, Прибеничи, Радимичи, Радошевичи, Ратиборичи, Славиборичи, Славошичи, Сладковичи, Спасовичи, Страхотичи, Тѣходаржичи, Хиничи, Хоричи, Чарниковичи, Чеховичи и пр.

---

[1]) Надо замѣтить, что первоначальная форма окончанія—*ици* встрѣчается только въ древнѣйшихъ памятникахъ до X — XI вѣка: Pelinizi, Dudizi, Nieletizi, Zemzizi, Malizi, Bidrizi, Bosici; позже съ XII вѣка встрѣчается уже обыкновенная и у остальныхъ западныхъ Славянъ форма—*ице*: Redewize, Vylmenitze, Dumasseuitze, Gusteraditze, Slaubrize, Bozice, или просто—*ци*: Slautiz, Boianewiz, Zelizlauiz, Mireuiz, Merotiz, Zarnekeviz. Послѣднія формы—собственно род. пад. множ. ч., который принимается у Нѣмцевъ вмѣсто имен. падежа; такъ напр. названія чешскихъ селеній Чимелице, Мировице, Миротице—Нѣмцы въ Чехіи передѣлали въ Czimelitz, Mirowitz, Mirotitz. Тоже самое явленіе замѣтно и въ другихъ мѣстныхъ названіяхъ: Cowal, Ratey, Dusnic, Clodram, Prizwalk, Dulan, Sakeran—это род. пад. отъ Ковале, Ратае, Душники, Клодржбы, Преставолки, Доляны, Загорины. Такъ и теперь Нѣмцы въ Чехіи называютъ селенія Душники, Ратае, Доляны—Duschnik, Rattay, Dolan.—Приведенныя названія передаемъ ради удобства въ русской формѣ.

Названія по лицамъ — это прилагательныя имена, напр. Доброгощь—городъ или вообще селеніе Доброгостя, Премыславь—г. Премыслава, Кленовъ—г. Клена. Такія названія суть: Быдгощь, Гориславь, Бериславь, Прѣславь, Даргомышль, Радомышль, Вѫцславь, Весмірь, Тѣшимірь, Доморазь, Прибигнѣвь, Пархимь, Пархень, Радимь, Хотимь, Даргунь, Страдунь, Хотунь, Утинъ, Добинъ, Любинъ, Борѫтинъ, Варгѫтинъ, Славѫтинъ, Радиминъ, Туровъ, Малаховъ, Хотѣшовъ, Краковъ, Челаковъ, Гроновъ, Чеховъ, Сербовъ, Хомутовъ, Гоголево, Сезимово, Голешево и пр.

Названія по мѣстоположенію и по *разнымъ качествамъ* почвы: Лѣшане [1]), Доляне, Борки, Лугъ, Подлуги, Лазы, Дѫболѫгъ, Брезелѫгъ, Ямно, Подольскъ, Низовъ, Гардъ, Гардецъ, Подгардіе, Старгардъ, Новгардъ, Бѣлгардъ, Брезегардъ, Бродъ, Колобергъ, Устье, Востровъ, Отокъ, Розтоки, Предѣлъ, Мокряны, Мокряница, Сухавица, Дуповъ, Уѣздъ, Рыбница, Просѣкъ, Пасѣка, Осѣкъ, Присѣка, Вриски (верески), Брезно, Дѫбье, Хойно, Сосница, Вербно, Дѫброва, Буковъ, Камень, Кремень, Гора, Древичъ, Холмъ, Верховъ, Полица, Глина, Иловъ, Порѣчье, Заезерье, Верхъезерье, Теплица, Слановъ, Рудница, Крушвица и пр.

Названія по *занятіямъ*, *качествамъ* и пр. жителей, часто насмѣшливыя прозвища: Ратае, Копиники, Пецники, Душники, Рудники, Рыбаки, Свинары, Ковале, Добряны, Селюбы, Витолюбы, Радолюбы, Чарногловы, Турогловы, Репигловы, Лупигловы, Бѣлокуры, Чарновѫсы, Велевѫсы, Толстовѫсы, Подъягловы, Конетопы, и пр.

Названія по разнымъ *случайностямъ*: Поздиволкъ (—ки), Преставолки, Свины, Чапле, Коцуры, Туры, Зѫбрискъ, Гоголе, Гаварны (поль. Gawrony), Медвѣди, Голѫбки, Ворлье (Верлье), Еленье, Козловъ, Вепрево, Княжно, Княгиня, Бабки, Тупадлы, Клодрѫбы, Дыминъ, Щетинъ, Стрѣла, Вапысь (Опушь), Лопата, Топорище, Клобучево, Корыто, Прилѣпъ, Могилинъ, Халупы, Грибовъ, Смоловъ, Столпы, Костринъ, Торговъ, и пр.

---

[1]) Названіе этой лютичско-поморской земли (въ нын. зап. Помераніи) пишется обыкновенно provincia Lesane (1136), Lessan (1178, 1184), нынѣ Lassan, т. е. Лѣшане, Лѣсяне, жители лѣсовъ, какъ Поляне ж. полей, Доляне ж. доловъ, Лучане ж. лукъ (луговъ). Въ трехъ грамотахъ (1177, 1179, 1195) встрѣчается форма: in provincia *Lessas*; это старинный предл. пад. «въ *Лѣшасъ*, *Лѣсясъ*», который сохранился и въ древнечешскихъ формахъ Терновасъ, Лучасъ, Долясъ, Полясъ и пр. отъ: Терноване (—ы), Лучане, Доляне, Поляне и пр. Срв. изслѣдованія Шафарика и Палацкаго въ Ält. denkmäler der böhm. sprache 200, Sebrané spisy III. 577, Radhost II. 202.

Любопытны названія *миѳологическаго* происхожденія. Таковы напр. Бѣлбогъ, село (позже монастырь) въ Поморьѣ, Чартово на Лабѣ у Магдебурга, Лютобогъ на Узноимѣ, Радигощь, городъ, села и рѣка у Лютичей и Бодричей,[1]) Перунъ, села у Лютичей и Вагровъ, Ютробогъ городъ и рѣка у Стодорянъ, земля Витова т. е. Сѫтовита (insula Archonensis quae dicitur Vitova), Сѫтогора, Сѫтогардъ, Божій камы (Buskam), Сѫты камы (Swantekam) — все на Ранѣ, Сѫтовостровъ близъ Раны, въ землѣ Хижанъ и Доленчанъ, Божьеполе, село у Доленчанъ, Сѫтоустье на Волынѣ, Сѫте, село у Стодорянъ и на Ранѣ, Сѫтыня, рѣка въ Вагріи, и пр. Сюда надо отнести и названія въ родѣ Требница, Требетово, Требичь, Требожезь, и пр., т. е. мѣста, гдѣ приносили, жгли требы, жертвы.

Наконецъ нѣкоторыя названія указываютъ на *выходцевъ* изъ другихъ племенъ; такъ напр. находимъ землю сусельскую и село Сербино въ Вагріи, село Морачане въ разныхъ странахъ лютичскихъ, село Коледичи въ землѣ Морачанъ, села Дравяне и Варновъ въ землѣ Брижанъ, село Шкудичи за Лабой (у Арнебурга), села Сербище въ Укрѣ и за Лабой, село Карваты [2]) въ землѣ Полабянъ, и пр.

Чтобы составить себѣ хоть поверхностное понятіе о богатой географической номенклатурѣ славянской въ балтійскихъ странахъ, приведемъ — изъ грамотъ XII—XIII вѣковъ — примѣры подробнаго описанія трехъ поземельныхъ участковъ у Поморянъ, Лютичей и Бодричей.

Въ *Поморьи* на правомъ берегу Одры, около колбасскаго монастыря, были въ первой половинѣ XIII вѣка (ок. 1240) села Рѣковъ, Рептовъ, Смердница, Дѫбье, Трибузь, Сулиславь или Желиславь, Глина, Пясечна, Грибна, Кленсково, Гардена, Волтинъ, Высокъ, Хлѣбово, Бѣлица, Прилѣпъ, Лѣсково, Стривелево, Собарскъ, Бродъ, Требинъ, Доброполе, Варшинъ, Сѫточина, Кучиново, Бруникъ, Должовъ, Обрыта (по нѣм. Шёнфельдъ), и нѣмецкое село

---

[1]) Чартово, Радигощь и под. названія впрочемъ могутъ быть взяты и отъ лицъ.

[2]) Karwete ок. 1230 г., нын. Karft. Изъ этого названія видно, что балтійскіе Славяне называли Хорватовъ такъ, какъ и Поляки, т. е. *Карваты*. Эту форму знаютъ Длугошъ, Кохановскій, Бѣльскій, Блажовскій и др., и она встрѣчается въ Польшѣ отчасти до сихъ поръ, напр. въ названіи фамиліи Кирвацкій.

Кругъ; Вольшигоры (Wolsigore), холмы Бродогоры, поле Ришовъ у рѣки Плоны, рѣчки, озера и болота Тыва, Тывица, Чарна Струга, Жерница, лѣсъ Боринскій.

Въ *чрезпѣнской землѣ* около Даргуня пожалованы во второй половинѣ XII вѣка (ок. 1174 г.) разныя земли даргунскому монастырю, границы которыхъ описываются подробно. Были здѣсь ручьи Рокитница, Буска, Рудникъ, Гутке поле, дорога „пѣть во Гутке поле“ (via—in sclavico dicitur pant wo Guthkepole), болото „глѣбокій лугъ“ (palus—sclavice dicitur glambike loug), большой дубъ „велій дѣбъ“ (magna quercus — a sua magnitudine nomen accepit wili damb), могилы предковъ „тригорки“ (tumuli, sepulcra—sclavice dicuntur trigorke), болото „долгій лугъ“ (palus — sclavice dicitur dalge loug), озерко „дѣбньё“ (stagnum — sclavice dicitur dambnio), холмецъ „могила“ (cumulus—sclavice vocatur mogela), болото „широкій лугъ“ (palus—sclavice dicitur seruco loug), дубъ означенный крестомъ „княжья граница“ (signum—sclavice dicitur knezegraniza), сожженный дубъ недалеко отъ одной „могилы“. Эти названія даргунскихъ урочищъ были извѣстны, хотя по преданію, еще въ половинѣ XIII вѣка (1248 г.).

Границы бодричской *земли бутѣшовской* по лѣвому берегу Варнавы напротивъ устья Невели, означаются въ 1232 г. слѣдующимъ образомъ: озеро Варинское, рѣчка Тепница, ручей Студеный, болото Голенскіе луги (Gnolenzke lugi), Живановъ лѣсъ (Sywanof laz), рѣчка Рострѣбовница, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бѣльчъ, село Предѣлъ между Язвинами и Вановыми могилами (Wanowe mogili) [1]), Махначій и Терстиный лугъ (Machnaci, Trez-

[1]) Здѣсь сохранилось по всей вѣроятности славянское названіе извѣстныхъ до сихъ поръ въ сѣверной Германіи Hünengräber. Ванъ — Hüne = Славянинъ (Шафарика Slov. Starož. 270); въ Мекленбургѣ слово *slaw* (по свидѣтельству Музеуса) до сихъ поръ означаетъ большаго человѣка. «Вановы могилы» подходятъ къ русскимъ волотовкамъ, Волотовой могилѣ, т. е. могилѣ исполина, велета (Шафарикъ 877). Преданія объ исполинахъ сохранились до сихъ поръ у остатковъ балтійскихъ Славянъ, Словинцевъ и Кашубовъ, у которыхъ исполинъ называется *столемъ*, *столымъ*, *столмъ*, *столмакъ*. Со словомъ Ванъ (Славянинъ) = Hüne (исполинъ) срв. названіе Славянъ *Венеты*, *Анты*, *Вятичи* (скандинав. и чуд. *Ваны*), дргерм. *ent* (исполинъ, Шафарикъ 462), древнеполь. вѣтшій (więtszy, теперь większy, чеш. větší, дрруссск. вятшій). Вановы могилы называются въ другихъ памятникахъ XII—XIII вѣковъ: antiquorum sepulcra (въ чрезпѣнской землѣ 1174), tumuli paganorum, tumulus gigantis (въ Поморьѣ у Колбаса 1186, 1234), sepulchrum Slavorum (въ Укрѣ 1258).

[illegible] Мирово, лѣсъ Лѧгъ (Lang), Погловы, рѣки Варнава и [illegible] ручей Парменица и озеро Пармено, болото Бѣлево, озеро [illegible], рѣчка Липовсевница, озеро Лѧжничье, Долгіе луги (Dolge lugi), Tetlambi (?), Водровый лѣсъ или лазъ (Wodrowi laz).

Такихъ примѣровъ можно привести очень много. Но и по выше приведеннымъ названіямъ селеній, водъ, горъ, урочищъ и пр. видно, какъ глубоко проникла славянская колонизація во всѣ земли побалтійскія, полабскія и поодрянскія. Вся географическая номенклатура — чисто *славянская* безъ всякой чужой примѣси, именно нѣмецкой. Въ древній періодъ исторіи балтійскихъ странъ, во время славянское, встрѣчаются нѣмецкія и датскія названія — рядомъ съ славянскими —, только для немногихъ мѣстъ лежащихъ близъ границъ Германіи и Даніи, какъ это бываетъ всюду на рубежахъ двухъ народностей. Нѣкоторыя названія Нѣмцы или перевели съ славянскаго, или ихъ исковеркали по своему, или наконецъ придумали другія. Такъ напр. городъ въ Вагріи *Старгардъ* назывался по нѣмецки *Aldenburg* (Aldenburg, sclavica lingua Starigard, hoc est antiqua civitas dicitur), а по датски *Brandenhuse* (сами Вагры — *Brammesii*); у другого города вагорскаго извѣстно только названіе нѣмецкое *Lutekenburg*, *Lutelinburg* т. е. малый городъ (нижненѣм. lütge, lütt, англ. little = малый), и датское *Liutcha*. Такъ и городъ Бодричей извѣстенъ только подъ нѣм. названіемъ *Mikilinburg*, *Michelenburg*, *Meklenburg*, лат. *Magnopolis* (нѣм. michil, mikil = великій, magnus); Датчане называли его *Rerik*. Города *Щетинъ*, *Волынь* и *Камень* назывались по датски — Bursteborg, Julin (Jumne, Jumneta), Steinborg. Какъ назывались по славянски города *Гавельбергъ* и *Бранденбургъ*, неизвѣстно; польскій лѣтописецъ Богухвалъ называетъ послѣдній городъ *Сгорѣлецъ*. Такія двойныя названія встрѣчаются особенно на лѣвомъ берегу Лабы, гдѣ уже очень рано жили Нѣмцы и Славяне совмѣстно; такъ напр. городъ Wolmirstädt — при устьѣ рѣки Оры (Уры) въ Лабу — называли Славяне Усть-Урье, Salzwedel — Лоздій, Lüneburg — Глинъ или Хлинъ, и пр. Рѣку *Эльбу* полабскіе Славяне называли и до сихъ поръ называютъ *Лабе* (neutr.); такъ ее называютъ Чехи, *Лобъё* — лужицкіе Сербы, *Лабі* или *Лобі* (т. е. Лобьё, какъ слîвî = слово) называли ее и люнебургскіе Славяне; форма Лабе замѣтна и въ названіи племени Полабяне (Polabi, Polabingi). Названія *Гаволяне* (Hevelli, Heveldun) и *Руяна* были въ

употребленіи больше у Нѣмцевъ, между тѣмъ какъ Славяне употребляли формы *Стодоряне*, *Рана*.

Но все это — исключенія, которыя повторяются вездѣ на рубежѣ двухъ народностей, и соотвѣтствуютъ напр. такимъ же явленіямъ на границахъ племенъ романскихъ и германскихъ, гдѣ тоже встрѣчается двойная географическая номенклатура, напр. Liège-Lüttich, Aix-la-Chapelle — Aachen, Thionville-Diedenhofen, Grison-Graubünden, Bolzano-Bozen, и пр. [1]).

Всѣ эти полабско-балтійскія племена, какъ бы они ни назывались по мѣстоположенію, качествамъ и пр. — носили общее названіе *Славянъ* или правильнѣе *Словѣнъ*, *Словенъ*; Нѣмцы, Скандинавы, Англо-саксы и вообще германское племя называли ихъ древнѣйшимъ именемъ *Венды*, *Винды*, *Виниды*, ихъ страну *Вендландъ*, *Виндландъ*, *Винедаландъ* и пр.; пишучи по латински употребляли форму Slavi, Sclavi, Slavia, Slavania и пр., хотя и латинская форма Vinedi, Venedi, Vinuli и пр. не была необыкновенна. Сами же Славяне называли себя въ національномъ отношеніи всегда Славянами (Slavi, gens slavica), свой языкъ славянскимъ (lingua slavica, quod slavice dicitur), свои учрежденія славянскими (jus slavicum, census Slavorum, mos-expeditio gentis slavicae).

Это сознаніе своего славянскаго происхожденія сохранили и позднѣйшіе потомки балтійскихъ Славянъ до самой своей кончины, да отчасти и до сихъ поръ: вымирающіе уже остатки бодричскихъ Древлянъ и Глинянъ, жители люнебургскаго Вендланда, называли еще въ XVIII вѣкѣ свой языкъ „словенскимъ“ (слîвенскjы), а остатки Поморянъ-Кашубовъ называютъ себя кое-гдѣ еще до сихъ поръ „Словинцами“, свой языкъ „словинскимъ“. Названіе „Славянъ“ и „Славянской земли“ (Slavi, Slavia) остались за жителями и странами балтійскими и въ послѣдствіи, когда они уже совсѣмъ онѣмечились. Такъ назывались именно всѣ балтійскія земли, начиная съ устья Травны и кончая устьемъ Лебы, т. е. владѣнія князей мекленбургскихъ, ранскихъ и поморскихъ. Сами эти князья

---

[1]) Выше приведенныя географ. названія собраны изъ разныхъ лѣтописей и дипломатарій сѣверовосточной Германіи — о которыхъ см. ниже —, и, на сколько возможно, сравнены съ названіями встрѣчающимися въ земляхъ остальныхъ западныхъ Славянъ, особенно польскихъ. О разнообразныхъ названіяхъ польскихъ мѣстъ срв. изслѣдованія Бодуэна (О древнеполь. языкѣ 87), Зелинскаго (Biblioteka Warszaw. 1872, III. 254), Войцѣховскаго (Chrobacya I. 159).

называли себя князьями „славянскими“; такъ называютъ нѣмецкіе лѣтописцы напр. князей бодричскихъ Годескалька и Крута (princeps Sclavorum), Генриха (Slavorum rex); такъ называли себя иногда и мекленбургскіе князья Никлотовичи: Николай (Slavorum princeps 1189), Генрихъ Боровинъ (Slavorum princeps 1219), и пр. Особенно же употребляли титулъ „князей славянскихъ“ поморскіе князья (princeps, dux Slavorum, hertogh der Wenden). „Славянскими“ назывались потомъ и новые города въ балтійскихъ странахъ, неимѣвшіе, разумѣется, уже ничего славянскаго въ себѣ (civitates Slaviae, wendische städte), Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ, Грейфсвальдъ. „Славянами“ — въ политическомъ смыслѣ — продолжаютъ называться жители „Славіи“, онѣмеченные потомки или наслѣдники природныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ и ихъ государи, „князья славянскіе“. Такъ напр. въ городѣ Любекѣ, хотя онъ собственно тоже считался лежащимъ въ славянской странѣ (castrum Lubece in Slavonia 1139 г.), и позже назывался городомъ „славянскимъ“, назывались „Славіей“ и „Славянами“ преимущественно земли на востокъ отъ Травны: „Славянинъ“ (Slavus) былъ въ Любекѣ подданный мекленбургскихъ князей, приводясь рядомъ съ Русскимъ, Норманомъ, Шведомъ и др. Въ Даніи — короли которой тоже назывались королями славянскими (rex Slavorum) — называются купцы плавающіе въ балтійскія страны еще въ половинѣ XIII вѣка Vindlandsfare. Монета употребляемая въ тѣхъ странахъ называется въ средніе вѣка „славянской“ (moneta sclavica, marcae slavicales, denarii slav., wendesche pennighe). Наконецъ и господствующее въ балтійскихъ странахъ земское право названо „славянскимъ“. Такъ напр. называлось право княжества ранскаго еще въ XVI вѣкѣ „wendisches recht und gebruck im fürstenthumb Ruigen“, хотя это право—нѣмецкое, равнымъ образомъ какъ и „право земли славянской“ (jus terrae Slaviae, 1312), т. е. мекленбургское. „Славянскимъ“ оно называется по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ назывались „славянскими“ балтійскіе князья, города, монеты и пр.

Если и всѣ балтійскіе Славяне назывались въ національномъ отношеніи „Славянами“ или правильнѣе „Словенами, Словинами“, то у нихъ встрѣчается и особая „земля словенская“. Она была именно въ восточной полосѣ поморской земли, по рѣкѣ Вепрѣ (Wipper), около нын. города *Schlawe*, который близкіе Словинцы-Кашубы до сихъ поръ называютъ *Словно*. Въ грамотахъ XII—XIII

вѣковъ этотъ городъ съ землей называется Slauna, Zlauene, Slawena, de Slavo, terra Zlauna, terra Zlawe, terra Zlowe; послѣднія двѣ формы „Славы“ и „Словы“ встрѣчаются именно въ одной грамотѣ 1289 года. [1]) Въ Словнѣ, равнымъ образомъ какъ и въ смежныхъ Бѣлгардѣ и Столпѣ, княжили, съ конца XII до первой трети XIII вѣка, Ратиборовичи, боковая линія поморскихъ князей. Такіе были Wartizlaus Zlauinie (1186), Boguslaus et Dobroslava de Slauna (1200), domina de Zlauene (1220), Ratiborius princeps terrae Slauenensis (1223). Память Словѣнъ сохранили и нѣкоторыя другія названія въ тѣхъ странахъ, напр. села Словенковъ (Zlouenkow 1240) у Колоберга, и Словинъ (Slouin 1270—1277) у Рюгенвальде, озеро Словино (stagnum Slouuino 1254) на Дравѣ. Наконецъ, остатки Славянъ въ нынѣшней Помераніи называютъ себя, какъ уже сказано, *Словинцами*, свой языкъ—*словинскимъ*, *словенскимъ*.

И такъ находимъ у балтійскихъ Славянъ землю, которая называлась по преимуществу „словенской“, равнымъ образомъ какъ у восточныхъ Славянъ, на Руси находимъ племя „Словѣнъ“ около Новгорода, у южныхъ Славянъ — особую землю „словѣнскую“ въ сѣверовосточной Македоніи.

Географическія названія славянскаго происхожденія въ земляхъ полабско-балтійскихъ сохранились, не смотря на всѣ перемѣны и постоянное чужое вліяніе, болѣе или менѣе до нашего времени; они и представляютъ главный остатокъ обитавшихъ въ тѣхъ странахъ Славянъ. Интересно было бы собрать, при помощи подробныхъ картъ и словарей, всю эту славянскую географическую номенклатуру сѣверовосточной Германіи, и, на сколько возможно, возстановить настоящую славянскую форму каждаго названія. Чтобъ достичь того, надо прослѣдить всякое названіе во всѣхъ формахъ, какъ они встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ, и сравнить эти формы съ географической номенклатурой у остальныхъ Славянъ, именно западныхъ, во первыхъ, польскихъ, потомъ сербо-лужицкихъ и чешско-моравско-словенскихъ [2]). Такимъ образомъ мы бы

[1]) Землю «Словы» искалъ еще Добровскій. (Шафарика Slov. Starož. 479).

[2]) На нынѣшнія искаженныя формы такихъ названій нельзя никоимъ образомъ положиться; такъ напр., по нынѣшнимъ названіямъ Schwan, Cöslin, Gadebusch, Ziesar, Gagern, Patzig и пр., довольно трудно узнать, что это Живань, Кошалинъ (не Козлинъ), Хотѣбузь, Заезерье, Гаварны (т. е. вороны), Пяски и пр. Такія искаженныя формы нерѣдко приводятъ и къ ошибочнымъ заключеніямъ. Такъ напр., Гильфердингъ думалъ, на основаніи названія го-

получили много матеріаловъ для знакомства съ языкомъ балтійскихъ Славянъ, не говоря уже объ исторической важности такой колекціи. Между прочимъ, по собранной такимъ образомъ славянской географической номенклатурѣ, мы бы познакомились съ объемомъ *первоначальной славянской колонизаціи* и съ послѣдующей за ней *колонизаціей нѣмецкой* въ сѣверовосточной Германіи; нѣмецкую географическую номенклатуру позднѣйшихъ временъ не трудно отдѣлить отъ славянской.

Такого труда мы на этотъ разъ, по многимъ причинамъ, принять на себя не могли. Въ нашемъ очеркѣ славянской колонизаціи мы только попробовали указать на важность географическихъ названій для исторіи и этнографіи балтійскихъ Славянъ.

Полная картина первоначальной колонизаціи славянской и послѣдующей за ней колонизаціи нѣмецкой, значительно поспособствовала бы къ окончательному разрѣшенію вышеупомянутаго вопроса, о которомъ напрасно толковали нѣкоторые историки: были-ли до паденія славянской независимости, то есть до XII вѣка, въ сѣверовосточной Германіи „нѣмецкіе подданные“ и „славянскіе господа“. Уже изъ нашего коротенькаго очерка видно, что въ древній періодъ географическія названія до подробнѣйшихъ мелочей, чисто славянскія, которыхъ конечно не могли себѣ выдумать „славянскіе господа“ на своемъ „офиціальномъ“ языкѣ, а которыя жили между простымъ народомъ.

I.

Залабскіе Славяне.

Лѣтописецъ Гельмольдъ XII вѣка разсказываетъ, что еще во времена Оттоновъ, стало быть до начала XI вѣка, залабскія страны занимали Саксы, и только позже вытѣснены усилившимися Славянами [1]). Но этотъ разсказъ позднѣйшаго лѣтописца противорѣчитъ другимъ, болѣе древнимъ свидѣтельствамъ, по которымъ мы видимъ Славянъ въ Залабьѣ, т. е. между Лабой, Ильменавой и Орой, еще въ X вѣкѣ. Уже въ первой половинѣ X в. (937 г.) на западъ отъ Магдебурга въ басейнѣ Оры было много селъ славянскихъ

рода Ziesar, что полабско-балтійскіе Славяне знали слово «цѣсарь» (царь); между тѣмъ оказывается, что болѣе древняя форма вовсе не Цисаръ, а Заезерье.

[1]) Helmoldi Chron. Sclav., I. c. 88.

(Преталичи, Буковъ, Winidischenburch, т. е. городъ славянскій, Трѣбчичи, Бѣлиничи, Дудичи, Вельпухи, Всеборь и др.), смѣшанныхъ съ нѣмецкими селами; эти Славяне, вмѣстѣ съ тамошними нѣмецкими поселянами, находились подъ вѣдомствомъ судьи (адвоката) архіепископа магдебургскаго. Нѣсколько лѣтъ спустя (956 г.), является земля Osterwalde (около Зальцведеля) подъ славянскимъ названіемъ *липанской* (marca Lipani), и въ ней, уже на западъ отъ рѣки Ясны, нѣсколько селъ съ славянскими названіями: Любимь, Клиничова, Kazina, Sebene, Tulci, Kribci. Подобно тому, смежная на сѣверѣ съ землей липанской, земля *Древянъ* (Drevani) носитъ это славянское названіе уже въ самомъ началѣ XI вѣка (1004 г.). По всей вѣроятности и названіе обширной земли лежавшей на востокъ отъ земли липанской и на юговостокъ отъ древянской, между Орой, Бесой и Лабой, Belxa, Beleseim, Balsamia, regio Balsamorum, славянское, можетъ быть *Бѣла земя* (Бѣлая земля). И въ Балзаміи уже въ X вѣкѣ и въ началѣ XI вѣка, встрѣчаемъ селенія съ славянскими названіями; нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ селъ (937 и 973 гг.) лежали на сѣверъ отъ Оры, именно: Mosan, Pelinizi, Dudizi, Uuzoboro, Uelbuzi (Velbpuchi), Zelici. Въ Бѣлой землѣ были также: Валиславь (Ualisleuo), Кленовіе, Вербно, Славотичи, Усть-Урье и др.

Какъ глубоко славянская колонизація проникла въ залабскія страны, доказываетъ, между прочимъ, множество сохранившихся *географическихъ названій* между Ильменавой, Орой и Лабой, названій городовъ, селъ, водъ, разныхъ урочищъ и пр. Мы встрѣчаемъ напр. названія указывающія на родовое происхожденіе (Радобичи, Кобеличи, Хиничи, Туричи), на происхожденіе отъ лицъ (Кленовъ, Чернинъ, Радомышль), на мѣстоположеніе (Зарѣчье, Пресѣка, Островъ, Предѣлъ, Восѣчье), на разныя качества и случайности (Тупадлы, Толстовѣсы, Ковале); на лѣвомъ берегу нижней Лабы противъ земли Полабянъ, носитъ одно селеніе названіе Радигощь [1]). Еще въ началѣ XVIII вѣка, уже когда послѣдніе остатки залабскихъ Славянъ вымирали на нижней Яснѣ, одинъ славянскій крестьянинъ земли древянской, Іоаннъ Парумъ-Шульцъ, попробовалъ объяснить названія нѣкоторыхъ селъ и урочищъ; онъ хорошо понимаетъ напр. значеніе словъ Postweitz (buth, паствица), Kremin

[1]) Гильфердингъ: Ист. балт. Славянъ (Сочиненія IV. 320 — 339); срав. также Павинскаго Полаб. Славяне (165—169).

(kleine steins, кремень), Mücraneidsa (nasse fuhre, мокряница), Sopunsten (hinter den weg, за путемъ), Nuwein (neuland, новина), Leitzeis (fuchs, лисица), Writin (spille, веретено), Pidjöhr (hinter den berg, подгорье) и пр.

Кромѣ географическихъ названій, память Славянъ въ тѣхъ странахъ сохранилась и въ *постройкѣ многихъ селъ*, именно тѣхъ селъ, которыя построены въ формѣ подковы, съ однимъ только въѣздомъ; избы обращены на площадь, а за избами находятся хозяйственныя строенія. По мнѣнію знатоковъ тамошнихъ странъ, такія села—происхожденія славянскаго, между тѣмъ какъ нѣмецкія села построены улицей. Такія подковообразныя постройки встрѣчаются особенно по нижней Яснѣ, гдѣ вообще славянскій элементъ сохранился дольше, до XVIII вѣка [1]).

Залабскіе Славяне заняли свои жилища отчасти какъ мирные колонисты-земледѣльцы, равнымъ образомъ, какъ и ихъ южные соплеменники, полабскіе Сербы, которые распространились глубоко на западъ отъ Салы въ Тюрингію и Франконію, гдѣ они являются уже въ VIII вѣкѣ. Но не всегда Славяне переправлялись черезъ Лабу въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ; иногда они являлись за Лабой и съ оружіемъ въ рукахъ. Уже въ половинѣ VIII вѣка (748 г.) прибываютъ къ рѣкѣ Бодѣ князья „суроваго племени Славянъ“ (duces gentis asperae Sclavorum) во главѣ стотысячной рати какъ союзники Франковъ противъ Саксовъ; это — вѣроятно князья Бодричей и Стодорянъ. Земля балзамская неразъ была театромъ войнъ между Славянами и Нѣмцами; припомнимъ завоеваніе Лютичами Валислави (930) и Вербна (1035), сраженія на рѣкѣ Тонгерѣ (983) и у Прислави (у Вербна 1056). Нападенія Славянъ за Лабу усилились особенно съ конца X и съ начала XI вѣка, когда нѣмецкое владычество надъ балтійскими Славянами сдѣлалось „слабой тѣнью“; Славяне распространились на лѣвый берегъ Лабы, такъ что противъ ихъ нападеній построена крѣпость даже на рѣкѣ Аллерѣ [2]). Въ такомъ смыслѣ надо понимать и вышеприведенный разсказъ лѣтописца XII вѣка о вытѣсненіи Саксовъ Славянами изъ Балзаміи. „Говорятъ“, пишетъ Гельмольдъ, „что эти страны населяли прежде, во время Оттоновъ, Саксы, но впо-

[1]) Подробно Jacobi: Slaven- u. Teutschthum in cultur- u. agrarhistor. studien, besonders aus Lüneburg u. Altenburg, p. 37—109.

[2]) Pertz Monum., Script. IV. 761; Raumer Regesta hist. Brand. № 421.

слѣдстіи взяли верхъ Славяне, перебили Саксовъ и заняли эту землю". Вѣроятно къ этому же времени, т. е. къ началу XI вѣка, относится довольно темное извѣстіе о завоеваніи Балзаміи лютичскимъ княземъ Волкомъ. Балзамскіе князья вѣроятно признавали впослѣдствіи верховную власть маркграфовъ Сѣверной Марки, и внукъ Волка, Вигбертъ, уступилъ свою отчину маркграфу Удону взамѣнъ гройской земли въ полабской Сербіи (ок. 1070 г.). Эти „времена Славянъ" помнили въ Маркѣ еще въ концѣ XII вѣка [1]).

Распространеніе Славянъ въ залабскія страны подало одному позднѣйшему лѣтописцу нѣмецкому XV вѣка поводъ къ баснѣ объ особомъ княжествѣ славянскомъ около Зальцведеля (Wendische Marke); эти Славяне, называвшіеся по своимъ камышевымъ жилищамъ Rohr-Wenden, управлялись будто бы особыми князьями, и по смерти послѣдняго князя Аника (1113 г.), это княженіе досталось маркграфамъ Сѣверной Марки [2]).

Наконецъ и земли между нижней Лабой и Ильменавой, были долголѣтнимъ театромъ войнъ между Саксонскими племени Бардовъ и Славянами, Бодричами и Лютичами; нападеніе послѣднихъ на землю Бардовъ въ 997 г., навѣрное не было первымъ и послѣднимъ. Слѣды оборонительныхъ линій Бардовъ и Славянъ находятся до сихъ поръ между Ильменавой и Лабой, равнымъ образомъ какъ остались и преданія о войнахъ залабскихъ Славянъ съ Нѣмцами въ памяти онѣмеченныхъ люнебургскихъ „Вендовъ" [3]).

Залабскіе Славяне однако не были исключительные жители

---

[1]) Annal. Pegav. (Vita Viperti, Pertz Monum., Script. XVI. 234). Срв. Giesebrecht Wend. geschichten II. 7, 64, 137, Quandt in Balt. studien 1868, 170. Въ 1191 г. графъ гарделегенскій Генрихъ утверждаетъ за монастыремъ лютерскимъ (въ Брауншвейгѣ) duos mansos in Folkfelde (между Гарделегенъ и Тангермюнде), говоря, что эти гуфы *a temporibus Slavorum* ecclesiae in Luttera attinuisse, verum per longinquitatem temporis, re in oblivionem deducta, ut fieri solet, a praedecessoribus nostris per ignorantiam detentos. (Riedel Cod. Brand. A. XVII. 436).

[2]) Raumer Reg. hist. Brand. №ss 614, 755. На неосновательность этого извѣстія указалъ уже Gercken: Versuch der ält. geschichte d. Slawen (Leipzig, 1771, p. 107).

[3]) Raumer Reg. № 338, Jacobi: Slaven- u. Teutschthum 136, Hammerstein: Der Bardengau 33, 41; нижеприведенныя книги Ziehen-a и Hennings-a. Срв. Neues Lausitz. Magazin XXI. 254.

этихъ странъ; уже рано встрѣчаются здѣсь и нѣмецкія поселенія, какъ ниже увидимъ. Въ этихъ странахъ лежащихъ на рубежѣ элементовъ нѣмецкаго и славянскаго и подлежащихъ нѣмецкому господству, часто встрѣчаемъ вышеупомянутыя двойныя названія городовъ и селъ. Мы видѣли, что земля Osterwalde уже въ половинѣ X вѣка имѣла и другое, славянское названіе, *Липаны*; славянское названіе села Кленовіе въ Балзаміи отличается отъ нѣмецкаго Seuerouinkil (in locis slavonice Clenobie, teutonice S. nuncupatis, 980); городъ Wolmirstädt недалеко отъ впаденія Оры въ Лабу называли Славяне, по свидѣтельству Титмара, Усть-Урье (urbs Walmerstidi slavonice vocata Ustiure, eo quod Ara et Albis fluvii hic conveniunt). Нѣкоторыя славянскія названія залабскихъ мѣстъ сохранились даже до XVIII вѣка, у остатковъ люнебургскихъ Славянъ. Городъ Lüneburg (стар. Hliuni) назывался по славянски *Хлинъ* (Хлаинъ) или *Глинъ* (Глаинъ), Hitzacker—*Лучковъ*, Dannenberg — *Выдержъ*, Bergen — *Горска*, Klenze—*Клонска*, Gartow—*Гордско*, Schnakenburg—*Годій Гордъ*, Seehausen—*Вѣлорѣтье*, Arendsee—*Властъйско*, Salzwedel—*Лоздій*. Эта двоякость названій сохранилась отчасти до сихъ поръ: село Вербицу (Varbitz) въ люнебургскомъ „Вендландѣ“ называютъ сосѣдніе „Саксы“—Swartenpule (Schwarzenpfuhl, черная лужа).

Сожительство и антагонизмъ Славянъ и Нѣмцевъ въ саксонскихъ земляхъ по Лабѣ отразились тоже въ нижненѣмецкомъ законодательствѣ, въ правѣ саксонскомъ или такъ называемомъ *Sachsenspiegel*. По этому праву, судьи, если они судятъ какъ судьи королевскіе (unter königsbann), могутъ судить каждаго, Нѣмца и Славянина, подданнаго или свободнаго (ordel solen sie vinden vastene over jewelken man, he si düdisch oder wendisch, oder egen oder fri). Но если нѣтъ королевскаго пожалованья (königsbann), какъ это и было въ Бранденбургѣ и въ Лужицахъ, то нельзя судить Славянамъ Нѣмцевъ и Нѣмцамъ Славянъ (ane die Wenet uppe'n Sassen, unde die Sasse uppe'n Wenet). Поэтому, если Славянинъ поймаетъ Нѣмца на самомъ преступленіи, или наоборотъ, и передъ судомъ другъ противъ друга свидѣтельствуютъ, то пусть обвиняемый перетерпитъ приговоръ по свидѣтельству истца, какъ будто разница національности уничтожила всякое право. (Wert aver die Wenet oder die Sasse mit ungerichte gevangen in der hanthaften dat, unde mit deme gerüchte vor gerichte gebracht, die Sasse tüget

uppe'n Wenet, unde die Wenet uppe'n Sassen, unde mut ir jewelder des anderen ordel lieden, die also gevangen werden [1]).

1. Славяне люнебургскіе [2]).

Въ землѣ Саксовъ, въ позднѣйшемъ герцогствѣ люнебургскомъ, жили Славяне въ трехугольникѣ образуемомъ рѣками Лабой и Ильменавой и границей Старой Марки. Западная половина этого трехугольника между Ильменавой и лѣсомъ гордскимъ (Göhrde) сдѣлалась частью земли саксонскихъ Бардовъ (Bardengau); восточная — по нижней Яснѣ —, подвластная графамъ данненбергскимъ и люховскимъ, была заселена славянскими племенами *Древянъ* и *Глинянъ*, и называлась и называется до сихъ поръ „славянской землей" (Wendland). Этотъ дуализмъ, если можно такъ выразиться, люнебургскихъ Славянъ хорошо обозначается еще въ половинѣ XIV вѣка (1340 г.), гдѣ „Славяне герцога люнебургскаго" различаются отъ „Славянъ называемыхъ Древянами" ((Slavi Drevene qui dicuntur et Slavi domini ducis de Luneborgh).

Барды, вмѣстѣ съ нордальбингскими Саксами, были главными участниками безпрерывныхъ войнъ нѣмецко-славянскихъ на нижней Лабѣ; они помогали Бутѣ Годескальковичу противъ Крута, и погибли (omne robur Bardorum) съ нимъ подъ городомъ Плоной въ Вагріи (1071 г.); они помогали другому Годескальковичу, Генриху, въ сраженіи на Смиловомъ полѣ (1093) противъ Бодричей и Лютичей. Эти походы Бардовъ въ глубь славянскихъ странъ были вѣроятно продолженіемъ такихъ же военныхъ дѣйствій въ Залабьѣ, о которыхъ мы упоминали выше и на которыя указываетъ между прочимъ нападеніе Лютичей на землю Бардовъ (997 г.). Еще около половины XI вѣка городъ Люнебургъ считается лежащимъ на рубежѣ Саксовъ и Лютичей (in confinio Saxonum et Lu-

---

[1]) Sachsenspiegel III. artic. 69, § 2; 70, §§ 1, 2. (ed. Homeyer p. 244). Извѣстно, что по Sachsenspiegel и король чешскій не имѣетъ права выбирать нѣмецкаго короля, такъ какъ онъ не Нѣмецъ—dat he nicht düdesch n'is.

[2]) Sudendorf: Urkundenbuch zur geschichte der herzöge von Braunschweig u. Lüneburg u. ihrer lande (Hannover 1859—1872, 7 bde, грам. до 1394 г.), Lüneburger urkundenbuch (Celle, Hannover съ 1861 г.); мекленбург. и бранденбург. дипломатаріи; Hammerstein: Der Bardengau (Hannover 1869, содержитъ также много разныхъ памятниковъ).

ticiorum). [1]) Наконецъ побѣда осталась за нѣмецкими Саксами, которые мало по малу вытѣснили или онѣмечили тамошнихъ Славянъ. Старинная національная вражда между обоими племенами продолжала существовать и впослѣдствіи, проявляясь не рѣдко въ разныхъ сторонахъ общественной жизни. Такъ напр. еще въ первой половинѣ XIV вѣка, когда въ землѣ Бардовъ было уже мало Славянъ, эти послѣдніе относились враждебно къ своимъ нѣмецкимъ сожителямъ; монастырь Медингенъ, лежавшій тогда на юго-востокъ отъ города Люнебурга, страдалъ отъ нападеній разбойниковъ и ночныхъ поджоговъ Славянъ (praedonum invasionibus et nocturnis Slavorum incendiis), такъ что онъ вынужденъ былъ переселиться на западную сторону Ильменавы (1333). Этотъ національный антагонизмъ нашелъ себѣ и офиціальное выраженіе въ нѣкоторыхъ городахъ тѣхъ странъ. Такъ напр. дума города Люнебурга постановила въ 1409 г. не принимать впредь ни одного Славянина въ мѣщане (dat he nurmehr keinen wendischen mann to borgher nehmen wölle); только во второй половинѣ XVI вѣка (1570) дума и мѣщане сговорились снова дать Славянамъ мѣщанское право. Впрочемъ изъ цеховъ исключались Славяне въ Люнебургѣ еще въ XVII вѣкѣ (1676, 1680); одинъ чиновникъ и писатель того времени называетъ такой обычай „нелѣпымъ" (absurd). Въ Люнебургѣ существовалъ особый цехъ славянскихъ булочниковъ (grobbäcker), какъ было и въ другихъ балтійскихъ городахъ, напр. въ Розтокахъ, Бартѣ и Штральзундѣ, гдѣ были особые славянскіе мясники (Wendschlächter). Въ городѣ Ульценъ дума еще въ 1619 г. строго запрещаетъ мѣщанамъ жениться на Славянкахъ; родившіеся отъ такихъ браковъ дѣти исключены были изъ всѣхъ должностей, и имъ не выдавались такъ называемые geburtsbriefe т. е. свидѣтельства законнаго рожденія. [2])

При движеніи Саксовъ на востокъ къ Лабѣ залабскіе Славяне уступали и исчезали, оставляя однако между Ильменавой и Лабой до самаго XV вѣка отдѣльныхъ представителей своего племени въ городахъ и селахъ; можетъ быть, что и дворянскій родъ Pusteke (Пустекъ), упоминаемый уже въ первой половинѣ XIII вѣка,

---

[1]) Helmoldi Chron. Sclav. I. c. 25, 26, 34; Lambertus Hersfeld. (Pertz Monum., Script. V. 200).

[2]) Pfeffinger: Historie d. braunschw.-lüneburg. hauses I. 233, и книги Лаоби (см. выше) и Геннингса (см. ниже).

былъ славянскаго происхожденія. Кромѣ того, слѣды славянскаго населенія въ тѣхъ странахъ замѣтны и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ; такъ напр. часть жителей не платили десятинъ, а опредѣленную плату, какъ было и въ другихъ странахъ балтійско-славянскихъ (бископовница), употребляли для обработки полей и какъ полевую мѣру славянское *рало* (uncus, haken) подлѣ·болѣе тяжелаго нѣмецкаго *плуга* (aratrum, pflug) [1]). Наконецъ слѣды славянскаго населенія сохранились и въ постройкѣ селъ, въ географическихъ названіяхъ, въ названіяхъ селъ и урочищъ, селъ съ прозвищами „Wendesche“ и „Dudesche“, Wenthusen, Wennekote, Wenetdorp, Wèndewisch, Wendeschfeld, Wendenkamp, Wendisches meer (т. е. see), и пр. А во второй половинѣ XIV вѣка мы встрѣчаемъ въ землѣ Bevensen — лежавшей на югъ отъ Люнебурга между Ильменавой и гордскимъ лѣсомъ — одно учрежденіе подъ названіемъ „славянское право дѣдинника“ (jus slavicum quod dedenick vocatur) [2]). Разумѣется, что такихъ слѣдовъ больше по Лабѣ, около Вендланда; но не мало ихъ осталось также дальше на западѣ, по правому берегу Ильменавы.

Въ бардской землѣ Suderborg на верхней Ильменавѣ, уже на лѣвомъ ея берегу, было еще въ половинѣ XII вѣка 13 славянскихъ селъ (villae slavicae), отъ которыхъ однако не осталось слѣда. Въ земляхъ Ullessen (Олешно?), Bodendiek, Bevensen — на правомъ берегу верхней и средней Ильменавы — встрѣчаемъ до

---

[1]) Uncus, sclavicum aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis, объясняетъ лѣтописецъ Гельмольдъ ок. 1170 года. Срв. слова польскихъ грамотъ 1257 и 1262 гг.: aratrum parvum quod *radło* dicitur, aratrum magnum quod *pług* nominatur; unci qui polonice dicuntur *radła*. Такъ было и у остатковъ люнебургскихъ Славянъ въ концѣ XVII вѣка; собиратель славянскаго глосарія Геннигъ объясняетъ: *radli* — hacke, *plaug* — pflug, *wirat* (ворать, пахать) — hacken, ist dieses orts das land umzuackern mit zwei ochsen; *plaugit* (т. е. плужить) — pflügen, *woarona ljundi* — gehacktes land, *plauzena ljundi* — gepflügtes land, *ratoy* — ackermann, eigentlich einer der hackt.

[2]) Рыцари Шверинскіе владѣли въ 1354 г. селомъ Röbbelstorff cum molendino et cum *jure slavico*, quod *dedenick* vocatur. Подъ этимъ славянскимъ правомъ надо разумѣть вѣроятно *право дѣдичское*, наслѣдственное владѣніе дѣдиной, вотчиной (jus haereditarium). Срв. слова чешской грамоты 1208 года: praedium quod more terrae nostrae duo rustici possederant *dedin jure*, т. е. на правѣ дѣдинъ, какъ *дѣдичи* или *дѣдинники* (такъ назывались у Чеховъ наслѣдственные владѣтели, вотчинники). По записанному у Пеффингера немножко искаженному слову *dedan* — heritier (дѣдънъ? дѣдина?) видно, что люнебургскіе Славяне знали слово дѣдина, или другое въ томъ родѣ.

самаго XV вѣка цѣлыя славянскія села и дворы. Нѣмецкая колонизація славянскихъ селъ улесенскаго монастыря имѣлась въ виду уже въ XII вѣкѣ (si quae de sclavicis villis eidem ecclesiae pertinentibus a christianis cultae fuerint, decimas earum eidem ecclesiae permittimus). Около Вихманесборга на средней Ильменавѣ было въ половинѣ XII вѣка 20 славянскихъ селъ, и въ концѣ XIII вѣка (1296—1297) въ селѣ Nendorpe — между тѣмъ городомъ и лѣсомъ гордскимъ — имѣли люнебургскіе дворяне de Widdorpe право суда надъ шестью Славянами (advocacia VI Slavorum). Между Улесеномъ на верхней Ильменавѣ и Люховомъ и Островомъ на Яснѣ встрѣчаются въ концѣ XIII вѣка (1289 г.) 23 села (семь изъ нихъ уже въ Древянахъ), называемыхъ по нѣмецки (Kardestorpe, Saltendike, Scorstorpe etc.) и по славянски (Novente, Kolove, Konove, Dulan etc.), и въ нихъ „славянскія имѣнія (bona slavicalia)“, поземельные участки, съ которыхъ платились извѣстныя подати деньгами и натурой. Село Bollensen (срв. поль. Bolęcin) въ землѣ улесенской раздѣлялось въ 1393 г. на нѣмецкое (dudesch) и славянское (wendisch), и близкое поле носитъ извѣстное только у тамошнихъ (онѣмеченныхъ) Славянъ названіе priesing (см. ниже). Въ землѣ Bodendiek было въ половинѣ XIV вѣка (1341 г.) славянское село Тро (villa slavicalis), и въ XV вѣкѣ въ Полевѣ жили еще славянскіе крестьяне. Кромѣ того являются въ тѣхъ странахъ и отдѣльныя лица славянскаго происхожденія [1]).

Больше слѣдовъ Славянщизны сохранилось въ углу между нижней Ильменавой и Лабой и гордскимъ лѣсомъ, въ земляхъ Oldenbrugge (Modestorp, гдѣ городъ Люнебургъ), Dalenborg, Berscampe,

---

[1]) Praedium slavicum Scapevidele (1202); villa Scharnhop in bonis, in quibus nunc sedet Slavus nomine Thidericus (1307); curia in villa slavicali Tro, quam Bernardus filius Slabe quondam, Slavus, inhabitat (1341); in Lüder an dem houe dar nu Meyne Wend uppe wonet (1378), и пр. Нѣкоторые Славяне проникли еще дальше на западъ; такъ напр. упоминаются гдѣ-то у Ганштадта «wendeschen lude», подданные графа Адольфа шаунбург. (1320); въ числѣ васаловъ архіепископа бременскаго, уже на лѣвомъ берегу Везера упоминается Henricus Slavus (1207—1211); въ городѣ Брауншвейгѣ были, въ XIII—XIV в., улица и ворота славянскія (platea Slavorum, valva Slavorum, Wendedor). Славянское вліяніе замѣтно и въ одной легендѣ (XIV вѣка) объ избіеніи язычниками мучениковъ, покоящихся въ люнебург. монастырѣ Эббекесдорфскомъ (на западъ отъ р. Ильменавы); въ ней приводятся славянскія божества Свѣтобогъ, Витолюбъ, Радигость (Leibnitz Script. rer. brunswic. I. 191. Срв. Гильфердинга Ист. балт. Слав. 164).

Blekede. Въ первыхъ двухъ земляхъ часто упоминаются въ XIII—XIV вв. славянскія села (slavicae villae), и въ нихъ Славяне (Slavi in villis); такъ напр. села Nuthlikesvelde, Rameshorne, Wendeschen-Borstle, Muchelinghe, Etzendorpe, вѣроятно и Хиново, такъ какъ здѣсь былъ староста Славянинъ (curia in villa Chinowe, in qua sedet Slavus Wernerus nomine, magister civium, a. 1317). Славяне жили около Блекеде или новаго города Löwenstadt на Лабѣ (1209 г.), и еще въ XIV вѣкѣ (1365) въ числѣ тамошнихъ рыбаковъ былъ тоже Werneke Wende. Въ городѣ Люнебургѣ Славяне упоминаются, какъ выше сказано, въ очень поздния времена, и память о нихъ сохраняетъ здѣсь сѣверная часть города называемая до сихъ поръ „славянскимъ селомъ“ (Wendisches dorf), колонія пловцовъ и рыбаковъ, и „славянская улица“ (Wendische strasse); можетъ быть, что и названіе предмѣстья люнебургскаго *grimm* — славянское [1]). Въ XIV вѣкѣ (1340 г.) Славяне въ окрестностяхъ Люнебурга, подданные герцога и дворянъ (Slavi domini ducis de Luneborgh, Slavi seu Teutonici illorum de Groten et de Medinge), пользовались извѣстными выгодами относительно налога на соль, наравнѣ съ сосѣдними Древянами. Отдѣльные крестьяне славянскіе встрѣчаются въ разныхъ селахъ тѣхъ земель [2]).

Нѣкоторыя села сохранили память своего славянскаго населенія въ однихъ только названіяхъ или учрежденіяхъ: такъ напр.— не говоря о селеніяхъ съ прозвищемъ „Wendisch“—село Gronehagen на Ильменавѣ (на лѣвомъ берегу, къ югу отъ Люнебурга) называется въ первой половинѣ XIV вѣка бывшимъ славянскимъ (olim villa slavica, 1324); въ сосѣднемъ съ выше упомянутымъ славянскимъ селомъ Nuthlikesvelde селѣ Wenthusen были уже въ концѣ XIII вѣка (1299) нѣмецкіе жители, и пр. На Славянъ въ тѣхъ странахъ вѣроятно указываетъ тоже выше упомянутая обработка полей раломъ, между тѣмъ какъ плугъ указываетъ на нѣмецкихъ земледѣльцевъ. Въ подробномъ описаніи селъ земли Oldenbrugge

---

[1]) Volger: Der ursprung u. der älteste zustand d. stadt Lüneburg (L. 1861). Слово *grimm* сравниваемъ съ русскимъ *кромъ* въ Псковѣ; *крѣмъ* = кромъ (какъ и напр. нізъ = ножъ, *кѣлі* = коло). Volger замѣчаетъ, что нѣкоторыя слова употреблявшіяся прежде въ люнебургскихъ соловарняхъ, славянскія; но ихъ не приводитъ. Срв. ниже слово *kuntje*.

[2]) Dre Wende to Kutece (1330—1352); curia in villa Nieperfitze, quam nunc Volcmarus Slavus colit et inhabitat (1334); in villa Swendale casa, quam quidam Slavus Arneke inhabitat (1357); in Barendorf Ditmar en Wend (1367), etc.

(1450 г.) въ селахъ на лѣвомъ берегу Ильменавы были только плуги, на правомъ-же въ тринадцати селахъ рала, въ двѣнадцати плуги. Въ томъ числѣ приводится напр. въ селѣ Dudeschen Everingen— $3^5/_2$ plog (т. е. три цѣлыхъ плуга, и пять половинъ), и Wendeschen Everingen—4 haken, такъ что названія совпадаютъ и съ учрежденіями; въ другихъ селахъ, по названіямъ славянскихъ, встрѣчаются уже плуги, напр. въ селахъ Rethmar, Wenthusen, Wennekote (т. е. Ратимірь, Славянское жилье, Славянская хата); нѣкоторые крестьяне тѣхъ селъ (въ земляхъ Oldenbrugge и Bevensen), именно гдѣ упоминаются рала, носятъ очевидно не нѣмецкія имена: Vaddatt, Rittzeken, Kotzeken, Winke, Klawatz, Worenke, Bautzeke, Tzubud и др., по всей вѣроятности Славяне. Села Непервичи (Nyperwitce, Nieperfitz) и Помышль (Pomoissel)—на ручьѣ хотѣминскомъ на границѣ Древянъ—еще до недавна раздѣлялись на двѣ половины, каждая съ своими полями и пастбищами, вѣроятно остатокъ прежняго населенія, славянскаго и нѣмецкаго.

Послѣдній разъ упоминаются Славяне въ этихъ странахъ—на сколько знаемъ—въ самомъ началѣ XVI вѣка (1501 г.). Тогда герцогъ люнебургскій позвалъ къ Баргердорпу на Лабѣ окрестныхъ Славянъ и крестьянъ (Wende und buren), для постройки здѣсь плотины или вала; но гамбургскіе и любецкіе мѣщане прогнали герцога, дворянъ и крестьянъ; множество Славянъ попалось въ плѣнъ Любечанамъ, которые ихъ однако отпустили на свободу [1]).

На юго-востокъ отъ древней земли Бардовъ лежитъ „земля славянская“ (Wendland), составляющая трехугольникъ между гордскимъ лѣсомъ, Лабой и границей Старой Марки, орошаемый рѣкой Ясной [2]); главные города были здѣсь выше упомянутые Лучковъ (Hitzacker), Выдержь (Dannenberg), Люховъ (Lüchow), Островъ, Горска (Bergen), Клонска (Klenze), Гордско (Gartow), Годій Гордъ (Schnakenburg). Это—по всей вѣроятности первоначальный „Wendland“; но со временемъ границы его съузились, такъ что нынѣшній Wendland обнимаетъ только округъ люховскій и нѣ-

---

[1]) Хроника любецкая Реймара Кока (Meklenb. jahrb. XI. 107): Der Wende würden veele van den Lübekern gefangen; owerst dewyle idt veele arme, verhungernde lude weren, hebben de heren enen wat tho eten geven laten und weg tho lopen verlövet.

[2]) Такъ вѣроятно называлась рѣка Jeeze, въ етар. памятникахъ Jesne, Gisna, Jetze и пр. Въ XVII—XVIII в. люнебург. Славяне называли ее просто «рѣка».

сколько селъ прилежащихъ округовъ. Эти страны Славяне заселили сплошной массой, и до сихъ поръ большинство селеній Вендланда носитъ славянскія названія, и немногія—нѣмецкія [1]).

Нынѣшній Вендландъ раздѣляется на нѣсколько частей; самая обширная, западная половина до Ясны называется *Drawän* (Drawehn), юго-восточный уголъ—*Lemgow* (Linegow), сѣверо-восточный—*Lucie*. Въ этихъ названіяхъ сохранились названія племенъ поселившихся за Лабой по рѣкѣ Яснѣ, *Древяне*, *Глиняне* и *Лучане*.

Древяне или *Дравяне* поселились въ странахъ лѣсистыхъ, и назвались—какъ и ихъ одноименники на Руси—„зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“ или въ „дравахъ“ (деревьяхъ), какъ толкуетъ ихъ названіе и польскій лѣтописецъ XIII вѣка: „Славяне Древяне назвались по дремучимъ лѣсамъ или деревьямъ“ [2]). Остатки этихъ лѣсовъ сохранились въ Вендландѣ до сихъ поръ: на сѣверѣ выше упомянутый лѣсъ гордскій (Göhrde), и на югъ лѣсъ Хвойно (Cheyne, Choyne), по которому и называется прилежащая къ нему часть Древянъ *Geyn*. Древяне упоминаются уже въ началѣ XI-го вѣка (Claniki — т. е. Клонска—in Drevani, 1004 г.), и потомъ часто; въ XIV вѣкѣ приводится много селъ въ Дравянахъ (up den Dravenen) и сами древянскіе Славяне (Slavi Drevene qui dicuntur), въ началѣ XVI вѣка фогтъ люховскій и шляхта въ Дравянахъ (die slechte, т. е. geschlechte, in Draffenen). Залабскіе *Глиняне* были продолженіемъ своихъ соплеменниковъ на правомъ берегу Лабы; ихъ земля (Linegow) упоминается первый разъ въ началѣ XIII вѣка. Названіе *Lucie* вѣроятно славянское *Лучіе* (луки, луги); другое названіе той волости *Bröking* означаетъ тоже самое (нѣм. brök, bruch—лугъ). Оба главные города тѣхъ странъ, Данненбергъ

---

[1]) Wendland подробно описалъ Hennings: Das hannover. Wendland (Lüchow 1862); срв. тоже Jacobi: Slaven-u. Teutschthum 13—31, Гильфердингъ: Ист. балт. Слав., 314—325. Жаль, что послѣдній не успѣлъ разработать весь имъ собранный матеріалъ. Много матеріаловъ и въ выше упомянутомъ сочиненіи Гаммерштейна.

[2]) Boguchval (Bielowski Monum. Polon. II. 470): Slavi qui Drewnyanye vocantur; haec gens a densitate silvarum seu lignorum nomen accepit: nam D. a lignis nuncupantur. Богухвалъ впрочемъ смѣшиваетъ Древянъ съ Гользатами, считая ихъ городами Буковецъ (Любекъ), Гамбургъ, Бременъ, Шлезвигъ.— Въ землѣ Брижанъ (Priegnitz) есть село Drewen или Drewan, и въ старгардской землѣ (Мекленбургѣ) въ XVI вѣкѣ была «wüste feldmark Dreffin». Для объясненія формы *Drawen* (Дравяне) замѣтимъ, что въ нарѣчіи люнебургско-славянскомъ *драва*—дрова, *дравены*—деревянный.

и Люховъ,..сохранили память о Дравянахъ до сихъ поръ въ своихъ „дравянскихъ предмѣстьяхъ“ (Drawener koreitz); въ Люховѣ же были до конца XVIII вѣка „дравянскія ворота“ (Drafeinisches, Drawener thor).

Въ этихъ залабскихъ странахъ были съ XII вѣка особые графы, васалы герцога саксонскаго, графы данненбергскій и люховскій (послѣдній нѣкоторое время васалъ маркграфа бранденбургскаго). Остались-ли здѣсь и нѣкоторые славянскіе шляхтичи-землевладѣльцы, не знаемъ; около Гицакера былъ еще въ концѣ XIV вѣка родъ люнебургскихъ дворянъ *Даргашей* (Herman Dargessen 1393), вѣроятно переселившійся сюда изъ полабско-бодричскаго графства данненбергскаго. Славянскіе жители селъ графствъ данненбергскаго и люховскаго упоминаются часто; такъ напр. въ Кромѣмышлѣ, Чаховѣ, Покленцѣ, Радомышлѣ, Горѣтинѣ, Горичанахъ, Стерлѣ, Панчевѣ и др. [1]). Въ XVI вѣкѣ люнебургскіе Славяне сдѣлались протестантами. Одинъ изъ ихъ священниковъ, Вендель-разумѣется Нѣмецъ, который прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Гицакерѣ и въ одной близкой деревнѣ, считаетъ (1536 г.) ввѣренныхъ ему Славянъ „тупыми“; сожалѣя о томъ, что онъ имъ можетъ мало пользы принести своими нѣмецкими проповѣдями, почтенный пастырь утѣшается по крайней мѣрѣ евангельскими словами: не разсыпай бисера передъ свиньями [2]). Въ Вендландъ нѣмецкая ко-

---

[1]) Bona slavicalia in Gremaszle, Malsleve, Zacheve, Tzabelin, Kive, Poklentze, Nendorpe, Moylen (1289); 4 Slavi in Redemutzle, 3 Slavi in Gorenthin (нын. Göhrde), 4 Slavorum advocacia (судъ) in Gromazle, 3 Slavi in Guriz (1296—1297); 2 Slavi in Sterle (1304); villa Banzeue venditur duobus Slavis exceptis (1306); Slavi, slavicales seu teutunicales residentes prope civ. Luchove (1313); proprietas in villa Bantzeue in sex Slavis ibidem commorantibus (1398); у Гартова «славянское поле»-Wentvelt (1321), и пр.

[2]) Nu synth de wendeschen lude szo unndvorstendich, dath ick weynich fruchth dorch myne predicacien kan don, des ick denne eyn groth beszuer myner conciensien drage, wenthe ick weth wol, wat my Cristus myn heylanth hefft beuolen Mathei in dem VII.: du schath de perlen nicht vor de suye werpen. (Meklenb. jahrb. II. 207). Съ этими словами срв. отзывы другихъ нѣмецкихъ священниковъ о Славянахъ, напр. разсказъ біографа св. Стурма, апостола Тюринговъ, какъ сирадъ купающихся въ Фульдѣ Славянъ возбудилъ отвращеніе въ мужѣ божьемъ и испугъ въ его ослѣ (736 г.); слова другого апостола Нѣмцевъ, св. Винфрида-Бонифація, назвавшаго Славянъ «мерзѣйшимъ и скверѣйшимъ поколѣніемъ людей» (Winedi, quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, 745 г.); любопытный отзывъ Др. Лютера о лужицкихъ Сербахъ: Von allen die ärgste ist fast die nation der Wenden, da uns gott

лонизація проникла гораздо слабѣе, чѣмъ въ землю Бардовъ. Въ Вендландѣ находится довольно мало селеній съ нѣмецкими названіями, и нѣмецкій элементъ усилился здѣсь уже поглощеніемъ кореннаго славянскаго элемента. Но эта германизація шла очень медленно, борясь съ упорнымъ характеромъ тамошняго населенія, которое относилось къ Нѣмцамъ враждебно. Еще востровскій священникъ *Геннигъ* (ок. 1700 г.) разсказываетъ, что ни одинъ Нѣмецъ не могъ оставаться между тамошними Славянами; они его преслѣдовали до тѣхъ поръ, пока онъ не удалялся; если кто изъ Славянъ хотѣлъ учиться по нѣмецки, то его ужасно бранили. Въ началѣ XVIII вѣка люнебургскіе Славяне наконецъ замѣнили свой языкъ—нѣмецкимъ; но многіе славянскіе обычаи и нравы сохранились у потомковъ тѣхъ „Вендовъ“ до сихъ поръ.

Отъ земли бардской „земля славянская“ (Вендландъ) отличалась своимъ раздѣленіемъ на судебные округи низшаго разряда; въ первой они назывались *veesten*, а въ другой *tuchten* (tucht-zug), первоначально вѣроятно семейные союзы. Тухты сохранились въ Вендландѣ отчасти до сихъ поръ; на нихъ лежитъ теперь обязанность поправлять дороги и мосты [1]). Сельскіе *старосты* или *сторîсты*, по нѣмецки *шульцы*, въ Вендландѣ—въ бардской землѣ они назывались burmester, bauermeister (magister civium)—пользовались и отчасти пользуются до сихъ поръ извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ связаннымъ съ ихъ должностью; этотъ участокъ назывался по славянски *гостиница* (gustenytze, güsteneiz, jüsteneitz [2]). Села славянскаго происхожденія отличаются—какъ уже

---

eingeworfen hat. Denn gott wendet sich zum schlimmsten volke, wie er die propheten u. Christum zu den Juden schickte, dem schlimmen volke, das sie tödtete. So kommet auch Christus hieher unter die Wenden, dass er des teufels werke erstöre und die teufel austreibe, die hier in dörfern und städten wohnen. Wenn ein böser volk wäre, denn die Wenden, so musste das evangelium daselbst aufgegangen sein.

[1]) Къ сожалѣнію о «тухтахъ» знаемъ только по отрывочнымъ извѣстіямъ сообщеннымъ Гаммерштейномъ и Геннингсомъ. Срв. тоже Zeitschrift des histor. vereins für Niedersachsen 1856. I. 131.

[2]) Dat burmestersrecht dat menliken gheheten is *gustenytze*, въ селѣ Превлакѣ у Гицакера (1345). Древанскій крестьянинъ Парумъ Шульцъ (1725) объясняетъ: «*Jüsteneitz* heisst so viel als ein gastland; gast heisst *jüst* (т. е. гjість—гость); in alten zeiten, wenn die vogte haben in dorf gekommen, so hat sie der schultze bewirthen müssen». Срв. ниже *gustinge* на Ранѣ. Слово *сторîсть* приводитъ издатель части записокъ Парума (1794): «Das wendische

выше сказано—отъ нѣмецкихъ своей подковообразной постройкой и устройствомъ полей. Нѣкоторыя относящіяся къ тому славянскія названія уцѣлѣли до сихъ поръ; такъ напр. задняя часть сельскаго дома, задній дворъ, называется *klanzei*; Парумъ Шульцъ производитъ это слово отъ „заключить“ (zokluncet—заключить), klanzei, klansei — вѣроятно *клѣчи* [1]). Za klanzei слѣдуетъ такъ наз. *prising* (priesing), лугъ или лѣсъ, роща, иногда поле, садъ, вѣроятно *брезинки* (березыньки). Въ нѣкоторыхъ селахъ пристроенная къ нимъ часть называется *koreitz* (горица?), слово, которое означаетъ предмѣстье (koreytz, tchoreize, tjaureze, у глосаторовъ XVII вѣка), напр. Drawener koreitz (дравянское предмѣстье) въ городахъ Данненбергѣ и Люховѣ.

Послѣдніе остатки залабскихъ Славянъ въ люнебургскомъ Вендландѣ сдѣлались болѣе извѣстными только въ самомъ концѣ XVII вѣка, когда славный Лейбницъ обратилъ свое вниманіе и на языкъ и древности этого забытаго захолустья славянскаго. Съ тѣхъ поръ стали изучать бытъ и языкъ этихъ Славянъ — разумѣется уже исключительно простого народа (einfältiges bauernvolk) — тамошніе священники, *Митофъ* (1691) въ Люховѣ, и *Геннигъ* (1705) въ Востровѣ, извѣстный ученый люнебургскій *Пфеффингеръ* (1698), и одинъ славянскій крестьянинъ, *Іоаннъ Парумъ Шульцъ* (1725) изъ села Sühten (др. Suthene) въ приходѣ костянскомъ (Küsten) недалеко Люхова [2]). Тогда, въ

---

wort *storüst* bedeutet einen schulzen». И въ Польшѣ сельскіе старосты назывались такъ, *старосты*. Въ собраніи древнепольскихъ юридическихъ обычаевъ, сдѣланномъ во второй полов. XIII вѣка, приводится: ein *staroste*, daz ist der edilste in dem dorffe. (Helcel: Pomniki II. 16). Только позже, съ введеніемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ, сельскій староста принялъ нѣмецкое названіе *sołtys* (schultheiss, scultetus).—Тоже самое было у полабскихъ Сербовъ, у которыхъ шульцы сохранили другое старинное славянское названіе *жупанъ* (supanus): ad officium supanatus in villa Wyzscen-sextus mansus et ipse hortus (1291).

[1]) Въ глосаріяхъ встрѣчается и слово *klanggay* (клѧгы), плотническій терминъ, band; имѣетъ-ли это связь съ klanzei?

[2]) Критическаго изданія записокъ этихъ глосаторовъ и ихъ преемниковъ до сихъ поръ нѣтъ. Относительно самое полное собраніе сдѣлалъ *Pfuhl*: Pomniki Połobjan (Časopis Maćicy Serbskeje 1863—1864); части издали Добровскій (Slovanka, 1814—1815) и Гильфердингъ (Памятники нарѣчія залаб. Древлянъ и Глинянъ, 1856). Граматику этого нарѣчія написалъ *Schleicher*: Laut- u. formenlehre der polab. sprache (1871). Срв. тоже статью Гануша въ Slawische Bibliothek II. 109.—Для сравненія важно нарѣчіе остатковъ помор-

концѣ XVII-го вѣка, упорное сопротивленіе Вендовъ противъ германизма было уже сломано, и славянское нарѣчіе исчезало, преслѣдуемое даже властями, которыя налагали штрафы за его употребленіе. По славянски говорили только около Люхова и Вострова, да и то только старики; молодежь уже не хотѣла говорить на языкѣ отцовъ, гнушаясь имъ и насмѣхаясь — вмѣстѣ съ Нѣмцами — надъ своими стариками. Когда священникъ Геннигъ сталъ изучать языкъ и бытъ своихъ Славянъ, то онъ долго не могъ отыскать между ними человѣка, который бы ему сообщалъ нужныя свѣдѣнія; ибо всѣ боялись, что вопросы будутъ дѣлаться только для насмѣшекъ. Только послѣ долгихъ исканій нашелся одинъ крестьянинъ изъ Кленова, Іоаннъ *Яншке*, съ помощью котораго Геннигъ составилъ свой глосарій. Самъ природный Славянинъ, *Парумъ Шульцъ*, сознается (1725 г.), что ему трудно на этомъ языкѣ говорить и писать; его дѣдъ и отецъ знали еще хорошо свой родной языкъ, его младшая сестра только понимаетъ немножко по славянски, а его младшій братъ уже ничего не знаетъ; нѣкоторые старики говорятъ еще на смѣшанномъ языкѣ, на половину по славянски, на половину по нѣмецки. „Когда я и три особы въ моей деревнѣ умремъ“, восклицаетъ Парумъ, „то никто не будетъ точно знать, какъ называть по славянски собаку“ [1]). Такъ и случилось. Уже въ 1751 г. не нашелся ни одинъ человѣкъ знающій по славянски, и въ началѣ 1798 г. умеръ въ Кремлинѣ крестьянинъ Варацъ, который — какъ говорятъ — зналъ еще молитву господню на славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ полное онѣмеченіе послѣднихъ остатковъ залабской Славянщизны можно отнести къ первой половинѣ XVIII вѣка. Онѣмеченіе случилось частью вслѣдствіе вѣковаго и сильнаго напора нѣмецкаго элемента, который окружалъ тѣхъ Славянъ со всѣхъ сторонъ, частью не безъ содѣйствія властей духовныхъ и свѣтскихъ, какъ это дѣлалось напр. и у лужицкихъ Сербовъ, у которыхъ церковь и школа были дѣятельнымъ орудіемъ германизаціи. Выше упомянутые священники Митгофъ и Геннигъ, когда были назначены въ Люховъ и Востровъ, конечно не знали по сла-

скихъ Славянъ, Словинцевъ и Кашубовъ, которое во многомъ подходитъ къ древянскому. Срв. особенно статьи Гильфердинга (Этнограф. Сборникъ V) и Стремлера (Филолог. Записки 1874 г.).

[1]) Wenn es mit mir und denn noch drei personen in meinem dorfe vorbei sei, werde wol niemand recht wissen, wie ein hund auf wendisch genannt werde.

вянски; современный имъ священникъ Велингъ въ Боличахъ (Bülitz у Люхова), называется первымъ *нѣмецкимъ* проповѣдникомъ.

Весь этотъ процесъ постепеннаго онѣмеченія люнебургскаго Вендланда, мы, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ данныхъ, прослѣдить не можемъ [1]). Укажемъ здѣсь только на одну сторону этого процеса, которая видна въ *языкѣ* люнебургскихъ Славянъ конца XVII и начала XVIII вѣка.

Люнебургскіе Славяне окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, своими вѣковыми господами, слыша кругомъ себя отъ дворянъ, мѣщанъ и духовенства, только нѣмецкую рѣчь, разумѣется, не могли оставаться безъ значительнаго вліянія нѣмецкаго. Соображая всѣ эти неблагопріятныя для славянской народности обстоятельства, надо удивляться, что языкъ этихъ залабскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ сохранился еще до такой степени, какимъ онъ является въ собранныхъ тогда памятникахъ. Нѣмцевъ называли люнебургскіе Славяне по окружающему ихъ племени, *Саксами* — *Сјоскјы* т. е. *саскій*, какъ часто называли себя всѣ сѣверные Нѣмцы, начиная отъ Рейна глубоко на востокъ до Пруссіи (Sassen, de sassesche sprake, dat sassesche dudesch). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Славяне придавали названію „Сасъ", равнымъ образомъ какъ и названію „Нѣмецъ", еще другое значеніе, барина, господина; глосаторы XVII—XVIII вв. объясняютъ: Сјоскјы (Cziostje, Siostie) — Deutscher, vornehmer, Немацъ (nematz) — vornehmer junger bursch, Немкјаинка (nemtjeimka) — vornehme jungfer [2]). Нѣкоторые Славяне знали еще, что ихъ языкъ — „словенскій" (слîвенскјы, записано у Геннига „slîwênstja"); но другіе въ тоже самое время называли его уже по нѣмецки — „вендскимъ" (wenske, wénskia goren — wendisch sprechen, вендское говореніе, записано у Пфеффингера).

На слѣдующихъ страницахъ попробуемъ представить очеркъ быта люнебургскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ, на сколько этотъ бытъ выражается въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ ихъ *языка* [3]).

---

[1]) Желательно, чтобъ о Вендландѣ издана была книга въ родѣ книги Гаммерштейна: Der Bardengau.

[2]) Стало быть, притивуположность того, что сдѣлали Нѣмцы съ племеннымъ названіемъ Славянъ, придавъ ему значеніе «раба» (sklave).

[3]) Славянскія слова пишемъ по-русски, и ради удобства, русскимъ правописаніемъ; носовые звуки означаемъ ѫ и ѧ; *î* — собственно коренное *о* (напр. слîвî — слово, какъ и въ малорусск.); латинское *j* послѣ коренныхъ к и г

Славянская *васъ* (весь, деревня) люнебургскаго Вендланда XVII—XVIII вв. была — какъ уже выше сказано — *bïiwena* (gebaut, построена) подковообразно съ однимъ только входомъ. *Визе* или *хjаизе* (вѣжи, хижи, т. е. дома) и *каты* (хаты) были обращены на площадь, гдѣ стояли *дѫбы* (дубы, т. е. деревья) и *язаба* или *язба* (общественная изба, gemeindestube, spielhaus) [1]). Въ язбѣ

означаетъ ихъ переходъ въ ть, дь. Въ остальномъ придерживаемся Шлейхера: Laut- u. formenlehre der polab. sprache, гдѣ можно отыскать и разнообразную «орѳографію» каждаго слова, т. е. насколько ихъ Шлейхеръ принялъ; всѣхъ словъ къ сожалѣнію не принялъ. Нѣмецкія слова или такія же Славянами принятыя и передѣланныя, пишемъ латиницей. Склоняемъ и спрягаемъ по-русски, съ нѣкоторыми исключеніями, въ которыхъ видны особенности нарѣчія: напр. пишемъ — *ацця* (— *ица*, малорусск. —*ия*), соблюдаемъ разницу въ именит. пад. множ. между живыми и нежив. — *и*, — *ы*, и нѣкоторыя особенности склоненій, насколько они извѣстны; пишемъ напр. именит. падежи *taleri* (*r* мягк.), *nîze* (ножи, поль. noże), *nîzaice* (ножницы, поль. nożuse), *bîce* (овцы), *pîze* (розы), *bize* (вѣжи) и пр. Повторяемъ, что быть Славянъ описываемъ *только* на основаніи ихъ *языка*, не вдаваясь въ болѣе подробное описаніе народныхъ обычаевъ, вѣрованій и пр.; все это можно найдти въ нижеприведенныхъ книгахъ. Многимъ читателямъ нашъ очеркъ покажется оригинальнымъ; но за то въ немъ германизація люнебург. Славянъ выдается нагляднѣе, рельефнѣе, чѣмъ если приводить длинный перечень однихъ только словъ.

[1]) Геннигъ называетъ эту избу (gasaba): «ein allgemeines gebäude mitten im dorfe, da sie pflegen ihre versammlung und sauffeste zu haben.» Древянская язба соотвѣтствуетъ *континъ* Поморянъ XII вѣка, какъ ее описываетъ біографъ Оттона бамбергскаго: *Continae* quatuor in civitate Stetinensi; una ex his principalis (т. е. храмъ Триглава); tres aliae continae... sedilia intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant; nam sive potare sive ludere sive seria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus conveniebant et horis. (Monum. German. hist., Scriptores XII, p. 793—794). Язба и контина сходны и въ значеніи; контина происходитъ вѣроятно отъ (недоказаннаго у балтійскихъ Славянъ) *кѫта* или *кѫтя* (срв. болг. *кѫща*, серб. *кућа*), какъ *хижина* отъ *хижа*. Замѣчательно, что въ люнебургскихъ соловарняхъ одна большая комната, гдѣ собиралось начальство, называлась *kuntje* (eine grosse stube, welche man die *kuntje* nennt, Pfeffinger: Hist. d. braunschw.-lüneburg. hauses, II. 130). Извѣстно, что такая же общая *хижа* встрѣчается въ югославянскихъ задругахъ до сихъ поръ. (Срв. Богишича Сборникъ стр. 7, 76).—Еще въ концѣ XVII в. ставили по деревнямъ такъ назыв. *krautza* (*kreuzbaum*; его знаетъ Геннигъ) и *kronenbaum*, родъ священныхъ деревьевъ. О разныхъ обрядахъ относящихся къ этимъ остаткамъ древнеславянскаго обожанія деревьевъ (срв. Helmoldi Chron. Slav. I. c. 83) разсказываетъ Гильдебрандъ въ 1672 г. (Keyssler's reisen durch Deutschland, 1776 г., II. p. 1376).

сходились на *rad* (rath, совѣтъ) *bŏri* (bauern, крестьяне), или, какъ они собирательно назывались старинным словомъ, *смардî* (т. е. смардьё, древнерусск. смерды), *noberi* (nachbarn, сосѣди), *плосници* (hüfener, владѣльцы такъ называемой hufe), и *пîлъ-лаибници* (halbhüfener); остальные жители села были *хатари*, владѣльцы хатъ и малыхъ участковъ земли, и *сѫсёди* (бѣдные крестьяне, einwohner, häuslinge, собств. сосѣди). Сельскимъ начальникомъ былъ *сторîстъ* (староста) или *schulz*, который пользовался извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ называемымъ *гjîстинаица* (jüsteneitz, т. е. гостиница или гостинецъ) [1]). Сельскій *дŏръ* (дворъ) или *гjеумнî* (гумно, hof, güter), вѣроятно также *седлаистъ* (селище), состоялъ изъ дома и другихъ хозяйственныхъ *бйжоп* (gebäude, построекъ). Въ жильѣ была *дварнаица* съ *комнами* или *пицью* (дворница, комната съ печкой) и *komer* (kammer, schlafstube). Здѣсь стояла въ серединѣ и у *стёнъ* (стѣнъ), *двари* (двери) и *вîконъ* (оконъ), мебель и вообще разныя принадлежности жилья, *пîстиля* (постель), *заибка* (зыбка, колыбель), *daisko* (tisch, столъ), *steuly* (stuhl, стулъ), *bankjai* (bank, скамья), *заркjодлî* (зеркало), *ракjаи* и *раквашца* (шкафы). Въ шкафахъ хранились *плотнî* (полотно), *плохта* (плахта, холстъ), *плохтващи* (простыни), *рѫцникы* (ручники), *рѫколы* (рубашки съ рукавами), *kortaly* (короткія рубашки), *nasediky* (nasentuch, платки), *netnusy* (netzhosen, чулки), разное *вîдене* (одѣніе, одежда): *rok* (rock, кафтанъ) съ *krogo* и *knöpati* (kragen — воротникъ, knöpfe — пуговицы), *bruchusa* (hosen, штаны), *кjîзеухъ* (такъ читаемъ tjüsau, кожухъ, шуба), *сеукни* (сукни, юпки), *рѫкавацци* (рукавицы), *клîбîкъ* (клобукъ, шляпа) и др. На другомъ мѣстѣ стояла разная посуда, *глаинена*, *стаклина*, иногда и *срибрна* и *златна*, напр. *taleri* (teller, тарелки), *plateri* (platten, блюда), *glosy* (glas, стаканы), *гаржкы* (горшки), *kreuzy* и *kreuzky* (krug, кружки), *kjünai* и *kjünavaïci*

---

[1]) Геннигъ объясняетъ: «hüfener, der eine hüfe landes (plost?) besitzt — plasnick, halbhüfener—pêllibnick (pöllibnick), von pêl-halb», и вѣроятно лаибъ (wispel, извѣстная мѣра, срв. кашуб. любъ—scheffel, полъ-лебы—полъ мѣры), или просто половникъ. Хатарями называемъ извѣстныхъ во всей сѣверной Германии kussater, kossaten, kotseter, koteren, viertelhüfener, владѣльцы хатъ (katen, koten, у Кашубовъ kata, kota); срв. чеш. домкарь (владѣлецъ домика) и луж.-серб. хѣжкарь (владѣлецъ хѣжки). Парумъ Шульцъ приводитъ темныя слова «zawwlackne plost» и «scheissne-kungsa (т. е. кѫсы, куски) = kussaterstücken»; имѣютъ-ли слова «zawwlackne» и «scheissna» связь съ словами «влака» (поль. włoka, hufe) и «хижина»? — О «гостинцѣ» см. выше, стр. 47.

(kanne, кружки), *сланацци* (солонки), *свецникы* или *lichtary* (leuchter, подсвѣчники) съ *свецами*; дальше *нîзе* (ножи), *gobely* (gabel, вилки), *лазацци* (*лазаццы*, ложки), *нîзацце* (ножницы), *яглы* (иглы) и пр.

Въ *кjеухёрнацць* или *käke* (küche, кухнѣ) былъ *педе* (пёдъ? русск. подъ, очагъ) и разные кухонные снаряды, *кjîтялъ* (котелъ), *рîзанъ* (роженъ, вертелъ), *стм̑по* (ступка), *riw* (reibeisen, терка), *ресетî* (рѣшето), *метла*, *сикjара* (сѣкира), *кораитî* (корыто), *паранацця* (валекъ), *kjecer* (kesser, ketscher, kietzer, корзинка) и пр. Въ *пекарнацць* (пекарнѣ) приготовляли *тёстî* (тѣсто), заквашенное *storikom* (sauerteig), и пекли *skjaibu* (scheibe, хлѣбъ), сажая ее *лîпатацией* въ *пицъ* очищенную *хjîстомъ* (хвостомъ, помеломъ). Подъ *dekom* (dach, крышей) былъ *ban* (чердакъ), куда вели *рибре* (лѣстница) или *trepai*, *stig* (treppe, stiege).

Дальше былъ *гардъ* или *skjeuno* (scheune, гумно), въ немъ на *прм̑трахъ* (ярусахъ, кашуб. przętro) *снîпы заита* (снопы жита, хлѣба), *вîклîпы сламы* (оклопы, связки соломы), *сёнî* (сѣно) на *сенеиоиъ прм̑трь*. Въ *кjîнскихъ stalach* (stall, конюшняхъ) были *кjîни* (кони), *engst* (hengst), *klipper*, *кjîбалы* (кобылы), *зрибм̑та*, *зрибцци* и *зрибацци* (жеребята); въ другихъ *stalach* или *хлевахъ-скîтъ* (скотъ), *bolo* (bull, быкъ), *jеунцци*, *вали* (волы), *корвы*, *jолîвацци*, *тилм̑та*; *ramky* (ramm, баранъ), *вîце* (овцы), *jогнм̑та*, *скîпи* или *omeli* (hammel), *кjîза* (коза); *випръ* или *нерезацъ* (вепрь, боровъ), *свацня*, *порсм̑*. Разные домашніе *патинцци* (птицы): *кjеуръ* или *слепацъ* (пѣтухъ), *слепицци* (курицы), *кjеурм̑та* (курята) или *слепм̑та*, *гм̑съ*, *stricia* (утка) и *паилм̑та* (уточки), *цjîлм̑бъ*; наконецъ *пасъ* (песъ) и *кjîта* (кошка).

Въ сараяхъ хранились разные хозяйственные снаряды и орудія, *возъ* или *кjîла* (т. е. кола), его части *кjîлî* (колесо), *звенî* (косякъ), *стапацця* (спица), *вîсъ* (ось), *schene* (schiene, шина), *кланацця* (стремянка), *вînацця* (дышло), *wunkar* (wagenkorb); *сони* (сани), *schukarja* (schubkarren, тачка), *salja* (sühlen, сбруя), *laicjary* (leitseil, привязь), *седлî* (сѣдло), *веузда* (узда), *пîдкîвы*, *вастрîны* (остроги, шпоры); *schipa* (schüppe, лопата), *spoden* (spaten, заступъ), *kjadjo* (kette, цѣпь); *плеугъ* и *радлî* (плугъ и рало—соха), ихъ части: *радлацця* (лемехъ), *радлацаистъ* (доска на которой прикрѣплено рало), *плеузено зелёзî* (pflugeisen, рѣзакъ), *вапеусъ* (опушь, рукоятка), *brostkil* (kiel); *кjîса* (коса), *сарпъ*, *ваидлы* (вилы), *гробле*, разные *прîвазла*, *вм̑за*, *вм̑зацци* (веревки, узы), и пр.

За домомъ былъ *вагардь* (огородъ, садъ) съ дм̑бами (деревьями),

каковы были *греукъ*, *јоблîня*, *ваисня*, *слаивеня*; здѣсь были и *торкјîве јобкјî* (турково яблоко, тыква), *рîзе* (розы), *безъ*, *salwaja* (salbei), *rutja* (raute) и другія *planty* (pflanzen) и *кёты* (цвѣты). Здѣсь стояли *веулы* съ *целами* и *мотаицей* (ульи съ пчелами и маткой), съ *медомъ* и *васкомъ*. За *тыномъ* (wateun или нѣм. tûn-zaun) былъ вышеупомянутый задній дворъ *клѫчи*. *Ворбли* (воробьи) и *лостеваици* (ласточки) ютились въ разныхъ мѣстахъ сельскаго двора.

Въ домѣ жили хозяева, *визены льольа* и *визена мотаи* (hausvater, haus-mutter), *kjarl* (kerl, мужъ) и *зена*, и ихъ *дети* (*детѧ*—дитя), *ватрîци* или *sainky* (отроки—сыновья, söhnchen) и *девкы* (дѣвки, дочери), иногда *блаизѧта* и *блаизаици* (близнецы, мальчики и дѣвочки); *стори* (старые, ältern), родители хозяина, иногда также женатый сынъ, *глеупые* (глупые), т. е. молодые супруги. За работами и скотомъ смотрѣли *knechti* (knechte) и *девы* (дѣвки), которыхъ *dingali* (dingen, нанимали) за извѣстное *маитî* (мыто, плату). Славянскій *bör* (bauer) ѣлъ шесть разъ въ день; первый *moltid* (mahlzeit) былъ *са јеутра ранî* — *придîбедъ* (съ утра рано предобѣдъ—frühstück), потомъ *вîбедъ* (обѣдъ, morgenbrot), въ *пîлни*—*придјеузаинакъ* (въ полдень предужинокъ—kleine mittagsmalzeit) и *јеузаиня* (т. е. ужинъ — mittagsessen), дальше *придиерикъ* (т. е. предвечерокъ — vesperbrod), и наконецъ *пîзнî вицеромъ* — *вицерѧ* (поздно вечеромъ — вечеря, ужинъ — abendessen).

Самыя важныя *дёла* (дѣла, работы) были, разумѣется, полевыя, которыя начались въ *пîзаиму* или *прîлётî* (позима, пролѣто—весна), именно въ мѣсяцы *хеуды* — *топ* (худый мѣсяцъ, апрѣль), и *лаистенъ* — *топ* (лиственный м., май). За селомъ было разное *liondî* (land, земля), *пîля* (поля), *рîли* (роли), *блони* (луга, срв. болонье), *broky* (brachfeld, паренина). *Ратой* (ратай, пахарь) *варалъ радломъ* (оралъ — пахалъ раломъ) — *вароно liondî*, или *плеузилъ плеугомъ* (плужилъ плугомъ) — *плеузено liondî*, дѣлая *бордзи* (борозды) и *мидзи* (межи, повороты, gewende), *влацилъ борнами* (боронилъ), и *сијолъ* или *сјолъ* (сѣялъ) разное *зярнî* или *заитî* (зерно, жито, хлѣбъ): *разъ* (plur. *разе*, рожь), *ѩименъ*, *пасенаицю*, *вîвясъ* (овесъ), *прîсî*, *bükweit* (buchweizen, греча), *епір* (hanf, конопля), *лянъ* (ленъ), *бîбы*, *горхъ*. *Schapari* (schäfer), *постарници* (пастухи) или *нѫтари* (*hüter?*), взявъ свой *месакъ* (мѣшокъ), свою *гјîницаиню* [1]), и затру-

[1]) Такъ читаемъ слово *tjeniceinia*—hirstenstab. Срв. *гонидло* (пастушескій посохъ) полабскихъ Сербовъ. Уже Титмаръ описываетъ этотъ посохъ: bacu-

бивъ въ *drametu* (dromete, schalmei), выгоняли *нѧты* (стада) на *поствашю* на *зилье* (на пастбище на зелье, траву).

Въ *лѣтѣ* (лѣто), именно въ мѣсяцы *срединятны* или *pankjîstimon* (pfingstmonat, іюнь, въ немъ былъ *срединятъ* — mittsommer, Іоаннъ Купало), *сенинникъ* (heumonat, іюль) и *hay—mon* (также heumonat, августъ), собирали *сѣнѣ* (сѣно), ставили его въ *кјîпашци* (копицы, скирды), отправляли *занаи* (жатву), *секари секли заито и вѧзали въ спîны*, возили въ гарды или skjeuni, гдѣ *darschuri* (drescher, молотильщики) *били* его *цепами* (молотили). Эта работа и другія продолжались осенью или въ *первую заиму* (pergnia seima) и *заимой* (зимой), въ мѣсяцы—первый *заиме-mon* (зимній мѣсяцъ, сентябрь), *ваине-mon* (винной м., weinmonat, октябрь), *заиме-mon* (зимній м., wintermonat, ноябрь), *требе-mon* (требы—рождество, декабрь), *нîвî лѣтѣ* (новое лѣто, н. годъ, январь), *рîзацъ* (рожецъ, hornung, февраль), *sür-mon* (soor — сухой, мартъ) [1]). Въ тѣ мѣсяцы приготовляли тоже ленъ; его мочили на *мîцаидлъ* (мочилѣ), ставили; *прѧдли* (пряли) на *главкѣ*, *кѧдели* (прялкѣ, ея части *вритенî*, *цевъ* или *spolka* — spule, *степинъ*); *прѧденъ* (прядь) мотали на *мîтîваидлъ* (мотовилѣ). *Прѧды* (пряхи) послѣ *дандёла* (т. е. дневной работы, tagwerk) сходились по вечерамъ, и за работой слушали старинныя преданія и разсказы *бобъ* (бабъ, старухъ) о *зимникахъ* и *гјöрцоникахъ*, *гјöрцоняхъ* (подземныхъ и горныхъ духахъ), о *цярномъ зимникѣ* (черномъ земникѣ, преемникѣ Чернобога), о разныхъ *koboltach* (нѣм.), *кјабахъ* (?, привидѣніяхъ), *tworsaikach* (привидѣніяхъ, срв. нижненѣм. dwark-zwerg, dweer-teufel, dweerlicht-irrlicht), *tobalarach* или *toblatschach* (zauberer, чародѣяхъ), и *toblackach* или *toblarskach* (вѣдьмахъ), о старыхъ *гордаистахъ* (городищахъ), *мîгјалахъ* (могилахъ) и разныхъ мѣстахъ, гдѣ *тауци-сѧ* („толкается", стучитъ, т. е. черти водятся, срв. нѣм. klopfgeist), и гдѣ вообще нечистая сила *twörse* (spukt) [2]).

Значительная часть Вендланда покрыта была *лёсами*, отъ которыхъ и названы земли дравенская (драва — дрова) и хвоенская.

---

lus, in cujus summitate manus erat, unum in se ferreum tenens circulum, quod cum pastore illius villae per omnes domos has singulariter ductus, in primo introitu a portitore suo sic salutaretur: vigila, hennil, vigila! sic enim rustica vocabatur lingua.

[1]) О названіяхъ мѣсяцевъ см. Časopis Česk. Mus. 1849, I. 133.

[2]) Какъ называли люнебургскіе Славяне *упыря*, неизвѣстно; онѣмеченные ихъ потомки называютъ его *doppelsauger*, Кашубы — *вѣщій*.

Лѣсъ принадлежавшій сельской общинѣ, назывался иногда *громада*[1]). Въ лѣсахъ были разные *дѫбы* (деревья вообще, дубы въ особенности), *беуки*, *брезы*, *јосины*, *вîлсы* (ольхи), *врихы* (орѣхи), *лапы*, *ядлы*, *варбы* и др. Въ тѣни деревьевъ жили *зеуци* (жуки), *годици* (черви), *годи* (гады, змѣи) или *snoky* (snake, schlange), *пастрашци* (ужи), *вестерашци* (ящерицы), *зобы* (жабы), *вѣсанашци* (гусеницы), и пр.; *метîпари* (бабочки) летали на разныхъ *plantach* (растеніяхъ), *молашняхъ*, *смардалашняхъ*, *цярнашцяхъ* (малинахъ, смородинахъ, черникахъ). Лѣса оживлялись крикомъ и пѣньемъ *патинцовъ* (птицъ), каковы были *вîралъ* (орелъ), *rowan* (rabe, воронъ), *ворно* (ворона), *сворко* (сорока), *бѫкарь* (дроздъ), *бîкацъ* (дятелъ), *свашкоракъ* (синица), *скјöрацъ* (скворецъ), *зеворнакъ* (жаворонокъ), *словашка* (соловей), и др. *Jagari* производили *jacht* (охотники—охоту) на разный *дашвакъ* (дичь, особенно олень), каковы были *дашвы валъ* (дикій волъ, олень), *дашва корво* (д. корова, лань), *дашва ratka* (д. баранъ) и *дашва кјîза* (д. коза) т. е. серны, *зоѫцъ*, *вукъ*, *ваукъ* или *ваушка* (волкъ), *кјеурîпотка*, и др. Въ *рекахъ* и *рашбидикахъ* (fisch—teich) ловили *рашбинци* (рыбаки) *рашбы*, каковы были *скјеуко* (щука), *scholio* (scholle, камбала), *вѫјоръ* (угорь), иногда и *las* (lachs, лосось); рыбацкія орудія: *angil* (angel, уда), *влакъ* (неводъ), *kjecer* (kietzer, fischhamen, сакъ), *рашби kjecer* (fischkietzer), *лîдя* (лодка) или *цаунъ* (челнъ) съ *веслами*. *Местяри* (мастеровые) *дёлали* свое *дîбре дёлî* (доброе дѣло, т. е. ремесло). *Такацъ* (ткачъ) *такалъ* на *креснѣ* (кроснѣ); у него были *глава* или *вартаидлî* (вертило, навой), *цаунакъ* (челнокъ), *наштаидла* (бердо), *цевъ* (шпулька), *вѫтакъ* (утокъ). *Snider* (schneider, портной) *силъ* и *рѫбилъ* (шилъ и обрубалъ) изъ разныхъ *tügjov* (zeug, матерій) разныхъ *warb* (farbe, цвѣтовъ), *grön*, *bloa* (grün, blau), цярныхъ, царвеныхъ, особенно изъ *сеукна* (сукна)—*вîдене* (одѣяніе, одежду), которой народъ себя *bekleidjal* (bekleiden, одѣвался). *Привникъ* (сапожникъ) шилъ *саидломъ* (шиломъ) *цривы* (черевики) и *скјöрни* (скорни, сапоги) съ *пîдаисами* (подошвами). *Smada* (schmied, кузнецъ) *smadjojal* разныя орудія изъ *зелёза*. *Snitjer* (schnitzer, столяръ) дѣлалъ разную *дравену* (деревянную) мебель. У обоихъ были *omar* (hammer, молотокъ), *клеста* (клещи), *гјîзды* (гвозди), *клеуци* (ключи), *ewal* (hobel, скобель), *sogai* (säge, пила) и пр. Дальше были мастеровые *клîбеу-*

---

[1]) *Grummode* hiess das bauernholz in Bülitz (въ Хвойнѣ), замѣчаетъ Hennings (p. 42). Срв. чешское *obec* (община) во смыслѣ общаго пастбища.

ци́никъ (клобучникъ, шляпочникъ), *solinik* (sühlenmacher, riemer, шорникъ), *стакли́никъ* или *вакни́никъ* (стекольщикъ), *maurnek* (maurer, каменьщикъ), *малникъ* (мельникъ), который мололъ муку на *малнацяхъ ваденыхъ* и на *вётарнацяхъ* (мельницахъ водяныхъ и вѣтряныхъ).

Въ *неделю* (недѣлю, воскресенье) по полудни молодежь собиралась въ *kraug* (krug, корчму) или *wartaiwa* — *визу* (wirths-haus), *язбу*; *клавари* [1]) или *junge*, *глеупые kjarli* (молодые парни, kerle) и *junge*, *глеупыя девкы плѧсали* (плясали) подъ звуки *spelmanov* (spielmann, музыкантовъ), которые *speljoli* (spielen, играли) на разныхъ инструментахъ, каковы были *jijla* (geige, скрипка), *fleuta* (flöte), *pibsak* или *паистѧци месакъ* (пищащій мѣшокъ, волынка), *бѧбанъ* (бубенъ, барабанъ). Передъ корчмой веселились *клаврици* (мальчики), предаваясь разнымъ *kortwiljam* (kurzweile, забавамъ) и *яграцямъ* (играмъ), *яграли* (играли) на *брѧцаику* (ворганъ), *паистёлку* (пищалку), *били мѧцъ* (schlugen ball, играли въ мячъ), играли въ *kjagli* (kegeln), и вообще *rosoli* (rasten, spielten wie kinder, рѣзвились).

Одинъ изъ главныхъ праздничныхъ дней въ жизни сельскихъ жителей была *родѝстъ* (радость, т. е. свадьба, срв. поль. wesele). *Клавару* (парню) понравилась *красна девка* (красная—прекрасная), особенно у которой былъ *пѧзъ* (пенѧзь, geld), *wil jeld* (viel geld), хорошая *mitjit* (mitgift, приданое). Если клаваръ не *krijol kjecer* (korb kriegen, по малорус. получить тыкву), если оба *леубили дреуг дреуга вѝдъ заивата* (отъ живота, т. е. сердца), и если вообще не оказывалось никакихъ препятствій *ka wrijon* (zum freien, сватанью),—благодаря усиліямъ *свата* или *rodewrijona* (freierrath) [2]),— то праздновалось *зопаитье* (запитье, т. е. обрученіе), и потомъ *treuwa* (trauung, truwe, бракосочетаніе), все съ разными *brükami* (обычаями). На свадьбу созывали въ *ѝѝсти* (гости) всѣхъ *сѝихъ* (своихъ, родственниковъ) и *wrindov* (freunde, verwandte). Были здѣсь *стори* (старые, родители) обоихъ молодыхъ, *оита*, *льолья*, *wader* (отецъ, vater), и *мама*, *мотаи* (мать), или *stef-льолья* (stiefvater, вотчимъ) и *мотеха* (мачиха), *страия* и *страевка* (стрый,

[1]) По Шлейхеру (161) это испорченное *kawaler* (такъ и по поль. не женатый человѣкъ, junggeselle).

[2]) *Сватовъ* (zwaten) знали люнебург. Славяне еще въ XVI вѣкѣ. (Hammerstein: Hochzeits—und kindtaufsgebräuche in den ämtern Dannenberg u. Hitzaker im j. 1562, in: Zeitschrift des histor. vereines für Niedersachsen, 1856, I. 131).

братъ и сестра отца), *веуя* и *веуевка* (уй, братъ и сестра матери), *стары льолъа* или *grote woor* (grossvater, дѣдъ), и *баба* или *grotka* (grossmutter), разныя *теты*, *сирыя зены* (вдовы), *зѧти* (зяти), *staiplaci* (stiefsöhne, пасынки) и *staiplaici* (stieftöchter), *броти* (братья) и *сестры*, и пр., *зноемные* (знакомые) и *пîдреуты* (подруги), клавари и девкы, наконецъ и *пîпъ* и *пîпнаиця* (попъ и попадья), *kjüstr* (церковный староста, изъ нѣм. küster). Главную роль играли, конечно, новобрачные, *зѧтикъ* (предстоящій зять, женихъ) или *bredigam* (bräutigam) и украшенная *krancom* (kranz, вѣнцомъ) *ненка* (невѣста, срв. малорус. неня, ненька, матушка) или *brüt* (braut); кромѣ того и *treuwnik* (дружка). Послѣ *treuwy* (trauung, бракосочетанія),—между прочимъ надѣвался *пярстенъ* (кольцо, перстень) на *treuwony полаиъ* (палецъ, traufinger),—всѣ предавались разнымъ увеселеніямъ. Одни *плѧсали* (плясали), другіе шли *ка jедаи и ка паштыи* и *нехали сибе smakot* (liessen sich schmecken) множество *jеденîй* (ѣды) и напитковъ. Здѣсь была разная *хорна* (храна, пища), *мѧсî* (мясо) *ворено* и *пиценo* (вареное, печеное-жареное), или *brado* (braten, жаркое), *валîве*, *тилѧце*, *сваине*, *schinkjai* (schinken, ветчина), *worstjo* (wurst, колбаса), *spekjai* (speck, солонина), дичь и рыбы. Дальше разныя кушанья изъ *мѧки* (муки), *pankjüky* (pfannkuchen), *kjöcари* (каши), *гѧскы* (булки, чеш. housky), *skjaiba* (хлѣбъ); *сары* (сыры) *kjîзи*, *вîци*, *wris* (friesisch); овощи *горхъ*, *бîбы*, *kolai* (kohl, капуста), *gurkjai* (gurken, огурцы), *садоваиня* (садовые фрукты) *греусы*, *jобка*, *слаивени* (сливы), *ваисни*, *driwy* (trauben, виноградъ), *врихы* (орѣхи), *молаини* (малины), *саунаици* (земляники, малор. суници), и пр. Въ изобиліи были здѣсь *ваинî*, *паивî* (вино, пиво), *надîбрейси* или *nabest* (наилучшій, bester) *мадѧ* (медъ—напитокъ), и любимый *brandewin* (branntwein, водка) или *klore* (das klare); гости не переставали пить *са бîгамъ* (съ богомъ) за здоровье новобрачныхъ съ крикомъ *цёлъ!* (цѣлъ, нѣм. heil). Наконецъ запѣли старинную *песнъ* о свадьбѣ животныхъ, изъ которыхъ должны были быть *telka* (eule, сова)—*ненкой*, *стрезикъ* (стрижикъ)—*зѧтикомъ*, *ворно* — *treuwnikom*, *вауцка* — *кjеухёромъ*, *зоѧцъ* — *schenkirom* (schenker, крайчій), *бîтянъ* (аистъ, боцянъ)—*spelmanom*, и *лаиска* или *лаисащя* (лисица)—*daiskoj* (столомъ); но всѣ они отговаривались: сова тѣмъ, что она *вилкje грîзна зена* (очень грозная-гадкая жена), стрижикъ—что онъ *молы kjarl* (малый мужъ), ворона — что она черна, волчокъ — что онъ *глеупцитъ* (глуповатъ, молодъ), заяцъ—что онъ *dralle* (drall, быстрый),

аистъ—что онъ *dauɣîîratъ* (долгоротъ); только хитрая лисица придумала, какъ сдѣлаться столомъ, т. е. распластаніемъ ея *vapeyca* (хвоста) [1]).

Въ *недєлю* (недѣлю, т. е. воскресенье) и *sjunta* (праздники, срв. поль. święta) [2]) — главныя были *требы* (рождество), *jostrai* (ostern, пасха), *pankjîste* (pfingsten, пятидесятница) — народъ предался *wromym* (fromm, набожнымъ) дѣламъ. *Званъ клакjîла* (колокола) созывалъ его въ *царкjаи*, *царкjîвъ* или *царквацю* (церковь). Здѣсь слушали *бîзе слîвî* (божіе слово) или *prading* (predigen, проповѣдь), пѣли изъ *молыхъ бîквъ* (малыхъ буквъ, книгъ, т. е. пѣсенника), и *badjoli* (beteten, молились) къ *вархнему тариняцу бîгу* (верхнему тріединому богу), къ *бîзцу* или *бîзацку* (божцу, божечку), своему *euschaponu* (erschaffer, schöpfer, творцу), къ *Iезусу ɣîîку* (гоику, heiland, спасителю) и къ *sjuntoj кjабъ* (св. Духу). Молитву Господню читали такъ:

(1691 года)	(до 1750 года)
Носъ *wader*, тада таи	Оита носъ, та таи
јисъ ва тîмъ небесјеу; *sjunto*	*bist en* небî; *sjunta*
мо *wardot* тîjî јаимѧ;	*werde* тîя (вм. тîjî) јаимî;
тîй *rik kumma*;	*kommoja* тîя *rikje*;
тîя вîля мо са (сѧ) *schiniot*	тîя вîля *blyoye* кокъ
ва небесјеу, какъ висаи	*en* небî, кокъ *en*
такы (?) на зими; носи	зимя (вм. зими); носи виседа-
(носѫ) *dajlikja skjaiba* (—ѫ)	наисна *skjaiba* (вм.—ѫ)
дой намъ дансъ; *un*	доей на носъ дансъ;
вîддой намъ носе	*un schenkos* носи
грехы, кокъ маи вîд-	ваине, кокъ вы (мы)
доеме носимъ гресна-	*schenkot* носи ваиникєr;
ремъ; не *farforü* насъ	не *bringoye* носъ

[1]) Эту пѣснь люнебургскихъ Славянъ — единственную — сохранилъ Геннигъ; она печаталась часто, у Гильфердинга, Пфуля, Шафарика (Слав. народоописаніе). Жаль, что Гильдебрандъ (1672 г.) не сообщилъ хоть одной изъ обрядовыхъ пѣсенъ славянскихъ женщинъ (freudenlieder in wendischer sprache).

[2]) Слово *sjunt*-heilig приняли Славяне изъ нижненѣм. *sunte* (изъ латин. sanctus, sunte Antonius, s. Dionysius etc.). Старинное славянское слово *свѧтъ* сохранилось въ словахъ *свѧты* (swante, hochheilig) и *свѧтыня* (swantenja, hochheilig, sanctissimum, т. е. святые дары).

ва *wersoikung*; *erlösü* насъ вîдъ тîгъ хjеудагъ.

en *wersöcke*; сице ты *sölwa* носъ вîдъ грехъ [1]).

Изъ временъ католическихъ осталось нѣсколько словъ и впослѣдствіи, когда люнебургскіе Славяне приняли протестантизмъ; такъ напр. выше упомянутыя слова *свѧты* и *свѧтыня* (св. дары), *маuса* (messe, литургія, потомъ проповѣдь, *ка маuсе*—zur kirche, zur predigt), *бîзѧ*, *бîзѣѧткî* (боженокъ, поль. bożątko, т. е. икона), названія разныхъ праздниковъ, напр. *sjunťi тари кjнѧзаu* (святые три короля, праздникъ крещенія), *Моранъ данаць* (день Маріи), *Маихалîвы данъ* (день Михаила), и пр.

Главной частью богослуженія была проповѣдь. *Пîпъ* (попъ) вступивъ на *praster* (амвонъ), читалъ кое-что изъ *вилкjыхъ бîквъ* (великихъ буквъ, т. е. библіи). Потомъ начиналъ собравшуюся паству *веуцитъ* (учить), какъ богъ *schopal* (erschaffen) *сватъ* (свѣтъ, міръ), *небî* и *зимю* (землю), *дîбрî ведрî* (солнце, т. е. собственно добро вéдро—schönes wetter, sonnenschein), *леуну* (луну) и *гёзда* (звѣзды), *скîтъ* (скотъ), *planty* (pflanzen) и *цлавака* (человѣка). Чтобъ освободить человѣчество отъ послѣдствій грѣхопаденія, богъ послалъ къ *Заидамъ* (жидамъ) своего сына *Iезуса*, пришествіе котораго предсказывали *profeti* (propheten). *Бîзи ватрîкъ* (сынъ божій), *цjîикъ* (спаситель) *са небесjо ѣѧ дîлкотоп* (долой пришелъ, ist herabgekommen), и долженъ былъ изъ-за нашихъ *греховъ висѧ lidѧ prîlidjot* (всякое страданіе вытерпѣть, alles leiden durchleiden), и наконецъ и *dot* (tod) на *krauce* (kreuz); *кокъ wile вархни бîзацъ копкѧ карац еупеустасъ* (каплю крови упущаше), *токъ wile Моранка сладъ еупеустасъ* (wie viel das höchste gottchen tropfen blut vergoss, so viele Maria thränen liess). Такимъ образомъ Iезусъ *erlösal* (erlöste) людей, и освободилъ отъ *macht tebala* (teufel). Дальше попъ поучалъ свою паству, чтобъ они часто *denkoli* (denken) *но бîгъ* (бога), и *badjoli* (beten), чтобъ Iезусъ *kri ва gauceп weltie afstjöral* (den krieg absteuern von der ganzen welt); чтобъ они *пîслеусали* (слушались) *abercheid* (obrigkeit), *kjaisara* (kaiser), *вавады* (войводы, herzog), *кjнѧзей* (князей, т. е. дворянъ). Внушалъ имъ, чтобъ они были *wrom* (fromm), *demutje* (demüthig), *radlikje* (redlich), *erlikje* (ehrlich), *duldikje* (geduldig), чтобъ *rikje* (reich) не былъ *gizikje* (geizig) и помогалъ *прîсарамъ* (т. е. просящимъ милостыни, нищимъ), чтобъ они *вîддоли* (отдали, простили) своимъ *греснарамъ*

[1]) Подлинную орфографіюсм. у Гильфердинга и Пфуля.

такъ какъ *rachjai* (rache) есть только у бога. За то они получатъ *maitî*, *vîdmaitene* (мыто, вознагражденіе) въ *nebesjey*, они будутъ *solich* (selig), и могутъ *opot* (hoffen) въ *emeriku* (himmelreich), гдѣ будутъ радоваться съ *inglikami* (engel); *xjeudye greshnaiki* (худые, злые грѣшники), преступающіе божіе *warboty* (verbot), не имѣющіе *lawia* (glauben), *difi* (diebe), *mördali* (mörder), *lasterari* (lästerer), *seukjari* и *seuky* (сукари и суки, т. е. блудники и блудницы), не будутъ имѣть *glüka* (glück), а будутъ *strafoni* (gestraft); ихъ ожидаютъ разныя *grülikje pinjona* (gräuliche peinigungen) въ *smêlъ* (смолѣ, аду), въ *rikje* (reich) *xjeudua*, *xjörua*, *цярнаго зимника*, *tebala* (худаго—злаго, хвораго, чернаго подземнаго, дьявола).

Попъ причащалъ тѣхъ, которые желали принять *свѣтыню* (св. дары), какъ говорили старики, или, какъ выражалось молодое поколѣніе, желали *aitъ ka bîze daiskje* (идти къ божіему столу, tisch des herrn) [1]), совершалъ надъ новорожденными *dѣny*, *dѣnnaщю* (изъ нѣм. döpe, taufe, крещеніе) и *nîгребалъ* (хоронилъ) *eумяртыхъ* (умершихъ) или *доде* (todten). *Lichen* (leichnam) положенъ въ *lodu* (lade, гробъ), на *несли* (носилкахъ) принесенъ на *царкjî* (кладбище), и здѣсь опущенъ въ *jому* (яму); яма засыпалась, и на кладбищѣ возвышалась новая *mîгjала* (могила). Память усопшихъ праздновалась особенно въ *деуси данъ* (день душъ, aller seelen tag).

Если гдѣ была школа, то дѣти *ваикли* (выкли, учились) *losjot* (lesen), *schribjot* (schreiben), и *rakjot* (rechnen, подлѣ *цате*—считаетъ), все, разумѣется, на нѣмецкомъ литературномъ языкѣ, съ болѣе или менѣе значительнымъ успѣхомъ, смотря по тому, предавались-ли дѣти ученью съ *wlite* (fleiss), или были-ли *wüli* (faul). Такъ напр., вышеупомянутый славянскій крестьянинъ *Парумъ Шульцъ* пишетъ по-нѣмецки гораздо лучше, чѣмъ по-славянски; къ славянскому языку онъ съ трудомъ примѣнилъ свою ужасную нѣмецкую орѳографію [2]). Другой славянскій крестьянинъ *Янишке*

---

[1]) Геннигъ пишетъ: nachtmahl d. i. gottes tisch, ka büse deiste, sonst swantenja — hochheilig, sanctissimum.

[2]) Вотъ примѣръ изъ его записокъ:

Johss saarang hile noh Tiebe waa Zartje. Ninna Täu kummos kam mahn. Wass zehm lijungdo nie Jang nie Jaddahn Deffte, Tung Täu nie prosel. Ninna teu wid wissiem tung Tjetzehr Kriejohl, ninna Johss mohm Täh Brüdt Bäut, etc.

Ich sehe alzeit auf dich in die Kirche. Nun Du kommest nach mier. In dieses Landt ist nicht eine Dirne, der Du nicht gefraget. Nun Du von allen den Korb gekricht hast, nuhn ich sol Dein Braut sein, etc.

доставлялъ Геннингу матеріалъ къ его нѣмецко-славянскому глосарію. Но часто славянскій простолюдинъ все-таки еще не совсѣмъ *warstol* (verstand) по-нѣмецки, особенно литературный языкъ, смѣшивая его съ болѣе извѣстнымъ ему нижне-нѣмецкимъ нарѣчіемъ; такъ напр. объяснялъ спрашивающимъ его Нѣмцамъ слова gold (золото)—словомъ *заима*, понимая вмѣсто gold-kold (kalt), werg (пакля)—*дёлѣ*, понимая вмѣсто werg—werk (дѣло), bär (медвѣдь)—*греусваи* (груши), понимая нижне-нѣмецкое bere (birnen), и пр.

Въ *гордахъ* (городахъ, т. е. замкахъ) жили *кънѧзъ* и *кънѧгіаиня* (баринъ, барыня, edelmann, junker), *abercheid* (obrigkeit). Подданные являлись на *гордъ* (судъ) съ *klogami* (klage), которыя рѣшалъ haman (amtmann); около него стояли *визень визеникъ* (тюремщикъ, hausvogt) и *badal* (büttel, полицейскій).

Ваики (города, städte [1]) и *bleky* (flecken, мѣстечка) люнебургскаго Вендланда сохранили, какъ уже выше сказано, подлѣ названій нѣмецкихъ и славянскія, напр. Dannenberg—Выдержъ (Ваидерзъ), Bergen — Горска (Гjörска), Hitzacker — вѣроятно Лучковъ (Леуцкjівъ) и пр. Ваиками управляли *родници* (ратманы), въ ихъ главѣ *наваиси родникъ* (наивысшій ратманъ, т. е. бурмистръ). *Bargiri* (bürger, мѣщане) занимались разнообразною промышленностью, были *кjеупци* (купцы), *пördояики* (продавцы), *hakjiri* (höcker, лавочники), и разные ремесленники. Въ ваикѣ жили *лекаръ* и *гjіикъ* (т. е. хирургъ, чешс. гоичъ, hojič). Дальше были здѣсь *krigeri*, *musketiri* (солдаты), вооруженные *büsami* (büchse, ружье), *warami* (waro—wehr, мечъ) и *dagami* (degen, шпага), въ *нізнахъ* (ножнахъ). Въ ваики стекался народъ на нѣсколько *mail* (meile, миля), на *maisky* (messe, ярмарка), и наполнялъ всѣ *stroty* (strassen, улицы) и *кораицы* или *кjеураицы* (предмѣстья), покупая и продавая. *Мёры* (мѣры) были *лікjітъ* (локоть), *сѧзмѧ* (сажень), *посмѧ* (bind garn, связка пряжи, малор. пасмо), *кjіна* (копа, 60 штукъ, *пілъ-кjіны* — полъ копы), *stig* (stieg, 20 штукъ, именно сноповъ), старинный *кjöраць* (tjeratz, kuritz, корецъ) и *лаибъ* (wispel), обѣ мѣры хлѣбныя.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ нарѣчіе люнебургскихъ Славянъ было искажено и какъ оно все больше и больше искажалось. Мы видѣли, что нѣкоторые Славяне еще знали, что ихъ языкъ „словенскій“, а другіе уже его называли—по примѣру Нѣмцевъ—„вендскимъ“. Многіе Славяне за-

[1]) О словѣ *ваика* см. ниже.

бывали уже славянскія слова, замѣняя ихъ нѣмецкими. Такъ напр. одни говорили еще *оита*, *аита* (eyta), *льолья* (отецъ), а другіе—*wader*; тоже самое было и съ множествомъ другихъ словъ, какъ напр. *баба*—grotka, *ватрîкъ*—sainka, *зѧтикъ*—bredigam, *ненка*—brüt, *пѧзъ*—jeld, *прицны пѧтъ*—krautzkoty пѧтъ (kreuzweg), *сарîкjы пѧтъ*—bredy (breit) пѧтъ, *леуна* (нîво, сторо)—mon (neu monia, erste wardal), *сребрî*—silber, *сёнî*—hay, *слама*—strau, *цевъ*—spolka, *дварнашия*—испорченно dörnizen, dörnse, *юблîня*—*юбкjîдѧбъ* (apfelbaum), *валîве мѧсî*—*валмѧсî* (ochsenfleisch), *сваине мѧсî*—*сваинмѧсî* (schweinfleisch), и пр. Такихъ рабскихъ переводовъ съ нѣмецкаго было вообще много: вѧсе-рис (bartputzer), вîгнена tügai (feuerzeug), waidenkona (gedicht, ausgedacht), сриденолацъ (mittelfinger), dicke мѧсî (dickes fleisch, т. е. ляжка), дандёлî (tagwerk), визены льолья, визена мотай (hausvater, hausmutter), мостjемлака (buttermilch), саитягла (nähnadel), мине dörstjoje (mich dürstet), wech нîси (er trägt weg), и пр. Мы видѣли, что слово *глеупъ* (глупъ) означало неопытнаго, молодаго, какъ и нѣмецкое tump (dumm), *гjîцкъ* (гоикъ) означало спасителя (heiland) и хирурга (heilmacher, гоить—heilen), *бîза daisko*—tisch des herrn, и пр.

Но нѣмецкое вліяніе не ограничивалось одной только формальной стороной языка, именно лексикальной, а оно простиралось и на сторону матеріальную, фонетическую, граматическую и синтаксическую. Такъ напр. нѣмецкому вліянію надо приписать перемѣну и въ аи (идти—аитъ) и у въ еу, ау (букъ—беукъ). Глаголъ *метъ* (имѣть) употреблялся такъ, какъ нѣмецкое *haben*, напр. *мосъ пӧрдонъ*—du hast verkauft (ты продалъ), *мо нойдены* er hat gefunden (онъ нашелъ); но эти страшныя формы встрѣчаются рѣже, чѣмъ славянскія: *jозъ нёлъ* (я пѣлъ), *таи кродалъ* (ты кралъ), *ванъ jедалъ* (онъ ѣлъ) и пр. Такъ и глаголъ *баитъ* (быть): ѧ *еумяртый* (есть умертый, er ist gestorben), ѧ *комоп* (ist gekommen). Подобно тому употребляется перенятый нѣмецкій глаголъ *wardot* (werden), напр. sjunte *мо wardot* тîjî jаимѧ—heilig soll werden dein name, *мо wardot* еувѧзоны—er soll angebunden werden, *wardol баиты*—er ward geschlagen, и пр. Неокончательное наклоненіе смѣшивается иногда съ отглагольнымъ существительнымъ, напр. jозъ ваикъ венскjе *горенъ*—ich habe gelernt wendisch sprechen (goren—говореніе, das sprechen), додзъ мине *ка паитьи*—gieb mir zu trinken. Славяне люнебургскіе употребляли членъ *тѧ*, *то*, *тî* (тъ, та, то)—der, die, das, смѣшивали падежи дательный и винительный мѣсто-

именія *мане* (мнѣ) и *мѧ* или *мине* (меня), какъ и нижніе Нѣмцы *mir*, *mich*, и наконецъ забывали даже склонять. Такъ напр. самъ Парумъ Шульцъ пишетъ *ва носъ виза* (въ нашъ вѣжа), *но бризанъ* (на березинъ), *ва летъ* (въ лѣтъ), *ка Хлаинъ* (къ Хлинъ), и пр. Тѣмъ менѣе надо удивляться, если такія явленія встрѣчаются въ записахъ природныхъ Нѣмцевъ.

Изъ этого очерка видно, что языкъ люнебургскихъ Славянъ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ находился въ совершенномъ упадкѣ; онъ былъ весь пропитанъ нѣмечиной, и его окончательное исчезновеніе было только вопросомъ времени. Что касается лексикальной части, то языкъ сохранилъ относительно большую чистоту въ названіяхъ предметовъ обыденной жизни, и въ немъ уцѣлѣло даже нѣсколько замѣчательныхъ старинныхъ словъ, напр. смардъ (смердъ), гордъ (городъ, судъ), гостиница, требы (рождество) и др. Но и въ эту обыденную жизнь нѣмецкій языкъ пролагалъ себѣ дорогу все больше и больше; молодое поколѣніе забывало множество словъ, извѣстныхъ еще старикамъ, и замѣняло ихъ нѣмецкими. Въ области высшей, духовной жизни, въ языкѣ церкви и школы, рѣчь люнебургскихъ Славянъ представляетъ уже страшную смѣсь, съ перевѣсомъ нѣмецкаго языка. Церковная терминологія указываетъ на нѣмецкое происхожденіе, такъ напр. jostrai (ostern), pankjîste (pfingsten), krauzo (kreuz), emerika (himmelreich), деуси данъ (seelentag), gjîикъ (гоикъ, heiland) и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились въ этой терминологіи слабые слѣды другого не-нѣмецкаго вліянія, вѣроятно слѣды славянско-христіанской, чешской и польской—пропаганды. Слово *царкјаи* (церкы), *царкјîвъ* (церковь), *царквацця* (церквица) — извѣстно всѣмъ Славянамъ, и древянское „царкы“, равнымъ образомъ какъ и древнеслав. „цръкы“, нельзя производить изъ нѣмецкаго *kirche*; изъ нѣмецкаго kirche, kirke сдѣлали бы люнебургскіе Славяне *kjairkjo* или *kjirkjo* [1]). На не-нѣмецкое вліяніе указываютъ тоже славянско-христіанскія названія дней: неделя, пнеделя (понеделя), торы данъ (второй день, вторникъ), среда, сîбîта (названія пятницы не знаемъ); названіе четверга Перунъ (собств. Перунь) данъ (perendan, perandan, т. е. день Перуна)— остатокъ языческихъ временъ, какъ и германскія Donarstag, Thursday, романскія Giovedi, Jeudi (dies Jovis).

[1]) Слово *церковь* извѣстно было очень рано и въ другихъ балтійско-славянскихъ земляхъ; такъ напр. terra Sirkuist, locus Tsirkewist упоминаются на Узноимѣ въ 1216 — 1218 гг. Кашубы знаютъ до сихъ поръ слово *церки*.

Германизація люнебургскихъ Славянъ, совершившаяся въ началѣ XVIII вѣка, коснулась, впрочемъ, главнымъ образомъ ихъ языка; языкъ отцовъ они замѣнили языкомъ нижненѣмецкимъ, соблюдая въ немъ, однако, нѣкоторыя особенности. Въ остальномъ же они остались настоящими „Вендами", какъ они и до сихъ поръ себя называютъ. Характеръ, бытъ, нравы и обычаи, одежда, постройка селъ и пр. отдѣляютъ ихъ рѣзко отъ ихъ нѣмецкихъ сосѣдей, съ которыми они и не охотно смѣшиваются. У нихъ сохранилось много старинныхъ суевѣрій и обрядовъ, вѣра въ упырей, въ подземныхъ духовъ (стар. зимниковъ), разныя преданія старыхъ временъ, напр. о борьбѣ съ Саксами, объ убіеніи престарѣлыхъ родителей и пр. Фамиліи ихъ до сихъ поръ отчасти славянскія; подлѣ фамилій, принятыхъ по селамъ (Boichewitz, Riebenow, Krakow, Debelin, Drewitz, Kabelitz, Konitz, Wiebelitz, Bresenow, Bornitz, Warnow, Belitz, Damke), встрѣчаются и другія (Bausneik, Borneik, Jarneik, Poleik, Glabatz, Warneik, Koldin, Jagutke, Warratz, Janisch, Grebien, Gramüsch, Thiedeitz, Trybiahn).

Въ языкѣ этихъ онѣмеченныхъ „Вендовъ" сохранилось нѣсколько славянскихъ словъ. Намъ извѣстны слѣдующія: *Paggeleitze*, *pageleitz* — печенье изъ пшеничной муки въ видѣ подковы; срв. польско-мазовское слово (ок. Ломжи) pagaj — лепешка, пирожекъ. (Сообщ. С. Микуцкій). — *Kubbel* — пирожекъ изъ пшеничной муки; срв. чеш. koblih, kobliha. — *Zickaneitz* — заяцъ (ст. зоѧцъ, пис. sogans, sojangss). — *Kuzza*, *kussa* — домикъ, хижа (ст. хјаиза, tyassay—nach hause). — *Döns*—дворница (ст. дварнаиця); въ дворницѣ находится въ стѣнѣ родъ алькова для кроватей супруговъ, die *butze* (? schlafstelle). — *Pomöhs* — bodenraum über den wohnräumen (срв. русск. помостъ). — *Muleitzen* — малины (ст. молаиня). — *interneitz* — сѣкира (ст. сикјара, пис. zitjaria, tsytjer). — *Jiggel* — иглы, хвоя (trockene fichtennadeln). — *Koreitz* — предмѣстье (см. выше). — Не-нѣмецкій характеръ носятъ слова, какъ видно искаженныя, *poleitzky*—kleine kruke (кувшинъ), *töterneitz*—blasinstrument (срв. стар. *даме* — er bläst), *leineitz* — webekamm, *pinkelneitz* — schaukel, *gungelneitz* — violine, *klinkerneitz* — geldbeutel, окончаніе уменьшительныхъ—*ky* (brötky—kleines brot, pöttky—kleiner topf) [1]).

---

[1]) Интересныя картины изъ сельскаго быта люнебургскаго Вендланда составили очевидцы *Hennings*: Das hannover. Wendland (Lüchow 1862), Sagen u. erzählungen aus dem hannov. Wendlande (Lüchow 1864); *Ziehen*: Wendische

2. Славяне въ Старой Маркѣ [1]).

Покоренныя славянскія племена подчинялись, какъ извѣстно, пограничнымъ графамъ, маркграфамъ. Съ половины X вѣка являются такіе маркграфы для Славянъ живущихъ по средней Лабѣ; это маркграфы *Сѣверной Марки*, которая въ началѣ XI вѣка простиралась на земли Остервальде, Балзамію и Сѣверную Тюрингію, но скоро ограничилась только первыми двумя областями, слѣдовательно обнимала земли между Лабой и Орой и басейнъ верхней Ясны. Это позже такъ называемая *Старая Марка* (Altmark).

Старая Марка обнимала земли по большей части славянскія. Подлѣ славянскихъ селеній встрѣчаются однако рано и нѣмецкія; послѣднихъ все больше прибываетъ съ усиливающейся властью нѣмецкихъ маркграфовъ и другихъ господъ. Мы уже выше сказали, что въ X вѣкѣ въ басейнѣ рѣки Оры, именно на южномъ ея берегу, рядомъ съ славянскими селами были также нѣмецкія (Rodhardestorp, Thietherisdorp, Witherichesdorp etc). Впрочемъ и въ селахъ съ нѣмецкими названіями встрѣчаются Славяне, которые прямо отличаются отъ остальныхъ жителей (familiae lidorum vel colonorum vel servorum vel slavorum). Въ земляхъ остервальдской и

---

weiden; erzählungen aus dem wendischen volksleben (Frankfurt 1854, срв. Časopis Česk. Mus. 1857), Geschichten u. bilder aus dem wendischen volksleben (Hannover 1874, 2 th.). — Hennings приводитъ, не совсѣмъ ясно, слѣдующія названія: Drawainji—waldbewohner, Poleini—feldbewohner, Criwitzi — sumpfbewohner, Luca—wiese, Gain—hain; но не извѣстно, его-ли это объясненіе, или самъ народъ знаетъ значеніе этихъ словъ. — Славистъ, знающій прошлое и бытъ западныхъ Славянъ, нашелъ бы навѣрное въ люнебург. Вэндландѣ много интересныхъ вещей. Нѣкоторые Гильфердингомъ собранные матеріалы находятся теперь у академика Куника; интересны особенно названія урочищъ люховскаго округа. Вотъ нѣкоторыя: Briesahn (бризина), Prieseneitzen (бризницы), Polizee (полица), Duhlneitzen (дольницы), Dumbeizen (дѫбицы), Warbeitzen (варбицы), Jablomken (яблонки), Jüstneitz (гостиница), Goreitz (горица), Greneitz (граница), Josöhörn (езерно), Solunk (залѫгъ), Niewein (новина), Klosjei (клосы), Wistreizen (вестерапцы, ящерицы) и пр.

[1]) Главный источникъ для исторіи германизаціи всѣхъ бранденбургскихъ Славянъ (въ Старой, Средней и Новой Маркѣ) грамоты у *Riedel:* Codex diplomat. Brandenburg. (Berlin 1838—1868, 39 tomi); Landbuch der mark Brandenburg a. 1375 (ed. Herzberg 1781, ed. Fidicin 1856); Raumer: Regesta histor. Brandenburg. (Berlin 1836, до 1200 г.). Срв. Riedel: Die m. Brandenburg im j. 1250, Fidicin: Die territorien d. m. Brandenburg, Winter: Die Praemonstratenser des 12. jhdts., Heinemann: Albrecht der Bär, и пр.

балзамской встрѣчаются—въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка—села Thormarkon, Heretbergun, Rondestorp, Latondorp, Eileresdorp, Steinedal и др., города Salzwedel, Arneburg, Tangermünde, Wolmirstädt, и др.

Германизація Старой Марки усилилась особенно при маркграфѣ *Альбрехтѣ Медвѣдѣ* послѣ окончательнаго покоренія Брижанъ и Стодорянъ (1157 г.). Онъ призвалъ туда нѣмецкихъ колонистовъ, которые основали новые города и села. Большая часть этихъ колонистовъ прибыла изъ сосѣднихъ земель Саксовъ; кромѣ нихъ прибыли сюда и колонисты изъ Голландіи, и поселились преимущественно въ болотистыхъ мѣстахъ у Лабы около Вербна, въ такъ называемой Wische (Pratum), гдѣ надо было бороться съ водой и строить плотины; къ этому лучше всѣхъ годились опытные въ постройкѣ плотинъ Нидерландцы. Въ тѣхъ странахъ уже въ 1160 г. была извѣстна полевая мѣра голандская (mansi hollandrensis dimensionis), и десять лѣтъ спустя тамошніе жители называются Голандцы (Hollandigenae super ripam Albis positi).

Но это переселеніе нѣмецкихъ и особенно голандскихъ колонистовъ въ Старую Марку не было такъ громадно, чтобъ тамошніе Славяне уже тогда совсѣмъ уступили новымъ пришельцамъ. Ошибся современный этому событію лѣтописецъ Гельмольдъ, житель отдаленной Вагріи, разсказывая, что призванные Альбрехтомъ Голандцы заняли всю Балзамію (terra Balsamorum, Balsemerlande et Marscinerlande т. е. Wische), начиная отъ Зальцведеля, и поселились во многихъ городахъ и селахъ, и что тамошніе Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны [1]). Славяне продолжали жить въ Залабьѣ рядомъ съ нѣмецкими колонистами еще нѣсколько вѣковъ.

Германизаціи Старой Марки способствовали, кромѣ маркграфовъ, шляхта, монастыри и новые города,—всѣ нѣмецкаго происхожденія. Если у тамошнихъ Славянъ были свои князья—въ родѣ загадочныхъ Волковичей — ,своя шляхта, то они рано исчезли, и въ Старой Маркѣ мы видимъ высшія сословія, шляхту, исключительно нѣмецкаго происхожденія. Маркграфскіе васалы, чиновники—всѣ Нѣмцы, принимавшіе фамиліи по городамъ, замкамъ и селамъ, на пр. von Arneburg, Osterburg, Hillersleben, Dornburg, Tanger-

[1]) Helmoldi: Chron. Sclav. I. c. 88. Срв. Raumer: Reg. № 1317, Wersebe: Niederländ. colonien im nördl. Teutschland, II.

münde, Salzwedel, Osterwalde, Mahlsdorf, Gardelegen, Schulenburg, Jagow, Bismark (Bischofsmark), Alvensleben, Knesebek и др.

Нѣмецкій элементъ господствовалъ исключительно и въ *духовенствѣ*, въ *монастыряхъ*, которые наполнялись только Нѣмцами, и производили въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ нѣмецкую колонизацію. На верхней Яснѣ, на юго-западъ отъ Зальцведеля основанъ аугустинскій монастырь *Дисдорфъ* или *Insula S. Mariae* (1160). Этотъ монастырь стоялъ на самомъ рубежѣ элементовъ нѣмецкаго и славянскаго, въ странѣ, гдѣ въ началѣ XII вѣка были села съ нѣмецкими названіями. Нѣкоторые изъ этихъ селъ достались монастырю, именно Berchmere (два), Abbantorp, Warentorp, Pychenusen, Ellenbeke, Watekoten, Budenstede, позже Kuzeresdorp, Honlege, Modenborg (два). Жители этихъ двѣнадцати селъ не были однако Нѣмцы, а Славяне, стало быть призванные сюда колонисты. Въ первыхъ осьми селахъ пожалованныхъ монастырю во время его основанія (1160 г.) „жили тогда еще Славяне“ (quarum incolae adhuc Sclavi erant). Дисдорфскіе монахи впрочемъ мало заботились о духовномъ состояніи подданныхъ имъ Славянъ, а подобно св. Бонифацію и другимъ нѣмецкимъ апостоламъ — довольствовались собираніемъ десятинъ. Еще въ первой половинѣ XII вѣка, славянскіе жители селъ Kuzeresdorp, Honlege и двухъ Modenborg не были вполнѣ христіанами, придерживаясь нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ (nondum fidem catholicam ad plenum susceperunt, sed adhuc quibusdam tenentur paganis ritibus); и только въ 1235 г. рѣшено построить въ одномъ изъ этихъ селъ церковь. Но это средство не дало ожидаемыхъ результатовъ, и десять лѣтъ спустя (1245 г.) этимъ Славянамъ угрожали, что, если они не откажутся отъ своихъ старинныхъ обычаевъ, то ихъ мѣсто займутъ христіане Нѣмцы (si autem Slavi suis ritibus renunciare noluerint, Teutonici catholicae fidei cultores substituantur eisdem). Не знаемъ, какъ кончилось это дѣло, были-ли Славяне дѣйствительно прогнаны изъ тѣхъ селъ, или пропали они иначе въ повальной тогда германизаціи. Впослѣдствіи въ тѣхъ странахъ, въ старой землѣ липанской — Osterwalde, Славяне упоминаются въ подданныхъ монастырю селахъ очень рѣдко: такъ напр. въ селѣ Winkelstede жили два Славянина (duo Slavi Bernardus et Richardus 1319 г.), въ Dore въ числѣ нѣмецкихъ крестьянъ приводится и Елисавета Славянка (Elizabeth Slava, ок. 1362 г.).

Самыя названія „славянскихъ“ селъ (slavicalis, wendesche), въ

XIV вѣкѣ не указываютъ еще на славянскихъ въ нихъ жителей, а только на ихъ первоначальное славянское населеніе, которое селилось въ особыхъ селахъ подлѣ нѣмецкихъ селъ того же самаго названія. Въ окрестностяхъ монастырей дисдорфскаго и близкаго дѣбецкаго (Дѣбки) и препозитуры дорской (Döhre), встрѣчаемъ на пр. села „славянскія“ и „нѣмецкія“ (teutonicales, dudesche): Bodenstede, Gravenstede, Horst, Langebecke, Gyschowe и др., село и поля Wentfelde. Но первыя едва ли были еще обитаемы Славянами, такъ какъ славянскіе крестьяне приводятся въ грамотахъ и др. прямо какъ „Славяне;“ по именамъ крестьянъ села славянскаго Боденстеде (de buren tho Wendeschen Bodensteden, a. 1370): Peter, Luder, Symeke vnde Bene Heynen, Werneke, Reyneke — нельзя уже узнать, были-ли въ ихъ числѣ еще Славяне.

Въ южной полосѣ Старой Марки, въ басейнѣ Оры, были монастыри *Гиллерслебенъ* и *Нейендорфъ*. Бенедиктинскій мужской монастырь *Гиллерслебенъ* (Hildesleve, Hillesleva) основанъ уже во второй половинѣ X вѣка; послѣ онъ упалъ и возобновленъ только въ концѣ XI вѣка. Большинство его имѣній было на южной сторонѣ Оры уже въ сѣверной Тюрингіи, и носитъ по большей части нѣмецкія названія (-dorp); монастырскія села въ Старой Маркѣ Подгорицы, Божичи, Крушичи, Voltvich (Wolchwi) были несомнѣнно славянскія, такъ какъ они въ XII и XIII вѣкѣ (1135, 1217 гг.) платили монастырю такъ наз. „восопъ,“ т. е. подать натурою, „сыпали“ хлѣбъ (reditus annualis qui vocatur *wozop*, annona quae in vulgari *woszop* dicitur); эта подать извѣстна всѣмъ западнымъ Славянамъ, особенно же въ земляхъ лютичскихъ по средней Лабѣ. Цистерц. монастырь *Нейендорфъ* (Nyendorp) у Гарделегена владѣлъ въ XIII вѣкѣ селами называемыми отчасти по нѣмецки (Odigstorp, Bocholte, Volcuelde, Querstede и др.), отчасти по славянски (Poblicz, Nypyz, Greueniz, Borevyz и др.); но только Чиновъ (Sinow) называется прямо „славянскимъ (villa slavicalis 1279); у Челехова же была „славянская пустыня“ (Selechow cum deserto slavico 1278), вѣроятно мѣсто оставленное Славянами.

На сѣверѣ около озера Арендзее основанъ женскій монастырь бенедиктинокъ *Арендзее* (1184 г.), и пожалованъ селами, нѣмецкими и славянскими; „нѣмецкимъ“ называется именно село *Кобеличи* (villa teutonica Kaulitz, Kobelitze), а „славянскими“ (slavicae villae) Burchstede, Чижово (Szissowe), Noyden, Будышинъ (Baudisin), и бывшее село Шатунь или Затонь (Szatun); остальныя же села

(Kamerick, Schoneberg, Kruysen, Potbadele, Duceke, Vilbom, Grindel) не означаются ближе, но, кажется, они были заселены Нѣмцами. Позже (1253 г.) упоминается здѣсь еще славянское село Гутинъ (villa slavicalis, quae Gutzin vocatur). Замѣтимъ, что земскія повинности и другія обязанности, — отъ которыхъ жители этихъ монастырскихъ селъ освобождаются (1208 г.), — называются по нѣмецки (burchwerck, herzüge, recht, unrecht), и только извѣстная подать хлѣбомъ носитъ еще нѣмецкое и славянское названіе (frumentum, quod *betkorn* vocatur, frumentum, quod *wozor* vocatur).

Въ сѣверной полосѣ Старой Марки были города *Гартовъ* и *Снакенбургъ*, которые въ концѣ XIV вѣка присоединены къ Люнебургу. Здѣсь, между Арендзее и Люховымъ, упоминается въ началѣ XIII вѣка (1208 г.) земля *глинская* (Linegow), гдѣ славянскій элементъ сохранился—какъ уже выше сказано—до конца XVII вѣка. Около *Зальцведеля* жили въ половинѣ XIII вѣка (1247) нѣмецкіе и славянскіе поселяне, подданные города и другихъ господъ (rustici teutonici sive sclavi), и во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка называются „славянскими“ близкія села Худино (slavicalis villa Chudene 1282), и Нейдорфъ (Niendorpe villa slavicalis 1304); мостъ у Худина носитъ однако уже нѣмецкое названіе (pons qui Chüdene brücke vulgariter nominatur). Около *Кальбе* на рѣкѣ Мильдѣ и дальше къ Яснѣ, въ селахъ Яснѣ, Рѣчицѣ и Плотѣ и въ другихъ мѣстахъ жили еще въ началѣ XIV вѣка Славяне вмѣстѣ съ Нѣмцами (Slavi de Jezne, Recizze, Plothe, slavicales seu teutunicales residentes a longo vel de prope civ. Luchowe, 1313). Около *Штендаля* было славянское село Morungen (slavitica villa), которое опустѣло во второй половинѣ XII вѣка; часть его отдана потомъ новымъ колонистамъ, неизвѣстно, славянскимъ-ли или нѣмецкимъ. Около *Остербурга* были въ первой половинѣ XIII вѣка два славянскихъ села (duae slavicae villae Tilhorn et Rodenvort 1238); такія же славянскія села упоминаются въ это время и позже около *Тангермюнде* (Insula villa slavica, Scheldorp slavicalis villa 1339). Въ юговосточномъ углу Старой Марки, на сѣверъ отъ рѣки Оры, было въ половинѣ XII вѣка село Mose, отчасти заселенное Славянами, обязанными платить десятину; они ея однако добровольно не платили, а вымогала ее военная экзекуція (Sclavi decimam non solventes... quam militaris violentia extorquebat). Одно поле у этого села носитъ уже тогда, въ XII вѣкѣ, нѣмецкое названіе *badenacker*.

Села означаемыя какъ „славянскія“ были, разумѣется, первоначально заселены Славянами, которые жили особо въ своихъ селахъ рядомъ съ селами того же самаго названія, означаемыми какъ „нѣмецкія“. Но со временемъ, съ усиливающейся германизаціей Старой Марки Славяне жившіе въ „славянскихъ“ селахъ онѣмечились, и только оставшееся прозвище тѣхъ селъ „славянское“ (wendisch) сохранило память о прежнемъ славянскомъ населеніи. Такихъ „славянскихъ“ селъ приводится нѣсколько въ писцовыхъ книгахъ бранденбургскихъ владѣній (landbuch) 1375 г., изъ Старой Марки, именно въ земляхъ: зальцведельской, штендальской, тангермюндской и арендзееской; часто приводятся имена крестьянъ. О Славянахъ нѣтъ уже почти никакихъ слѣдовъ, а если немногіе крестьяне и носятъ названія въ родѣ Polnik, Borneke, Wultzke, то едва ли ихъ можно уже считать Славянами, такъ какъ Славяне приводятся прямо какъ „Славяне“ (Slavi) [1]).

Послѣдніе остатки Славянъ въ Старой Маркѣ сосредоточились около нѣкоторыхъ *городовъ*, и здѣсь они упоминаются до конца XV вѣка. Города, т. е. огороженныя, укрѣпленныя мѣста, встрѣчаются въ Сѣверной Маркѣ уже рано, въ X вѣкѣ (Вербно, Арнебургъ, Тангермюнде и др.); эти полабскіе города были просто крѣпости, построенныя противъ нападеній Славянъ, „гарды“ или „горды“, какъ ихъ балтійскіе Славяне называли (срв. Гадій Гардъ или Годій Гордъ—Schnakenburg, Гордско—Gartow, Gardow). Города въ смыслѣ особыхъ общинъ пользующихся исключительнымъ положеніемъ, своимъ правомъ, возникли позже изъ замковъ или селъ. Въ половинѣ XII вѣка въ Старой Маркѣ были уже города Вербно, Арнебургъ, Тангермюнде, Остербургъ, Зальцведель, Штендаль, позже является Зегузенъ (Seehausen), Гарделегенъ. Мѣщане были по большей части Саксы и вообще нижніе Нѣмцы; въ Вербнѣ и Зегузенѣ поселились тоже Нидерландцы. Вотъ напр. нѣсколько именъ мѣщанъ тѣхъ городовъ изъ XII—XIII вѣковъ: Johannes de Libera Platea, Henricus Bastus, Hugo Scele, Jordanus Marsilius,

[1]) Интересно названіе Wultzke, Volceke, Wlczke etc., которое встрѣчается часто въ Старой Маркѣ въ памятникахъ XIV—XVI вв. Такъ называются и два села около Штендаля. Если это имя—славянское, то позволимъ себѣ указать на славянское *волчокъ* (по древянски вуцка, вауцка), старинное названіе Лютичей. «Волчками» (Wutzschken, Wutzkern) назывались въ полабскихъ странахъ свободные крестьяне (Срв. Haltaus: Gloss. german. medii aevi, Шафарика Slov. Starož. 879).

Hartung de Sandowe, Gerardus Rimscnider Heinricus de Brunswich, Johannes de Turiz, Petrus de Moringe, Baldewinus de Zerwist, Heyno Nachtigale, Bertoldus de Puteo, Johannes de Berge, Ditmarus de Ulsen, Henricus Westval, Hermannus de Hydsaker, и др. Кромѣ нѣмецкихъ мѣщанъ встрѣчаются въ XIII и XIV вв. отдѣльные, хотя очень немногіе, мѣщане славянскаго происхожденія. Славянскіе мѣщане наравнѣ съ нѣмецкими пользуются правами мѣщанъ, засѣдаютъ въ городской думѣ, принимаются въ цехи и пр. Во вновь основанный городъ *Новый Зальцведель* (1247 г.), позволялось стекаться окрестнымъ поселянамъ нѣмецкимъ и славянскимъ, и они находились подъ вѣдомствомъ городскаго судьи. Въ теченіи XIV в. встрѣчаемъ въ Зальцведелѣ нѣсколько мѣщанъ, съ прозвищемъ „Славянинъ“ (Went, Wende), и въ 1331—36 гг. былъ Henneke Went городскимъ ратманомъ. Въ обѣихъ общинахъ зальцведельскихъ, старой и новой, Славяне еще въ XV в. имѣли дома и были членами разныхъ цеховъ [1]). Въ городѣ *Вербнъ* упоминается въ 1271 году мѣщанинъ Wedekinus Slavus. Значительное число Славянъ жило въ *Штендалѣ*, въ особой части города, и еще въ XV и XVI вѣкахъ упоминается тамъ „славянская улица“ (Slavorum platea 1475 г., Wendenstrasse 1567 г., подлѣ улицы жидовской—platea Judaeorum). Въ XIII и XIV вѣкахъ мы видимъ Славянъ въ числѣ ратмановъ (Wilhelmus Slavus 1233, Jacobus Sclavus 1272—1307, Conradus Slauue 1287), и мѣщанъ (Jacobus Sclavus et Adam Sclavus 1251, Johannes Slavus 1266, Werneker Went 1330, оба члены цеха торговцевъ сукномъ, Jacobus Went, Heyne Went 1375). Придаваемое этимъ лицамъ прозвище „Славянинъ“ (Slavus, Went) первоначально,—въ то время, когда не были въ употребленіи потомственныя фамиліи,—несомнѣнно означало дѣйствительныхъ Славянъ, равнымъ образомъ какъ прозвища мѣщанъ Westval, Sasse, Frise, de Brunswich и др., означало уроженцевъ Вестфаліи, Саксоніи, Фризіи, Брауншвейга и пр. Только со временемъ эти прозвища превратились въ потомственныя фамиліи, а „Went, Wende“ сдѣлалось потомъ фамиліей давно онѣмеченныхъ славянскихъ семействъ, или простымъ прозвищемъ, которое придавалось людямъ по поводу знанія ими славянскаго языка, или происхожденія изъ „Славіи“ (т. е. Мекленбурга или Помераніи), или по другимъ причинамъ.

---

[1]) Въ перечнѣ вещей одного священника зальцведельскаго (1478 г.), находилось и «монисто Славянъ» (monile Slavorum); не знаемъ, что это было.

Вѣковой антагонизмъ между Нѣмцами и Славянами проявлялся и въ городской жизни Старой Марки. Мы видѣли, что здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ полабскихъ и балтійскихъ, рано встрѣчаются два селенія того же самаго названія, отличающіяся прозвищами „нѣмецкое“ и „славянское“, первое — мѣстожительство крестьянъ нѣмецкихъ, второе—славянскихъ [1]); въ Штендалѣ видимъ особую „улицу славянскую“. Подобное этому встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ Старой Марки: въ Вербнѣ, Ангербургѣ и Тангермюнде находились подъ самымъ городомъ предмѣстья или села обитаемыя Славянами. Эти Славяне вѣроятно потомки жителей древнеславянскихъ городовъ, которые, во время ихъ преобразованія въ новые нѣмецкіе города или „мѣста“, волей неволей уступили новымъ пришельцамъ и поселились подлѣ прежнихъ своихъ жилищъ. Эти Славяне, по большей части рыболовы, были обязаны отправлять извѣстныя замковыя работы, пользуясь нѣкоторыми льготами.

У *Вербна*, подъ самымъ городомъ было село (villa) Wentmarc, Wendemarke, часто упоминаемое въ XIV — XVI вв.; по всей вѣроятности это было поселеніе Славянъ. *Арнебургскіе* Славяне еще въ половинѣ XV вѣка (1441, 1452 гг.) исполняли извѣстныя работы, считаясь служилыми людьми маркграфа (unnse dinstlüden, die Wende to Arneborch). Болѣе намъ извѣстно положеніе Славянъ въ селѣ *Калебовъ* (Calebow, Calbu) подъ *Тангермюнде*, гдѣ они упоминаются въ 1360—1479 гг. (Wende die tu Calbu vor der stad tu T. wonen, Wendorf zu Calbu, wendisches C.). Эти Славяне жили подъ вѣдѣніемъ особаго шульца, занимались ловлей рыбы и были подданные самого маркграфа. (Calbu pertinet marchioni; ibi Slavi morantur et nutriuntur de piscatura). Они отправляли извѣстныя повинности и работы, именно должны были въ извѣстные дни доставлять рыбу въ тангермюндскій замокъ, возить дрова въ маркграфскую кухню, и перевозить маркграфа и его семью черезъ рѣку Лабу; отправляя эти работы, они получали пропитаніе изъ замка. Калебовскіе Славяне пользовались особой благосклонностью маркграфа; имъ пожалованы островъ на Лабѣ, паст-

[1]) Происхожденіе такихъ «славянскихъ» селъ объясняютъ глосаторы Sachsenspiegel по своему; они разсказываютъ, что Саксы прогнали Нордтюринговъ (по ихъ мнѣнію, Славянъ, Wenete) въ залабскую страну (in dat hertogedome over Elve), и воевали съ ними; но потомъ пришелъ coning Carl und nam si ut deme hertoghdom u. strewede si over alle Sassen. Darvan vint man noch etlike dorper wendesch. (Sachsenspiegel, ed. Homeyer, 245).

бища и часть пошлинъ; они освобождались отъ всеобщей земской подати (bede), и отъ нѣкоторыхъ пошлинъ, и пр. Въ началѣ XV вѣка прогнали ихъ маркграфскіе чиновники изъ Калебова, но маркграфъ Іоаннъ ихъ опять туда возвратилъ и подтвердилъ ихъ права (1426 г.) [1]). Кромѣ того Славяне жили, какъ уже выше сказано, въ окрестностяхъ Тангермюнде въ селѣ Scheldorp, которое еще въ первой половинѣ XIV вѣка (1339 г.) называется „славянскимъ“ (slavicalis villa dicta S.). Въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г.) это село уже не носитъ названія славянскаго, и въ немъ не приводятся Славяне; но отношенія шельдорпскихъ рыболововъ, можетъ быть уже онѣмеченныхъ, были почти тѣ же самыя, какія находимъ у славянскихъ рыболововъ калебовскихъ [2]).

Взаимныя отношенія между нѣмецкими и славянскими жителями Старой Марки намъ ближе неизвѣстны. Но какія бы они ни были,— дружескими ихъ едва ли можно назвать, — то все-таки до самого XV вѣка не находимъ того печальнаго явленія, которое породила племенная ненависть обоихъ народовъ. Это — *прямое исключеніе Славянъ* изъ нѣкоторыхъ цеховъ и городскаго представительства. Въ Старой Маркѣ стали Славянъ исключать изъ цеховъ не раньше XV вѣка. Эту нетерпимость начали проявлять прежде всего *зальцведельскіе* купцы—krämer (1428 г.), которые отъ вновь прибывающаго члена своей гильдіи требовали доказательства, что онъ человѣкъ свободный и „настоящій, истый Нѣмецъ а не Славянинъ“ (dat he sy echte und rechte düdesch unde nicht wendisch). *Гарделегенскіе* пивовары требовали въ XV и XVI вв. (1450 и 1555 гг.) отъ своего члена того же самого доказательства, что онъ и его жена достойны почтенной гильдіи, т. е. что они люди свободные, коренные Нѣмцы а не славянскаго рода (dat sye echte u. rechte dudesck u. neynes wendischen arth syn). Особенную нетерпимость

---

[1]) Калебовскіе Славяне приводятся въ бранденбург. земской книгѣ какъ единственное исключеніе изъ остальныхъ поселеній Старой Марки (Colbu, ibi non sunt mansi, sed Slavi morantur). Странное впечатлѣніе производятъ слова бранденбургскаго маркграфа и *чешскаго* короля Карла: «unsir armen lute, die Wenden von Kolbu—наши бѣдняки калебовскіе Славяне»; того же самаго Карла, который такъ восхищался «благороднымъ и знатнымъ языкомъ славянскимъ», связывающимъ Чеховъ, Хорватовъ и Сербовъ. (См. нашу книгу *Славянская взаимность*, 267, 269).

[2]) Вѣроятно на славянское происхожденіе указываетъ и названіе другого села у Тангермюнде: Viske—ribbe (Fischribbe), т. е. fisch—рыба.

къ Славянамъ показали мѣщане *зальцведельскіе*. Въ 1486 г. сговорились объ городскія общины, чтобъ впредь не дозволялось ни одному Славянину покупать и владѣть домами, особенно же пивоварнями; пивовары и ихъ жены должны были быть непремѣнно нѣмецкаго происхожденія, а не Славяне; послѣднимъ оставлены только ихъ лавочки или будки. Въ первой половинѣ XVI вѣка считалось въ Зальцведелѣ стариннымъ обычаемъ, что мѣщанинъ, родившійся отъ славянскаго отца или отъ славянской матери, не могъ засѣдать въ городской думѣ, и никоимъ образомъ не могъ быть членомъ цеховъ торговцевъ сукномъ, пивоваровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, купцовъ, мясниковъ, сапожниковъ, портныхъ, суконщиковъ, булочниковъ, мѣховщиковъ, кузнецовъ и кожевниковъ. Членами остальныхъ цеховъ и вообще мѣщанами Славяне могли быть. Эти „старинные обычаи“ подтвердилъ курфирстъ Іоахимъ еще въ 1527 году. Славянское происхожденіе считалось въ Зальцведелѣ вообще не очень то лестнымъ; по крайней мѣрѣ дума стараго города Зальцведеля выдаетъ (1497 г.) одному священнику свидѣтельство, что онъ по отцу и матери коренной и истый Нѣмецъ, а не Славянинъ (echte u. rechte dudesch u. nicht wendisch) [1]).

Память о Славянахъ въ Старой Маркѣ сохранили теперь одни только географическія названія, нѣсколько словъ, нѣкоторыя особенности въ бытѣ народа, названіе *Вендовъ*, которое носятъ до сихъ поръ сельскіе жители на сѣверъ и сѣверозападъ отъ Зальцведеля, и наконецъ „славянское“ прозвище нѣкоторыхъ селъ, именно Wendisch-Apenburg, W.-Bodenstedt, W.-Brome, W.-Horst, W.-Langenbek.

---

[1]) Замѣчательный приговоръ зальцведельскихъ общинъ 1486 года приво„имъ здѣсь вполнѣ. Общины сговорились, «dat men neynen wendeschen manne offte frowen wille offte scholle tostaden, tho kopende vnnd to besittende eyn erue bynnen beyden steden Soltwedel, vnnd men on ok neyn erue wille vnnd scholle to syner eygen hand offte eynem anderen dudeschen manne dem wendeschen to truwe handt to scryuen. By dussen eruen schollen betekent syn vor an de brouwerue. Ouer de hakenerue offte buden, de alrede wendesche lude besitten vnnd on to screuen syn, dar mach men id mede holden, szo id susz langhe dar mede gheholden isz. Ouer den gennen, de in den hakeneruen wanen, schal men vnnd wil men ok nicht gestaden dat brouwerk, szo sie dat susz lange ok nicht gehadt hebben. Ok schal nemant na dissen dage to Soltwedel anferdigen dat brouwerk, id szy denne, dat beyde, frowe vnde man, de sodan anferdigen willen vnde im echten leuende vortruwet syn, alle beyde syn rechdadig vnnd dudesch geborn».

II.

Брижане и Стодоряне [1]).

Представляя очеркъ германизаціи Брижанъ и Стодорянъ, мы поговоримъ о германизаціи вообще всѣхъ племенъ славянскихъ которыя занимали земли между Лабой и Одрой съ одной стороны и между Степницей, верховьями Эльды и Гаволы, Финавой (вѣроятно Винявой), на югъ до Нуты и до нижней Спрѣвы. На этомъ столь ограниченномъ пространствѣ жили кромѣ обоихъ главныхъ племенъ *Брижанъ* [2])—между Степницей и Досой—и *Стодорянъ* или *Гаволянъ*—окруженныхъ Досой и Гаволой,—и другія мелкія племена, именно по Лабѣ до устья Гаволы, *Моравчане*, *Земчичи* и *Лъшичи*, на сѣверъ около Гавельберга *Нелетичи*, по Досѣ—*Дощане*; на югъ и на востокъ отъ Гаволы *Блони* и *Спрѣвяне*.

Маркграфы залабской, такъ называемой Сѣверной (позже Старой) Марки, стали съ начала XII вѣка подвигаться за Лабу. Маркграфъ Альбрехтъ Медвѣдь пріобрѣлъ земли Брижанъ (Priegnitz) и Стодорянъ или Гаволянъ (Havelland), вмѣстѣ съ Сухой (Zauche) или бывшей блонской землей. Преемники Альбрехта Медвѣдя пошли по его слѣдамъ, и въ теченіи второй половины XII вѣка и особенно начала XIII вѣка (ок. 1225 — 1232 гг.) пріобрѣли также загавольскія земли Спрѣвянъ, до самой Одры, именно земли *тельтовскую* (между Нутой, Гаволой и Спрѣвой) и *барнимскую* (между Гаволой, Спрѣвой, Лечницей, Финавой и Одрой). Кромѣ того къ владѣніямъ маркграфовъ присоединены были въ началѣ XIII вѣка земли, лежащія на сѣверъ отъ барнимской земли между Финавой и верхней Гаволой, и между Финавой и Вильсной и Одрой, гдѣ уже въ началѣ XIII вѣка находились бранденбургскіе замки Цетники или Цетынки (Zehdenik), Либенвальде и Одербергъ. Когда именно и какимъ образомъ всѣ эти загавольскія страны, принадлежавшія отчасти Польшѣ отчасти Поморью — присоединены къ владѣніямъ маркграфовъ, не совсѣмъ ясно; довольно того, что

---

[1]) Источники см. въ предыдущемъ отдѣлѣ «Славяне въ Старой Маркѣ».

[2]) Пишемъ Брижане, слѣдуя формѣ *Brizani* (у Гельмольда), слову *бриг* (у залабскихъ Славянъ=берегъ) и нын. формѣ *Priegnitz*. Подлѣ формы *бригъ*, *Брижане* встрѣчается у балтійскихъ Славянъ и форма *брегъ*, *берг*, *Брежане*, какъ видно изъ названій *Колоберг* и *Брежане* (Brezen, Briezani, племя приморскихъ Бодричей).

маркграфы ок. 1230 г. владѣли уже всѣми землями между средней Лабой и Одрой, касаясь здѣсь владѣній поморскихъ и польско-силезскихъ, и съ жадностью глядя и на нихъ. Всѣ эти земли маркграфовъ бранденбургскихъ между Лабой и Одрой стали позже называться *Приницъ* или *Передняя Марка* (Vormark), *Средняя Марка* (Mittelmark), въ отличіе отъ залабской *Старой Марки* (Altmark) и позже пріобрѣтенной *Новой Марки* (Neumark) на правомъ берегу Одры. Подлѣ маркграфовъ бранденбургскихъ укрѣпились на правомъ берегу Лабы ихъ южные сосѣди, *архіепископы магдебургскіе;* завладѣвъ именно землями морачанской и ютробожской, они присоединили ихъ къ своему залабскому княжеству (ducatus Transalbinus).

Такимъ образомъ подпали всѣ стодорскіе Лютичи подъ власть нѣмецкихъ господъ, и сдѣлались скоро добычей элемента нѣмецкаго. Прослѣдимъ эту постепенную германизацію Стодорянъ [1]) подробнѣе по отдѣльнымъ областямъ.

Въ обширной землѣ *Морачанъ* германизація стала водворяться съ начала XII вѣка. Зачатки нѣмецкаго населенія въ этой странѣ въ X вѣкѣ скоро исчезли—какъ вездѣ въ предлабскихъ странахъ—въ общемъ возстаніи Славянъ въ томъ вѣкѣ; слѣдомъ этого мимолетнаго водворенія нѣмецкаго вліянія осталось лишь названіе города *Бургъ*, упоминаемаго уже въ половинѣ X вѣка [2]). Еще въ началѣ XII вѣка у Морачанъ процвѣтало язычество, и епископъ бранденбургскій Гартбертъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми священниками истребили здѣсь повсемѣстно идоловъ, и построили церковь въ Лѣскѣ (около 1114 г.). Рука объ руку съ христіанствомъ шла германизація, поддерживаемая духовенствомъ, разумѣется исключительно нѣмецкаго происхожденія, бѣлымъ и чернымъ, и архіепископомъ магдебургскимъ.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ разсадниковъ нѣмецкой колонизаціи въ землѣ Морачанъ былъ премонстратскій монастырь въ *Лѣскѣ* (Liezka, Leizkau), основанный до 1139 года. Уже въ послѣднемъ году въ числѣ монастырскихъ селеній приводятся два съ нѣмецкими названіями Ladeborch и Niendorp. Число та-

---

[1]) Ради удобства употребляемъ названіе «Стодоряне» во смыслѣ всѣхъ племенъ между Лабой и Одрой; уже Chronographus Saxo пишетъ: Ztoderania egregia inter slavonicas terras (ad a. 997).

[2]) Civitas Burg (a. 949); переводится тоже Arx, Castrum.

кихъ селъ все умножалось; такъ на пр. во второй половинѣ XII в. (1173 г.) между 22 монастырскими селами есть четыре съ нѣмецкими названіями. Нѣмецкіе колонисты однако не ограничились одними только основываемыми селеніями, а поселялись и въ славянскихъ селахъ; равнымъ образомъ и славянскіе крестьяне заселяли села съ нѣмецкими названіями. Такъ на пр. во второй половинѣ XII вѣка въ числѣ монастырскихъ селеній упоминаются два села одного названія (duae villullae uno nomine Kruckeborne), по всей вѣроятности одно нѣмецкое, другое славянское; послѣднее со временемъ исчезло, но память славянскаго населенія сохранило еще въ началѣ XV вѣка (1402 г.) „славянское поле (wendisches feld)“ у самаго селенія. Сами господа этихъ селъ имѣли въ виду нѣмецкую ихъ колонизацію, и опредѣляя подати сельскаго народонаселенія, славянскаго и нѣмецкаго, прямо надѣются, что со временемъ Славяне уступятъ Нѣмцамъ (villae quae nunc a Slavis inhabitantur, si in posterum a Teutonicis possessae fuerint; villae a quibuscunque colonis inhabitentur). Еще въ концѣ XII вѣка извѣстна была въ нѣкоторыхъ селахъ славянская подать хлѣбомъ, такъ называемый *восопъ*. Такой восопъ платило еще въ 1189 г. напр. село Славотичи (Slautiz), населенное Славянами; другое такое славянское село Матерно платило хлѣбомъ еще въ XIII вѣкѣ, но эта подать уже не носитъ славянскаго названія. Въ обоихъ селеніяхъ, которыя еще во второй половинѣ XII вѣка (1173 г.) прямо называются славянскими (nunc a Slavis inhabitantur), упоминаются въ началѣ XIII в. (1228 г.) старосты Годескалькъ и Роденгеръ, неизвѣстно Славяне-ли или Нѣмцы, но скорѣе послѣдніе, такъ какъ лица славянскаго происхожденія отмѣчаются обыкновенно названіемъ „Славянинъ (Slavus)“.

Равнымъ образомъ, какъ монастырь лѣсковскій заботился о германизаціи своихъ имѣній въ глуби земли морачанской, такъ и *архіепископъ магдебургскій* производилъ нѣмецкую колонизацію въ своихъ земляхъ между Лабой и Гаволой. Такъ въ 1159 г. село Пеховъ (на Лабѣ противъ Магдебурга) дано Гериберту для заселенія колонистами, вѣроятно нѣмецкими. Въ томъ же самомъ году село Островица съ обработанными и необработанными полями на Гаволѣ дано Генриху и другимъ Фламингамъ; прежніе славянскіе жители (pagani adjacentes), которые обработали тѣ поля, стало быть оттуда удалены. Тоже самое случилось около того времени и съ жителями трехъ селъ Черницы, Дѣдовичъ и Унстаденъ (у Сербища);

тамошніе Славяне должны были уступить нѣмецкимъ колонистамъ (cum enim Slavis, qui villas istas possederant, coloni theutonici succederent, 1178). Въ 1164 г. заселена деревня Краковъ голандскими колонистами, и въ томъ же самомъ году дано мѣсто Popendorpstide (напротивъ Магдебурга) двумъ лицамъ, Вернеру и Годофриду, чтобъ они здѣсь и на прилежащихъ лугахъ и болотахъ поселили новыхъ жителей, которые бъ воздѣлывали до той поры незаселенную землю; новые колонисты должны были кромѣ обыкновенныхъ десятинъ платить съ каждой гуфы двѣ деньги подати и по два корца ржи и овса восопу (de quolibet manso duos solidos in censu, duos modios siliginis et duos avenae ad id, quod more totius Transalbinae provinciae *wozzop* nominatur). Такой восопъ упоминается еще въ 1187 г. въ лѣсу у Чартова на Лабѣ (противъ Магдебурга), который лѣсковскій монастырь продалъ Дракону на особыхъ правахъ, именно такъ, чтобъ онъ былъ старостой тамошнихъ поселянъ, и платилъ особую подать называемую уже по нѣмецки bede, и кромѣ того и восопъ. Не знаемъ, были-ли такіе колонисты исключительно Нѣмцы, или между ними были также Славяне изъ окрестныхъ мѣстъ, какъ это не рѣдко случалось. Но какъ бы то ни было, съ XIII вѣка не встрѣчаемъ уже Славянъ въ землѣ морачанской. Память о нихъ въ тѣхъ странахъ сохранило до XV вѣка лишь выше упомянутое „славянское поле“ у села Кенигсборна (стар. Крукеборнъ), и села называемыя „большое и малое славянское село“ у Бурга (grote u. kleine Wentdorp).

Въ правѣ саксонскомъ, въ такъ наз. саксонскомъ зеркалѣ, и въ одной древней саксонской лѣтописи встрѣчаемъ нѣсколько постановленій, приписываемыхъ архіепископу магдебургскому, Вихманну (1152—1192), и относящихся къ подвластнымъ ему Славянамъ въ залабской сѣверной Тюрингіи. Не знаемъ, на сколько можно относить эти постановленія и къ Славянамъ на правомъ берегу Лабы; но во всякомъ случаѣ изъ этихъ постановленій можно себѣ составить нѣкоторое понятіе хотя бы о брачныхъ союзахъ славянскихъ подданныхъ магдебургскаго архіепископа вообще. Постановленія касаются именно смѣшанныхъ браковъ между крѣпостными Славянами и Нѣмцами, и ихъ дѣтей, а также принадлежности послѣднихъ господамъ, смотря по славянскому или нѣмецкому происхожденію отца или матери; дальше опредѣляется плата новобрачныхъ, жениха и невѣсты барину, и плата, которую должна

была заплатить жена оставлявшая своего мужа, какъ это позволялось „по славянскому праву (also wendisch recht ist)“ [1]).

На сѣверъ отъ Морачанъ въ трехугольникѣ, составляемомъ Лабой, Гаволой и рѣчкой Струминой, помѣщались три маленькія земли стодорскія, *Земичи*, *Лѣшичи*,—оба племени упоминаемыя уже въ половинѣ X вѣка,—и *Чолено* (Scolene, Schallene, срв. польск. Czołna), всѣ части владѣній маркграфовъ. Кромѣ Чолена были здѣсь города или замки Плотъ, Яриховъ, Сандовъ (Сѧдовъ), столицы дворянскихъ родовъ, разумѣется нѣмецкихъ, назвавшихся по своимъ замкамъ, Кобеличи или Маріенбургъ, какъ онъ называется уже въ X вѣкѣ; славянское названіе извѣстно впрочемъ еще въ половинѣ XII вѣка. Въ *Яриховѣ* основанъ въ 1144 г. премонстрат. монастырь, который конечно заботился о введеніи въ свои помѣстья нѣмецкихъ колонистовъ. Уже въ годъ его основанія упоминается въ числѣ его селъ Волково и славянское или меньшее Волково (slavica, minor Wolkowe); село Гардекинъ переименовано въ Nizekendorp (Nizenthorp), хотя еще во второй половинѣ XII вѣка (1172 г.) славянское названіе боролось съ нѣмецкимъ (villa Nizekendorp vel alio nomine Gardekin). Дольше всего сохранился элементъ славянскій въ уголкѣ при впаденіи Гаволы въ Лабу въ землѣ чоленской; здѣсь упоминаются Славяне еще даже въ началѣ XIV в. (1302 г.).

Главное пріобрѣтеніе маркграфовъ на правомъ берегу Лабы составляли, какъ уже сказано, обширныя земли *Брижанъ* и *Стодорянъ*, и прилежащія къ нимъ области по Гаволѣ.

Съ водвореніемъ владычества нѣмецкихъ маркграфовъ въ гавольскихъ странахъ сталъ измѣняться весь ихъ характеръ, по примѣру германизующейся залабской Старой Марки.

Славянскіе князья тамошнихъ странъ вынуждены были усту-

---

[1]) Sachsenspiegel, III. buch, 73. artik. §§ 2. 3. (ed. Homeyer 247); kronika vor dem sächsischen weichbildsrechte (Riedel: Mark Brandenburg II. 29). Интересно, какъ глосаторы саксонскаго зеркала объясняютъ себѣ происхожденіе крѣпостнаго состоянія Славянъ въ сѣверной Тюрингіи; они относятъ его къ завоеванію той страны Саксами, считая Тюринговъ Славянами (di Nortdoringe, dat weren di Wende; Wenet, dit sint di Nortdoringe). — О германизаціи ютробожской земли см. ниже.—О архіепископѣ Вихманнѣ срв. Forschungen zur deutschen geschichte (Göttingen 1865, V. bd. p. 527, 1872, XIII. p. 121).—Статьи Винтера: Die christianisirung u. germanisirung des gaues Morzane (Magdeburg. geschichtsblätter V. 214) ближе не знаемъ.

пить или покориться; такъ брижанскіе Витикиндовичи,—по всей вѣроятности славянскаго происхожденія,—напрасно попытавшись вновь завладѣть отнятой отчиной, бѣжали вѣроятно къ бодричскимъ князьямъ. Копиницкій князь Яцекъ (въ Спрѣвянахъ) тоже тщетно пробовалъ задержать напоръ Нѣмцевъ въ глубь славянщизны, и отнять у маркграфа Альбрехта стодорскую землю, которую завѣщалъ маркграфу самъ послѣдній ея князь Генрихъ Прибиславъ; земли Яцка, тельтовская и барнимская, достались впослѣдствіи тоже преемникамъ маркграфа Альбрехта.

Во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ водворились, разумѣется, нѣмецкіе государственные и общественные порядки, земскія повинности и подати стали называться по нѣмецки, herschild, burgwerk, bruckenwerk, bede, betkorn (въ Полабьѣ подлѣ слав. восопа), и пр.; явились васалы на феодальномъ правѣ, новые города, и пр.

Съ маркграфомъ прибыло въ новыя его владѣнія много его васаловъ, по большей части изъ залабской Старой Марки, отчасти также изъ другихъ нѣмецкихъ странъ, изъ Саксоніи, Тюрингіи и др. Это нѣмецкое дворянство окружало маркграфа, занимало разныя должности и достоинства, военныя, судебныя и др.; оно получало въ Средней Маркѣ въ феодальное владѣніе помѣстья, города и села, и по нимъ принимало и новыя названія. Бранденбургское дворянство почти исключительно нѣмецкаго происхожденія; по крайней мѣрѣ нельзя доказать славянскаго происхожденія почти ни одного дворянскаго рода; фамиліи, предикаты бранденбургскаго дворянства, звучащіе по славянски, ничего не доказываютъ, такъ какъ они взяты отъ владѣній, городовъ и селъ. Такъ напр. фамиліи родовъ Путлицъ, Квицовъ, Линдовъ, Рупинъ, Плоте, Роховъ, Бредовъ, Первеницъ, Штегелицъ, Доберковъ, Фельфанцъ (Велевѫсы), Плаве, Яриховъ, Сандовъ и др. просто — названія городовъ, замковъ и селъ въ Старой и Средней Маркѣ; они вовсе не говорятъ въ пользу славянскаго происхожденія родовъ назвавшихся по этимъ своимъ владѣніямъ [1]). Путлицы, Клепицы, Квицовы, Клицеки и др.—такіе же Нѣмцы, какъ Арнштейны, Дорнбурги, Редерны, Кёнигсмарки, Мёллендорфы и др. Эти новые

[1]) Равнымъ образомъ фамиліи чешскихъ родовъ Розенбергъ, Штернбергъ, Лихтенбургъ, Ризенбургъ и др. не доказываютъ нѣмецкаго ихъ происхожденія; это—названія замковъ, по которымъ приняли свои названія чисто чешскіе роды Витковичей, Дивишевичей, Гроновичей, Грабишичей и др. только въ XIII вѣкѣ.

дворяне нѣмецкіе скоро замѣнили старинную славянскую шляхту. Еще въ половинѣ XII вѣка (1151 г.) упоминаются въ землѣ Брижанъ, въ епархіи гавельбергской, славянскіе землевладѣльцы; они съ позволеніемъ маркграфа жаловали изъ своихъ помѣстій епископовъ и церкви въ этой епархіи (quidquid aliquis Sclavorum de possessione terrarum seu facultatum eidem vel alicui ecclesiae in eodem episcopatu donare voluerit). Позже уже не встрѣчаются. Очень можетъ быть, что въ ряды нахлынувшаго въ земли Брижанъ, Стодорянъ и Спрѣвянъ, нѣмецкаго дворянства вошли и нѣкоторые славянскіе шляхтичи землевладѣльцы, сдѣлавшись васалами маркграфа. Таковы именно шляхтичи *изъ Врисокъ* (Vrisach, Vrisack, Friesach), упоминаемые въ XIII вѣкѣ и назвавшіеся такъ по своему городу и землѣ того имени (Вриски) въ сѣверозападномъ углу стодорской земли [1]). Въ началѣ XIII вѣка (1208) находились въ близкомъ Гавельбергѣ „славянскіе шляхтичи“ (Slavi nobiles), братья Генрихъ Прославичъ, Прибиславъ и Андрей, можетъ быть члены этого рода. Другіе славянскіе шляхтичи въ Бранденбургѣ намъ неизвѣстны [2]).

Духовенство въ Средней Маркѣ было исключительно нѣмецкое. Въ рядахъ епископовъ и канониковъ гавельбергскихъ и бранденбургскихъ, и другихъ духовныхъ лицъ обѣихъ епархій, не находимъ нигдѣ Славянъ; всѣ они Нѣмцы. Трудно было Славянину и попасть въ ряды этихъ избранныхъ людей, если еще въ самомъ концѣ XII вѣка (1197 г.) самъ ихъ глава, папа,—разумѣется, по ихъ же наущенію — называетъ бранденбургскихъ Славянъ народомъ злымъ и развращеннымъ, врагомъ христіанскаго имени (natio prava et perversa, scilicet Slavi et inimici christiani nominis). Духовенство же, бѣлое и черное, и дворянство преимущественно способствовали онѣмеченію тѣхъ странъ, производя въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ громадную нѣмецкую колонизацію.

Третьимъ важнымъ факторомъ германизаціи были *города*. Укрѣ-

---

[1]) Такова по всей вѣроятности славянская форма: *Врисекъ* (срв. чеш. Vřesek, Vřísek) или *Вриски* (срв. польск. Wrzoski). Верескъ (польск. wrzos, чеш. vřes, луж.-серб. wrjós, erica) называли балтійскіе Славяне *врисъ*, какъ видно изъ древнн. wriseitja—heidelbeeren.

[2]) Не знаемъ, почему нѣкоторые члены рода изъ *Ильбурга* носятъ прозвище *Wend*, напр. Otto Wend, advocatus marchionis (1324), Otto Wend dominus in Ilelburgh (въ Штендалѣ 1355), der edle Wend von Ylburg, unterhauptmann der mark Brandenburg (1411—12).

пленныя мѣста; города или *гарды* были у стодорскихъ Славянъ еще во время ихъ самостоятельности. У Брижанъ встрѣчается уже въ первой пол. X вѣка близъ впаденія Гаволы въ Лабу знаменитый городъ, который Нѣмцы назвали *Гавельбергъ* (castrum et civitas),—славянское названіе неизвѣстно,—столица учрежденной въ 946 г. епископіи, и еще въ первой половинѣ XII вѣка столица князя брижанскаго. Кромѣ этого главнаго города были здѣсь и другіе города (civitates), столицы округовъ, земель, или вообще укрѣпленныя мѣста; у Гавельберга въ этой же самой землѣ Нелетичей, былъ городъ Низовъ, въ землѣ хоричской городъ Плотъ, въ землѣ Дошанъ г. Высокая (Wittstock), у Глинянъ Подлѣщь (Puttlitz) [1]), и вѣроятно и Лѧчинъ; къ славянскому періоду надо отнести также начало городовъ Хоричъ (Kyritz) и Преставолкъ (Pritzwalk).

У Стодорянъ былъ старинный городъ на Гаволѣ, *Бранденбургъ*,—славянское имя тоже неизвѣстно [2]),—съ 949 г. столица епископа. Кромѣ того упоминаются еще въ X вѣкѣ города или вообще укрѣпленныя мѣста въ стодорской землѣ Езерье, Присербы (? Pricerve), Подстѧпъ „на островѣ Хотимысла“ (Potsdam) [3]). Къ славянскому періоду надо отнести и позже упоминаемые города или укрѣпленія, Ратеновъ, Плавы, Косецинъ (Ketzin), Рыновъ, Вриски, Бѣлинъ, Рупинъ, Кремень, Богцовъ, Спандовъ, Востроѫно (?Wusterhausen), Грѧзіе (Granzoye, Gransee, срв. поль. Grądzie), Новенъ; дальше загавольскіе города въ Блоняхъ и Спрѣвянахъ, Заезерье (Ziesar), Бѣльскъ (Beltiz, Belzig), Брезно (Bricene, Briezen), Бѣлица, Ютробогъ, Требинъ, Тельтовъ, Копиники, Берновъ, Бездѣлъ (Bizdal, Biesenthal), Врисно (Vricene, Vrissen, Wrietzen) и др. Такіе же славянскіе города были, какъ выше сказано, и въ полабскихъ земляхъ стодорскихъ, у Морачанъ, Земчичей и Лѣшичей, напр. Бургъ, Плотъ, Яриховъ, Кобеличи (Маріенбургъ), Чолено, Сѣдовъ и др.

---

[1]) Трудно отгадать настоящее славянское названіе этого города, которое пишется Potlustim, Pudlist, Podlest, Pudlasti, Podelicz, Putlitze etc. Срв. поль. Podleszczyce, Podlask, чеш. Podlusky, Podloučí.

[2]) Приводимое у польскаго лѣтописца Богухвала, XIII вѣка, славянское названіе Бранденбурга — *Сгорѣлецъ*, вѣроятно простой переводъ самого лѣтописца, который вообще имѣетъ филологическо-этимологическія замашки.

[3]) Носовой звукъ встрѣчается во всѣхъ формахъ этого названія. Только въ грамотѣ 993 г. «locus Poztupimi in insula Chotiemuzles»; грамота издана въ Мерзебургѣ, слѣд. на почвѣ Сербовъ, у которыхъ не было носовыхъ звуковъ.

Съ водвореніемъ нѣмецкаго владычества въ гавольскихъ странахъ, особенно маркграфа бранденбургскаго, въ положеніи *городовъ* произошла рѣшительная перемѣна. Вмѣсто древнеславянскихъ городовъ возникли новые *нѣмецкіе города*, т. е. общины изъятыя изъ подъ общаго земскаго права, пользующіяся своимъ особымъ городскимъ правомъ.

Мы видѣли, что въ залабскихъ владѣніяхъ маркграфовъ Сѣверной Марки уже въ XI — XII вѣкахъ было нѣсколько городовъ въ смыслѣ нѣмецкомъ, каковы напр. Зальцведель, Штендаль, Зегаузенъ и пр. Съ распространеніемъ власти маркграфовъ на правый берегъ Лабы въ земли гавольскія, стали и здѣсь образовываться города въ смыслѣ нѣмецкомъ. Въ половинѣ XII вѣка, здѣсь, вмѣстѣ съ залабскими городами Старой Марки, упоминаются только два города, Гавельбергъ и Бранденбургъ, уже до того времени самыя важныя мѣста въ тѣхъ странахъ, и столицы епископій. Не знаемъ ближе, какимъ именно образомъ эти древнеславянскіе города перемѣнились въ нѣмецкія городскія общины. По всей вѣроятности случилось здѣсь нѣчто подобное тому, что произошло въ собственномъ городѣ или крѣпости (castrum) Бранденбургѣ; маркграфъ Альбрехтъ занявъ Бранденбургъ, поручилъ его воинамъ славянскимъ и саксонскимъ (bellicosis Slavis et Saxonibus); но когда первые измѣнили, сдавъ городъ князю Яцку, то Бранденбургъ порученъ однимъ только Нѣмцамъ [1]). Со второй половины XII вѣка до начала XIII знаемъ нѣсколько мановъ бранденбургскихъ по именамъ; они всѣ Нѣмцы. Такъ должность бургграфа бранденбургскаго занимали члены рода Дорнбургъ; маны были члены родовъ Штегелицъ, Веддингъ, Плецке, Штольценгагенъ. О самой городской общинѣ бранденбургской не знаемъ болѣе близкихъ подробностей; знаемъ только то, что городъ раздѣлялся на двѣ общины, въ Старомъ и Новомъ Городѣ. Городское право бранденбургское распространилось потомъ на многіе города во всѣхъ владѣніяхъ маркграфовъ.

Въ землѣ Брижанъ или — какъ ее стали называть по нѣмецки, — въ Пригницѣ, кромѣ Гавельберга, въ теченіи XIII вѣка возникли города: Кирицъ (Хоричи), Перлебергъ, Витштокъ (Высокая), Прицъ-

---

[1]) Это разсказываютъ только позднѣйшія лѣтописи; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ вѣрности этихъ разсказовъ. Срв. Raumer Regesta № 1247—1250.

валкъ (Преставолки), Ленценъ (Лѣчинъ); имъ пожаловано право городовъ Старой Марки, штендальское, зальцведельское, зегаузенское; городамъ Витенбургу и Фрейенштейну пожаловано право бранденбургское. Въ землѣ Стодорянъ или гавольской, кромѣ Бранденбурга, возникли города и мѣстечки Шпандау (Спандовъ), Потсдамъ (Подстѣпъ), Науэнъ (Новенъ), Кецинъ (Косецинъ), Ратеновъ, Рыновъ, Фризахъ, Бѣлинъ, Кремень, Бёцовъ (Богцовъ), Рупинъ, Вустергаузенъ, Гранзе и др.; въ загавольскихъ областяхъ—Брицень (позже Treuenbrietzen), Ютробогъ (1174 г.), Тельтовъ, Миттенвальде, Кёльнъ и *Берлинъ* (прежде село, ок. 1232 — 50 городъ) [1]), Кёпеникъ, Штраусбергъ, Ландсбергъ, Фридландъ, Берновъ, Бизенталь, Врицень, Фрейенвальде, Одербергъ (послѣ причисленный къ Укрѣ), и др. Бранденбургскимъ городамъ пожаловано по большей части право города Бранденбурга, нѣкоторымъ также право другихъ залабскихъ городовъ, какъ на пр. Рупину право штендальское, Ютробогу право магдебургское.

Если соберемъ названіе тѣхъ немногихъ, извѣстныхъ намъ по именамъ *мѣщанъ* до XIII вѣка, то увидимъ, что они всѣ происхожденіемъ Нѣмцы. Такъ на пр. въ 1239 г. консулы города Перлеберга были Johannes Ricbode, Joh. Hapup, Hinricus Scap, Hermannus Klinkebeil, Joh. de Lubeke; въ 1256 г. консулы г. Новаго Рупина были Lambertus de Moringe, Johannes de Sualenberg, и пр. О мѣщанахъ славянскаго происхожденія нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ; ихъ гораздо меньше въ бранденбургскихъ владѣніяхъ между Лабой и Одрой, чѣмъ въ городахъ Старой Марки. Если и позже, въ XIV вѣкѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются „Славяне," то трудно рѣшить, были-ли это настоящіе Славяне, или только уроженцы „Славіи", т. е. владѣній князей мекленбургскихъ и поморскихъ; въ южныхъ же предѣлахъ бранденбургскихъ владѣній эти „Славяне" были лужицкіе Сербы. Въ городѣ *Новомъ Рупинѣ* встрѣчаемъ во второй половинѣ XIV вѣка (1365 г.) въ числѣ домовладѣльцевъ двухъ „Славянъ" (Conrad Went, Reyneke Slavus); въ томъ же самомъ городѣ встрѣчается въ это время и „улица Прибика" (platea Pribeken), можетъ быть Славянина. Въ мѣстечкѣ *Прицербе* упоминается въ 1341 г. мѣщанинъ „Peyne Went." Въ

[1]) Села того имени встрѣчаются также въ землѣ чрезпѣнской (Barlin, Bralin 1227) и въ Укрѣ (Berlin, Brelin 1240, 1245); значеніе слова темно; срв. польск. Brelki.

Ютробогъ, городѣ лежащемъ на границѣ Лужицъ, записанъ въ книгѣ въ 1375 г. крупнымъ шрифтомъ—какъ нѣчто необыкновенное—въ числѣ мѣщанъ одинъ Славянинъ (Merten von der Dame, ein Wende), хотя здѣсь Славяне вовсе не были рѣдкостью, будучи владѣльцами малыхъ домовъ, стоимостью меньше 16 копъ чешскихъ грошей; дома дороже этой цѣны, на площади или на другихъ мѣстахъ, пріобрѣтать имъ было запрещено городской думой (ок. 1419 г.). Въ Берлинѣ, проживающіе въ XV вѣкѣ нѣкоторые Славяне—были вѣроятно Сербы; одинъ Славянинъ (Hans Grote Slavus) пріобрѣлъ здѣсь въ 1453 г. мѣщанское право [1]).

Мало того, что Славяне почти не встрѣчаются въ рядахъ нѣмецкихъ мѣщанъ; національный антагонизмъ между обоими племенами дошелъ до той же самой крайности, которую мы замѣтили въ залабскихъ городахъ Старой Марки: съ XV вѣка Славянъ прямо стали исключать изъ цеховъ. Въ *Бранденбургѣ* сапожники и кожевники принимали въ свои цехи только людей происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго (1424 г.); также и пивовары исключали Славянъ изъ своей среды, принимая однихъ только Нѣмцевъ (1473 г.: eynes guden geruchten, nicht wendischer art, sunder van vader u. von muder echte u. rechte van dudischer art gebaren). Въ *Новомъ Рупинѣ* цехи мѣховщиковъ (1434 г.) и ткачей (1446) позволяли своимъ дочерямъ выходить за мужъ только за тѣхъ, кто родился отъ истыхъ Нѣмцевъ (van rechten echten dudeschen unversproken bedderven luden). Цехъ ткачей въ *Гавельбергѣ* требовалъ (1563 г.) отъ всякаго своего члена, чтобъ его жена была съ хорошей репутаціей, и происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго (soll eine ehefrau haben, die gueter leymuts, gutts geruchts und herkommen sey, deutscher und nicht wendischer art). Принимаемый въ цехи города *Кирицъ* долженъ былъ присягать (1569 г.), что онъ законный сынъ, крещеный христіанинъ, и происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго (auch nicht aus wendischen sondern aus gutem teutschen geblüthe). *Цисарскіе* портные и сапожники принимали только того, кто доказалъ, что онъ законно рожденный и нѣмецкаго происхожденія (1565 г.). Того же самаго условія требовали и цехи въ

---

[1]) Въ берлинской городской книгѣ въ числѣ преступниковъ приводится и нѣсколько Славянъ (1410—1444 гг.): Andrewes Slavus, unus Slavus de Luckow nomine Pelkow, quidam Slavus Hans, N. Greger purus Slavus. (Fidicin: Hist.-diplom. beiträge zur gesch. d. st. Berlin I).

Трейенбрицент. Не такъ строго относились къ Славянамъ въ землѣ ютробожской, лежавшей близъ лужицко-сербскаго населенія, которое сохранилось дольше, чѣмъ племя балтійско-славянское. Мы видѣли, что еще въ началѣ XV вѣка славянскій элементъ въ городѣ Ютробогѣ былъ довольно значителенъ, такъ что сама дума приняла мѣры противъ его усиленія. Близкій городъ *Даме* (Дамбье) выпросилъ себѣ въ 1452 г. у архіепископа магдебургскаго привилегію, чтобъ въ городскую думу и въ цехъ сапожниковъ принимать однихъ только Нѣмцевъ, а не Славянъ; но уже черезъ 15 лѣтъ (1467 г.)—вслѣдствіе упадка ремеслъ,—позволено, чтобъ къ нимъ допускались окрестные Славяне. Такое позволеніе прямо дано и другому близкому мѣстечку *Люкенвальде*, подданному циннскаго монастыря; въ 1471 г. позволено всѣмъ тамошнимъ жителямъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, варить пиво и заниматься всѣми ремеслами [1]).

Куда же дѣвались стодорскіе Славяне изъ старинныхъ своихъ городовъ, преобразованныхъ въ новые города по нѣмецкому праву, съ нѣмецкимъ населеніемъ? Въ залабскихъ странахъ, въ городахъ Старой Марки, Славяне вытѣснены въ особые кварталы, либо въ особыя улицы, либо въ предмѣстья или подгородныя села. Тоже самое случилось и въ стодорскихъ земляхъ между Лабой и Одрой. Въ земляхъ на правомъ берегу Лабы глубоко на сѣверовостокъ до Поморья, есть много селъ, называемыхъ *kietz*, населенныхъ преимущественно рыболовами — *kietzer*. Въ Поморьѣ слово *kietz*, *kiitz* означало тоже овчарню, *kiitzmeister* — овчара. Кицы находятся по большой части у городовъ, иногда также близъ другихъ селеній. Въ старинныхъ памятникахъ эти слова пишутся *kiez*, *kitz*, *kiz*, *kies*, *keys*, *kys* и пр., и *kietzer*, *kiesser*, и пр. Самое слово — славянское, сохранившееся во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, *хиша*, *хижа*, *хиза* — домикъ. Кашубамъ извѣстна и форма *хича* — изба, *хече*—жилой домъ. Въ древне-польскомъ слово *хызъ*, *хыжь*, означаетъ вообще—домъ, какъ и до сихъ поръ у лужицкихъ Сербовъ *хъжа*—домъ; въ Чехіи есть городъ *Хыжа* или *Хыша;* Нѣмцы его называютъ *Kiesch*. Слово это извѣстно было и балтійскимъ Славя-

---

[1]) Тѣ же самыя затрудненія на счетъ принятія въ мѣщане и въ цехи встрѣчаемъ и въ городахъ лужицкихъ. Въ Бесковѣ въ цехи не принимались уроженцы славянскіе (1457 г.); въ Бискупицахъ (Bischofswerda) въ 1568 г. принятъ одинъ Славянинъ въ мѣщане, но за то долженъ былъ заплатить 100 талеровъ, и пр.

намъ, какъ видно по названію племени *Хижанъ* или *Кишанъ*. Въ нарѣчіи люнебургскихъ Славянъ слово это сохранилось въ формѣ *xjauza* [1]), соотвѣтствующей серболужицкому *хьжа*; наконецъ въ нарѣчіи онѣмеченныхъ теперь Поморянъ слово *хишь* (*hisch*) означаетъ извѣстное отдѣленіе сельскаго дома. Но слово хижа у Славянъ не означало одно только зданіе, а и живущую въ немъ семью, какъ напр. у Хорватовъ. Это значеніе имѣло слово *хижа* вѣроятно также у балтійскихъ Славянъ, и оно перешло въ наслѣдство къ ихъ онѣмеченнымъ потомкамъ и живущимъ съ ними нѣмецкимъ пришельцамъ. Такъ напр. въ висмарскихъ грамотахъ XIV вѣка часто говорится о жидовскихъ семействахъ, называемыхъ *хижи* (familiae *hische* dictae), въ грейфсвальдскомъ свадебномъ уставѣ XVI вѣка (1592 г.) семья называется тоже *хижа* (mennich hûs edder *hisch*); да и до сихъ поръ говорятъ въ Помераніи „een *twe-hischig* katen“ т. е. хата или домъ для двухъ семействъ или *хижъ* [2]). Это слово *хыжа*, *хыза*, *хызъ*, или скорѣе множ. *хызы* (kietz вѣроятно родит. пад.=*хызъ*) приняло потомъ, съ постепенной германизаціей, нѣсколько другое значеніе; оно стало означать селеніе, именно селеніе славянское; и жители его стали называться *хыжари*, *хызари*, по нѣм. *kieser*, *kietzer* [3]). Такіе хызы въ смыслѣ *славянскихъ селеній*, обитаемыхъ по преимуществу хызарями-рыболовами, были почти у всѣхъ городовъ бранденбургскихъ. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаемъ такія изреченія: vicus piscatorius qui vulgariter *kys* nuncupatur, suburbium quod dicitur *kytz*, vicus slavicalis qui vulgariter *khycz* vocatur, Slavi de vico vel *kitze*, die Wende uf dem *kitze*, и пр., и уже одному нѣмецкому лѣто-

---

[1]) Такъ возстановляетъ это слово Шлейхеръ (Polab. gramm. 129) изъ формъ: *tyassay*—nach hause (Hennig), *tyessey heidt*—heim gehen (Parum Schulz), т. е. kjyzai, *ka chjaizai*—къ хыжи.

[2]) Schiller u. Lübben: Mittelniederdeutsches wörterbuch (Bremen 1876, II) считаютъ слово *hisch*, *hisk* (familie mitsamt dem gesinde) германскимъ, сокращ. *hiwisk*. Приводимыя ими примѣры взяты изъ памятниковъ штральзунд., висмар., грейфсвальд., и изъ законовъ Дитмарсовъ, слѣдов. по большей части изъ онѣмеченной сѣверовосточной Германіи; можетъ быть, что это слово и славянскаго происхожденія.

[3]) Слово *хызарь* (kieser, kietzer) происходитъ отъ *хызъ*, *хыза* (kies, kietz) такимъ образомъ, какъ на пр. серbo-лужицкое *хьжкарь* отъ *хьжка*, или чешское *домкарь* отъ *домекъ*. (Хѣжкари и домкари означаютъ родъ мелкихъ крестьянъ, владѣльцевъ хѣжекъ или домиковъ).

писцу извѣстно, что славянское слово хыза означаетъ рыбацкую хижину [1]).

Въ такіе хызы перешли, волей или неволей, Славяне изъ городовъ, при ихъ перемѣнѣ въ нѣмецкія общины. Славянскіе хызари, занимавшіеся особенно ловлей рыбъ, составляли особую общину подъ вѣдѣніемъ своего старосты, и подлежали суду князя (суду городскому очень рѣдко, на пр. хызари ратеновскіе); они платили князю извѣстную подать деньгами и натурой, особенно рыбой, и были обязаны къ нѣкоторымъ повинностямъ, именно къ перевозу по рѣкамъ. Свою народность сохранили Славяне-хызари до XIV—XV вѣковъ; память о нихъ сохранили названія *kietz* и *kietzer*, и образъ жизни онѣмеченныхъ ихъ потомковъ. У нѣкоторыхъ городовъ исчезли со временемъ хызы или вообще мѣстопребыванія Славянъ, и память о прежнемъ славянскомъ населеніи сохранилась лишь въ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ „славянскихъ."

Приведемъ извѣстныя намъ славянскія поселенія или ихъ слѣды около бранденбургскихъ городовъ Пригница и Средней Марки.

У *Гавельберга* не упоминается хызъ, но за то тутъ есть село *Венденберъ*, мѣсто, гдѣ вытѣсненные изъ города Славяне составили особую общину, подъ вѣдѣніемъ своего старосты. У давно онѣмеченныхъ жителей Венденберга, рыбаковъ, сохранилось преданіе, что они славянскаго происхожденія; они еще недавно рѣзко отдѣлялись отъ жителей самого города, сохранили себѣ въ городской церкви особыя скамьи, и на кладбищѣ особыя погребальныя мѣста. Въ сѣверной части Средней Марки былъ хызъ у мѣстечка *Стараго Рупина* (1525 г.); у городовъ *Вустергаузенъ* и *Гранзе* память о Славянахъ сохраняютъ названія, у перваго „Wendorf", теперь часть лѣса, у другого лѣсъ и пастбища „Wendefeld", оба вѣроятно остатки исчезнувшихъ славянскихъ селеній. У городовъ *Плавъ*, *Ратенова*, *Рынова* и *Кремня* упоминаются хызы уже въ XIV вѣкѣ; у Ратенова были два хыза, большой и малый, у Рынова сохранился хызъ у подошвы стариннаго замка до сихъ поръ. У *Бранденбурга* были два хыза: одинъ маркграфскій, называемый тоже Волтичи (Волтице), другой—принадлежавшій собору (domkiez). Бранденбургскій хызъ упоминается уже въ половинѣ XIII вѣка (1249 г. locus qui dicitur kitz), и въ земской книгѣ (1375 г.) прямо назы-

---

[1]) Ketzin vicum piscatorium denotat a voce venedica *kize* vel *kyze*—casa piscatoria. (Chron. Gottwicense, ap. Riedel, Mark Brandenburg I. 350).

вается подгородьемъ (suburbium ante Brandenburg quod dicitur kytz). Славяне въ хызахъ являются еще въ первой половинѣ XIV вѣка (Slavi morantes in vico qui dicitur kitz 1321, Slavi morantes in villa Woltitz 1327); они платили подать деньгами и курами (censum denariorum et pullorum). Однако въ теченіи XIV вѣка они уже онѣмечились, и отъ нихъ остались незначительные слѣды; по крайней мѣрѣ въ 1383 г. въ волтичскомъ хызѣ передъ замкомъ бранденбургскимъ — староста, присяжные и крестьяне носятъ уже нѣмецкія названія, и только одинъ называется „Славяниномъ“ (schulte Arnde Wilkens, schepen vnde bure Peter Hanses, Peter Schlappen, Hans Mewes, Meweses Niendorp, Heine Kuleke, Hans Schonhusen, *Hans Wend*); въ союзномъ же договорѣ обоихъ хызовъ 1409 г. нѣтъ уже ни одного слѣда славянства. У мѣстечка *Кецина* (на Гаволѣ на востокъ отъ Бранденбурга) приводятся въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г.) еще гуфы нѣмецкія и славянскія (mansi qui dicuntur *teutonici*; sunt ibi adhuc alii mansi qui dicuntur *slavici*), и приходская церковь владѣла тремя нѣмецкими и одной славянской гуфой; еще въ половинѣ XVI вѣка (1551) была у Кецина „Wendemarkische hufe.“ Въ *Потсдамскомъ* хызѣ жили Славяне еще во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г. Slavi de vico vel kitz), платя подать деньгами и рыбой; позже въ хызѣ Славяне уже не упоминаются. Въ городѣ *Форланде* (на сѣверъ отъ Потсдама) около того же самаго времени хызъ состоялъ изъ 15 домиковъ, въ ихъ числѣ 5 пустыхъ. Хызы приводятся еще въ XIV вѣкѣ у городовъ *Бизенталя*, *Штраусберга*, *Врицена*, *Фрейенвальде*, *Шпандова*, *Кёпеника*. Кёпеницкій хызъ состоялъ изъ 23 домовъ, и тамошніе Славяне (die Wende uf dem kitze, 1387 г.) платили подати деньгами, вмѣстѣ съ кёпеницкими мѣщанами; впослѣдствіи Славяне здѣсь прямо уже не упоминаются, а приводятся просто рыболовы—*kietzer*, стало быть уже онѣмеченные. Славяне въ обоихъ фрейенвальдскихъ хызахъ платили деньгами за пользованіе водами (VII talenta de aquis quae dant Slavi, a. 1375). *Шпандовскіе* славянскіе хызари были въ ссорѣ съ шпандовскими мѣщанами по поводу пастбищъ, и по поводу притязаній городскаго суда; этотъ споръ прекратилъ (1409 г.) бранденбургскій и моравскій маркграфъ Іодокъ такимъ образомъ, что Славянамъ (unsere Wenden auf dem kytz) позволено и впредь пользоваться пастбищами, и приказано обращаться не къ городскому суду, а къ суду маркграфа. Впослѣдствіи въ шпандовскомъ хызѣ Славяне

не упоминаются прямо, а просто хызари, рыболовы. *Врицепскіе* Славяне хызари (unser lieben getruwen die Wende, unse vischern uff dem kycze czu Wretzin an der Oder, die kiesser und Wenden uff dem bruche, 1420—1421) поставляли маркграфу каждый годъ часть рыбнаго улова, особенно лососей и осетровъ, именно въ маркграфскую кухню въ Берлинъ, и платили 12 чешскихъ грошей; ихъ старосты—наслѣдственные (въ 1421 г. назначены Hanse, Thomas und Nickel die Cunczen, стало быть Нѣмцы) — 20 грошей; за то они освобождены были отъ всѣхъ повинностей, кромѣ перевоза по Одрѣ; и предоставлено было имъ пользоваться стариннымъ ихъ правомъ (da von soll sy ire gerechtigheit haben, als sy von aldern haben gehabit). Во второй половинѣ XV вѣка Славяне здѣсь уже не упоминаются, а просто хызари (kietzer). Наконецъ хызы встрѣчаются также, какъ уже выше сказано, у нѣкоторыхъ селъ [1]).

Въ Берлинѣ—Славяне, кажется, не жили постоянно; въ концѣ XIV вѣка они привозили сюда лѣсъ [2]).

Но не только маркграфы, дворяне, духовенство и города дѣйствовали разрушительно на элементъ славянскій; къ нимъ присоединился и пятый факторъ: это громадная нѣмецкая колонизація посреди *сельскаго народонаселенія.*

Послѣ завоеванія брижанско-стодорскихъ странъ—маркграфъ, его васалы и духовенство, стали призывать въ свои помѣстья колонистовъ изъ залабскихъ нѣмецкихъ странъ. Колонизація производилась, какъ извѣстно, на *земляхъ незаселенныхъ*, въ лѣсахъ, которые надо было расчищать, и въ болотистыхъ мѣстностяхъ, которыя надо было осушать, или наконецъ и въ прежде заселенныхъ, но потомъ опустошенныхъ земляхъ; кромѣ того колонизація коснулась и *заселенныхъ* Славянами мѣстъ. Хорошо характеризуетъ состояніе напр. земли Брижанъ въ половинѣ XII вѣка грамота короля Конрада епископу гавельбергскому: „Такъ какъ эти земли частыми нападеніями язычниковъ (Славянъ) разорены и опустошены до такой степени, что или вовсе незаселены, или заселены рѣдко,

---

[1]) Хызы встрѣчаются и въ смежныхъ съ Бранденбургомъ земляхъ лужицкихъ, на пр. у Сосна (Zossen), Сторкова, Бескова; въ послѣднемъ (uff dem kysse, keisse) еще въ началѣ XVI вѣка жили славянскіе рыбаки (Lawka, Zobrigk, Globen, Klebatz и др.) вмѣстѣ съ нѣмецкими.

[2]) Die Wende und lude di von der Nyenmole (вѣроятно въ барнимской землѣ) komen (Berliner stadtbuch 1397 г., ed. Fidicin: Histor.—dipl. beiträge zur gesch. d. st. Berlin I. 20).

хотимъ и приказываемъ, чтобъ епископъ могъ тамъ селить колонистовъ какого бы то ни было народа (ut episcopus liberam habeat facultatem, ibidem ponendi et locandi colonos de quacunque gente voluerit vel habere potuerit)". Уже тогда (1150 г.) упоминается въ землѣ Дошанъ у города Высокой село Thadandorp, вѣроятно нѣмецкое. Колонисты были по большей части *Саксы*, изъ Старой Марки, Вестфаліи и др. Они, переходя въ свои новыя жилища, переносили сюда и названія прежнихъ своихъ селеній, особенно же выходцы изъ Старой Марки; до сихъ поръ существуетъ много селеній съ одинаковыми названіями въ Старой и Средней Маркѣ, особенно же Пригницѣ. Кромѣ Саксовъ прибыли въ Среднюю Марку и *нидерландскіе колонисты* изъ Голанда, Зеланда и Фландріи, хотя въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Старую Марку; они сохранили свои особенности довольно долго, и еще въ XV вѣкѣ упоминаются на верхней Гаволѣ фламандскіе крестьяне. Много такихъ колонистовъ поселилось также въ владѣніяхъ магдебургскаго архіепископа въ Морачанахъ, въ землѣ ютробожской, и вообще на рубежѣ басейновъ Лабы и Гаволы, гдѣ названіе *Флеминъ* свидѣтельствуетъ о фламандской колонизаціи до сихъ поръ [1]).

Вслѣдствіе такого громаднаго наплыва нѣмецкихъ колонистовъ измѣнилось и положеніе сельскаго народонаселенія въ Средней Маркѣ вообще. Селенія устраивались по праву нѣмецкому (jure teutonico), и по этому праву устроены почти всѣ села въ бранденбургскихъ владѣніяхъ, уже существовавшія и вновь основанныя. Весь этотъ процесъ преобразованія прежнихъ славянскихъ селъ въ села по праву нѣмецкому произошелъ въ Средней Маркѣ въ довольно скоромъ времени, и мы, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ извѣстій, не можемъ его прослѣдить такъ, какъ напр. въ сосѣднихъ земляхъ польскихъ, особенно же въ Силезіи, гдѣ онъ шелъ медленнѣе, продолжался до довольно позднихъ временъ, и гдѣ онъ болѣе извѣстенъ по разнымъ документамъ [2]). Преобразованіе славянскихъ селеній въ селенія по нѣмецкому праву нельзя себѣ однако представлять какъ повальное вытѣсненіе, изгнаніе славянскихъ жителей, и замѣну ихъ нѣмецкими колонистами. Та-

[1]) Подробности объ этой саксонской и нидерландской колонизаціи въ Средней Маркѣ см. Riedel Mark Brandenb. II. 46, Wohlbrück: Gesch. v. Lebus I. 353, Wersebe: Niederländ. colonien II.

[2]) Срв. Wohlbrück: Gesch. v. Lebus I. 200; Tzschoppe u. Stenzel: Urk. z. gesch. d. städte v. Schlesien.

кое преобразованіе не лишало еще славянскихъ крестьянъ права пользоваться новымъ нѣмецкимъ правомъ, и шульцъ, приглашая нѣмецкихъ колонистовъ въ славянское село, вѣроятно оставлялъ въ немъ тѣхъ коренныхъ жителей, которые приняли новыя условія, да пожалуй, и вовсе не приглашалъ туда Нѣмцевъ. Что даже шульцы не были исключительно Нѣмцы, видно хотя бы только изъ одного примѣра: въ селѣ Гоплѣ (на Гаволѣ, у Прицерве) былъ въ 1226 г. шульцъ Генрихъ Славянинъ (magister civium Heinricus Slavus). На общее сожительство нѣмецкихъ и славянскихъ крестьянъ въ одномъ селеніи указываетъ то обстоятельство, что еще въ позднѣйшее время въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаемъ двойную мѣру, нѣмецкую и славянскую; послѣдняя была меньше нѣмецкой. Уже выше сказано, что еще во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г.) у мѣстечка Кецина на Гаволѣ встрѣчаются гуфы нѣмецкія и славянскія (mansi teutonici, mansi slavici). Это касается, правда, мѣстечка а не села, но такія же отношенія были несомнѣнно и въ селеніяхъ. Подобное этому встрѣчаемъ одновременно въ одномъ селѣ въ землѣ тельтовской. Около замка Требина были четыре села: Klistov, Neuendorf, Schultendorf, Kerstynendorf, всѣ тогда уже съ населеніемъ нѣмецкимъ; въ Клистовѣ съ гуфы взимали двѣнадцать „славянскихъ корцовъ“ (slavicos modios); въ остальныхъ трехъ селахъ съ нѣмецкими названіями упоминаются одни только корцы (modii) безъ болѣе точнаго опредѣленія. Изъ этого можно заключить, что въ селѣ Клистовѣ остались славянскіе жители — тогда конечно уже онѣмеченные,—между тѣмъ какъ три остальныхъ заселены нѣмецкими колонистами.

На раздѣленіе села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую, указываютъ ихъ прозвища „славянское — малое“ и „нѣмецкое— большое“. Славяне, отдавъ свое село новымъ колонистамъ, построили себѣ вблизи новое село того же самого названія съ прозвищемъ „славянское“; это прозвище осталось и впослѣдствіи, когда жители онѣмечились. Такое занятое Славянами село называлось иногда тоже хызъ. Какимъ именно образомъ Славяне въ бранденбургскихъ маркахъ удалялись изъ селъ, объ этомъ не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій; вѣроятно это случалось экспропріаціей, а о насильственныхъ мѣрахъ не слышно. Положеніе Славянъ стодорскихъ мало перемѣнилось и послѣ нѣмецкаго завоеванія, а о крѣпостномъ ихъ состояніи нѣтъ и помину; встрѣчаемъ даже примѣръ, что жители одного вновь построеннаго славянскаго села,

хотя подданные духовной корпораціи, еще во второй половинѣ XIII вѣка являлись на общій княжескій судъ.

Нѣмецкое право распространилось повсемѣстно въ городахъ и селеніяхъ бранденбургскихъ, замѣнивъ старинное *право славянское.* Послѣднее однако не исчезло совсѣмъ, а сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и впослѣдствіи. Еще во второй половинѣ XIII вѣка (1267 г.) находились въ сѣверовосточномъ Пригницѣ около Прицвалка помѣстья отданныя и не отданныя въ ленъ, нѣмецкія и славянскія (bona tam infeodata quam non infeodata, theutonicalia et slavicalia); первыя по всей вѣроятности селенія пользовавшіяся правомъ нѣмецкимъ, другія же — правомъ славянскимъ. Примѣръ такого „славянскаго права“ въ селахъ, сохранился еще въ началѣ XIV вѣка въ томъ же Пригницѣ, въ самомъ сѣверовосточномъ его углу, у верховьевъ рѣки Досы и города Высокой. Здѣсь было нѣсколько селъ брауншвейгскаго монастыря Амелунгсборна. Страна эта (terra Lieza — Лѣса?) принадлежала до второй половины XIII вѣка къ верельскому княжеству, а съ 1276 г. Бранденбургу. Верельскій князь Николай пожаловалъ здѣсь (1233, 1244 гг.) озеро Дрѫжье (Dranse), и окрестныя земли вышеупомянутому монастырю, который здѣсь построилъ дворъ Дрѫжье, и нѣсколько селъ (Svinrik, Bale Major et Minor, Schild, Roderanke Major et Minor, Sewikow, Zempow, Uchtorp), судя по именамъ и прозвищамъ „большее“ и „меньшее,“ отчасти славянскихъ, отчасти нѣмецкихъ [1]). Въ одномъ изъ этихъ селъ, именно въ Радорѫкахъ, еще въ началѣ XIV вѣка крестьяне жили по „славянскому праву,“ т. е. они не были прикрѣплены къ землѣ, а просто поселены, такимъ именно способомъ, что земли отнять у нихъ можно было только въ такомъ случаѣ, если они не исполнили принятыхъ ими условій (villani nec sunt ad areas curiarum villae appropriati, sed simpliciter locati, secundum *jus slavicale*, ita sane, cum cultores villae non satisfaciunt in pactis curiae nec sufficiunt, tunc mansi possunt auferri ab eis licite et locari aliis agricolis pro pactis sive jure quibuscumque qualibet contradictione non obstante).

При такомъ преобразованіи славянскихъ селъ въ нѣмецкія не рѣдко случалось, что село получало другое, нѣмецкое названіе. Оба названія употреблялись совмѣстно, славянское продолжали

---

[1]) Срв. польск. Drążewo, Dręźewo, Drążno, Swiniarki, Białe, Szewnica, Sępów, чеш. Rado-bytce.

употреблять славянскіе жители самого села или окрестныхъ селъ, нѣмецкое же—нѣмецкіе колонисты и владѣльцы. Оба названія боролись долго другъ съ другомъ, пока наконецъ одно не пріобрѣтало гражданскаго права. Не всегда одерживало побѣду нѣмецкое названіе. Такъ на пр. около Ярихова было село Гардекинъ (Гердекинъ), которое названо уже въ первой половинѣ XII вѣка Nizinthorp, Nizekendorp (1144); но еще тридцать лѣтъ спустя извѣстно было славянское названіе (villa Nizekendorp vel alio nomine Gerdekin). Два села въ Сухѣ, Плусецинъ и Присѣка, названы во второй половинѣ XII вѣка,—вѣроятно по владѣльцамъ или шульцамъ—первое Reinoldestorp, второе Tesekendorp; но эти новыя нѣмецкія названія не удержались; первое нѣмецкое названіе устарѣло уже въ концѣ XII вѣка (villa Plusetzin quae alio nomine Reinoldestorp olim dicebatur, 1197), и вовсе не привилось, ибо село называется и до сихъ поръ Plötzin. Другое нѣмецкое названіе устарѣло въ началѣ XIII в. (Priscere, Priscece, quod antiquo nomine dicitnr Teskendorp, 1217). Долго боролись славянское и нѣмецкое названія замка и села Marienburg и Mariendorf въ Лѣшичахъ; уже во время основанія гавельбергской епископіи (946 г.) существовало названіе Marienburg; но подлѣ него продолжало употребляться и славянское названіе Кобеличи (Marienburch quae et Cobelitze dicitur, 1150), которое наконецъ, послѣ окончательнаго онѣмеченія той страны, и осталось (Mariendorf quae nunc Kobelitz dicitur, a. 1337). Разумѣется, что съ торжествомъ нѣмецкаго элемента, въ устахъ нѣмецкаго народонаселенія перемѣнились и оставшіяся славянскія названія. Когда императоръ Людовикъ (1337 г.) подтверждаетъ жалованныя грамоты гавельбергской епископіи, то онъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя названія съ тѣхъ поръ перемѣнились (modo tamen mutatis more moderno nominibus earundem aliis vocabulis communiter describendis).

Прослѣдимъ теперь *остатки Славянъ* въ селеніяхъ бранденбургскихъ владѣній по отдѣльнымъ областямъ. Въ землю *Бржанъ* или позднѣйшій *Пригницъ*, нѣмецкая колонизація выходила особенно изъ залабской Старой Марки, и при опустошеніи страны,—такъ наглядно изображенномъ въ одной, уже упомянутой нами выше грамотѣ половины XII вѣка,—совершилась быстро. Еще въ половинѣ XII вѣка здѣсь были, какъ выше замѣчено, крупные славянскіе землевладѣльцы, стало быть шляхтичи, а позже о нихъ уже нѣтъ помину; землевладѣльцы, шляхта пригницкая—всѣ Нѣм-

цы. Они, вмѣстѣ съ епископомъ и капитуломъ гавельбергскимъ и монастырями (Маріенфлиссъ, Путлицъ, имѣнія мон. Амелунгсборна у Витштока), поддерживали германизацію страны такъ, что здѣсь уже въ XIII вѣкѣ замѣчается мало слѣдовъ славянства. „Славянскихъ“ селъ въ Пригницѣ упоминается не много; кромѣ вышеупомянутыхъ помѣстій славянскихъ около Прицвалка, кромѣ села Радоржкъ, знаемъ только села Коморницу у Гавельберга (Kummerniz villa slavicalis a. 1284) и Ковале у Путлицъ (villa Cowal slavicalis a. 1355); въ селѣ Большомъ Рѣчинѣ (Retzin) около Прицвалка въ 1367 г. владѣлъ одной гуфой Конрадъ Славянинъ (Conradus Slavus). Наконецъ встрѣчается примѣръ основанія особаго села славянскаго еще во второй половинѣ XIII вѣка. Въ 1275 г. капитулъ гавельбергскій основалъ въ предѣлахъ села Хомутова новое село славянское (infra terminos villae Gumthowe fundaverunt quandam novam villam slavicalem); о положеніи славянскихъ жителей этого села можно судить, между прочимъ, и по тому обстоятельству, что они, хотя подданные духовной корпораціи, являлись на общій земскій судъ въ Гавельбергъ (quod ejusdem villae cives ad vocationem et mandatum advocatorum communia civilia placita, quae vulgo dicuntur lantding, deberent in Havelberg observare). Память Славянъ сохранили названія селъ Bucholt (slavicalis—wendesch 1345 г., другое: dudesch) у Перлеберга, Wusse (wendischen, dudschen 1491, срв. чеш. Вусье, Осье), и пустое поле у Варнова (wuste feltmarck Wendischen Warnow 1495) оба послѣднія у Ленцена; село Wendisch Warnow существуетъ до сихъ поръ. Село Кицъ (Kietz) у села Розендорфа было по всей вѣроятности —хызъ, мѣстопребываніе славянскихъ хызарей — рыбаковъ, подлѣ втораго, нѣмецкаго села земледѣльцевъ.

Въ *землѣ гавольской* (Havelland) встрѣчаемъ въ концѣ XII вѣка (1197) у Кецина два принадлежавшія кецинской церкви села Порѣчье, одно изъ нихъ славянское (villa Porats et altera slavica villa Porats), и еще въ XIV вѣкѣ упоминаются, какъ уже выше сказано, около Кецина гуфы нѣмецкія и славянскія (mansi teutonici, m. slavici). Между Потсдамомъ и Науэномъ, около озера вубелицкаго, встрѣчаемъ Славянъ рыболововъ до самого конца XIV вѣка (1358—1399); они жили именно въ селахъ Скоринѣ въ хызѣ (Wenden up deme kytze tu Schoryn) и въ Устьѣ, и были обязаны отправлять извѣстныя „славянскія“ повинности (Wende dinste). Въ *Сухѣ* поддерживалъ германизацію особенно цистерц. монастырь

ленинскій, и уже въ концѣ XII вѣка (1190 г.) въ числѣ его селъ встрѣчаются нѣкоторыя нѣмецкія (Colpin, Goriz, Radele, Cistecal, Zwine, Gotiz, Detiz, Wida, Welzenewode, Namitz, Slavicum Tornou, Michelstorp, Tegastorp, Tesekendorp). Кромѣ славянскаго Торнова въ Сухѣ были еще села славянскія Крушевица (villa slavica Crucewitz 1275, Crucewitz minor 1300), Боркъ (slavica et teutonica 1375, windische u. duczsche 1441). Село Бухгольцъ у Брицена уже въ первой половинѣ XIV вѣка (1343 г.) представляетъ одну только общину; но что раньше и здѣсь было славянское село, видно изъ названія полей „Wendische Buchholtz", сохранившагося до XVI вѣка. Подобныя этому названія, напоминающія объ исчезнувшихъ славянскихъ селеніяхъ, видимъ и въ другихъ мѣстахъ Сухи; у селъ Лангервиша (у Бѣлицъ) и Вильденбруха (у Гольцова) встрѣчаемъ во второй половинѣ XIV вѣка (1375 г.) „славянскія поля" (ager qui dicitur die Wendemark), у Цисара пустое славянское село (Wendemarke 1397).

Въ землѣ *тельтовской* встрѣчаемъ славянское село Slatdorp, вѣроятно селеніе рыбаковъ у озера Slatse; село принадлежало къ другому селу Cedelendorp (1242, villa C. cum suis pertinentiis, videlicet villa slavicali quae Slatdorp dicitur, et duobus stagnis Slatse et Tusen); дальше села Buten Slavica (1375), Wendisch-Buk (Wentschenbuk) у Берлина, съ полемъ „славянскимъ" (ager qui dicitur Wendestucke 1375); между Тельтовомъ и Потсдамомъ славянскія села Slavicum Stanstorp (подлѣ Teutonicum St. 1299, 1375) и Slavicum Stolp (1299); послѣднее во второй половинѣ XIV вѣка называется уже просто Столпъ или Столпки (Stolpiken), стало быть малые Столпы. У села Гробна былъ хызъ (vicus, 1375), существующій до сихъ поръ. У города Миттенвальде было село Wusterhuse Slavica (1375), и здѣсь до сихъ поръ есть села Wendisch и Deutsch-Wusterhausen, и поле Wendisch-Ragowsche feld. Въ селѣ Клистовѣ у Требина еще въ XIV вѣкѣ, какъ выше сказано, были извѣстны „славянскія" гуфы. Въ *барнимской* землѣ упоминаются въ XIV вѣкѣ (1375) два славянскія села (Buch Slavica, Waladstorp Slavica), и въ самомъ сѣверномъ углу на рѣкѣ Финавѣ, въ селѣ Schepforde, извѣстно было тогда еще славянское слово *бартники*, люди обязанные отдавать извѣстную часть меду (sunt ibi qui dicuntur *bardesniker*, qui dant quartale mellis) [1]).

[1]) Съ XIV вѣка принадлежали къ Бранденбургу также сосѣднія съ тельтовской землей малыя области лужицкія, *Дубскъ* или *Дубсиъ* (Tupzk, Teupitz),

На южныхъ окраинахъ Сухи и Тельтова были, какъ уже выше сказано, земли *Бѣльскъ* и *Ютробогъ*, по всей вѣроятности первоначально части стодорскихъ земель, но отошедшія не къ бранденбургскимъ владѣніямъ, а къ герцогству саксонскому (Бѣльскъ) и къ архіепископіи магдебургской (Ютробогъ). Въ эти страны переведено много нидерландскихъ колонистовъ, по которымъ и названа та полоса Флемингъ. Уже во второй половинѣ XII вѣка упоминается около Ютробога, цистерц. монастыря *Цинны* (основ. 1171, Cinna, срв. западослав. Чиновъ, Жиняны), Люкенвальде и др.—много селъ съ нѣмецкими названіями (Rothenwienstorf, Gerardistorp, Hinrikestorp, Rulestorp и др., у Ютробога мостъ Фламинговъ — pons Flamingorum). Посреди нѣмецкихъ колоній остались однако и славянскія селенія; такъ на пр. у Бѣльска было село Wentdorp (1275), у Ютробога села Alstorp Slavica, Linde Slavica (1459, подлѣ двухъ нѣмецкихъ селъ того имени), и др. [1]).

Вотъ всѣ извѣстія объ остаткахъ Славянъ въ Средней Маркѣ. Кромѣ этихъ положительныхъ, прямыхъ свидѣтельствъ о нѣмецкой колонизаціи въ тѣхъ странахъ—есть и другое, именно *нынѣшняя географическая номенклатура* тѣхъ странъ, которая съ одной стороны представляетъ *первоначальную колонизацію славянскую*, и съ другой—послѣдующую за ней *колонизацію нѣмецкую* [2]). Собрать всю эту географическую номенклатуру въ Средней Маркѣ мы не успѣли. Чтобъ составить себѣ однако хотя какое-нибудь понятіе объ отношеніи славянской и нѣмецкой колонизаціи, воспользуемся подробнымъ описаніемъ Средней Марки (т. е. гавольской земли на сѣверъ до Рына, Сухи, земель тельтовской и барнимской), находящимся

и *Сосно* или *Сосень* (Zossen). Дубецкіе Славяне занимались въ XIV вѣкѣ торговлей лѣсомъ. Сосенская земля раздѣлялась до XVI вѣка на двѣ половины, нѣмецкую и славянскую; у города Сосна былъ хызъ.

[1]) Въ близкой Цане (на сѣверовост. отъ Витенберга) упоминаются еще въ половинѣ XIV вѣка «славянскія гуфы» (schepel korne, dat man von den *ienden*sc*hen houen* ghift).

[2]) Поучительна въ этомъ отношеніи подробная карта древней стодорской или гавольской земли и Сухи въ III томѣ книги Фидицина (Territorien). Карта представляетъ страну еще во время славянскаго періода, до нѣмецкой колонизаціи; страна на половину покрыта водами (рѣками, озерами, болотами) и лѣсами, и довольно значительнымъ числомъ селеній съ славянскими названіями. Съ этой картой срв. историческую карту Средней Марки 1150—1250 гг., помѣщенную въ книгѣ Клёдена (Klöden: Entstehung der städte Berlin u. Kölln).

въ часто упоминаемой земской книгѣ бранденбургской 1375 года. (Пригницъ въ ней подробно не описанъ). Во время составленія той книги бранденбургскія земли были уже почти совершенно онѣмечены; Славяне доживали свое время лишь въ немногихъ хызахъ и селахъ, и означаются въ книгѣ прямо какъ „Славяне". Мѣста съ славянскими названіями были тогда уже давно заселены Нѣмцами или онѣмеченными Славянами. Замѣтимъ, что нельзя считать всѣхъ мѣстъ съ нѣмецкими названіями того времени — первоначально нѣмецкими; ибо послѣ водворенія нѣмецкаго владычества въ гавольскихъ странахъ Славяне поселялись иногда тоже во вновь основаемыхъ селеніяхъ съ нѣмецкими названіями. Но не смотря на это обстоятельство, можно вообще сказать, что славянскія названія селеній въ земской книгѣ представляютъ все-таки первоначальную колонизацію славянскую; къ нимъ надо причислить и тѣ немногія селенія, хотя и съ нѣмецкими названіями, но прямо означенныя какъ „славянскія". Мѣста же съ нѣмецкими названіями представляютъ—вообще говоря—колонизацію нѣмецкую. По земской книгѣ 1375 г. оказывается, что тогда было

	селеній вообще: (кромѣ городовъ).	съ славянскими названіями:
въ *гавольской землѣ*	103	75
въ *Сухѣ*	103	60
въ *тельтовской землѣ*	93	43
въ *барнимской землѣ*	195	70

И такъ видимъ, что въ гавольской землѣ и въ Сухѣ, въ обѣихъ вмѣстѣ, первоначальная колонизація славянская заняла *двѣ трети* мѣстъ, послѣдующая же за тѣмъ нѣмецкая—*одну треть*, въ тельтовской землѣ слав. колонизація—одну (меньшую) *половину*, нѣмецкая же—другую (большую) *половину*; въ барнимской землѣ напротивъ слав. колонизація выражается только *одной третью*, нѣмецкая — *двумя третями*. Нѣмецкая колонизація, стало быть, усиливается по направленію къ востоку; восточныя менѣе заселенныя страны стодорской земли, между Гаволой и Одрой, наполнились нѣмецкими колоніями больше, чѣмъ западныя[1]). Подобное этому явленіе видимъ

[1]) Приведемъ хотя одинъ примѣръ быстрой германизаціи тѣхъ странъ. Въ 1300 г. маркграфъ утверждаетъ монастырю въ Фридландѣ (на Одрѣ) oppidum Vredeland, molendinum Nuvunmollen cum piscina, quae *dik* vulgariter appellatur, stagna apud Prouesthagen, campum Kaprow, villas Slawe (Slawen), Dameraw, Borneke, Barne, Lubeneke, Morczane, Ringenwolde, Mertenstorp, Luderstorp, Bysterstorp, Lowenberg, Beirstorp, Ladeborch, molendinum Dornebusch.

и въ сѣверныхъ окраинахъ гавольской земли, въ полосѣ, тянущейся отъ впаденія Досы въ Гаволу на востокъ и сѣверо-востокъ по Рыну къ верхней Гаволѣ. Здѣсь было нѣсколько малыхъ земель,—съ городами, мѣстечками, замками, — еще со временъ славянскихъ. Въ самой западной изъ этихъ земель, въ *рыновской*, всѣ селенія носятъ славянскія названія, кромѣ одного; въ земляхъ *врисецкой* и *бѣлинской* встрѣчается тоже самое; въ *глинской* землѣ (гдѣ городъ Кремень) половина селеній называется по славянски, половина по нѣмецки; наконецъ въ землѣ *левенбергской*, на верхней Гаволѣ, почти всѣ селенія—кромѣ одного или двухъ—носятъ нѣмецкія названія (— dorf,—berg,—feld etc.); здѣсь, какъ уже выше сказано, еще въ XV вѣкѣ (1460) упоминаются фламандскіе крестьяне (fleminge bure).

Въ смежныхъ съ Сухой и Тельтовомъ, земляхъ бѣльской и ютробожской, нѣмецкая колонизація — судя по мѣстнымъ названіямъ—оказывается значительной. По матрикулу епархіи бранденбургской 1459 г. препозитура ютробожская считала гораздо больше селеній (городовъ, мѣстечекъ и селъ) съ нѣмецкимя названіями (31), чѣмъ съ славянскими (13); въ малой препозитурѣ бѣльской было 5 селеній съ слав. названіями, 4 съ нѣмецкими.

Если припомнимъ себѣ все здѣсь сказанное о нѣмецкой колонизаціи въ земляхъ стодорскихъ, и если сравнимъ это съ разсказомъ лѣтописца Гельмольда о громадномъ переселеніи въ епархіи гавельбергскую и бранденбургскую нѣмецкихъ и нидерландскихъ колонистовъ, и о повсемѣстномъ изгнаніи Славянъ [1]): то мы должны повторить объ этомъ лѣтописцѣ то, что сказано выше въ очеркѣ германизаціи Старой Марки. Гельмольдъ слишкомъ увеличилъ нѣмецко-нидерландскую колонизацію въ странахъ полабско-гавольскихъ, и его слова о повсемѣстномъ изгнаніи Славянъ—приведенныя въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія — характеризуютъ положеніе дѣлъ между Лабой и Одрой не такъ, какъ оно было въ XII вѣкѣ, а скорѣе, какъ оно было уже въ позднѣйшихъ временахъ.

Бранденбургскіе маркграфы, утвердившись на Гаволѣ и Финавѣ, стали распространять свое владычество и дальше на сѣверъ и на

---

[1]) Deficientibus sensim Sclavis (Albrechtus Ursus) misit Trajectum et ad loca Reno contigua, insuper ad eos, qui habitant juxta Oceanum, videlicet Hollandros, Selandros, Flandros, et adduxit ex eis populum multum nimis et habitare eos fecit in urbibus et oppidis Sclavorum. Et confortatus est vehementer ad introitum advenarum episcopatus Brandenburg. nec non Havelberg., eo quod multiplicarentur ecclesiae et decimarum succresceret ingens possessio. (Chron. Sclav. I. c. 88).

востокъ, отнимая у князей поморскихъ и польскихъ все больше и больше областей. До половины XIII вѣка присоединены къ бранденбургскимъ владѣніямъ земли *Ратарей (старгардская)*, *Укрянъ*, *любушская*, и въ послѣдующихъ за тѣмъ десятилѣтіяхъ и поморско-польскія земли за Одрой, по Вартѣ и Нотеци до Дравы и Рѣки (Реги), такъ называемая *Новая Марка*.

III.

Ратаре [1]).

Между верховьями Гаволы, озеромъ и рѣкой Доленцой и полосой озеръ на границѣ укерской земли, жило лютичское племя *Ратарей*. Въ ихъ землѣ находилась святыня балтійскихъ Славянъ, Радигощь. Во второй половинѣ XII вѣка земля Ратарей—равнымъ образомъ какъ и сосѣднихъ Доленчанъ и Чрезпѣнянъ—досталась князьямъ поморскимъ. Въ 1170 и 1182 гг., стараніемъ поморско-лютичскихъ князей Казиміра и Богуслава, возникъ на сѣверозападномъ концѣ доленскаго озера въ *Бродѣ* премонстратскій монастырь. Бродскій монастырь основанъ для окрестнаго „невѣрующаго народонаселенія“ (incredulae gentis), и пожалованъ множествомъ селъ, расположенныхъ около доленскаго озера отъ верховьевъ Гаволы (озера Воблеска, нын. Woblitz) на сѣверовостокъ за доленское озеро, въ землѣ ратарской, отчасти и доленской [2]). Всѣ мѣста носятъ славянскія названія: городъ Востровъ, села Воютинъ, Каменица, Вогардинъ, Халупы, Пацелинъ (позже Пенцлинъ, срв. поль. Pęcław, Penczlice), Волкацинъ, Круковъ, Вилимь, Старгардъ, Подолинъ, Выгонъ, Ровно, Прилбице (-чи) или Прилубице (Priulbiz, нын. Prilwiz, срв. поль. Przyłubie, Przyłubsko), Рыбаки, Чапле, Немировъ, Малковъ и др.; въ южной части ратарской земли около озера липицкаго до верховьевъ Гаволы—была земля Хотибѫзь и разныя села, въ ихъ числѣ и пустыя (desertae). Бродскіе же монахи начали и германизацію ратарской земли, и монастырскіе подданные, „Славяне и Нѣмцы“ (tam Slavi quam Teutonici), были освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей.

[1]) Грамоты въ Codex diplom. Brandenburg., Meklenburg. urkundenbuch, Codex Pomeraniae diplom., Boll: Geschichte des landes Stargard (Neu-Strelitz 1846, 2 th.), Jahrbücher für meklenb. geschichte.

[2]) Жалованную грамоту 1170 г. считаетъ Клемпинъ подложной, составленной *до* 1244 г. Какъ бы ни было, насъ интересуютъ больше встрѣчающіяся въ грамотѣ географ. названія.

Въ 1236 г. земля Ратарей или, какъ тогда уже она называлась, земля старгардская (terra Stargard), и нѣкоторые прилежащіе округи, именно земли вострoвская и „безерицкая“ (мезерѣчская?),— достались маркграфамъ бранденбургскимъ, въ началѣ же XIV вѣка (1304)—Мекленбургу. Съ бранденбургскимъ владычествомъ германизація страны значительно усилилась. Въ старгардскую землю перешли многіе бранденбургскіе дворяне, васалы маркграфа; они продолжали называться по своимъ прежнимъ усадьбамъ (Бертиковъ, Бланкенбургъ, Плате, Шваненбеке и пр.), или принимали названія по своимъ новымъ имѣніямъ въ старгардской землѣ (Генцковъ, Пекатель, Ребергъ и др.). Въ ряды этихъ васаловъ вступили тѣ немногіе славянскіе шляхтичи, которые остались въ тѣхъ странахъ; такими были несомнѣнно тѣ шляхтичи востровской земли (domini, milites et feodales in terra Wostrowe), которыхъ поморскій князь Вартиславъ—уступая старгардскую землю Бранденбургу—рекомендуетъ новымъ ея владѣльцамъ, маркграфамъ. Въ числѣ славянскихъ шляхтичей старгардской земли были именно *Даргаши* (Dargaz, Dargats, milites dicti D., сокращено изъ Даргославъ), переселившіеся сюда вѣроятно изъ сосѣднихъ бодричскихъ земель, и упоминаемые въ юговосточномъ углу старгардской земли до начала XIV вѣка; одинъ изъ этихъ Даргашей носитъ еще во второй половинѣ XIII вѣка (1273—1290) славянское имя *Хотьміръ;* тоже самое имя встрѣчается позже (1339) и въ родѣ Левенбергъ. Были-ли позже и въ старгардской землѣ встрѣчающіеся *Рыбы* (Riebe) славянскаго происхожденія, или назвались они по селу, не знаемъ; но что они понимали значеніе своего названія, видно изъ ихъ герба— рыбы.

Постройка и устройство новыхъ городовъ въ старгардской землѣ поручалась—какъ обыкновенно—опытнымъ лицамъ нѣмецкаго происхожденія; новыя городскія общины пожалованы правомъ штендальскимъ и бранденбургскимъ. Такъ возникли города *Фридландъ* (1244), *Новый Бранденбургъ* (1248), *Глихенъ (Лихенъ)*, *Старгардъ* (1259) и *Вольдекъ*. Славяне упоминаются только въ Фридландѣ; они подчинены были особому судьѣ княжескому (judicium Sclavorum, quos speciali nostro judicio seu advocati nostri..volumus tam intra civitatem quam extra utiliter subjacere, 1244). Впослѣдствіи Славяне въ Фридландѣ уже не встрѣчаются, и въ подтвердительной грамотѣ фридландской 1304 г. судъ Славянъ уже не упоминается.

О сельскомъ славянскомъ народонаселеніи знаемъ мало; оно встрѣчается, какъ мы видѣли, именно въ сѣверномъ углу старгардской земли около Фридланда. Изъ отдѣльныхъ „славянскихъ“ селъ извѣстны Немировъ у доленскаго озера (Nemerowe Parva sive Slavicalis 1273—1298), и Ромеловъ у Фридланда (Slavicalis Romelowe 1308); у Прилубицъ встрѣчается село Wendfeld. Память о Славянахъ въ старгардской землѣ сохранилась въ названіи большихъ сѣтей на доленскомъ озерѣ, *неводы* (retia magna quae niwade vulgariter nuncupantur, 1271), и въ „славянскихъ гуфахъ“ (wendesche hufe), извѣстныхъ еще въ XIV вѣкѣ (1358 г.) въ окрестностяхъ города Везенберга близъ озера Воблеска. Былъ-ли упоминаемый (1389) въ селѣ Вербнѣ у Старгарда крестьянинъ Johannes Slouen—„Словѣнинъ“, или какой-нибудь Нѣмецъ Словенъ, Шловенъ—трудно рѣшить

Нѣмецкіе колонисты прибыли въ старгардскую землю преимущественно изъ бранденбургскихъ владѣній, и многія названія мѣстъ въ Старой Маркѣ повторяются и въ старгардской землѣ. Нѣмецкую колонизацію поддерживали, разумѣется, духовенство, монастыри. Въ самомъ сѣверовосточномъ углу старгардской земли были въ 1267 г. два села гавельбергскаго епископа, съ нѣмецкими названіями, Schonhusen, Bischofestorp. Бродскіе монахи воспользовались позволеніемъ заселять свои имѣнія Славянами и Нѣмцами, и до конца XIII и начала XIV вѣка, въ числѣ монастырскихъ селъ, было нѣсколько съ нѣмецкими названіями (Ankershagen, Freidorf), одно же Wendorf. Кромѣ бродскаго монастыря, были здѣсь два цистерціанскихъ монастыря, женскій въ *Вѫжкѣ* (Wansik, Wanzka, срв. польск. Węże, Wężyk), основ. въ 1290 г., и мужской *Coeli Porta* (Himmelpforte) у Лихена, основ. въ 1299 г.; наконецъ коменда Іоаннитовъ въ *Немировѣ*, осн. въ 1298 году. Вѫжецкій монастырь владѣлъ многими селами въ сѣверной половинѣ старгардской земли до границъ Поморья и Укры; всѣхъ селъ, принадлежавшихъ монастырю всецѣло и отчасти, было 35; въ ихъ числѣ 22 съ славянскими названіями (Вѫжекъ, Чеховъ, Мѣховъ, Колпинъ, Ратае, Кобылянки, Липа, Доберковъ и др.), а 13 съ нѣмецкими (Lubrechtisdorp, Mertinsdorp, Lowenhagen, Willershagen, Schonebeke, Brusenwalde и др.). Монастырь Coeli Porta владѣлъ 13-ью селами, въ томъ числѣ было 9 съ славянскими названіями; многія урочища въ монастырскихъ имѣніяхъ носятъ въ концѣ XIII вѣка (1299 г.) нѣмецкія прозвища, на пр. лѣсъ Stolpenbruk, болота Vlake Zuzen,

... Lychen, Lutke Lychen, Grote Melne, Lutke Melne,

... о Славянахъ въ бывшей старгардской землѣ или въ ...емъ Мекленбургѣ-Стрѣлицкомъ—сохранили лишь географи... названія, и—можетъ быть—одинъ народный обычай: въ поляхъ ...съ на мѣсто, гдѣ погибъ человѣкъ, проходящіе кладутъ вѣтку, деревцо или палку. Это напоминаетъ обычай Поморянъ XII вѣка класть палки на могилы умершихъ.

IV.

Укряне [1]).

На сѣверовостокъ отъ Стодорянъ и на сѣверъ отъ Спрѣвянъ по рѣкѣ Укрѣ—не доходя однако ея устья—жило лютичское племя *Укрянъ*, упоминаемое уже въ X вѣкѣ. Первоначальныя границы ихъ земли означить трудно. Въ половинѣ XIII вѣка землю укерскую (terra Ukera) отдѣляли на западѣ рѣка Жарова и рядъ озеръ и болотъ отъ земли старгардской (ратарской), на востокѣ рѣка Локница и болото рандовское отъ Поморья; на югѣ и юговостокѣ рѣка Вильсна — отъ владѣній бранденбургскихъ. Кажется, что первоначально къ Укрѣ принадлежали тоже земли на югѣ отъ означенной границы, между верхней Гаволой, Финавой и Вильсной, которыя впослѣдствіи и причислены къ Укрѣ и составляютъ ея часть до сихъ поръ. Старинные города здѣсь были *Премыславь* и *Поздиволкъ*. Съ первой половины XII вѣка земля Укрянъ сдѣлалась частью поморскаго княжества, и управлялась кастелянами князя поморскаго.

Маркграфы бранденбургскіе, водворивъ свое владычество на Гаволѣ, стали его распространять и на сѣверъ. Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка они съ успѣхомъ воевали съ Поморянами, и отнимали у нихъ земли за верхней Гаволой и за Финавой до рѣки Вильсны, землю старгардскую; наконецъ въ половинѣ XIII вѣка (1250 г.) пріобрѣли и землю укерскую.

Германизація Укры началась еще до бранденбургскаго въ ней владычества, во времена поморскія. Уже тогда, въ теченіи первой половины XIII вѣка, въ Укру перешло значительное количество нѣмецкихъ дворянъ и колонистовъ; основаніемъ же нѣмецкаго го-

[1]) Грамоты Riedel: Codex diplom. Brandenb., A. XIII. XXI.; Landbuch. d. m. Brandenburg.

рода Премыслава (Prenzlau, 1235 г.) положено начало нѣмецкой городской жизни. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія этого города, находившійся отъ него на югъ дремучій лѣсъ носитъ нѣмецкое названіе (silva quae laica lingua Vkersche wolt dicitur, 1239). Еще до присоединенія Укры къ Бранденбургу являются въ ней роды нѣмецкихъ дворянъ, прибывшіе преимущественно изъ смежныхъ бранденбургскихъ земель, изъ Средней и Старой Марки. Эти роды основали въ новой своей странѣ селенія, прозванныя по старымъ въ прежней родинѣ, и продолжали употреблять названія по нимъ; на пр. роды Bertikow, Jagow, Schönewalde, Hindenburg, Eichstädt; другіе назвались по вновь основаннымъ или пріобрѣтеннымъ имѣніямъ, Blingow, Boytzenburg, и др. Съ водвореніемъ бранденбургскаго господства въ Укрѣ—приливъ нѣмецкаго дворянства еще усилился; являются роды Stegelitz (селеніе въ старой Маркѣ, и въ Укрѣ ок. 1269 г.), Greifenberg (до 1261, назвавшійся по городу), Blankenburg (замокъ у Грамцова; Anselmus de B. васалъ съ начала поморскій, потомъ бранденбургскій), Markgrafendorf (у Ангермюнде, Anno de M. 1287), Kokstede (Kaakstedt, родъ изъ Ангальта, основалъ селеніе К. въ Укрѣ, гдѣ является ок. 1270), роды Sysemerow, Grunow, Holzendorf, и др. О шляхтѣ укерско-славянской, послѣ присоединенія Укры къ Бранденбургу, неимѣется уже никакихъ положительныхъ извѣстій; только въ 1258—1267 гг. упоминается около Хорина (на сѣверъ отъ Финавы) землевладѣлецъ *Босъ* или *Божъ* (allodium domini Boz),—судя по имени безъ всякаго предиката—Славянинъ. Оставшаяся шляхта славянская въ Укрѣ сдѣлалась, какъ и въ другихъ земляхъ бранденбургскихъ, васалами маркграфа, приняла по своимъ владѣніямъ новыя фамиліи, и онѣмечилась.

Города въ Укрѣ основаны или на мѣстѣ древнеславян кихъ городовъ или совершенно вновь. Первая нѣмецкая городская община по праву магдебургскому въ Укрѣ основана, какъ уже выше сказано, еще во время поморскаго владычества (1235 г.), въ старинномъ городѣ *Премыславѣ* (Prenzlau). Мѣщане были съ самого начала Нѣмцы; такъ 1235 г. Walterus, Jordanus, Willikinus, Esykus, Henricus, Elias, Paulus de Stendal; во второй половинѣ XIII вѣка: Johannes, Betheko, Henricus Rufus, Gerhardus de Bismarke, Henricus de Lughe, Albertus de Brunswich, Johannes de Brunne, Johannes de Kolene, Joh. de Niendorp, Henr. Tabbard и др. Такъ было и въ остальныхъ городахъ и мѣстечкахъ, основанныхъ въ теченіи

второй половины XIII вѣка, каковы были *Штрасбургъ*, *Темплинъ*, *Цеденикъ* (Цетники), *Ангермюнде*, *Грейфенбергъ*, *Шведтъ* (Свѣтъ), *Столпъ*, *Бойценбургъ*, *Брусовъ*, *Одербергъ*. О Славянахъ въ самыхъ городахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ. Только въ нѣкоторыхъ городахъ находимъ хызы. Такъ былъ въ Одербергѣ хызъ рыбаковъ (tuguria piscatorum 1288, vicus qui dicitur kiz 1308); въ окрестностяхъ города упоминаются Славяне еще въ первой половинѣ XV вѣка; съ нихъ бралъ одербергскій фогтъ три копы грошей (van den Wenden ingnomen 3 schog, a. 1430). У города Шведта хызъ сохранился до сихъ поръ.

Нѣмецкую колонизацію внѣ городовъ производили дворянство и духовенство, особенно монастырское. Монастыри, премонстратскіе, цистерціанскіе, бенедиктинскіе, мужскіе и женскіе, появляются въ Укрѣ съ половины XII вѣка, въ Грамцовѣ, Хоринѣ, Премыславѣ, Цеденикѣ, Зегаузенѣ, Маріенпфорте (Porta S. Mariae) у Бойценбурга. Около послѣдняго (осн. 1269 г.) упоминаются уже въ теченіи второй половины XIII вѣка многія села съ нѣмецкими названіями, Marienvlete, Hessenhagen, Vredenwalde, Claushagen, Hardenbeke, Berkholte, Crichelndorpe. Названіе села Vlemindorp, Vlemyschdorph (1293, 1354) у Ангермюнде, указываетъ на нидерландскихъ колонистовъ и въ этой отдаленной странѣ славянской. О постепенной германизаціи Укры можемъ себѣ составить приблизительное понятіе особенно въ странѣ на сѣверномъ берегу Финавы около Одерберга, въ странѣ, которая, какъ выше сказано, перешла подъ владычество бранденбургское уже въ началѣ XIII вѣка. Здѣсь, въ землѣ называемой по славянски *Липана* (in terra quae slavice Lipana nuncupatur), у села Барздина, на островѣ озерка, основанъ премонстрат. монастырь (1231 г.), наименованный *Городъ Божій* (claustrum novum quod Civitas Dei dicitur, quod quondam slavice Barzsdin dicebatur, a. 1233). Позже (ок. 1258 г.) монастырь и его имѣнія отданы цистерціанцамъ прибывшимъ изъ Ленина (въ Сухѣ), и монастырь переведенъ въ близкій *Хоринъ*. Во время передачи монастыря цистерціанцамъ и въ послѣдующихъ затѣмъ годахъ, въ его окрестностяхъ находились села, частью съ славянскими, частью съ нѣмецкими названіями; по нѣмецки назывались также, по крайней мѣрѣ официально, со стороны самого монастыря,—нѣкоторыя озера и урочища. Были здѣсь села Barsdyn, Paliz, Plawe, Brodewin, Chorin, Lipe, Brizeke, Rogosene, Goltiz, Seruetiz, Creye, Lubechov, Cythene, Pinov; Buccolt, Jordanstorp, Nyendorp, Lichter-

uelde, Hertsprunge, Cocstede, Sconremarke, Konkendorp, мѣсто,— вѣроятно бродъ,—называемое Santvord, озера Crummense, Brodewinschese, Wittense, Duuelse и др.; наконецъ, въ тѣхъ странахъ, на лѣвомъ берегу Финавы, упоминается „могила Славянъ“ (sepulchrum Slavorum, a. 1258). Изъ этихъ селъ называются прямо „славянскими“ Рогозно (villa slavicalis R., 1273) и два села Липы (duae slavicales villae Lipa inferior et L. superior, a. 1308); село Щитно (Czytene) раздѣлилось на двѣ общины, и „малое Щ. (parva Cz.)“— стало быть славянское — было уже въ началѣ XIV вѣка. Кромѣ этихъ были здѣсь другія, ближе по именамъ неозначенныя, селенія „славянскія“, отчасти новаго происхожденія. Нѣкоторыя изъ нихъ принуждаемы были платить извѣстную подать сосѣднимъ, не своимъ церквамъ; это злоупотребленіе прекратилъ самъ епископъ бранденбургскій (1274 г.), по поводу неудовольствія владѣльцевъ тѣхъ селъ (propter clamorem dominorum slavicarum villarum praecipue in novellis plantationibus). Между прочимъ тогда (1274 г.) и село *Рогозно*, „нѣкогда славянское“ (villa R. quondam slavicalis), освобождено отъ доставленія извѣстнаго количества хлѣба священнику въ Брезкахъ (Briceke), а причтено къ церкви хоринской. Рогозно называется тогда (1274 г.) уже селомъ „нѣкогда славянскимъ“ (villa R. quondam slavicalis, а годъ тому назадъ было еще villa slavicalis); это объясняется тѣмъ, что „жители его удалены“ (eo quo.. inhabitatores dictae villae sint amoti). Какимъ образомъ произошло это удаленіе, не знаемъ; вѣроятно хоринскій монастырь присоединяя Рогозно къ Хорину, произвелъ экспропріацію рогозенскихъ крестьянъ за извѣстное вознагражденіе. Названіе „славянскаго“ осталось за Рогозномъ однако нѣсколько лѣтъ, и еще черезъ два года оно носитъ это названіе (villa slavicalis Rogosene, a. 1276). Жители обоихъ славянскихъ селъ Липъ имѣли (въ началѣ XIV вѣка) общую ловлю рыбы съ жителями Одерберга и тамошняго хыза; рыбацкія орудія носятъ однако уже нѣмецкія названія (vlote, rusen, pouarde, clefnette), впрочемъ по всей вѣроятности только по винѣ писавшаго грамоту, Нѣмца. „Славянской“ называется Липа,—но только уже одна,—еще въ земской книгѣ бранденбургской (1375 г., Lypa est villa slavica); тогда село состояло изъ 23 домовъ и платило подать деньгами.

Кромѣ Рогозна и Липы, „славянскія“ села или одни ихъ слѣды упоминаются въ разныхъ странахъ Укры. *У Цеденика* въ началѣ XIV вѣка (1323 г.) были села Мостице славянскія (Mostiz quae dicitur

slavicalis, Wendesce-Mustiz) и нѣмецкія (Deutsch-Must); память о Славянахъ сохранили названія урочищъ у самаго города, Wendemarck (1281, 1299), и Wendorf, wüste feldmark (1536 г.). Въ *Луновѣ* и *Стольтенгагенѣ*, двухъ селахъ между Одербергомъ и Ангермюнде, были славянскіе хызы, стало быть славянскіе жители селъ избрали себѣ—съ прибытіемъ нѣмецкихъ колонистовъ—особыя мѣста пребыванія; въ Луновѣ хызъ прямо называется „славянскимъ“ (vicus slavicalis qui vulgariter khycz vocatur a. 1315, vicus prope villam L. a. 1375), въ Стольтенгагенѣ хызъ носитъ обыкновенное тогда названіе vicus (1375 г.). Въ Дренсе (срв. польск. Dręźewo, Dręszew) у Премыслава, въ XIV вѣкѣ, память о хызѣ сохраняло уже одно только поле (area kytz 1375). У Бойценбурга было славянское село Чапле (Czabele slavicalis villa 1289). Названіе рощи „Wendorf“ у Козлова (у гор. Брусова, 1483 г.) и двора въ Нидемѣ (у Поздиволка 1416 г.) — можетъ быть остаткомъ либо славянскихъ жителей, либо отдѣльнаго Славянина, или только лица съ прозвищемъ Wend. Въ селѣ *Щегличахъ* (Stegelitz, срв. польск. Szczeglice) близъ источниковъ Укры, упоминается еще въ XIV вѣкѣ (1375) одинъ крестьянинъ Reslaw (вѣроятно Раславъ, Радославъ), судя по имени, Славянинъ; остальные его односельцы носятъ названія въ родѣ Otto Kruger, Peter Slepkow и пр. Но больше всего сохранились славянскія селенія—какъ бы продолженіе финавскихъ—на границѣ Поморья по Одрѣ между Свѣтомъ и Столпомъ (slavicae villae—wendesche dorpe—juxta fluvium Oderam Czutzen, Crywen, Schonemberge, item aliae slavicae villae quae sunt inter Sweit et Stolp, 1354—1370); эти славянскія селенія, занятыя по большей части рыбаками, назывались еще въ XV вѣкѣ хызарскими (ketzerdörfer).

Если—по выше приведеннымъ правиламъ—сравнить отношеніе первоначальной славянской колонизаціи въ Укрѣ къ послѣдующей за ней нѣмецкой, то, по земской книгѣ бранденбургской, оказывается, что въ Укрѣ было въ XIV вѣкѣ—кромѣ городовъ — 163 селенія, и въ ихъ числѣ 100 съ славянскими названіями. Новая нѣмецкая колонизація, стало быть, простиралась на *треть* земли [1]).

---

[1]) Въ нынѣшнемъ *Ukermark* (названіе вошедшее въ употребленіе съ 1464 г.)—исключая окрестности Пазевалка и Торгелова, отошедшихъ къ Померанiи и съ уѣздомъ лихенскимъ, составлявшимъ прежде часть старгардской земли—представляется это отношеніе слѣдующимъ образомъ: въ округѣ *Пренцлау* всѣхъ селеній (исключая города и новыя села) 111, въ нхъ числѣ 69 съ сла-

Интересно, что этотъ дуализмъ народонаселенія Укры въ сосѣдней Помераніи и въ другихъ странахъ помнили долго, до конца прошлаго вѣка, а можетъ быть помнятъ до сихъ поръ. Слово „uekerwendsk“ (т. е. укерско-славянское) означало для онѣмеченныхъ Поморянъ вещи и рѣчи непонятныя, странныя [1]).

V.

Любушская земля [2]).

Окрестности стариннаго польско-силезскаго города Любуша (Lebus) на Одрѣ достались окончательно—послѣ мимолетнаго его завоеванія Нѣмцамя (1109 г.) и притязаній на него разныхъ нѣмецкихъ господъ—въ половинѣ XIII вѣка (1249—1250) маркграфамъ бранденбургскимъ и архіепископу магдебургскому, который однако въ теченіи второй половины XIII вѣка уступилъ свою часть маркграфамъ. Такимъ образомъ владѣнія бранденбургскія переступили Одру: ибо *любушская земля* простиралась отъ Лужицъ и Барнима—отъ которыхъ отдѣляли ее рѣки нижняя Спрѣва и ея притокъ Лесница — на востокъ за Одру по южному берегу Варты до впаденія Нотеци въ Варту.

Германизація любушской земли началась еще до ея занятія нѣмецкими господами, одновременно съ Силезіей, къ которой эта земля и принадлежала. Онѣмеченные польско-силезскіе Пястовичи ни чѣмъ не отличались отъ нѣмецко-бранденбургскихъ Аскапцевъ, дѣйствуя съ послѣдними за одно въ германизаціонномъ направле-

---

вянскими названіями; въ окр. *Ангермюнде* всѣхъ сел. 74 съ слав. назв. 43; въ окр. *Templinъ* всѣхъ сел. 93, съ слав. назв. 45. Всего 157 сел. съ слав. назв. и 121 съ нѣмецкими названіями.

[1]) «Dat is een *uekerwendsk* snakk» — das ist unverständlich und wunderlich gesprochen, объясняетъ Dähnert (Plattdeutsches wörterbuch, nach der alten u. neuen pommerschen u. rügischen mundart, Stralsund 1781). Тоже самое значеніе имѣетъ слово «ukerwendsch», «ukerwensch» и въ Гольштейнѣ и въ Старой Маркѣ—unverständlich, kauderwälsch, regellos. (Schütze: Holsteinisches idiotikon (Hamburg u. Altona 1800—1806), Danneil: Wörterbuch der altmärkisch—plattdeutschen mundart (Salzwedel 1859). Это «uekerwendsk» соотвѣтствуетъ, стало быть, извѣстному «böhmische dörfer» смежныхъ съ Чехами Нѣмцевъ.

[2]) Грамоты Riedel: Cod. diplom. Brandenburg. A. IX. XX. XXIII; Wohlbrück: Geschichte des ehemaligen bisthums u. landes Lebus (Berlin 1829—32, 3 th.). Любушская земля была частью Силезіи; но такъ какъ она рано перешла подъ владычество маркграфовъ бранденбургскихъ, то мы поговоримъ здѣсь и о ея германизаціи.

ніи. Маркграфы нашли почву уже приготовленной и продолжали только, съ свойственной имъ энергіей, начатую польско-силезскими князьями германизацію вновь пріобрѣтенной земли.

Въ рядахъ высшаго *духовенства* лица славянскаго происхожденія встрѣчаются только до половины XIII вѣка. Изъ епископовъ любушскихъ несомнѣнно Славянинъ былъ епископъ Прецлавъ (1179 — 1188), препозиты и каноники Прибиславъ, Радославъ, Стрѣза, Борута, Герлахъ, братъ любушскаго шляхтича Мрочка. Но съ половины XIII вѣка Славяне въ тѣхъ кружкахъ уже не встрѣчаются, епископы и канопики—всѣ Нѣмцы, изъ Силезіи, Старой Марки, Гальберштадта, Мерзебурга и пр. Нѣмцами наполнены тоже ордены пріобрѣвшіе помѣстья въ любушской землѣ, Тампліеры и. Іоанниты.

Шляхта любушская до половины XIII вѣка тоже была славянская, польская. Она, а именно высшая шляхта, называлась еще въ половинѣ XIII вѣка стариннымъ словомъ славянскимъ, *жупаны*: „князь Болеславъ съ жупанами“ (dux Boleslaus Slesiae et Poloniae cum supanis), „жупаны и всѣ земяне любушскіе“ (supani et omnes proprietatem in terra Lubus habentes)—вотъ какъ означается любушская шляхта еще въ половинѣ XIII вѣка (1249 г.). Одинъ изъ первыхъ земянъ любушскихъ былъ *Мрочекъ* (comes Mrochco), владѣлецъ обширной вотчины Sulench, Zulenche (нын. Zielenzig) [1]), состоявшей изъ самаго города и селъ между Любушемъ и Сѣтокомъ. Со временъ бранденбургскаго владычества прибывало въ любушскую землю много нѣмецкаго дворянства, и въ теченіи второй половины XIII вѣка упоминаются здѣсь рыцари Strehle, Klepzig, Zabel, Werben и др. Эти вновь прибывшіе дворяне пріобрѣтая помѣстья по феодальному праву, стали принимать по нимъ и фамиліи; такіе были von Beerfelde, Eichendorf, Golitz, Lossow, Oinitz Selow, Storkow, Wulkow и др. Въ рядахъ этихъ васаловъ исчезли остатки славянской шляхты, о которой съ половины XIII вѣка нѣтъ и помину.

Зачатки *городской* жизни по устройству нѣмецкому въ любушской землѣ—стали появляться еще въ концѣ силезскаго въ ней владычества. Въ 1232 г. основанъ изъ силезскаго монастыря лю-

[1]) Настоящей славянской формы этого названія угадать не умѣемъ; кромѣ вышеприведенныхъ двухъ формъ встрѣчаются и Sulenzec, Zelenceke и пр. Срв. польское Zielęcin (Zielencin), Sulencin (Sulęcin).

бѣшскаго (monasterium Lubense) городъ *Любышь* (civitas Lubes, срв. польск. Lubiesza), переименованный уже черезъ годъ въ Municheberg; черезъ нѣсколько лѣтъ (1245) князь Болеславъ пожаловалъ ему нѣмецкое право (ut oppidum, quod nunc Monichberch appellatur, forum haberet et jus teutonicum). Къ числу городовъ или скорѣе мѣстечекъ, въ то время вновь устроенныхъ, можно отнести вышеупомянутый Zielenzig (civitas a. 1244), и вѣроятно также старинный славянскій городъ Любушь. Съ половины XIII до начала XIV вѣка, число нѣмецкихъ городовъ все больше увеличивалось. Основаны города вновь, или же на мѣстѣ славянскихъ городовъ или селеній, *Франкфуртъ* (1253), *Молразе* (Mülrose, вѣроятно Малоразь или Милоразь, до 1268 г.), и оба пожалованы правомъ берлинскимъ; дальше города и мѣстечки *Фюрстенвлде*, *Зеловъ*, *Дроссенъ* (ст. *Осне*, срв. польск. Ośno), *Штернберъ*, *Репинъ*, *Горица*, *Зонненбуръ*, *Кёнигсвальде*. О славянскомъ населеніи этихъ городовъ не знаемъ ничего; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ упоминаются хызы, то можно предполагать, что славянскіе горожане избрали себѣ эти новыя мѣстопребыванія. Такіе хызы встрѣчаемъ въ Любушѣ (stadt u. kytz, kyes; castrum, oppidum et vi us piscatorum, qui vulgariter kys nuncupatur, 1354 — 1400 гг.), въ Франкфуртѣ (die kiser u. fischer die uf dem kiese wonen, 1516 г.), въ Горицѣ (1400 г.), въ Зонненбургѣ (schlosz, städtchen u. kietz, 1460). Какъ долго эти хызари сохранили свою славянскую народность, не знаемъ; франкфуртскіе хызари носятъ въ XVI вѣкѣ уже нѣмецкія фамиліи. Городъ Франкфуртъ отличался тоже нетерпимостью противъ Славянъ; въ нѣкоторые цехи (beutler, weissgerber, senkler) принимали только того, кто былъ происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго (deutzscher art u. nicht wendisch, 1507); да еще раньше (1485 г.) городская дума даетъ одному сапожнику, который хотѣлъ поселиться въ лужицкомъ Бесковѣ, свидѣтельство, что онъ коренной Нѣмецъ уже въ четвертомъ колѣнѣ (von alle seynen vier anhenn rechtere deutzscher art).

Нѣмецкая колонизація въ селахъ въ любушской землѣ производилась такъ, какъ и въ другихъ сосѣднихъ странахъ славянскихъ, бранденбургскихъ, польскихъ и др. Села или основывались вновь или преобразовывались по праву нѣмецкому (jure teutonico); основатель приглашалъ нѣмецкихъ колонистовъ (qui terram incultam perducent ad fructum, 1252), или принималъ славянскихъ старожиловъ на другихъ условіяхъ, и получалъ за то должность и вы-

годы наслѣдственнаго леннаго шульца. Нѣмецкая колонизація въ землѣ любушской началась по иниціативѣ двухъ *силезскихъ монастырей*, требницкаго и любѣшскаго. Оба монастыря, получивъ отъ князя поземельные участки въ западномъ углу любушской земли, на границѣ барнимской земли (1224 г.), стали здѣсь производить нѣмецкую колонизацію. Монахи любѣшскіе основали здѣсь, какъ выше сказано, городъ Любѣшь или Монихебергъ (Мюнхебергъ), около котораго скоро возникли и нѣмецкія селенія; въ 1244 г. упоминаются здѣсь села Henrikestorp, Marquardestorp, Tempelberg. Монастырь требницкій основалъ (до 1244 г.) въ тѣхъ странахъ тоже нѣмецкія села, Требницу, Jansuelde, Bocholt, Goleistorp. Одновременно съ этой колонизаціей на лѣвомъ берегу Одры, происходила такая же колонизація и на правомъ берегу въ побережьѣ Варты и Нотеци, стараніемъ епископа любушскаго и вышеупомянутаго шляхтича Мрочка. Въ 1241 г. епископъ Генрихъ вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ—въ виду разныхъ выгодъ для своей церкви—позволилъ шляхтичу Мрочку и его потомкамъ, въ его обширной вотчинѣ Sulench поселить Нѣмцевъ (Theutonicos locare); всѣхъ поселенныхъ здѣсь по праву нѣмецкому (jure·theutonico) епископъ освободилъ отъ десятины, которая платилась по обычаю польскому (more Polonorum), выговоривъ себѣ только съ каждой гуфы извѣстное количество хлѣба, исключая гуфы шульцовъ, съ которыхъ не взимался ни оброкъ ни десятина.

Любушская земля онѣмечилась, повидимому, очень быстро. Въ ней не находимъ нигдѣ селеній, которыя бы продолжали пользоваться стариннымъ правомъ славянскимъ или польскимъ, какъ это было напр. въ сосѣдней Силезіи; въ 135 селахъ, стало быть въ огромномъ большинствѣ, еще недавно были вышеупомянутые наслѣдственные шульцы (lehnschulzen). Въ ней почти не находимъ даже селеній съ названіемъ „славянское“ (wendisch), какихъ было и есть до сихъ поръ въ сосѣднихъ странахъ славянскихъ довольно много. Память о Славянахъ въ любушской землѣ сохранилъ, кромѣ хызовъ, лишь существовавшій до XVI вѣка „Wendischer hof“ у села Клистова (у Франкфурта, срв. польск. Kleszczów), которое прежде (1400 г.) называлось Малый Клистовъ (стало быть, славянскій), и „славянская мельница“ (Wendische mühle) у Балкова до сихъ поръ. Наконецъ, можетъ быть, на Славянъ указываетъ и нѣсколько рыбацкихъ селъ, сохранившихся до сихъ поръ. Замѣтимъ еще, что во второй половинѣ XIII вѣка (1275 г.), въ окрестностяхъ Мало-

разя при ловлѣ рыбы въ озерахъ, употреблялся *неводъ* (majus rete, quod nyewede in vulgari vocatur).

Отношеніе первоначальной колонизаціи славянской и послѣдующей за ней нѣмецкой, объясняютъ, какъ часто замѣчено, географическія названія. Правда, самое названіе славянское и нѣмецкое не всегда вѣрный знакъ славянской или нѣмецкой колонизаціи; Славяне могли селиться позже и въ селѣ названномъ по нѣмецки, и наоборотъ, Нѣмцы въ селѣ названномъ по славянски; такъ напр. вышеупомянутое село Требница заселено по всей вѣроятности нѣмецкими колонистами. Но вообще говоря, славянскія названія свидѣтельствуютъ всетаки о славянской колонизаціи, а нѣмецкія о нѣмецкой. По регистру любушской епархіи 1400 г. было въ ней всего 166 селеній (съ городами), въ томъ числѣ 97 съ славянскими названіями. Славянская колонизація выражается, стало быть, *большей половиной* населенныхъ мѣстъ. Тоже самое оказывается, если взять отношенія славянскихъ и нѣмецкихъ названій въ нынѣшней любушской землѣ, т. е. въ уѣздахъ любушскомъ (на лѣвомъ берегу Одры) и штернбергскомъ (на правомъ берегу). Въ первомъ, любушскомъ, находимъ 54 славянскихъ названія, 52 нѣмецкихъ; въ уѣздѣ штернбергскомъ—71 слав. и только 27 нѣмецкихъ; въ землѣ любушской вообще—125 слав. а 79 нѣмецкихъ названій. Изъ положенія селъ съ славянскими названіями, видно, что Славяне поселились въ особенности по рѣкамъ, по Одрѣ и Вартѣ.

VI.

Новая Марка [1]).

Почти одновременно съ завладѣніемъ любушской землей, маркграфы переступили Одру, и подвигаясь по сѣверному берегу Варты и Нотеци, распространили до конца XIII вѣка свое владычество въ тѣхъ странахъ—поморскихъ и польскихъ—на востокъ до верхней Рѣки (Реги) и за Драву. Эта обширная область, отнятая у Поморья и у Польши, стала называться *землей* или *маркой заодрянской* (Terra, Marchia Transoderana), позже *Новой Маркой* (Nova Marchia, Neumark); послѣднее названіе установилось съ начала XV вѣка.

[1]) Riedel: Codex diplom. Brandenburg. A. XVIII, XIX, XXIV; Regesta historiae Neomarchicae (Märkische forschungen, X, XII); Neumärkisches landbuch v. j. 1337 (ed. Raumer, Berlin 1837, mit 1 karte).

годы наслѣдственнаго леннаго шульца. Нѣмецкая колонизація въ землѣ любушской началась по иниціативѣ двухъ *силезскихъ монастырей*, требницкаго и любѣшскаго. Оба монастыря, получивъ отъ князя поземельные участки въ западномъ углу любушской земли, на границѣ барнимской земли (1224 г.), стали здѣсь производить нѣмецкую колонизацію. Монахи любѣшскіе основали здѣсь, какъ выше сказано, городъ Любѣшь или Монихебергъ (Мюнхебергъ), около котораго скоро возникли и нѣмецкія селенія; въ 1244 г. упоминаются здѣсь села Henrikestorp, Marquardestorp, Tempelberg. Монастырь требницкій основалъ (до 1244 г.) въ тѣхъ странахъ тоже нѣмецкія села, Требницу, Jansuelde, Bocholt, Goleistorp. Одновременно съ этой колонизаціей на лѣвомъ берегу Одры, происходила такая же колонизація и на правомъ берегу въ побережьѣ Варты и Нотеци, стараніемъ епископа любушскаго и вышеупомянутаго шляхтича Мрочка. Въ 1241 г. епископъ Генрихъ вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ—въ виду разныхъ выгодъ для своей церкви—позволилъ шляхтичу Мрочку и его потомкамъ, въ его обширной вотчинѣ Sulench поселить Нѣмцевъ (Theutonicos locare); всѣхъ поселенныхъ здѣсь по праву нѣмецкому (jure theutonico) епископъ освободилъ отъ десятины, которая платилась по обычаю польскому (more Polonorum), выговоривъ себѣ только съ каждой гуфы извѣстное количество хлѣба, исключая гуфы шульцовъ, съ которыхъ не взимался ни оброкъ ни десятина.

Любушская земля онѣмечилась, повидимому, очень быстро. Въ ней не находимъ нигдѣ селеній, которыя бы продолжали пользоваться стариннымъ правомъ славянскимъ или польскимъ, какъ это было напр. въ сосѣдней Силезіи; въ 135 селахъ, стало быть въ огромномъ большинствѣ, еще недавно были вышеупомянутые наслѣдственные шульцы (lehnschulzen). Въ ней почти не находимъ даже селеній съ названіемъ „славянское“ (wendisch), какихъ было и есть до сихъ поръ въ сосѣднихъ странахъ славянскихъ довольно много. Память о Славянахъ въ любушской землѣ сохранилъ, кромѣ хызовъ, лишь существовавшій до XVI вѣка „Wendischer hof“ у села Клистова (у Франкфурта, срв. польск. Kleszczów), которое прежде (1400 г.) называлось Малый Клистовъ (стало быть, славянскій), и „славянская мельница“ (Wendische mühle) у Балкова до сихъ поръ. Наконецъ, можетъ быть, на Славянъ указываетъ и нѣсколько рыбацкихъ селъ, сохранившихся до сихъ поръ. Замѣтимъ еще, что во второй половинѣ XIII вѣка (1275 г.), въ окрестностяхъ Мало-

разя при ловлѣ рыбы въ озерахъ, употреблялся *неводъ* (majus rete, quod nyewede in vulgari vocatur).

Отношеніе первоначальной колонизаціи славянской и послѣдующей за ней нѣмецкой, объясняютъ, какъ часто замѣчено, географическія названія. Правда, самое названіе славянское и нѣмецкое не всегда вѣрный знакъ славянской или нѣмецкой колонизаціи; Славяне могли селиться позже и въ селѣ названномъ по нѣмецки, и наоборотъ, Нѣмцы въ селѣ названномъ по славянски; такъ напр. вышеупомянутое село Требница заселено по всей вѣроятности нѣмецкими колонистами. Но вообще говоря, славянскія названія свидѣтельствуютъ всетаки о славянской колонизаціи, а нѣмецкія о нѣмецкой. По регистру любушской епархіи 1400 г. было въ ней всего 166 селеній (съ городами), въ томъ числѣ 97 съ славянскими названіями. Славянская колонизація выражается, стало быть, *большей половиной* населенныхъ мѣстъ. Тоже самое оказывается, если взять отношенія славянскихъ и нѣмецкихъ названій въ нынѣшней любушской землѣ, т. е. въ уѣздахъ любушскомъ (на лѣвомъ берегу Одры) и штернбергскомъ (на правомъ берегу). Въ первомъ, любушскомъ, находимъ 54 славянскихъ названія, 52 нѣмецкихъ; въ уѣздѣ штернбергскомъ—71 слав. и только 27 нѣмецкихъ; въ землѣ любушской вообще—125 слав. а 79 нѣмецкихъ названій. Изъ положенія селъ съ славянскими названіями, видно, что Славяне поселились въ особенности по рѣкамъ, по Одрѣ и Вартѣ.

VI.

Новая Марка [1]).

Почти одновременно съ завладѣніемъ любушской землей, маркграфы переступили Одру, и подвигаясь по сѣверному берегу Варты и Нотеци, распространили до конца XIII вѣка свое владычество въ тѣхъ странахъ—поморскихъ и польскихъ—на востокъ до верхней Рѣки (Реги) и за Драву. Эта обширная область, отнятая у Поморья и у Польши, стала называться *землей* или *маркой заодрянской* (Terra, Marchia Transoderana), позже *Новой Маркой* (Nova Marchia, Neumark); послѣднее названіе установилось съ начала XV вѣка.

[1]) Riedel: Codex diplom. Brandenburg. A. XVIII, XIX, XXIV; Regesta historiae Neomarchicae (Märkische forschungen, X, XII); Neumärkisches landbuch v. j. 1337 (ed. Raumer, Berlin 1837, mit 1 karte).

Завоеваніе Новой Марки пошло слѣдующимъ образомъ. До 1250 года пріобрѣтена земля кёнигсбергская (еще 1244 г. поморская); ок. 1250 г. земли при впаденіи Варты въ Одру и дальше по Вартѣ, именно земли около Кострина, Бервальде и Ландсберга; ок. 1260 г. окрестности Сѣтока и поморская земля Хиничи (впослѣдствіи солдинская); въ 1270—90 гг. лѣсистыя земли по правому берегу Дравы (Фридбергъ и Арнсвальде), отнятыя у Польши, и смежныя поморскія земли на верховьяхъ Ины и на верхней Регѣ (Шильдбергъ, Липенъ, Бернштейнъ, Шифельбейнъ). Въ концѣ же XIII и въ началѣ XIV вѣка владѣнія маркграфовъ распространились и за Драву, на земли Фалькенбергъ, Калишъ, Бентинъ, Тенцикъ; земля Темпельбургъ принадлежала маркграфамъ съ начала XIV вѣка до второй его половины.

Германизація этихъ странъ началась еще во время поморскаго и польскаго въ нихъ владычества, а усилилась и окончилась съ водвореніемъ въ нихъ бранденбургскаго господства. Съ маркграфами прибыло въ заодрянскую марку много нѣмецкихъ дворянъ, ихъ васаловъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ Веделы; они назвались такъ по городу и замку Веделу у Реца; ихъ помѣстья лежали преимущественно въ сѣверовосточной части Марки, простираясь до Поморья. Дальше были здѣсь роды Остенъ (около Дрезна на Нотеци), Зидовъ (Sydow), Ухтенгагенъ, Марвицъ, Брунковъ, Кирковъ, Виннингъ, Гюнтерсбергъ, Гольцъ и др., всѣ роды нѣмецкіе, отчасти изъ земель бранденбургскихъ, отчасти изъ другихъ нѣмецкихъ странъ; такъ напр. Веделы происходятъ вѣроятно изъ Стормарнъ, Остены изъ Падерборна, переселившіеся въ Поморье, и пр. О славянской шляхтѣ въ тѣхъ странахъ не знаемъ ничего; видно, что она скоро слилась съ вновь туда прибывающимъ нѣмецкимъ дворянствомъ. Незнаемъ, славянскому или уже польскому вліянію приписать, что одинъ Веделъ носитъ имя Сулишъ (Zulis, т. е. Сулиславъ, 1281 — 1303), и одинъ Остенъ — Доброгость (1331 — 1372).

Нѣмецкіе *города* Новой Марки возникли или на мѣстѣ древнихъ славянскихъ городовъ или основаны вновь. Новые ихъ жители,—пожалованные правомъ нѣмецкимъ, особенно бранденбургскимъ, позже и солдинскимъ,—были, на сколько намъ извѣстно, исключительно Нѣмцы. Въ теченіи второй половины XIII и до начала XIV вѣка основаны здѣсь города и мѣстечки Кёнигсбергъ, Шёнфлитъ (Schowenfliet), Моринъ, Бервальде (Bernwolde), Цетень (Cedene), Кост-

ринъ (Cozterine, Custrina), Фюрстенфельдъ, Шильдбергъ, Солдинъ [1]), Новый Берлинъ (Берлинхенъ), Липенъ, Бернштейнъ, Арнсвальде, Рецъ, Драмбургъ (Drawinburg), Шифельбейнъ, Фалькенбургъ, Калишъ, Фридбергъ, Вольденбергъ, Дризенъ (срв. поль. Drzezno), Ландсбергъ, Новый Берновъ (Berneuchen), Сѫтокъ. Какъ видно, за нѣкоторыми городами остались старинныя названія славянскія, другіе названы по нѣмецки; у немногихъ были въ употребленіи названія славянскія и нѣмецкія; такъ напр. мѣстечко Фюрстенфельдъ называлось по славянски вѣроятно Болешковичи; городъ Арнсвальде носилъ еще въ началѣ XIV вѣка подлѣ нѣмецкаго и славянское названіе—Добегнѣвь. О славянскихъ жителяхъ въ городахъ ничего неизвѣстно; только въ нѣкоторыхъ сохранились *хызы*, стало быть мѣста отведенныя Славянамъ. Такой хызъ былъ въ *Костринѣ* въ XIV и XV вѣкахъ (vicus, Cüstrin und kys, keys); хызари-рыбаки должны были издавна исполнять извѣстныя работы на замокъ. Хызы упоминаются въ XIV — XVI вѣкахъ и въ *Целинѣ*, *Ландсбергѣ*, *Сѫтокѣ*, *Дризенѣ;* въ *Рецѣ* же существуетъ до сихъ поръ хызъ, село рыбацкое.

И здѣсь нѣмецкую колонизацію въ селеніяхъ поддерживали нѣмецкіе землевладѣльцы, дворянство и духовенство. Еще во время владычества поморскаго и польскаго, въ этихъ странахъ пріобрѣли земли ордены Тампліеровъ и Іоаннитовъ, и стали производить въ нихъ нѣмецкую колонизацію. *Тампліеры* стали колонизовать земли по рѣчкѣ Мысли (Mizzla); въ 1232 г. они получили отъ польскаго князя Владислава въ землѣ костринской село Хварчаны съ тысячью гуфъ по праву и обычаю нѣмецкому (jure et more teutonicali), и черезъ два года (1234) поморскую землю Хиничи. Позже Тампліеры получили смежную съ Новой Маркой польскую землю у верховьевъ рѣки Дравы около озера дравичскаго, которую они назвали Темпельбургъ (quae terra nunc a nobis Tempelborch nuncupata, a. 1291); и въ этой землѣ они стали устраивать селенія по праву нѣмецкому (theutonicali jure); въ селеніяхъ этихъ странъ, разумѣется, считали по нѣмецкимъ гуфамъ (mansi teutonici). *Іоаннитамъ* пожаловалъ (1237 г.) польскій князь Владиславъ въ лѣсистой землѣ, названной позже Арнсвальде, село Корытово, позволяя имъ селить здѣсь Нѣмцевъ по праву нѣмецкому (locandi Teutunicos jure teutunico). По слѣдамъ этихъ рыцарей пошли монастыри (цистерціанскіе),

[1]) Въ привилегіи 1281 г. говорится: ut omnes civitates vel villae construendae Soldin jura sua debeant requirere.

основанные въ теченіи второй половины XIII вѣка, въ Цеденѣ, Рецѣ, Бернштейнѣ, Маріенвальде (въ фридбергской землѣ), Гиммельштедтѣ (Locus Coeli, въ ландсбергской землѣ). Особенно богато пожалованъ помѣстьями монастырь гиммельштедтскій, основанный изъ поморскаго монастыря колбасскаго. Въ числѣ пожалованныхъ ему (1300 г.) пятнадцати селъ, находится семь съ нѣмецкими названіями, наименованныхъ, какъ видно, по большей части по основателямъ (Mertenstorp, Heinrikestorp, Beyerstorp, Razleuestorp, т. е. село Рацлава, Радослава); окрестныя озера носятъ всѣ еще славянскія названія (Рокитъ, Езерко и пр.); со временемъ однако эти озера, болота, луга, пруды и пр. пріобрѣли подлѣ славянскихъ и нѣмецкія названія, и уже въ 1326 г. окрестныя болота, луга, и пр. называются по польски или по нѣмецки (quocunque nomine appellati sunt in lingua polonica seu teutonica).

Преобразованіе существующихъ селъ, или основаніе новыхъ по праву нѣмецкому, совершалось извѣстнымъ способомъ, посредствомъ наслѣдственныхъ шульцовъ. Эти основатели-шульцы, разумѣется, были обыкновенно Нѣмцы, и по нимъ то и назвались нѣкоторыя такія новыя села въ родѣ Simonsdorp, Wolterstorp, Conradestorp, Schultendorp. Если эти или имъ подобныя названія дѣйствительно взяты отъ именъ основателей-шульцовъ, то названія селъ Razleuestorp, Gotikendorp, Zullishagen, Wentzlafhagen (упоминаемыхъ еще въ первой трети XIV вѣка), указывали бы на лицъ славянскаго происхожденія, Рацлава, Хотика, Сулиша, Вацлава. Нѣкоторыя названія селъ указываютъ на колонистовъ или основателей изъ сосѣднихъ бранденбургскихъ земель, на пр. села Jagow, Sydow, Mandelkow, и др. Славяне либо оставались въ селахъ одни, или переселялись въ села „славянскія.“ Совмѣстное жительство славянскихъ и нѣмецкихъ поселянъ видно хотябы изъ одного примѣра: въ селѣ Сѣкиркахъ (Czekerik) на Одрѣ, недалеко отъ Цетня, въ XIV вѣкѣ (1355 г.) жило 14 славянскихъ косатовъ (крестьянъ) и одинъ нѣмецкій (14 kossati slavici qui solvunt annuatim 15 solidos brandenburg. et 9 denarios, et unus cossatus theutunicus qui solvit annuatim 3 denarios brand.). Особыхъ „славянскихъ“ селъ упоминается въ Новой Маркѣ довольно много. Во второй половинѣ XIII вѣка (1270 г.) епископу бранденбургскому принадлежалъ городъ Кёнигсбергъ и 15 окрестныхъ селъ; въ ихъ числѣ десять свободныхъ и пожалованныхъ въ ленъ (liberae et infeodatae)— стало быть устроенныхъ по праву нѣмецкому — по большей части

носящихъ названія славянскія (Берниковъ, Радунь, Грабовъ, Крайники, Кримовъ, Пасѣка, Жатовъ, Хелинъ, Мантые); одно только село называется Rechtorp. Кромѣ этихъ десяти селъ было здѣсь и пять „славянскихъ“ (slavicales villae), ближе не означенныхъ; но впослѣдствіи, въ XIV вѣкѣ, приводится въ тѣхъ странахъ по Одрѣ нѣсколько славянскихъ селъ по именамъ, такъ на пр. два села Пасѣка (Betzik 1337), одно позже означаемое какъ „славянское“ (villa slavicalis Petzick 1351), два села Крайники, Верхнія (нѣмецкое) и Нижнія или „славянскія“ (Wendeschen Kregenick, Creyenic, 1360—1390 гг.), два села Бобисерунъ, славянское и нѣмецкое (1337 г.), Костринки и Рудница (slavicales villae Kustrinikin et Rudonitz 1345), Гостивичи рыбацкое село (Gustebiss est slavica villa non habens agros, 1337). „Славянскими“ называются (1337 г.) села Диковъ въ землѣ липенской, и Лацковъ въ з. бернштейнской, въ отличіе отъ обоихъ „нѣмецкихъ“ селъ того же имени; наконецъ около Ландсберга на Вартѣ было славянское село Чеховъ (slavicalis villa Zechove, 1345). Нѣмецкая колонизація продолжалась до начала XIV вѣка; основаніе новыхъ селъ и заселеніе пустыхъ мѣстъ имѣлось постоянно въ виду (villae construendae 1281, mansi teutonici nondum culti 1312). Колонизація поддерживалась вѣроятно помѣстно и опустошеніемъ страны; такъ на пр. въ пограничной съ Польшей землѣ бентинской было всего восемь селъ, въ ихъ числѣ два съ нѣмецкими названіями; остальныя шесть, носящія славянскія названія, были уже въ первой половинѣ XIV в. (1337 г.) пусты (desertae). Съ усиленіемъ нѣмецкаго элемента, либо вновь прибывающаго либо присвоивавшаго себѣ славянскій, стали измѣняться и географическія названія, названія разныхъ урочищъ и пр.; подлѣ старинныхъ названій славянскихъ стали входить въ употребленіе новыя, нѣмецкія или испорченныя славянскія. Мы уже выше видѣли, что на пр. городъ Добегнѣвь переименованъ въ Арнсвальде, хотя славянское названіе было извѣстно еще въ началѣ XIV вѣка; выше упомянутое село Кримовъ переименовано вѣроятно въ Hansberg (1337 г.); разныя озера и др. урочища около монастыря гиммельштедтскаго носили, какъ выше сказано, уже въ началѣ XIV вѣка нѣмецкія и польско-славянскія названія. Славянскія названія однако скоро исчезаютъ, и ихъ мѣсто занимаютъ нѣмецкія [1]).

[1]) Интересно на пр. подробное описаніе границъ между Пруссіей, Польшей и Новой Маркой XV вѣка (въ подложной грамотѣ будто 1251 г.); всѣ

Такимъ образомъ заодрянская или Новая Марка до половины XIV в. сдѣлалась почти совсѣмъ нѣмецкой страной; да уже въ началѣ того вѣка (1317 г.) можно было сказать, что рѣка Нотець отдѣляетъ страны нѣмецкую и польскую (die dudesche u. polenesche syde).

Въ 1337 году составлено описаніе, хотя не совсѣмъ полное — селеній заодрянской Марки. (Въ земской книгѣ бранденбургской 1375 г. заодрянская Марка не описана подробно). Во время составленія этого описанія можно, вообще говоря, считать Марку уже почти совсѣмъ онѣмеченной, и колонизацію нѣмецкую оконченной. Чтобъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о первоначальной славянской колонизаціи той страны, и послѣдующей за тѣмъ колонизаціи нѣмецкой, приведемъ здѣсь—по выше указаннымъ уже правиламъ—число селеній Новой Марки (по отдѣльнымъ землямъ), упоминаемыхъ въ земской книгѣ 1337 г. и въ грамотахъ до того же года; города, какъ выше сказано, почти всѣ нѣмецкаго происхожденія, и только немногіе построены на мѣстѣ древнеславянскихъ городовъ, на пр. Моринъ, Цетень, Костринъ, Липенъ, Добегнѣвь, Дрезно, Сѫтокъ и др.

Terrae:	Число селеній съ славянск. назван.	Число селеній съ нѣмецк. назван.
Koningesperg	20	12
Bernwolde.	17	15
Custerin	12	4
Schiltberghe	11	6
Soldin	12	11
Lipene.	17	9
Bernstein	6	11
Arnswolde	27	20
Schiuelbeyn	18	3
Valkenburg	21	15
Kalliss	5	1
Bona illorum de Brutow .	14	13
Bentin	6	2
Tentzick	4	6
Fredeberghe	16	24
Landesberghe	15	14
Всего. .	219	166

урочища носятъ уже нѣмецкія названія (—bruch, — steig, — fort, — pfule, — brücke).

Изъ этого видно, что новая, нѣмецкая колонизація заняла *меньшую половину* страны.

VII.

Вагры [1]).

Самый сѣверозападный уголъ балтійской Славянщизны занимало племя *Вагровъ*; съ двухъ сторонъ, на сѣверѣ и на востокѣ, окружало ихъ море; на западѣ жилища ихъ простирались за рѣки Свѧтыню и Травну и озеро плонское, доходя здѣсь до жилищъ одной вѣтви нордальбингскихъ Саксовъ, именно Гользатовъ; на югѣ же отдѣляла Вагровъ отъ Полабянъ Травна. Вагры, находясь на краю славянской земли (in fronte totius Sclaviae), окруженные почти со всѣхъ сторонъ непримиримыми врагами Славянъ, Нѣмцами и Датчанами, уже рано, до VIII вѣка, прославились воинственнымъ духомъ; у нихъ сохранилось еще въ XII вѣкѣ преданіе, что ихъ князья распространили свое господство и на сосѣднихъ балтійскихъ Славянъ, на Бодричей, Хижанъ и др. Вагрія раздѣлялась на шесть земель, старгардскую, лютикенбургскую, плонскую, утинскую, сусельскую и даргунскую. Славяне жили впрочемъ и дальше на сѣверъ и на западъ отъ означенныхъ границъ Вагріи, какъ показываютъ географическія названія въ Шлезвигѣ, на островахъ Лаландѣ — гдѣ ок. 1160 г. княжилъ Прославъ Никлотовичъ,—и Фальстерѣ, и въ Гольштейнѣ на западъ отъ рѣкъ Бѣлины, Травны и Свѧтыни, въ странахъ Стормаровъ и Гользатовъ— до самой рѣки Стыри (Stör). Это показываетъ, что славянская колонизація когда-то доходила дальше, чѣмъ какъ она намъ извѣстна по положительнымъ источникамъ [2]). Не забудемъ, что Нордальбингія находилась два раза подъ славянскимъ владычествомъ, первый разъ въ 804—811 гг., второй разъ послѣ паденія государства Годескалька (1066), при Крутѣ и Генрихѣ Годескальковичѣ, въ началѣ его княженія. Такъ называемый рубежъ Саксоніи (limes

---

[1]) Helmoldi Chron. Sclavorum, грамоты въ сборникахъ: Codex diplomat. Lubecensis (Urkundenbuch der stadt Lübeck I, Urkundenbuch des bisthums Lübeck I), Schleswig-Holstein-Lauenburg. urkundensammlung I, Meklenburg. urkundenbuch, Hamburg. urkundenbuch (ed. Lappenberg); журналъ Nordalbing. studien, Wersebe: Niederländ. colonien im nördl. Teutschland (I, 289), и др.

[2]) Нѣкоторыя подробности у Павинскаго: Полаб. Славяне 2 — 17, Гильфердинга Ист. балт. Слав. 51, 283, Ширна (Časopis česk. Mus. 1856, 121, André: Wendische wanderungen 154).

Saxoniae), учрежденіе котораго относили къ временамъ Карла Великаго, и который извѣстенъ былъ еще во второй половинѣ XI вѣка, не представлялъ строго этнографической границы между Нѣмцами (Саксами нордальбингскими) и Славянами (Бодричами-Полабянами и Варгами); ибо и на западъ отъ рѣкъ Делбѫды, верхней Травны, озера плонскаго и рѣки Свѧтыни жили Славяне еще въ XII вѣкѣ [1]). Тогда считалась рѣка Свала, притокъ Стыри, границей между Саксами и Славянами, и гользатская волость Фальдера (Novum Monasterium, Neu-Münster) примыкала къ славянскимъ землямъ, да и самый Новый Монастырь считался еще лежащимъ въ славянской землѣ. На лѣвомъ берегу рѣки Свѧтыни и озера плонскаго занимали Славяне именно такъ наз. свѧтынское поле (Zuentifeld, Zuentineveld). Совмѣстное жительство и общеніе вагорскихъ и полабскихъ Славянъ и нордальбингскихъ Саксовъ породило вышеупомянутый дуализмъ въ географическихъ названіяхъ, примѣры котораго можно найдти особенно въ странахъ около нижней Лабы. Такъ напр. Hamburg назывался по славянски Богборъ, село и монастырь Hagerestorp (на правомъ берегу верхней Травны)—по славянски Кушалина, свѧтынское поле имѣло другое названіе—Burnhovede (Börnhövd), Старгардъ — по нѣмецки Aldenburg; названія городовъ Lutikenburg и Raceburg (Raceborch), горы Alberg—извѣстны только въ нѣмецкой формѣ, и пр.

Переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ за Травну началось уже послѣ 1140 года, когда, по приказанію короля Лотара, нордальбингскіе Саксы и также Славяне построили на горѣ Альбергѣ—слѣдовательно уже на почвѣ Вагровъ, именно въ землѣ даргунской—крѣпость Зигебергъ (ок. 1134 г.). Присутствовавшіе тогда при этой постройкѣ вельможи славянскіе справедливо замѣтили, что новая крѣпость положитъ иго на всю ихъ землю не только вагорскую, но и полабскую и бодричскую. Подъ Зигебертомъ построена церковь и пожалована нѣсколькими селами, названными уже по большей части по нѣмецки: Ritteristorp, Hogeristorp—вышеупомянутая Кушалина,—Huuezle, Mozinke, duo Wittenburne. Расположенныя подъ Зигебергомъ селенія Саксовъ разрушилъ однако уже въ 1138 г. князь вагорско-полабскій Прибиславъ, когда онъ

---

[1]) Объ этомъ сакс. рубежѣ говоритъ Адамъ брем. (II, 15), и грамота 1062 г. (Meklenburg. urkundenbuch I, № 27). Срв. Гильфердинга Ист. балт. Слав 280—283, Wigger: Meklenburg. annalen 100.

въ послѣдній разъ собралъ силы своихъ Славянъ и сталъ нападать на сосѣднія земли Стормаровъ и Гользатовъ; но тѣмъ онъ только ускорилъ паденіе независимости обѣихъ этихъ племенъ бодричскихъ. Гользаты и Стормары въ 1138—1139 гг. страшно опустошали всю Вагрію, начиная съ рѣкъ Свалы и Травны и кончая балтійскимъ моремъ. Вагрія сдѣлалась непосредственною частью графства гольштейнскаго, земля же Полабянъ поручена особому графу.

Гольштейнскій графъ Адольфъ, желая заселить опустошенную Вагрію, призвалъ съ нижняго Рейна множество Голандцевъ и Фландровъ, Вестфаловъ и Фризовъ, и наконецъ Гользатовъ и Стормаровъ, которые — по словамъ графа — завоевавъ славянскую землю и выкупивъ ее своей кровью, должны были занять лучшую ея часть. Въ 1143 г. Гользаты заняли самую безопасную часть, на западъ отъ Зигеберга, около рѣки Травны, свѣтынское поле, и все, что лежало между рѣкой Свалой и плонскимъ озеромъ; Вестфалы заняли землю даргунскую, Голандцы — утинскую, сусельскую—Фризы, которыхъ прибыло больше четырехъ сотъ мужчинъ; плонская земля осталась пока пустой, лютикенбургская и старгардская и вообще страны приморскія оставлены Славянамъ. Славяне могли жаловаться, что они несправедливо лишены своей отчины; эти жалобы раздѣляли и ихъ соплеменники за Травной—Бодричи: предчувствовали они, что мало по малу сбываются опасенія, заявленныя славянскими вельможами при постройкѣ Зигеберга.

Вагорскіе Славяне, лишившись своей самостоятельности, сдѣлались данниками своихъ верховныхъ господъ, саксонскаго герцога или—какъ онъ по славянски назывался—„войводы“, и графа гольштейнскаго; оба они съ „ненасытной жадностью Саксовъ“—на которую такъ часто жалуются сами саксо-нѣмецкіе лѣтописцы,— обдирали подданныхъ имъ Славянъ, не очень заботясь о ихъ крещеніи. Около половины XII вѣка вагорскіе Славяне платили своему герцогу или войводѣ 1000 гривенъ ежегодной *войводницы*, сумму по тѣмъ временамъ огромную; кромѣ того платили графу ежегодно 100 гривенъ. Подданные епископа старгардскаго, позже любецкаго, вмѣсто войводницы, платили бископовницу, натурой (три корца съ рала) и деньгами, какъ это было и въ остальныхъ двухъ епархіяхъ бодричскихъ, ратиборской и звѣринской. Эта „войводница“ и „бископовница“ были въ Вагріи извѣстны еще въ началѣ XIII вѣка [1]).

[1]) Census ducis qui *wogiwotinza* dicitur; census Slavorum—de unco tres men-

О положеніи остатковъ вагорскихъ Славянъ во второй половинѣ XII вѣка, сохранилъ лѣтописецъ Гельмольдъ, священникъ въ Божовѣ у плонскаго озера, нѣсколько любопытныхъ подробностей. Въ 1149 г. назначенъ епископомъ старгардскимъ *Вицелинъ*. Посѣщая свою епархію, онъ нашелъ около Старгарда Славянъ язычниковъ и морскихъ разбойниковъ; у нихъ была священная роща бога (вѣроятно Перуна), жрецъ *Мике* и князь *Рохелъ*, изъ рода Крутова (princeps terrae de semine Crutonis), язычникъ и морской разбойникъ. Увѣщаній Вицелина сдѣлаться христіанами, послушались немногіе Славяне, такъ какъ верховные ихъ господа, герцогъ саксонскій и графъ гольштейнскій, не очень настаивали на принятіи христіанства, довольствуясь данью. Тогда построены въ Старгардѣ часовня и въ Божовѣ церковь. Преемникъ Вицелина († 1154 г.) *Герольдъ*, скоро послѣ своего назначенія, посѣтилъ Вагрію. Въ началѣ 1156 года, 6 января, епископъ совершилъ богослуженіе въ часовнѣ старгардской; городъ былъ пустъ, безъ жителей; при богослуженіи присутствовалъ князь Прибиславъ [1]) и нѣсколько Славянъ. Прибиславъ пригласилъ епископа и его свиту въ свой домъ и по славянскому обычаю щедро ихъ угостилъ. Отъ Старгарда епископъ отправился дальше на востокъ къ славянскому вельможѣ Тѣшиміру. На пути лежала вышеупомянутая священная роща; епископъ и его спутники перерубили тынъ и деревья и зажгли ихъ. Тѣшиміръ угостилъ епископа щедро; но пребываніе въ домѣ Тѣшиміра сдѣлалось тяжелымъ по поводу связанныхъ христіанскихъ плѣнниковъ изъ Даніи. Отъ Тѣшиміра [2]) Герольдъ отправился въ Любекъ, и здѣсь увѣщевалъ стекшихся туда на базаръ Славянъ, — было воскресенье, — отказаться отъ идоловъ и принять крещеніе, прекратить разбои и убійства христіанъ. Князь Прибиславъ посовѣ-

---

surae quod dicitur *kuriz* (грамоты датскаго короля и гольштейн. графа 1215 г.). Славянской войводницѣ соотвѣтствовалъ позже такъ наз. *greuenscat* (grafenschatz) или *hollenderscat*, т. е. дань платимая графу Голандцами (грам. 1256 г.). Названіе «бископовница» не встрѣчается въ Вагріи, а только у Бодричей и Лютичей; но дань Вагровъ епископу равнялась бодричско-лютичской бископовницѣ, и несомнѣнно такъ и называлась.

[1]) Beyer (Jahrbücher für meklenburg. gesch. XIII. 22) указываетъ на то, что упоминаемый въ 1156 г. Прибиславъ едва-ли былъ бывшій князь полабско-вагорскій Прибиславъ, сынъ Буты († 1071); кромѣ того, одновременно съ нимъ встрѣчается princeps terrae, вышеупомянутый Рохелъ.

[2]) На востокъ отъ Старгарда находится село (прежде монастырь) Cismar, Cicimer, Ciscimer (Тѣшимѣрь), можетъ быть названное по этому Тѣшиміру.

товавшись съ своими земляками, далъ епископу замѣчательный отвѣтъ. „Наши господа, герцогъ и графъ“, сказалъ между прочимъ Прибиславъ, „свирѣпствуютъ противъ насъ съ такой жестокостью, что мы, обремененные податями и самымъ тяжелымъ рабствомъ, предпочитаемъ смерть жизни. Вотъ мы, жители этого маленькаго уголка Вагріи, въ этомъ году заплатили герцогу тысячу гривенъ, и графу сто гривенъ, а всетаки еще изъ насъ высасываютъ все и тѣснятъ насъ до изнеможенія. Какъ же намъ думать о новой религіи, когда намъ ежедневно предстоитъ бѣгство! Но и за Травной и на Шѣнѣ угрожаютъ намъ подобныя же этому бѣдствія; поэтому мы поневолѣ разбойничаемъ на морѣ. Въ этомъ виноваты наши господа, которые насъ прогоняютъ“. Епископъ возразилъ, въ защиту нѣмецкихъ господъ, что они считаютъ позволительнымъ обращаться такъ съ язычниками; но если Славяне примутъ христіанство, то они будутъ пользоваться такимъ же спокойствіемъ, какъ и окрестные Саксы. Прибиславъ отвѣтилъ очень толково: „Пожалуйте намъ права Саксовъ, относительно поземельной собственности и доходовъ, и мы охотно будемъ христіанами, будемъ строить церкви и платить десятины“. На это епископъ не нашелъ отвѣта и уѣхалъ. Правъ Саксовъ—Славяне не получили.

Христіанство распространялось у вагорскихъ Славянъ медленно. Герольдъ послалъ въ Старгардъ фальдерскаго монаха Брунопа, который взялся усердно за дѣло; рубилъ священныя рощи и истреблялъ языческіе обычаи. Въ пустой Старгардъ переведены Саксы, и построена здѣсь церковь; Старгардъ сдѣлался нѣмецкимъ городомъ, Альденбургомъ (1157). Графъ Адольфъ помогалъ Брунону въ его мисіонерской дѣятельности; онъ велѣлъ Славянамъ хоронить мертвыхъ на кладбищахъ и собираться по праздникамъ, слушать проповѣди, которыя Бруно написалъ себѣ на славянскомъ языкѣ. Славянамъ запрещено было присягать, призывая во свидѣтельство деревья, источники и камни; но за то введена нелѣпость такъ называемыхъ божіихъ судовъ—раскаленнымъ желѣзомъ. Другой монахъ фальдерскій распространялъ христіанство въ сусельской землѣ, между морскими разбойниками на рѣчкѣ Кремпинѣ. Церкви основаны въ Лютикенбургѣ и Ратковѣ, опустѣлые города Утинъ и Плона вновь выстроены. Такимъ образомъ, при взаимной поддержкѣ властей, духовной и свѣтской, христіанство въ Вагріи все больше распространялось. Остатки вагорскихъ Славянъ занимались морскими разбоями и участвовали въ походахъ

нѣмецкихъ своихъ господъ. Такъ напр., въ 1164 г. они находились съ графомъ Адольфомъ въ войскѣ герцога Генриха Льва, отправившагося противъ Прибислава Никлотовича и поморскихъ князей къ Дымину; но стоя здѣсь, вагорскіе Славяне сообщали своимъ соплеменникамъ все, что происходило въ нѣмецкомъ лагерѣ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ усиливался и нѣмецкій элементъ: Славяне мало по малу исчезали, уступая нѣмецкимъ колонистамъ (recesserunt Sclavi, qui habitabant in oppidis circumjacentibus, et venerunt Saxones et habitaverunt illic; defeceruntque Sclavi paulatim in terra).

Что касается *духовенства*, то оно, посреди языческихъ Славянъ было, разумѣется, исключительно нѣмецкое. *Знатные* Славяне встрѣчаются въ Вагріи только до второй половины XII вѣка; такіе были вышеупомянутые Рохелъ, Прибиславъ, Тѣшиміръ. Впослѣдствіи знатныхъ Славянъ почти уже не встрѣчаемъ; если и остались нѣкоторые, то они скоро исчезли въ массѣ прибывающихъ въ Вагрію нѣмецкихъ дворянъ, васаловъ графа гольштейнскаго. Въ началѣ XIII вѣка (1210) былъ около любецкаго епископа Генрихъ Домашъ (Домаславъ) Славянинъ (Henricus Damasc Slavus); во второй половинѣ XIII вѣка (1263) жилъ въ старгардской землѣ, въ селѣ Верхомилѣ, Тоте (Tote dictus de Verchemile) и его сыновья Элеръ и Генрихъ называемый „Славянинъ“ (Henricus dictus Sclavus). Около того же времени (1263) одинъ изъ рыцарей графа гольштейнскаго (въ Гамбургѣ) носитъ тоже названіе Wende (Славянинъ).

Древнеславянскіе *гарды — города* въ Вагріи перемѣнились въ нѣмецкія городскія общины. Мы видѣли, что городъ Старгардъ (castrum et civitas), стоявшій пустымъ, по просьбѣ мисіонера Брунона заселенъ Саксами, и такимъ образомъ возникла нѣмецкая городская колонія посреди славянскаго народонаселенія; вновь построенные города Утинъ и Плона тоже наполнялись Нѣмцами. Нѣмецкій былъ и новый городъ *Любекъ*, построенный (1143 г.) графомъ Адольфомъ при устьѣ Вокницы въ Травну на мѣстѣ старой крѣпости Букова. Древній славянскій городъ Любекъ стоялъ немножко дальше на сѣверъ, при впаденіи Свартавы въ Травну, гдѣ теперь село Oldenlubeke (Старый Любекъ). Нѣмецкій элементъ въ древнемъ городѣ Любекѣ и въ окрестностяхъ водворился рано; уже въ началѣ XII вѣка, во время Генриха Годескальковича, жили здѣсь нѣмецкіе купцы, у которыхъ была своя церковь. Въ окрест-

ностяхъ Любека насыпанная надъ перебитыми здѣсь Ранами могила (ок. 1110 г.), носила уже въ половинѣ XII вѣка нѣмецкое названіе Raniberg. Происхожденіе любецкихъ мѣщанъ въ новомъ городѣ видно, напр., изъ такихъ названій: Libertus Flamingus, Gerardus de Stendale, Johannes de Brema, Leuerat do Sosato (Soest), Johannes de Bruneswich, и др. Оставшіеся въ городѣ и его окрестностяхъ Славяне подвергались разнымъ притѣсненіямъ. По одному уставу 1220—26 гг., продававшіе въ городѣ Славяне платили большую пошлину, чѣмъ другіе окрестные народы, да кромѣ того, платили, они одни, также подушное (Slavus semper pro capite suo unum denarium dabit—vor sin houet scal he gheuen enen penning). Славяне не могли свидѣтельствовать противъ Нѣмцевъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда допускался въ свидѣтели всякій неопороченный человѣкъ; такъ постановляетъ еще старинное право любецкое 1294 года (dat mot iewelik man wol tughen up dat he en umberopen man si sunder de Wenede); Славянинъ могъ только тогда быть свидѣтелемъ, когда онъ оказывался достойнымъ пріобрѣсти себѣ право мѣщанина (dat en Wend des werdich were, dat he borgher worden were). Но такихъ „достойныхъ“ Славянъ находилось въ Любекѣ очень немного; съ конца XIII вѣка до половины XIV, находимъ здѣсь Христину Славянку (Christina Slavica), жену мѣщанина Герарда, Славянъ Гисна (Gyzno Slavus) и Зигфрида (Siegfried Wenth), хотя послѣдніе могли быть просто уроженцы „Славіи“ т. е. мекленбургскихъ земель. Въ любецкіе цехи Славяне не принимались, и еще до самаго XVIII вѣка требовалось въ Любекѣ и вообще во всемъ Гольштейнѣ, отъ принимаемыхъ въ цехи мастеровыхъ свидѣтельство, что они происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго. Въ нѣкоторыхъ цеховыхъ уставахъ это условіе встрѣчается довольно рано; такъ напр., по уставамъ любецкихъ токарей и лавочниковъ (hoker) 1507 г., требовалось отъ принимаемаго въ цехъ доказательство, что онъ Нѣмецъ, а не Славянинъ (dat he echte, vrye, dudesch unde nicht wendesch gebornn sy). Славянское происхожденіе въ Любекѣ вообще не считалось особой рекомендаціей, и еще въ 1490 году верхній судъ любецкій отказалъ одному ребенку въ наслѣдствѣ его матери, потому что эта послѣдняя вышла за одного Славянина, который ей по рожденію не былъ равенъ (der ehr nicht enbordig en were) [1]).

[1]) Срв. Hach: Das alte lübische recht (Lübeck 1839, artic. CX), Wehrmann: Die älteren lübeckischen zunftrollen (L. 1864), Pauli: Lübeckische zustände zu

Нѣмецкіе колонисты, Нидерландцы и Саксы, занимали не только бывшія славянскія селенія, но основывали также новыя, названія которыхъ обыкновенно оканчиваются на—dorp,—feld,—berg и пр. Такія названія встрѣчаемъ мало по малу и въ тѣхъ странахъ, которыя остались еще за Славянами; такъ на прим. въ землѣ старгардской было въ полов. XIII в. (1249 г.) шесть селъ, названныхъ именно „нѣмецкими“ (villae theutonicae Helerickendorp, Tulendorp, Sukesdorp, Harrikendorp, Poppendorp, Olinckendorp); въ землѣ люткенбургской (1213) села Clartistorp и Johannestorp, село Vlemingestorpe (г. е. село Фламандцевъ, 1256 г.). Случалось тоже, что древнее славянское названіе замѣнено новымъ нѣмецкимъ, такъ на пр. село Лѣково раздѣлилось на два села, Johannisvelde и Honberge. Между новыми пришельцами остались впрочемъ кое-гдѣ и старинные жители Славяне въ своихъ селахъ. Такъ на пр. въ землѣ даргунской, на верхней Травнѣ, ок. Зигеберга, въ числѣ селъ монастырскихъ—встрѣчаемъ (1198 г.) „славянское село“ Ботеле (slavica villa Botele, Подолье?), но черезъ нѣсколько лѣтъ (1216) Ботеле не называется уже „славянскимъ селомъ“. Еще въ половинѣ XIII в. (1249 г.) упоминаются въ тѣхъ странахъ, подлѣ земледѣльцевъ нѣмецкихъ, и Славяне (per exstirpationem Deutonicorum vel Slavorum); въ началѣ XIII в. (1216) находимъ „славянскихъ поселянъ“ (Slavi cultores) около монастыря порѣчскаго на Свѣтынѣ. „Славянскія села“ (Slavicae villae) встрѣчаются кое-гдѣ разбросанными въ разныхъ странахъ Вагріи. Съ начала они, разумѣется, были населены Славянами; со временемъ славянскіе жители онѣмечились, или ихъ мѣсто заняли Нѣмцы; но самое названіе „славянское“ оставалось и впослѣдствіи за этимъ селомъ; иногда случалось, что славянскіе жители должны были селиться въ особомъ селеніи, и такимъ образомъ возникали два сосѣднія селенія съ

---

anfang des 14 jhdts. (L. 1847), Frensdorff: Die stadt- und gerichtsverfassung Lübecks im 12 u. 13 jhdt. (L. 1861). Franck (Alt u. neues Mecklenburg, 1753, III. buch p. 86) разсказываетъ, что въ Гольштейнѣ еще въ то время водился обычай записывать въ метрическія свидѣтельства (geburtsbrief), что принимаемый мастеровой не славянскаго рода. Франкъ сравниваетъ любецкихъ «quinckers» съ «славянскими мясниками» (Wendschlächter) въ поморскомъ городѣ Бартѣ; этихъ quinckers ближе не знаемъ. Замѣтимъ еще, что и въ Гамбургѣ до 1811 года требовали отъ вновь принимаемыхъ мѣщанъ доказательства, что они не крѣпостные и не славянскаго происхожденія. (Lappenberg: Hamburgische rechtsalterthümer, I, p. XLIII).

названіями „нѣмецкое“ и „славянское“. „Славянскія“ села встрѣчаются около плонскаго озера (slavica villa у Божова, Malkeuiz cum slavica villa adjacente, 1215—1216), около Любека (villa Crimpelsdorp cum slavica villa, villa Padeluche cum slavica villa, 1247 г.), ок. Старгарда (villa Kakedis cum villa slavica adjacente, 1282 г.), ок. Сусолъ (Pustin slavicum, Postyn slavicalis подлѣ Pustin teutonicum, P. dudensche, 1294 и 1304 гг.), ок. Утина (Nuchele slavicalis, N. teutonicum, 1311 г.); дальше еще Timendorp villa teutonica (1372) подлѣ Малаго или Славянскаго (Wendisch T.), Wendesche-Poryn (1374). Эти „славянскія“ села мало по малу исчезли; такъ на пр. въ XIV вѣкѣ существовало уже только одно село Crimpelsdorp, одно Padeluche, заселенныя Нѣмцами. Память Славянъ въ послѣднемъ селѣ, Подлугахъ, и въ недалеко отъ него основанномъ селѣ Roggenhorst, сохранили еще малыя гуфы (рала, unci), которыя въ обоихъ селахъ были въ употребленіи. Имена вагорскихъ поселянъ—на сколько они извѣстны изъ грамотъ XIII—XIV вв.—почти исключительно нѣмецкія; какъ-то по славянски звучатъ имена двухъ крестьянъ села Хвальчекъ (? Qualseke) около Старгарда (1340), Ближецъ (Blisetze) и Николай Вордемичъ (Wordemitze), хотя эти имена могли быть взяты и отъ селеній.

Германизацію страны можно прослѣдить особенно на островѣ *Фембрѣ*. Въ этомъ бывшемъ гнѣздѣ морскихъ разбойниковъ было въ началѣ XIII вѣка уже значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ. По подробному описанію датскихъ владѣній—въ томъ числѣ и Фембры—1231 года [1]), видно, что тогда на островѣ были селенія нѣмецкія и славянскія (villae Sclavorum). Почти всѣ называются по основателямъ, Godescalsthorp (село Годескалька), Davidthorp, Niclawsthorp, Taessemaerthorp (село Тѣшимѣра), Darganthorp (с. Даргана), Rataemaersthorp (с. Ратимѣра) и пр.; немногія носятъ и другія, славянскія названія (Брезница, Подгардье). Славянское названіе впрочемъ не указываетъ еще на славянское селеніе, и на оборотъ нѣмецкое названіе — на нѣмецкое на-

[1]) Liber census Daniae (Langebek: Scriptores rerum danicarum VII, 541). Островъ Фембра называется въ XI—XIII вв. Fembre (Adam Brem.), Vemere (Helmold), Imbria (Liber census), нынѣ Femern. Значеніе этого слова—если оно славянское—темно. Срв. названія мѣстъ, литов. Wembry (въ быв. Августовской губ.), польск. Wąbrawe (въ Мазовіи), и общеляшское слово вѫборекъ (ведро), извѣстное Славянамъ полабско-балтійскимъ (Древянамъ, Кашубамъ) и Полякамъ.

селеніе; такъ на пр. Брезница и село Тѣшика (Tessikaenthorp) заселены были Нѣмцами, между тѣмъ какъ Godescalsthorp и Daenskaethorp (т. е. село Датчанъ) приводятся въ числѣ славянскихъ селъ. Въ нѣмецкихъ селахъ была въ употребленіи гуфа (mansus, houa), въ славянскихъ же меньшее рало (uncus) [1]. Чисто славянскихъ селъ (villae Sclavorum), въ которыхъ считали еще по древнеславянскимъ раламъ, было въ Фембрѣ 16; но кромѣ того въ шести селахъ жили еще Нѣмцы и Славяне сообща; первые считали по гуфамъ, другіе по раламъ, на пр. въ селѣ Ziarnaesthorp было 12 гуфъ и 16 ралъ, въ Niclawsthorp 10 гуфъ и 14 ралъ, и пр. Наконецъ въ двухъ селахъ, которыя не приводятся уже въ числѣ славянскихъ, употребляли еще рала, вѣроятно какъ наслѣдство недавно исчезнувшихъ здѣсь Славянъ.

Память Славянъ въ Вагріи сохранили — до XIII вѣка — нѣкоторыя слова. Выше мы замѣтили, что славянская „войводница“ и славянскіе „корцы“ въ Вагріи, именно въ Любекѣ, были извѣстны еще въ началѣ XIII вѣка. Но уже во второй половинѣ XIII вѣка (1259 г.) слово „войводница“ въ Любекѣ забыто настолько, что списывавшій тогда жалованную грамоту Генриха Льва (1170 г.) не съумѣлъ уже прочитать слова „(census ducis qui) *wogiwotinza* (dicitur)“, и написалъ „gwogiwo traha“; это безобразное слово одинъ любецкій епископъ XV вѣка объясняетъ „nunc greuenschat (т. е. grafenschatz) sive precarie (т. е. подать).“ Въ сѣверной Вагріи, около Утина, въ селѣ Sibrandestorp, еще въ половинѣ XIII вѣка (1251 г.) извѣстная повинность или подать называлась „подача“, (quod vulgo podazche dicitur); слово извѣстное тоже Бодричамъ и Ранамъ. Наконецъ въ Вагріи сохранились нѣкоторое время слѣды древне-славянскаго раздѣленія на земли; еще въ XIII вѣкѣ находимъ въ Вагріи земли (provinciae) Aldenburg, Lutelinburg (Luttekenburg), Susle, Ratgowe [2].

---

[1]) О древненѣм. *huopa*, *hôva*, *huobe*, *hufe* и *mansus* срв. Grimm: Deutsche rechtsalterthümer, p. 535.

[2]) Schütze (Holstein. idiotikon) приводитъ гольштейнское проклятіе: «haal di de Dütscher!» (т. е. Нѣмецъ тебя возьми), гдѣ «Dütscher» = düvel (чортъ). Это странное проклятіе — по всей вѣроятности остатокъ національнаго дуализма и антагонизма древняго населенія Гольштейна. Надо замѣтить, что простой народъ гольштейнскій называетъ иностранца, который не знаетъ хорошо нѣмецкаго языка, «ненѣмецкой собакой «(undütsche hund). Тоже самое встрѣчается и въ Помераніи (см. ниже).

VIII.

Полабяне и западные Бодричи [1]).

На правомъ берегу нижней Лабы, между рѣками Эльдой и Бѣлиной (Bille), жили *Полабяне*. Это—по всей вѣроятности общее названіе мелкихъ племенъ, изъ которыхъ извѣстны въ тѣхъ странахъ уже въ IX вѣкѣ именно *Бытиничи* и *Смолинцы*. Въ землѣ Полабянъ, по рѣкѣ Делбѫдѣ, начинался выше упомянутый рубежъ саксонскій (limes Saxonicus), извѣстный еще во второй половинѣ XI вѣка. Притязанія Нѣмцевъ, именно герцога Саксовъ, на полабско-бодричскія страны не прекращались со временъ Карла Великаго. Скоро по его смерти Саксы, по повелѣнію императора, укрѣпились на правомъ берегу Лабы у Делбѫды, прогнавъ оттуда Славянъ (822 г.); но скоро они сами должны были оттуда отступить. Еще во второй половинѣ XI вѣка (1062 г.) король Генрихъ жалуетъ герцогу Саксовъ городъ Ратиборь въ полабской землѣ (castellum Razesburg in pago Polabi), но безъ нарушенія рубежа Саксовъ, который однако самими Нѣмцами считался тогда лишь номинальнымъ (salvo per omnia et intacto Saxoniae limite, quem quidem ipsi Saxones a tempore primi Ottonis unquam possessione vel etiam nomine tenere videbantur) [2]).

Общее возстаніе балтійскихъ Славянъ 1066 г. истребило всѣ слѣды нѣмецкаго господства на правомъ берегу нижней Лабы. Только въ первой половинѣ XII вѣка послѣ покоренія князя Полабянъ и Вагровъ, Прибислава, удалось герцогамъ Саксовъ утвердиться на славянской землѣ. Вагрія перешла въ вѣдѣніе графа гольштейнскаго, земля же Полабянъ досталась (1142 г.) особому графу полабскому или ратиборскому, Генриху изъ Бадвиде (comes Polaborum, comes de Racisburg). Послѣ покоренія Бодричей (1160) возникло и другое графство, *звѣринское*, которое простиралось отъ восточныхъ береговъ звѣринскаго озера на югозападъ къ Лабѣ и Эльдѣ, стало быть по большей части на земли Полабянъ.

Скоро послѣ покоренія Полабянъ основано—для нихъ же и для нѣкоторыхъ племенъ сѣверозападныхъ Бодричей—въ *Ратиборѣ* по-

---

[1]) Helmoldi Chron. Sclavorum; грамоты (до 1345 г.) въ Meklenburgisches urkundenbuch (Schwerin 1863—1875, 9 bde); Jahrbücher des vereins für meklenburg. geschichte u. alterthumskunde (Schwerin 1836—1874).

[2]) Срв. Wigger: Meklenburg. annalen p. 12, 100.

стоянное епископство (1154 г.), и епископъ Эвермодъ, вмѣстѣ съ графомъ Генрихомъ, усердно старались о распространеніи христіанства между бывшими поклонниками Живы. Матеріальныя средства епископамъ доставилъ герцогъ Генрихъ Левъ, тотъ самый, который восторженно восхваляется современниками, Нѣмцами священниками; по ихъ словамъ, онъ сломавъ твердыя шеи Славянъ, не только сдѣлалъ ихъ данниками, но и принудилъ ихъ мечемъ отказаться отъ язычества и признать истиннаго бога, чтобъ они узнали, что левъ, самый свирѣпый звѣрь, никого не боится [1]). Въ такомъ смыслѣ высказался и самъ Генрихъ Левъ, основывая и жалуя ратиборскую епископію (1158). Такъ какъ эти мысли какъ нельзя лучше характеризуютъ не только этого извѣстнаго Славяноубійцу въ частности, но и вообще взглядъ тогдашнихъ Нѣмцевъ побѣдителей на Славянъ, то приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ нихъ. „Языческія смежныя съ нами племена славянскія", говоритъ надменный герцогъ Саксовъ, „искони, со временъ Карла Великаго, всегда возставали и враждовали противъ бога и святой церкви. Когда же наконецъ они, послѣ большихъ усилій, склонили свою упрямую голову передъ христіанствомъ, то все-таки еще нѣсколько разъ возвращались къ отвратительному идолопоклонству. Они сдѣлались данниками нашихъ предковъ, и достались намъ по праву наслѣдства; мы не переставали поражать мечемъ рабскія шеи невѣрныхъ, и, вслѣдствіе ихъ злобы, значительно умножили ихъ подати; они, такимъ образомъ притѣсняемые, жили долго и смирно подъ нашимъ владычествомъ, и значительно увеличили наши доходы. Вмѣстѣ съ проповѣдниками слова божія, мы какъ свѣтскій государь, маханьемъ меча сгоняли грубый и строптивый народъ къ столу божіему, и такимъ образомъ возвратили его христіанству". Доходъ герцога съ Полабянъ, извѣстная *войводница* (census ducis wogiwotniza), доходилъ несомнѣнно далеко за тысячу гривенъ въ годъ, такъ какъ меньшее племя Вагровъ платило войводницы именно эту сумму.

Новая епископія ратиборская простиралась между Бѣлиной, Лабой, и нижней Эльдой; восточной границей была черта отъ Эльды къ верхней Судѣ около западнаго берега звѣринскаго озера къ Весмірю, дальше море и нижняя Травна. Въ этомъ простран-

[1]) Срв. такія диѳирамбы въ лѣтописяхъ Гельмсльда (I. 92, II. 9) и Арнольда (prologus).

ствѣ упоминается въ XII—XIII вѣкахъ нѣсколько земель. На сѣверѣ — отъ Травны по морю къ Весмірю — были земли *Бытинъ*, *Деричево* или *Дарчово*, *Ключъ*, *Брежно* или земля *Брежанъ* (terra Brezen, terra Briezanorum); послѣдняя присоединена только въ 1167 г. къ ратиборской епархіи за уступленную звѣринской епархіи землю звѣринскую. Средину епархіи занимали земли *Бойценебургъ*, *Ратиборъ*, *Хотѣбузъ* (Gadebusch) и *Виттенбургъ;* на юго-востокѣ между Лабой, Эльдой и Судой были земли вѣроятно древнихъ Смолинцевъ, *Vanige* (Vaninge), *Jabele*, *Dertsinge* [1]); на западѣ, за Делбѫдой до Бѣлины — земля *Заделбѫдье* (Sadelbandia). Въ означенныхъ здѣсь границахъ ратиборской епархіи господствовали, кромѣ самого епископа, графы ратиборскій, звѣринскій и данненбергскій; въ сѣверной же части—князь мекленбургскій; въ югозападномъ углу возникло позже (1227 г.) особое герцогство саксонско-лауэнбургское, къ которому присоединены и графство ратиборское и Заделбѫдье. Очеркъ германизаціи этихъ странъ мы ограничимъ предѣлами ратиборской епархіи, включая въ него не только собственно землю Полабянъ, а также земли западныхъ Бодричей (позже мекленбургскія), дарчовскую, ключскую, брежанскую, и хотѣбузскую; наконецъ и графство звѣринское—землю Бодричей, которая принадлежала первоначально къ ратиборской епархіи, и не осталась подъ владычествомъ Никлотовичей, а отошла—подобно Вагріи и Полабіи—подъ прямое владычество нѣмецкихъ господъ [2]).

Нѣмецкая колонизація, особенно изъ Вестфаліи и другихъ странъ Саксоніи, въ землю Полабянъ и западныхъ Бодричей началась сейчасъ послѣ ихъ покоренія, и — стараніемъ епископовъ и графовъ ратиборскихъ (Генриха и Бернарда) и звѣринскихъ—продолжалась черезъ всю вторую половину XII вѣка [3]). Эти саксонѣмецкіе пришельцы наполняли всѣ слои общества.

---

[1]) Срв. чеш. и поль. Vanice, Vanov, Waniewo, Jabłonna, малорусск. Деречанка.

[2]) Графство звѣринское состояло изъ земель звѣринской и желѣзенской (Zelesen, Silazne, Silasen etc., на восточномъ берегу озера звѣринскаго). Позже присоединены къ нему и земли Бойценбургъ и Броница. Подробно объ этихъ разныхъ земляхъ см. Wigger: Meklenburg. annalen, и карту во II т. сборника Schirrmacher: Beiträge zur geschichte Meklenburgs (Rostock 1875).

[3]) In terra Polaborum multiplicatae sunt ecclesiae instantia domini Evermodi episcopi et Henrici comitis de Racisburg... Henricus comes adduxit multitudinem populorum de Westfalia, ut incolerent terram Polaborum, et divisit eis terram in funiculo distributionis. (Helmoldi Chron. I. 83, 91). Bernardus dux (послѣ

Шляхта—землевладѣльцы во владѣніяхъ епископа и графовъ ратиборскихъ, данненбергскаго и звѣринскаго, были, какъ и въ остальныхъ странахъ балтійско-полабскихъ, по большей части васалы—нѣмецкіе дворяне, особенно саксонскіе. Многіе изъ нихъ получивъ помѣстья въ славянской землѣ, приняли по нимъ и названія. Такъ напр. въ самомъ концѣ XII вѣка упоминается нѣсколько васаловъ епископа ратиборскаго изъ земель ратиборской, виттенбургской и хотѣбузской: Bernardus de Mulsan, Otto Albus, Wilhelmus de Zageran, Wernerus de Marsowe, и др.; названія Молчаны, Загоряны, Маршово и пр.—это названія селъ въ ратиборской епархіи. Тоже самое встрѣчается и у васаловъ графа звѣринскаго, называвшихся напр. de Ekesen, Gronove, Belove, Koval, Dargenov и пр., т. е. по своимъ селамъ Кцыни, Гронову, Бѣлову, Ковалямъ, Даргенову и пр. Оставшіеся полабско-славянскіе шляхтичи сдѣлались васалами новыхъ своихъ господъ, и принявъ христіанскія имена и, по примѣру нѣмецкихъ васаловъ—новыя названія по своимъ имѣніямъ, скоро исчезли въ массѣ нѣмецкихъ дворянъ. По этой причинѣ нельзя уже различить шляхты нѣмецкаго и славянскаго происхожденія; одно только имя можетъ еще свидѣтельствовать о славянскомъ происхожденіи. Такъ напр. рыцарь епископа ратиборскаго *Дарюмыслъ изъ Клодржбъ* (miles Dargomoyzle de Clodram, 1190—95)—несомнѣнно славянскій шляхтичъ назвавшійся по селу Клодржбамъ у Виттенбурга; можетъ быть, что и часто упоминаемый (1230—1239) васалъ епископа *Вартушъ* (Вартиславъ) былъ шляхтичъ. Около графовъ данненбергскихъ упоминаются во второй половинѣ XIII вѣка (1252 — 1285 гг.) рыцари Германнъ и Генрихъ *Дарюславы* (Dargezlawus, Dargheslawe), кнапъ Бернардъ Даргославъ (1289); позже, въ XIV вѣкѣ, Даргославъ Черный, владѣлецъ села Бекентина, кнапы Бернардъ и Конрадъ Даргославы (B. et C. Dargeslaw, 1333), и пр. Эти Даргославы или Даргаши имѣли помѣстья около монастыря эльденскаго (на Эльдѣ) еще въ половинѣ XIV вѣка. Изъ полабско-бодричскихъ странъ этотъ родъ распространился и за Лабу въ залабское графство данненбергское,—гдѣ существовалъ еще въ концѣ XIV вѣка,—и на востокъ въ земли старгардскую, розтоцкую и верельскую.

1166 г.) strenue se gerebat et Sclavorum impetus non sine magna difficultate saepius sustinebat; ipse tamen ejectis Sclavis in die in diem in terra proficiebat. (Arnoldi Chron. V. 7).

О Славянахъ въ рядахъ ратиборскаго *духовенства* ничего не знаемъ; оно было исключительно нѣмецкое. Равнымъ образомъ Нѣмцами наполнялись монастыри и дома рыцарскихъ орденовъ, напр. женскіе монастыри, бенедикт. въ Ренѣ, цистерц. въ Эльденѣ и Чарнѣтинѣ, основанные въ первой половинѣ XIII вѣка, дома Іоаннитовъ въ Кцыни (Eixin) и въ Кракахъ, и пр.

Тоже самое надо сказать и о новыхъ *нѣмецкихъ городахъ*. Древнеславянскій Звѣринъ пожалованъ уже въ 1160 г. городскимъ правомъ нѣмецкимъ; первые по именамъ извѣстные мѣщане XII вѣка носятъ нѣмецкія названія (Walwanus, Reingerus, Willelmus, Weszelinue, Ruszelinus), и такъ было и въ послѣдующихъ вѣкахъ; только въ 1318 г. одинъ мѣщанинъ звѣринскій называется Славянинъ (Hermannus Sclavus). Въ половинѣ XIII вѣка возникли города и мѣстечки Грабовъ, Нейштадтъ (Nova Civitas Gleve, Chlewa), Бойценбургъ, Домелицъ (Dömitz) и др. Мѣщане призваны въ города изъ разныхъ странъ (a remotis partibus et mundi climatibus, какъ говорится въ жалованной грамотѣ грабовской). О Славянахъ въ городахъ графствъ ратиборскаго, звѣринскаго и данненбергскаго не знаемъ ничего; только хызъ (kietz) въ Нейштадтѣ (1576 г.) указываетъ на бывшее славянское населеніе.

Нѣмцы наполняли и ряды сельскаго народонаселенія, и наплывъ этихъ колонистовъ въ бывшее княженіе Прибислава, въ земли вагорскую и полабскую, былъ такъ значителенъ, что уже ок. 1170 г. современники считаютъ землю отъ границъ Даніи между моремъ балтійскимъ и Лабой до Звѣрина — землей нѣмецкой. „Вся земля Славянъ,“ пишетъ житель Вагріи, Гельмольдъ, „которая простирается отъ рѣки Эгдоры на границѣ Даніи между моремъ балтійскимъ и Лабой по далекимъ странамъ до самаго Звѣрина, прежде страшная разбоями и почти пустая, вся обратилась теперь съ помощью божіей будто въ одну колонію Саксовъ; въ ней строятся города и мѣстечки, умножаются церкви и увеличивается число слугъ Христовыхъ.“ Кромѣ „божіей помощи,“ обезпечилъ обширную колонію нѣмецкую противъ „разбоевъ“ Славянъ, и графъ звѣринскій Гунцелинъ, дѣйствуя очень радикальными мѣрами. „Такъ какъ славянскіе разбойники безпокоили Нѣмцевъ, проживающихъ въ Звѣринѣ и въ окрестностяхъ, то храбрый графъ Гунцелинъ приказалъ своимъ, чтобъ они всѣхъ Славянъ, которыхъ бы застигли бродящими безъ видимой надобности въ пустыхъ захолустьяхъ, ловили и сейчасъ вѣшали. Такимъ образомъ прекратились совсѣмъ

воровства и разбои Славянъ“ [1]). Колонизація земли Полабянъ и западныхъ Бодричей Саксами оказывается однако не такой громадной, какъ ее рисуетъ современный лѣтописецъ; другія современныя извѣстія показываютъ, что значительные остатки Славянъ сохранились въ Полабьѣ еще до первой половины XIII вѣка.

Между подвластными епископу ратиборскому (равнымъ образомъ и старгардскому и звѣринскому) Славянами и Нѣмцами образовалась съ самаго начала нѣмецкой колонизаціи та разница, что Нѣмцы платили епископу обыкновенную тогда въ западоевропейскихъ земляхъ десятину, а Славяне особую подать, *бископницу* или *бископовницу*, т. е. съ рала три или два корца хлѣба, извѣстное количество льну и денегъ. Эта бископовница называлась прямо подать славянская, право славянское (census Sclavorum, jus sclavicum). Кромѣ бископовницы въ ратиборской епархіи была и другая подать, *куново*, очевидно, славянскаго происхожденія, но неизвѣстно, въ чемъ именно она состояла [2]). Но эту бископовницу считали нѣмецкіе господа, герцогъ и епископъ, только временнымъ доходомъ, разсчитывая на то, что Славяне скоро уступятъ нѣмецкимъ колонистамъ. Уже герцогъ Генрихъ Левъ, учреждая ратиборскую епископію, заявляетъ надежду, что со временемъ, послѣ вытѣсненія Славянъ, вся земля полабская будетъ платить епископу десятину (postquam autem Sclavis ejectis terra decimalis facta fuerit, decima tota vacabit episcopo). Такую же мысль выражаетъ и епископъ ратиборскій, отдавая десятины въ землѣ ванинской (между Валеровой, Лабой и Эльдой) графу данненбергскому. „Пока въ той землѣ живутъ Славяне,“ говоритъ онъ, „то епископъ будетъ здѣсь всецѣло пользоваться надъ всѣми Славянами своимъ славянскимъ правомъ;

---

[1]) Этими циническими словами кончаетъ Гельмольдъ свою хронику славянскую (II. 14).

[2]) Census Sclavorum—de unco tres mensurae-kuriz-siliginis, solidus unus, toppus lini unus (pullus unus). (Ратиборскія грамоты 1158—1174 гг.). Redditus episcopales de Sclavis-de aratro tres modios-curitce-siliginis et 12 nummos (Helmoldi Chron. I. 87). Слово *бископовница* встрѣчается только въ звѣринской епархіи. *Куново* встрѣчается только въ одной грамотѣ ратиборскаго епископа Филиппа 1208 года (quatuor mansi cum omni jure, censu, scilicet decima et *chunowe*, in villa Bentin in territorio Wittenburch). Указываемъ на русскую куницу, и на плату Славянокъ за разводъ «versne penninge» (färsepfennig) въ магдебургской епархіи (Sachsenspiegel III. 73, § 3).

но когда въ ту землю войдутъ нѣм. колонисты, то графъ получитъ десятину (quamdiu Sclavi illam terram incolerent, episcopus integraliter super omnes Sclavos suo sclavico jure gauderet; cum autem in eandem terram Theutonici coloni intrarent et decimam darent, comes beneficio suo gauderet et decimam perciperet). Относительно другой земли, ябельской, между Судой и Валеровой, графъ обязался, что въ теченіи десяти лѣтъ введетъ тамъ десятины, и половину будетъ держать онъ въ ленномъ владѣніи, половина же останется епископу. Однако нѣмецкая колонизація не удавалась въ тѣхъ странахъ; и именно въ этомъ углу Полабіи славянское населеніе сохранилось въ позднѣйшія времена, какъ это ниже увидимъ. Тоже самое, что̀ въ земляхъ графа данненбергскаго, случилось вѣроятно и въ звѣринскомъ графствѣ; такъ на пр. въ землѣ желѣзенской уже въ концѣ XII вѣка (1191 г.) епископъ звѣринскій владѣлъ половиной десятинъ.

Нѣмецкая колонизація полабско-бодричскихъ земель происходила извѣстнымъ образомъ. По нѣмецкому праву основывались либо новыя селенія, либо преобразовывались уже существовавшія; селенія были или обыкновенныя села (villae, dörfer), или такъ назыв. гагены (indagines, hagen, отъ hägen, hegen—обвести заборомъ), послѣдніе основываемые обыкновенно въ расчищенной лѣсной почвѣ. Въ селахъ общеупотребительной полевой мѣрой была — обыкновенная гуфа (mansus, houe, hufe, позже landhufe, по 30 морговъ-jugera), въ гагенахъ — такъ назыв. гагергуфа (mansus indaginis, m. indaginarius, hagerhufe, по 60 морговъ); старосты селъ назывались шульцы (magister villae, m. civium, villicus, также scultetus, schulze, bauermeister), старосты гагеновъ-гагемейстеры (magister indaginis, hagemeister). Такими сельскими старостами-судьями дѣлались основатели-колонизаторы новыхъ селеній; землевладѣльцы поручали имъ основать или преобразовать село по нѣмецкому праву и заселить его поселянами на извѣстныхъ условіяхъ; за то они пользовались извѣстными выгодами, именно пріобрѣтали званіе шульца въ потомственное право, получали въ ленъ свободныя отъ податей гуфы (mansi liberi, settenke, besettinge—т. е. besetzung, mansi ad jus quod settenke vocatur), и, какъ предсѣдатели сельскаго суда (ding), часть судебныхъ штрафовъ. Крестьяне — наслѣдственные арендаторы, платили, натурой и деньгами, господамъ — оброкъ (pactus, census), государю—подать (precaria, bede), церкви—деся-

тину, отдаваемую впрочемъ обыкновенно въ ленъ государю, землевладѣльцамъ, даже шульцамъ [1]).

Что касается кореннаго славянскаго населенія, то его участь была разнообразна. Иногда славянскія села, наравнѣ съ нѣмецкими, пріобрѣтали нѣмецкое право. Такъ на пр. въ 1220 г. звѣринскій графъ велѣлъ заявить публично на торговой площади звѣринской, что онъ, по просьбѣ своей жены, пожаловалъ нѣмецкое право Славянамъ, которые тогда жили и впредъ будутъ жить въ подаренномъ графинѣ селѣ Брушевичахъ (dedi Slavis villam Bruzevizdhorp inhabitantibus et postmodum inhabitare volentibus jus teutonicale). Дальше постановлено, что, если какой-нибудь Славянинъ уйдетъ изъ села, то онъ долженъ заплатить извѣстный штрафъ, какъ этого требуетъ нѣмецкое право (ut si aliquis Slavorum villam inhabitancium delinqueret vel quocunque modo excederet, secundum quod exigerent jura teuthonicalia, cogeretur emendare). Извѣстное количество гуфъ получили, по феодальному праву, три живущихъ въ селѣ брата, Витъ, Бахоръ и Даргуй, и Генрихъ сынъ Вита,— стало быть какъ шульцы; они должны были наблюдать за тѣмъ, чтобъ Славяне этого села точно исполняли свои обязанности относительно своихъ имѣній (ut ipsius villae Slavi de bonis suis jure tali eis dato diligencius respondeant). Какъ долго сохранилось здѣсь славянское населеніе—не извѣстно; но память о немъ сохранилась до второй XIV вѣка въ названіи села „славянскаго“ (slavica Brusevitze, 1357 г.). Правда, приведенный здѣсь примѣръ пожалованья нѣмецкаго права славянскому селу, единственный намъ извѣстный; но то, что случилось въ Брушевичахъ, могло случиться и въ другихъ селахъ славянскихъ; и въ нихъ вводились порядки нѣмецкаго права, шульцы, гуфы, десятины и пр.

Еще въ первой половинѣ XIII вѣка, въ числѣ лицъ владѣвшихъ ленами въ селахъ, встрѣчаемъ лица съ славянскими именами, на пр. Вартуша (Вартислава), владѣвшаго свободными гуфами во многихъ селахъ ратиборскаго епископа, Болька (Boleko, Boleke, Болеслава), Ратиміра и др.; это конечно не Нѣмцы, а Славяне. На славянскихъ колонизаторовъ-основателей селъ указываютъ тоже названія селъ, очевидно уже новыхъ, основанныхъ во время

---

[1]) Эту колонизацію подробно разсмотрѣлъ Ernst: Die colonisation Meklenburgs im XII u. XIII jhdt. (Schirrmacher: Beiträge zur geschichte Meklenburgs, Rostock 1875, II. bd.).

происходящей нѣмецкой колонизаціи; подлѣ селъ, называемыхъ на пр. villa Conradi, v. Walteri, v. Reinwardi, v. Hoykc (владѣвшій въ селѣ одной гуфой) и пр. — встрѣчаются села, называемыя по Вартушу (villa Wartus, который здѣсь владѣлъ двумя гуфами), Завишѣ (Zauiztorp), Славку (Slaukestorp), Ратишу (Ratistorp), Войтину (Woytentorp), Чарнику (Tsarnekestorp), Мирославу (villa Merzlai), Радостѣ (Radestontorpe), и пр. Эти названія означаютъ не только владѣльцевъ селъ, но также основателей-шульцовъ. Иногда Славяне оставались въ своемъ по нѣмецки устраиваемомъ селѣ, и продолжали въ немъ жить вмѣстѣ съ новыми нѣмецкими пришельцами, пользуясь—по всей вѣроятности—тоже новымъ правомъ нѣмецкимъ. Такъ на пр. еще во второй половинѣ XIII вѣка въ селѣ Лосичахъ жили „Славяне и крестьяне“ (Slavi et cives), послѣдніе конечно Нѣмцы; тѣ и другіе должны были тогда удалиться. Отдѣльные Славяне встрѣчаются — до самаго начала XIV вѣка — въ разныхъ селахъ старинныхъ земель полабско-бодричскихъ, на пр. въ Ястровицѣ, Гонкирхенѣ, Козловѣ, Гоголевѣ, Накунсторпѣ, Свишовѣ, на островѣ Полѣ и пр. Эти вмѣстѣ съ Нѣмцами жившіе Славяне, принявъ нѣмецкіе порядки, со временемъ онѣмечились. Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Славяне не исключались изъ новой колонизаціи, а что они иногда тоже въ ней участвовали.

Славянъ встрѣчаемъ еще въ первой половинѣ XIII вѣка во многихъ новыхъ селахъ, основанныхъ уже во время нѣмецкой колонизаціи; такъ на пр. въ селахъ называемыхъ Elisabet, Sciphorst, villa Walteri, v. Conradi, Vulnustorp и др., жили тогда славянскіе крестьяне, стало быть, славянскіе колонисты, поселившіеся въ новыхъ селеніяхъ, основанныхъ Вальтеромъ, Конрадомъ и пр. Въ такихъ славянскихъ селахъ не было нѣмецкихъ порядковъ, и отсутствіе леновъ—обыкновенный признакъ такихъ селъ (Sclavi sunt, nullum beneficium est); въ нихъ, слѣдовательно не было и наслѣдственныхъ шульцовъ, не было гуфъ, а старинныя рала; въ нихъ епископъ не собиралъ десятины, а славянскую бископовницу. Послѣдніе слѣды этого „славянскаго права“ въ селахъ—исчезаютъ въ земляхъ восточно-бодричскихъ (мекленбургскихъ) въ началѣ XIV вѣка. Кромѣ такихъ славянскихъ селъ были еще другія „славянскія“ села, которыя возникли вслѣдствіе раздѣленія села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую. Нѣмецкіе колонисты заняли существовавшее уже село и часть полей; Славяне же, удалившись изъ него, осно-

вали вблизи новое село, за которымъ осталось и старинное названіе, но съ прозвищемъ „славянское“ или „малое,“ въ отличіе отъ занятаго Нѣмцами „нѣмецкаго“ или „большаго.“ Но не во всѣхъ такихъ „славянскихъ“ селахъ сохранилось славянское устройство. Во многихъ уже въ теченіи первой половины XIII вѣка встрѣчаются гуфы, свободныя гуфы (besettinge), шульцы, десятины, отдаваемыя въ лены, — слѣдовательно нѣмецкіе порядки. По этому можно предполагать, что и такія „славянскія“ села успѣли уже занять нѣмецкіе колонисты; обитавшіе въ нихъ Славяне или удалились или онѣмечились.

Удаленіе Славянъ изъ селеній производилось *экспропріаціей* за извѣстное вознагражденіе. О такой экспропріаціи прямо говорится въ землѣ дерчинской, между Лабой и Валеровой, въ которой еще въ первой половинѣ XIII вѣка жили Славяне, платившіе епископу ратиборскому бископовницу (in terra Dirtzinke Sclavi sunt, ubi episcopus suo sclavico jure gaudebit). Когда въ началѣ второй половины того вѣка (1258 г.) нѣкоторыя земли на нижней Лабѣ, именно болотистыя мѣста около Блекеде, Тельтова и въ Дерчинкѣ, раздѣлились между герцогами саксонскимъ и брауншвейгскимъ, то оба герцога имѣли въ виду новую колонизацію этихъ странъ (ad colendum et in agros redigendum locabunt cultoribus); оба обязались позаботиться о томъ, чтобъ тамошніе землевладѣльцы были удалены, получивъ взамѣнъ либо другія имѣнія либо извѣстное вознагражденіе. Такъ было именно въ Дерчинкѣ (ut illi, qui bona habent super Dertsingen, amoveantur vel aliorum bonorum restauro vel precio). Но этотъ планъ не сейчасъ осуществился; еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1261 г.) говорится только о предстоящей колонизаціи дерчинской земли (terra D. cum primum possessa fuerit et excoli inceperit). Въ началѣ XIV вѣка, нѣмецкій языкъ въ этой землѣ былъ уже общеупотребительнымъ [1]). Такая же экспропріація случилась и въ селѣ Славянскомъ Богачьѣ (Slavicum Pogatse, срв. чеш. Bohatice) у Ратиборя; въ 1250 г. продалъ это село Эвергардъ Браке вагорскому монастырю Рейнфельду, съ условіемъ, чтобъ монахи удалили Славянъ изъ Богачья мирно и дружно въ теченіи года съ полнымъ вознагражденіемъ (Slavos de Pogaz pacifice et

[1]) Въ 1306 г. были здѣсь villae Mansus Monachorum in vulgari Moneke Huve, Willekensdorp, Bonatze, и острова Overste Werder, Nederste Werder; все это принадлежало Генриху Рыбѣ.

amice amovere et ad dampna sive jura ipsorum plenarie respondere tenebuntur per curriculum anni). Село прозвано Holstendorp (такъ называется въ XV вѣкѣ), какъ видно, по новымъ колонистамъ Гользатамъ (изъ Гольштейна). Подобное этому случилось и въ селѣ Лосичахъ (у Гагенова въ землѣ виттенбургской), когда графъ звѣринскій Гельмольдъ продалъ его тому же самому монастырю Рейнфельду (1285 г.). Въ Лосичахъ было тогда еще смѣшанное населеніе, „Славяне и крестьяне (Slavi et cives),“ послѣдніе конечно Нѣмцы. Графъ обязывается, что онъ на всегда удалитъ всѣхъ Славянъ и другихъ крестьянъ этого села, такъ что они добровольно уйдутъ, и откажутся отъ всѣхъ правъ и отъ всей собственности въ томъ селѣ; въ случаѣ же, если потомъ кто-нибудь изъ нихъ станетъ безпокоить монастырь, то графъ послѣднему не откажетъ въ помощи (velimus et debeamus omnes Slavos et cives villam Losiz nunc inhabitantes, eliminare et sine omni spe reversionis hoc cum eis agere, ut voluntarie recedendo nihil juris aut proprietatis se habere in villa eadem publice recognoscant; et si forte, quod absit, quisquam eorum predictam ecclesiam propter hoc molestare voluerit in futurum, nos eis in hoc esse auxilio debeamus). Впослѣдствіи въ Лосичахъ Славяне уже не упоминаются. Экспропріація касается здѣсь одинаково Славянъ и Нѣмцевъ; какимъ именно образомъ она происходила, неизвѣстно. На экспропріацію Нѣмцевъ указываетъ одинъ примѣръ изъ второй половины XIII вѣка. Около Ратиборя въ землѣ бытинской упоминается въ половинѣ XII вѣка село Радомышль, первоначально, конечно, славянское. Со временемъ, неизвѣстно когда именно, это село сдѣлалось нѣмецкимъ. Уже ок. 1238 г. здѣсь были урочища, называемыя holenwege, halsbrok, и во второй половинѣ XIII вѣка тамошніе крестьяне носятъ нѣмецкія названія: Nyebur, Bonde Rolant, Blanke, Fubeterne, Lubbe. Тогда (1285 г.) радомышльскіе крестьяне, въ виду окончанія арендnаго срока пользованія землями, оставили, по распоряженію своихъ господъ, ратиборскаго капитула, добровольно свое село, получивъ вознагражденіе за свои дома и сады. Примѣръ насильственнаго *изгнанія* Славянъ изъ села встрѣчается въ восточно-бодричскихъ земляхъ.

Желаніе замѣнить славянскихъ крестьянъ нѣмецкими колонистами-продолжалось у нѣмецкихъ господъ все время. Для нѣмецкихъ господъ Полабіи и смежныхъ странъ удаленіе и исчезновеніе славянскихъ подданныхъ было дѣломъ уже рѣшеннымъ, со-

ставляло только вопросъ времени; а повсемѣстное распространеніе нѣмецкихъ колонистовъ было для нихъ верхомъ ихъ желаній и конечной цѣлью. Не смотря уже на національный антагонизмъ, это желаніе имѣло еще другія болѣе важныя причины, именно финансовыя; оброкъ и десятина давали больше доходовъ, чѣмъ подати Славянъ. Мы видѣли, что уже въ XII вѣкѣ герцогъ саксонскій и епископъ ратиборскій расчитываютъ на удаленіе Славянъ, и на замѣненіе ихъ нѣмецкими колонистами, первый во всей епархіи ратиборской, другой въ нѣкоторыхъ полабскихъ земляхъ. Но дѣйствительность не соотвѣтствовала желаніямъ; процесъ колонизаціи и германизаціи не подвигался такъ быстро, какъ желали его виновники. Еще ок. 1230 г. тѣже самыя земли полабскія между Лабой, Эльдой, Судой и Валеровой, въ которыя ратиборскій епископъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ желалъ ввести нѣмецкихъ колонистовъ и десятины, были по большей части засслены Славянами. Въ земляхъ ябельской и дерчинской все еще жили Славяне, а епископъ пользовался здѣсь своимъ „славянскимъ правомъ“ (suo sclavico jure), т. е. собиралъ извѣстную бископовницу; о ябельской землѣ выражается еще только надежда, что, когда она будетъ заселена Нѣмцами (cum inculta fuerit a Teutonicis), десятины будутъ принадлежать по-поламъ графу данненбергскому и епископу. Мы видѣли, что въ землѣ дерчинской еще во второй половинѣ XIII вѣка не были удалены старинные землевладѣльцы, стало-быть Славяне. Въ землѣ ванинской Славяне уже не приводятся, и такъ какъ графъ данненбергскій владѣлъ здѣсь всѣми десятинами, то жители этой земли были Нѣмцы или-же принявшіе нѣмецкіе порядки Славяне. Такое желаніе поселить, на сколько возможно, вездѣ нѣмецкихъ колонистовъ, встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ полабско-бодричскихъ. Такъ напр. село Мармочье въ землѣ брежанской (у Весміря) было ок. 1230 г. еще славянскимъ; но уже является надежда, что скоро Нѣмцы его займутъ и такимъ образомъ измѣнится и его устройство; Вартушъ получитъ двѣ гуфы какъ besettinge, и половина десятины достанется епископу. (Marmotse sclavica villa est; dum Teutonici intraverint, Wartus duos [mansos] habebit, praeter quos dimidia [decima] vacabit episcopo). Въ владѣніяхъ графа звѣринскаго село Суловъ (на югъ отъ Звѣрина) въ 1217 г., когда оно пожаловано Іоаннитамъ, было еще славянскимъ, но уже тогда имѣлось въ виду введеніе туда

нѣмецкихъ колонистовъ (praedestinaveramus Teuthonicis ibidem cultoribus a nobis constituendis).

Съ усиливающейся германизаціей и съ исчезновеніемъ славянскаго народонаселенія стали исчезать и измѣняться нѣкоторыя старинныя славянскія названія мѣстъ, и замѣняться нѣмецкими. Такъ на пр. село Валегощь съ конца XII вѣка называется уже Walegotesuelde, съ прибавленіемъ нѣмецкаго—feld, выше упомянутое село Брушевичи—Bruzevizdorp (1220), хотя еще въ XIV вѣкѣ (1357) извѣстна была и славянская форма (Slavica Brusevitze); Суловъ — Zilistorp (1269); село Лисково у Звѣрина уже во второй половинѣ XII вѣка (1171—1186) совсѣмъ перемѣнило свое названіе въ Alta Villa, Hontorp (Hohendorf), выше упомянутое село Славянское Богачье—въ Holstendorp, рѣчка Чарная у монастыря Чарнѧтина стала называться Tsarnestrom (1246), и пр. Разумѣется, что и уцѣлѣвшія старинныя названія славянскія подвергались съ теченіемъ времени разнымъ измѣненіямъ; такъ на пр. вмѣсто древнихъ формъ Chotebus (Godebus), Dusnik (Düsnik), Tsernentin,—въ которыхъ не трудно узнать славянскія Хотѣбузь, Душники, Чарнѧтинъ—являются позже Gadebusch, Dysnak, Zarrentin.

Съ нѣмецкимъ владычествомъ исчезали и разныя славянскія учрежденія, и замѣнялись нѣмецкими. Такъ на пр. исчезаютъ вездѣ въ полабскихъ и бодричско-мекленбургскихъ земляхъ рала (unci, haken), полевая мѣра извѣстная еще во второй половинѣ XII вѣка, а въ ябельской землѣ еще ок. 1230 года; вмѣсто рала (hakenhufe) входитъ въ употребленіе нѣмецкая гуфа (mansus, landhufe); единственнымъ остаткомъ стариннаго рала въ Мекленбургѣ — это до сихъ поръ извѣстное *haakisen* (hackeisen), т. е. малое поле засѣянное меньше чѣмъ однимъ корцомъ (scheffel). Десятины и гуфы, замѣняя бископовницу и рала, свидѣтельствуютъ, какъ уже сказано, о прогресѣ нѣмецкой колонизаціи или о постепенномъ отчужденіи Славянъ отъ старинныхъ порядковъ и нравовъ. Славянскія названія извѣстныхъ податей и повинностей, на пр. войводница, бископовница, куново, исчезаютъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка; вмѣсто нихъ являются нѣмецкія учрежденія, въ родѣ burgwerk, brukkenwerk, и пр.

Самое названіе племени *Полабянъ* осталось извѣстнымъ до конца XII вѣка. Его знаетъ еще лѣтописецъ Арнольдъ, приводя Полабянъ вмѣстѣ съ Ранами и Бодричами (Rani cum Polabis et Obotritis, a. 1198).

Въ заключеніе попробуемъ прослѣдить подробнѣе первоначальную колонизацію славянскую, послѣдующую за ней колонизацію нѣмецкую, и постепенное исчезновеніе славянскаго элемента въ землѣ Полабянъ и западныхъ Бодричей въ предѣлахъ ратиборской епархіи. Для этой цѣли воспользуемся преимущественно подробнымъ перечнемъ приходовъ и селъ епархіи (ок. 1230—1234 гг.). Изъ этого любопытнаго памятника видно, что большая часть селъ въ тѣхъ земляхъ была устроена уже по нѣмецки; въ нихъ были уже гуфы и свободныя ленныя гуфы (settenke); крестьяне платили десятину, которая отдавалась — обыкновенно половина, иногда и меньше — въ ленное владѣніе шляхтичамъ, духовнымъ и другимъ лицамъ. Часть селеній находилась тогда еще въ переходномъ состояніи; нѣкоторыя приводятся только по названіямъ, безъ леновъ и десятинъ, такъ что можно предполагать, что они не были еще измѣрены и устроены; въ другихъ селеніяхъ упоминаются десятины, а не лены; въ селеніяхъ, въ которыхъ жили еще Славяне, не было ни леновъ ни десятинъ (Sclavi sunt, nullum beneficium est).

Первоначальная *славянская колонизація* тѣхъ странъ выражается чисто славянской географической номенклатурой, въ такомъ родѣ, какъ мы ее сгруппировали въ началѣ нашего изслѣдованія. Что касается послѣдующей за тѣмъ *нѣмецкой колонизаціи*, — начавшейся въ полабскихъ и западободричскихъ странахъ съ половины XII вѣка,—то надо замѣтить, что нѣмецкіе колонисты заняли старинныя славянскія селенія (съ славянскими названіями) и новыя съ нѣмецкими названіями (обыкновенно съ окончаніемъ—dorp). Вмѣстѣ съ этой происходившей колонизаціей нѣмецкой происходила отчасти и новая колонизація славянская: Славяне стали заселять вновь построенныя селенія, или переселялись въ особыя селенія, означаемыя прозвищемъ „славянскія;“ эти селенія часто носятъ уже нѣмецкія названія, и ихъ, хотя занятыхъ Славянами, нельзя уже причислить къ первоначальной славянской колонизаціи, равнымъ образомъ какъ и селеній съ названіями въ родѣ выше упомянутыхъ Slaukestorp, Ratistorp, Zauiztorp, villa Merzlai и пр., основанныхъ уже во время нѣмецкаго владычества.

Раньше всѣхъ онѣмечилась земля *заделбѣдская*. Уже въ началѣ второй половины XII в. (1162), у впаденія Бѣлины въ Лабу, существовало нѣсколько селъ съ нѣмецкими названіями, съ обыкновенными окончаніями — flet, — mutle, — torp. Ок. 1230 г. въ Заделбѣдьѣ было 22 села съ названіями славянскими, а 35 съ

нѣмецкими; но только 8 селъ называются „славянскими“ (sclavicae villae: Lelecowe, Wancelowe, Grabowe, Grove, Sclavicum Pampowe, Putrowe, Elmhorst, Cemerstorp), въ которыхъ однако вездѣ встрѣчаются гуфы (mansi). Нѣкоторыя изъ этихъ „славянскихъ“ селъ основаны уже въ нѣмецкій періодъ (Elmhorst, Cemerstorp, Scl. Pampowe), равнымъ образомъ какъ и село Wenthorp, упоминаемое еще въ началѣ XIII в. (1217 г.). Дальше Славянъ въ Заделбѧдьѣ не встрѣчаемъ. Славянскому вліянію надо вѣроятно приписать, что въ той землѣ еще ок. 1230 г. не платились десятины, а извѣстное количество хлѣба, стало быть, родъ бископовницы (in Sadelbandia de quadam pessima consuetudine 4 tantum modii siliginis pro decima dantur episcopo de quolibet manso).

Въ *бойценбургской землѣ* было въ 1230 году около 9 селеній съ славянск. назв., около 7 съ нѣмецкими. Славяне уже не упоминаются нигдѣ.

Въ *бытинской землѣ* встрѣчаемъ уже въ половинѣ XII вѣка (1158 г.) села Bunistorp и Manhage, съ прибавленіемъ, что это мѣсто называется такъ на общеупотребительномъ языкѣ (locus qui vulgo M. dicitur). Въ концѣ этого вѣка (1194 г.) въ той землѣ приводится 7 селеній съ назв. слав., 5 съ нѣм.; всѣ они платили десятину. Въ числѣ первыхъ было село Щитно (Citene), тогда только одно этого имени; но уже въ первой половинѣ XIII вѣка оно раздѣлилось на два села, Щитно или Щитно большое, стало быть нѣмецкое, и Щитно малое, славянское (Citene majus et minus 1236, Cythene majus et slavicale 1294 — 1295, Cithne slavicalis 1337, и проч. [1]).

Въ *ратиборской землѣ* до конца XII вѣка извѣстно уже 18 селъ съ нѣмецкими названіями (20 слав.). По подробному же перечню селеній около 1230 г., первоначальная славянская колонизація этой земли, выражается 70-ю селами, нѣмецкая же (и происходящая рядомъ съ ней славянская) числомъ 40. „Славянскихъ“ селъ (подлѣ „нѣмецкихъ“ того же самого названія) было тогда въ ратиборской землѣ 11: Карлово, Турово, Чахоры, Загоряны, Жаровъ, Паркетинъ, Богачье, Sethorp, Sirikesvelde; къ нимъ надо при-

[1]) Въ названіяхъ земель бытинской (terra Butin, Boytin еще въ 1288 г., потомъ vogtei Schönberg) и бойценбургской (Boyceneburg, Boizineburg, теперь Boizenburg, вѣроятно городъ Бытень, Бытинь) и рѣки Быцы (Boize), сохранилось названіе стариннаго племени Бытиничей (Bethenici). Срз. польск. Bytyń.

числить и Minus Belenthorp и Minus Mankere. Всѣ они платили уже десятину, отданную епископомъ въ ленное владѣніе: такъ напр., половиной десятины владѣли въ Славянскомъ Карловѣ — Godescalcus, въ Сл. Туровѣ—Otto Albus, въ Сл. Чахорахъ—Walter de Paniz, въ Сл. Жаровѣ—Ekkehardus, и пр. Только въ четырехъ селахъ прямо приводятся Славяне, именно въ селахъ: Елисавета (villa Elisabet tota sclavica est), Славянскомъ Паркетинѣ, Слав. Богачьѣ и въ селѣ Sciphorst, съ прибавленіемъ, что здѣсь нѣтъ леновъ (Sclavi sunt, nullum beneficium est). Прозвище „славянское" носятъ нѣкоторыя села еще въ XIV вѣкѣ, напр. Сл. Сирикесфельде (1291), Чахоры и Радестонторпе (1335).

Въ *виттенбургской землѣ* извѣстно до конца XII вѣка пять селъ съ нѣмецкими названіями (подлѣ 21 слав.). Въ этой землѣ основано мало новыхъ нѣмецкихъ селъ; ок. 1230 г. первоначальная славянская колонизація выражается 73-мя, а нѣмецкая только 17-ю. Славяне однако упоминаются только въ четырехъ селахъ съ извѣстнымъ прибавленіемъ, что здѣсь леновъ нѣтъ (Vis, Gorezlawe, Scarbenowe, Cetsin); село Slavicum Nienthorp уже платило десятину. Впослѣдствіи, около монастыря Чарнѣтина упоминаются еще „славянскія" села Вокендорпъ (villa slavica Wokendorpe 1253, позже уже безъ прозванія „славянское"), и Велчинъ (Weltcin slavicalis, Wendesche Weltcin 1284—1345). Въ послѣднемъ селѣ встрѣчаются въ 1284 г. гуфы, стало быть, нѣмецкое устройство.

Въ *хотѣбузской землѣ* было около 1230 г. селъ съ слав. назв. 35, съ нѣм.—21. Прямо Славяне нигдѣ не приводятся; а только пять селъ носятъ прозвище славянскихъ—sclavicum (Nesowe, Brutsekowe, Hinrienberge, Knesen, Sadewalz); къ нимъ надо вѣроятно причислить и „новое село" у Турборовъ (nova villa prope Turbore). Жили-ли въ тѣхъ селахъ еще Славяне, не знаемъ; большинство этихъ селъ приводится въ спискѣ только по именамъ, безъ всякихъ данныхъ; а только въ Сл. Нешовѣ и Sadewalz была уже введена десятина; остальныя три „славянскія" села не были, кажется, устроены. Славянское село Нешово (подлѣ нѣмецкаго) упоминается ок. 1300 г., и позже (1326 г.) Сл. Росеница или Рожница.

Дерчевская (дарчовская) *земля*, при впаденіи Травны въ балтійское море, была во время славянскаго владычества очень мало населена. Около 1230 г. было здѣсь всего только 4 села съ слав. названіями, а 21 съ назв. нѣмецкими, преимущественно съ окон-

чаніями—hagen,—dorp (село Bischopestorp существовало уже въ половинѣ XII вѣка); села назывались по основателямъ, Нѣмцамъ (Танкмару, Рейнварду, Вильгельму и пр.). Славяне упоминаются только въ трехъ селеніяхъ (безъ леновъ), въ Вотеничахъ, Славянскомъ Erkense, и въ основанномъ у самаго села Рейнварда славянскомъ селѣ (sclavica villa in agris villae Reinwardi).

Ключская земля была покрыта лѣсомъ, и по этой причинѣ она еще въ первой половинѣ XIII вѣка называется просто ключскимъ лѣсомъ (silva Clutze, nemus Clutse). Нѣмецкіе колонисты здѣсь, равнымъ образомъ какъ и въ сосѣдней дарчовской землѣ, заняли незаселенныя земли, и должны были расчищать лѣсъ. Это продолжалось въ теченіи первой половины XIII вѣка, и еще въ 1222 г. епископъ имѣлъ въ виду введеніе десятинъ въ ключскомъ лѣсу, когда онъ будетъ заселенъ (postquam culta fuerit). По этой причинѣ ок. 1230 г. въ ключской землѣ было только 7 селъ съ слав. названіями, а селъ съ нѣмецкими названіями встрѣчается 20. Славяне здѣсь прямо не упоминаются тогда нигдѣ. Въ ключской землѣ былъ и лѣсъ Тарновица, въ которомъ ок. 1222 г. имѣлось въ виду основаніе нѣсколькихъ церквей (ecclesiae fundandae in silva Tarneuiz). Не знаемъ ближе колонизаціи этого лѣса; знаемъ только, что тамошнее село Тарновица раздѣлилось на два, Т. или Т. большую—нѣмецкую, и Т. славянскую. „Славянскимъ“ называется село до XVI вѣка (Tarnevitze Slavica, Wendeske, Wendesche), а позже утрачиваетъ этотъ эпитетъ.

Въ *брежанской землѣ* ок. 1230 г. было 32 села съ слав. назв., 36—съ нѣмецкими. Славяне упоминаются только въ 11-ти селахъ: Marmotse, Sclavicum Crankowe, Clitse, Zscarbuz, Lutteken (т. е. малое) Warnowe, villa Walteri, villa Mauricii, villa Hermanni, villa Conradi, villa Gozwini, Vulnustorp. Половина этихъ селъ, какъ видно, была уже новѣйшаго происхожденія; они основаны Вальтеромъ, Конрадомъ, Мавpикіемъ и пр. Что касается перваго славянскаго села, Мармочья, то, какъ выше сказано, уже тогда имѣлась въ виду его колонизація Нѣмцами. Кромѣ обоихъ, еще Славянами занятыхъ селъ, Славянскаго Крѧкова (срв. польск. Krąków) и Малаго Варнова, къ славянскимъ селамъ надо причислить и села Parvum Walmanstorp (въ немъ десятины и лены), и одно изъ четырехъ селъ называемыхъ Щитно, которое приводится только по имени, безъ всякихъ данныхъ.

Въ послѣднихъ трехъ земляхъ (мекленбургскихъ) были ок. 1222 г.

уже вездѣ гуфы, свободныя гуфы, лены, десятины; кромѣ существовавшихъ селъ имѣлось въ виду основаніе новыхъ (villae fundatae et adhuc fundandae).

Въ полабскихъ земляхъ *дерчинской* и *ябельской* жили тогда— какъ уже выше сказано — вездѣ Славяне, и епископъ пользовался здѣсь своимъ „славянскимъ правомъ", т. е. собиралъ бископовницу.

Составимъ здѣсь во-первыхъ, число всѣхъ селеній ок. 1230 г. (считая селенія съ прозвищами „нѣмецкое" и „славянское" за одно), и во-вторыхъ, число селеній съ названіями славянскими и нѣмецкими. О селеніяхъ земель бытинской, дерчинской, ябельской, ванинской и звѣринской подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Terrae:	Число всѣхъ селеній:	Селенія съ названіями славянскими:	Селенія съ названіями нѣмецкими:
Sadelbandia	57	22	35
Boyceneburch [1])	16	9	7
Raceburch	111	70	41
Wittenburch.	90	73	17
Godebuz	56	35	21
Dartsowe.	25	4	21
Brezen	68	32	36
Clutse	27	7	20
Всего.	450	252	198

Изъ этого видно хотя приблизительно, что первоначальная *славянская* колонизація земель полабскихъ и западныхъ бодричскихъ выражается *бо́льшей половиной* селеній; послѣдующая за тѣмъ новая колонизація страны, уже во время нѣмецкаго владычества, выражается *меньшей половиной*.

Половину XIII вѣка можно вообще считать гранью почти окончательной германизаціи страны Полабянъ и западныхъ Бодричей. Впослѣдствіи Славяне упоминаются здѣсь очень рѣдко.

IX.

Бодричи и западные Лютичи. (Мекленбургъ) [2]).

На востокъ отъ Вагровъ и Полабянъ жили собственно такъ называемые *Бодричи (Оботриты)*, между Степницей и Радигостемъ,

[1]) Приведенныя здѣсь числа неполны, по поводу пробѣловъ въ рукописи.
[2]) Источники см. въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Варнавой, звѣринскимъ озеромъ и моремъ балтійскимъ, около городовъ Мекленбурга, Звѣрина, Кутина, Добина, Илова, и др. [1]). Съ Бодричами рано соединились восточные ихъ сосѣди *Варны*— по рѣкѣ Варнавѣ—около Верлья, Пархимя, Плавъ и др. Со временъ Никлота примкнули къ Бодричамъ и лютичскіе *Хижане* или *Кишане*, между Варнавой и Рекницей, *Чрезпѣняне* между Рекницей и Пѣной, и мелкія племена около озера морицкаго и города Малахова.

Въ такихъ границахъ заключалось княженіе Никлота, когда оно — по смерти этого князя — завоевано герцогомъ Генрихомъ Львомъ (1160). Покорившимся Никлотовичамъ возвращены только восточныя, лютичскія земли—какъ лены герцога, Вартиславу земля Хижанъ съ городомъ Верльемъ, Прибиславу земля Чрезпѣнянъ. Остальныя земли раздѣлены между васалами герцога: Звѣринъ и Иловъ достались Гунцелину изъ Гагена, Кутинъ—Лудольфу фогту изъ Брауншвейга, Малаховъ—Лудольфу изъ Паины, Мекленбургъ—Генриху изъ Скатена. Эти новые господа бодричско-лютичскихъ странъ призвали сюда нѣмецкихъ колонистовъ, особенно Саксовъ, отчасти и Нидерландцевъ—Фландровъ [2]). Для этихъ вновь пріобрѣтенныхъ земель учреждена новая *епископія*, съ начала въ Мекленбургѣ (уже 1154 г.), позже въ Звѣринѣ (1160).

Напрасно пытались Никлотовичи освободить свою отчину отъ нѣмецкаго владычества. Вартиславъ поплатился за это плѣномъ и потерей своей земли, которая отдана его дядѣ Любиміру; Прибиславъ продолжалъ военныя дѣйствія, и завоевалъ опять Иловъ, Мекленбургъ, Кутинъ, Малаховъ; тамошніе Нѣмцы или перебиты или ушли. Трогательны слова, которыя сказалъ Прибиславъ Нѣмцамъ мекленбургскимъ: „Сдѣлано мнѣ и народу моему большое на-

[1]) Славянское названіе *Мекленбурга* (Magnopolis, Megalopolis) неизвѣстно; можетъ быть *Велегардъ* (велій, великій городъ). Съ назв. Cuscin (Кутинъ) срв. польск. Kuciny, Kuczyń, Kuszyń.

[2]) In terram Sclavorum confluxerunt de terris suis homines Teutonici ad incolendam terram spaciosam, fertilem frumento, commodam pascuorum ubertate, abundantem pisce et carne et omnibus bonis (выраженія библіи)... Heinricus de Scathen de Flandria adduxit multitudinem populorum, et collocavit eos Mikilinburg et in omnibus terminis ejus... Dux tulit nobis hereditatem patrum nostrorum, et collocavit in omnibus terminis ejus advenas, scilicet Flamingos et Hollandros, Saxones et Westfalos, atque nationes diversas. (Helmold I. 87, ll. 2). Колонисты (coloni), которыхъ поселялъ въ Оботритіи старгардскій епископъ Ваго еще въ X вѣкѣ (Helmold I. 14), позже не упоминаются.

силіе; мы прогнаны изъ родной земли, лишены отчины. Вы увеличили еще эту несправедливость, напавъ на наши земли, и завладѣвъ городами и селами, которыя по наслѣдственному праву принадлежатъ намъ". Во время военныхъ дѣйствій Прибиславъ и его племянникъ Никлотъ (Николай) Вартиславичъ приняли крещеніе, и такимъ образомъ пріобрѣли себѣ помощь сосѣднихъ поморскихъ князей. Борьба Прибислава съ герцогомъ Саксовъ приняла другой характеръ; борьба язычества противъ христіанства перемѣнилась въ борьбу національную, въ борьбу погибающихъ остатковъ Бодричей и Лютичей съ Нѣмцами. Но не смотря на помощь поморскихъ князей, Генрихъ Левъ, въ союзѣ съ королемъ датскимъ, скоро вытѣснилъ Прибислава въ Поморье, и завладѣлъ вновь отчиной Никлотовичей; князь Вартиславъ погибъ на висѣлицѣ подъ Малаховымъ (1164). Состояніе покоренной земли рисуетъ современный Гельмольдъ слѣдующими словами: „Вся земля бодричская и смежныя страны, которыя принадлежатъ къ бодричскому государству, безпрестанными войнами, особенно же послѣдней, обращены совершенно въ пустыню, съ изволеніемъ бога, который всегда поддерживалъ десницу благочестивѣйшаго герцога. Если и остались какіе-нибудь послѣдніе остатки Славянъ (Sclavorum extremae reliquiae), то они по недостатку хлѣба и по случаю разоренія полей постигнуты такимъ голодомъ, что вынуждены были бѣжать къ Поморянамъ или Датчанамъ, которые ихъ однако безъ всякаго милосердія продавали Полякамъ, Сербамъ и Чехамъ".

Наконецъ и поморскіе князья, тѣснимые Нѣмцами и Датчанами, должны были покориться, и самъ Генрихъ Левъ—которому предстояли важныя дѣла въ Германіи—смиловался надъ Прибиславомъ, и возвратилъ ему всю его отчину, кромѣ Звѣрина, который остался подъ владычествомъ особаго графа (1167). Прибиславъ, сдѣлавшись васаломъ герцога Саксовъ, возобновилъ города Мекленбургъ, Иловъ и Розтоки, и собралъ около нихъ оставшихся Славянъ (collocavit in terminis eorum Sclavorum populos). Такимъ образомъ возобновлено—хотя въ другомъ видѣ—княженіе Никлота почти въ прежнихъ границахъ; земля чрезпѣнская отошла на время къ Поморью, но скоро пріобрѣтена опять вмѣстѣ съ большей частью доленской земли (послѣ 1230 г.).

Это новое княжество Никлотовичей называлось уже не бодричскимъ, а вообще *славянскимъ* (Slavia) или *мекленбургско-хижанскимъ*; Никлотовичи (въ концѣ XII и въ началѣ XIII в.) назывались

князьями славянскими (principes Slavorum) или мекленбургско-хижанскими (principes de Mikilenburg et Kizin, pr. Magnopolitanorum et Kyzzenorum). Въ княжествѣ рано стала развиваться удѣльная система. Первый его раздѣлъ состоялся уже въ концѣ XII вѣка (1184—1200), между обоими племянниками, Генрихомъ Борвиномъ (Боровиномъ) Прибиславичемъ и Николаемъ Вартиславичемъ; первому досталась западная половина (Мекленбургъ и Иловъ), второму восточная (земля Хижанъ или розтоцкая); по смерти Николая княжества опять соединились въ одно. Послѣ временнаго раздѣленія, въ началѣ XIII вѣка, между двумя сыновьями Борвина, Генрихомъ II и Николаемъ, удѣльная система установилась наконецъ ок. 1229 — 1231 годовъ. Четыре сына Генриха II Борвина († 1226) княжили съ начала сообща, потомъ (ок. 1229) раздѣлились два старшихъ (Мекленбургъ и Розтоки), и наконецъ (ок. 1231 г.) получили удѣлы и остальные два младшихъ брата. Такимъ образомъ отчина и родъ Никлотовичей раздѣлились на *четыре* отдѣльныхъ княженія и линіи: *мекленбургская* линія (Іоаннъ I) получила западныя земли и города, Дарчово, Ключъ, Брежно, Хотѣбузь, Мекленбургъ, Весмірь, Иловъ и др., стало быть почти всю землю бывшихъ собственно такъ называемыхъ Бодричей; *розтоцкая* линія (Генрихъ Борвинъ III)—сѣверовосточныя земли, Розтоки, Марловъ, Добряны и др., т. е. преимущественно землю Хижанъ; *верельская* линія (Николай)—юговосточныя земли, Верлье, Густровъ (Востровъ), Пенцлинъ, Малаховъ, и др., т. е. преимущественно лютичскія земли Чрезпѣнянъ, Доленчанъ, Моричанъ; *пархимская* или *рихенбергская л.* (Прибиславъ)—южную часть, Пархимъ, Плавы, Рихенбергъ и др., т. е. землю Варновъ. Послѣдній удѣлъ раздѣленъ уже въ 1256 г. между сосѣдними Никлотовичами и графомъ звѣринскимъ. Со временемъ мекленбургскіе князья присоединили къ своему княжеству и остальные удѣлы и другія сосѣднія земли. Въ самомъ началѣ XIV вѣка (1304) они пріобрѣли землю старгардскую (ратарскую, нынѣ Мекленбургъ-Штрелицъ); вскорѣ послѣ прекращенія розтоцкой линіи и удѣлъ розтоцкій (1317), въ 1358 г. графство звѣринское (Звѣринъ, Виттенбургъ, Бойценбургъ, Нейштадтъ, Кривицъ, и др.), и наконецъ—послѣ прекращенія верельской линіи (1436)—и удѣлъ верельскій. Такимъ образомъ Никлотовичи соединили въ своихъ рукахъ всѣ земли древнихъ Полабянъ, Бодричей и Варновъ, и собственно такъ называемыхъ Лютичей, Хижанъ, Чрезпѣнянъ, Доленчанъ (кромѣ сѣверовосточной части,

поморской), Ратарей и Моричанъ. Обширное это княжество (позже герцогство, наконецъ великое герцогство) приняло — по главной линіи—названіе *Мекленбургъ*, и Никлотовичи, конечно давно уже онѣмеченные, царствуютъ здѣсь до сихъ поръ, раздѣленные на двѣ линіи, *мекленбургъ-звѣринскую* и *мекленбургъ-стрѣлицкую*.

Княжеская династія Никлотовичей, принявъ христіанство и примкнувъ къ Германіи, именно къ герцогству саксонскому, стала мало по малу измѣнять своей народности. Важнымъ факторомъ въ этой перемѣнѣ были *браки* Никлотовичей съ иностранными княжнами. Еще при жизни Никлота одинъ изъ его сыновей, Приславъ, отправился въ Данію, сдѣлался христіаниномъ и женился на Екатеринѣ датской; онъ и участвовалъ въ походѣ Датчанъ противъ отца и былъ свидѣтелемъ его смерти. Внукъ Никлота, Генрихъ Боровинъ, женился на дочери Генриха Льва, Матильдѣ брауншвейгской, позже на какой-то Аделаидѣ; его сынъ Генрихъ Борвинъ—на Христинѣ вѣроятно датской; сыновья этого Генриха Борвина II, Генрихъ Борвинъ III розтоцкій — на Софьѣ датской, Іоаннъ I мекленбургскій — на Луитгардѣ графинѣ геннебергской, и пр. [1]). Славянскія имена въ родѣ Никлотовичей встрѣчаются—подлѣ христіанско-германскихъ—еще до половины XIII вѣка; такъ на пр. сынъ, внукъ и правнукъ Прибислава Никлотовича носятъ двойное имя, христіанско-нѣмецкое Генрихъ и славянское Борвинъ, Боровинъ; другой правнукъ Прибислава—тоже самое имя (Прибиславъ пархимскій); Никлотъ Вартиславовичъ принявъ крещеніе, замѣнилъ свое славянское имя похожимъ на него по значенію и созвучнымъ ему именемъ—Николай [2]). Княжескій дворъ устроенъ

---

[1]) Это стремленіе бодричскихъ князей къ чужеземщинѣ замѣтно уже въ древнѣйшія времена. Такъ на пр. князь Биллугъ женился на сестрѣ епископа старгардскаго, къ сильному неудовольствію своего сына Местислава, который упрекалъ отца за этотъ бракъ съ Нѣмкой. Князь Местивой желалъ жениться наплемянницѣ герцога Бернарда, но возбудилъ этимъ негодованіе Нѣмцевъ, считавшихъ такой бракъ нѣмецкой княжны съ «славянской собакой» неприличнымъ. Жена князя Годескалька, Сиритъ, была датская княжна, сестра саксонской герцогини. Сыновья Годескалька, Бута и Генрихъ, все опирались на Саксовъ; первый пытался завладѣть отчиной съ помощью Бардовъ и Нордальбинговъ, второй поразилъ съ помощью Нордальбинговъ Славянъ на Смиловомъ полѣ, и Ранъ у Любека, и вообще довѣрялъ Саксамъ больше, чѣмъ своимъ Славянамъ, какъ это видно на пр. въ его походѣ противъ Ранъ.

[2]) Nicolaus, qui et Niclotus (Arnoldi Lub. VI. 13). *Никлотъ*, *Неклотъ*,

по образцу дворовъ нѣмецкихъ, съ разными придворными достоинствами, маршала, трухсеса и др. Никлотовичи называли себя еще въ первой половинѣ XIII вѣка „князьями славянскими“; такъ называется еще Генрихъ Борвинъ (princeps Slavorum 1219 г.). Въ линіи верельской этотъ титулъ сохранился до самаго ея прекращенія. Эти князья назывались всегда князьями или господами славянской земли (principes, domini Slavorum, Slaviae, van Wenden); такъ назывался и послѣдній членъ этой линіи Вильгельмъ (princeps Slavorum, dominus de Werle). Сознаніе о славянскомъ происхожденіи, о происхожденіи отъ стариннаго славянскаго рода Никлота, сохранили давно онѣмеченные Никлотовичи и впослѣдствіи, очень имъ дорожа. Еще въ 1418 г. князь Валтазаръ (princeps Slavorum, dominus terrarum Wurle, Gustrow et Warne), въ присутствіи епископа гавельбергскаго, нотаріуса и свидѣтелей, велѣлъ — по двумъ древнимъ родословнымъ книгамъ о корольхъ и князьяхъ славянскихъ—засвидѣтельствовать, что онъ происходитъ изъ королевскаго рода, отъ князей славянскихъ (de regia stirpe, de principibus Slavorum). Замѣчательно, что въ родѣ Никлотовичей славянское слово *князь* было извѣстно еще до второй половины XIV вѣка; составленныя тогда (1370 г.) двѣ генеалогіи о князьяхъ мекленбургскихъ, знаютъ названіе „князь Янекъ“ (knese Janeke) для двухъ Никлотовичей, для Іоанна I мекленбургскаго (1226—1264), и для Іоанна IV пархимско-гольдбергскаго изъ верельской линіи (1365 — 1375). Перваго могли еще называть „княземъ“— оставшіеся въ его владѣніяхъ Славяне; но во время другого Іоанна Славянъ уже не было, а его названіе „князь Янекъ“—одно только воспоминаніе о древнемъ славянскомъ времени [1]).

отъ клать (колоть)—бить, рубить, воевать; неклотъ—непобѣдимый. Древнепольское и дрчеш. *Некланъ*—другая форма имени Неклотъ (срв. русск. *неколотъ* подлѣ *неколонъ*). Чешскій лѣтописецъ XIII — XIV в., такъ назыв. Далимилъ, хорошо объясняетъ это имя чешскаго князя: Snad jemu proto Neklan diechu, že ho nikdy s koně neklali biechu. Въ 1219 г. упоминается мекленбург. шляхтичъ *Никлотъ*; въ поморско-лютической землѣ гостковской ок. 1200 г.— шляхтичъ *Никлонъ*; въ поморской землѣ роховской при устьѣ Укры на рѣкѣ Лохницѣ былъ мостъ *Неклонщица* или *Неклончича* (locus qui dicitur Neklonsiza Mozt, a. 1216).

[1]) Johannes qui et *knese Janeke* est dictus. (Genealogia Doberan. et Parchim.). Тоже самое названіе «knese (knyse) Janeke» знаютъ и лѣтописцы второй половины XIV вѣка, мекленбургскій Кирхбергъ и любецкій Детмаръ. Въ этомъ словѣ «knese» замѣчательно отсутствіе носоваго звука; это отсутсвіе

За княжескимъ родомъ пошла *шляхта*. Бодричско-лютичская шляхта, равнымъ образомъ какъ и польская и чешская, съ начала не употребляла предикатовъ, а называлась по родамъ, напр. Ратиборичи, землевладѣльцы въ землѣ иловской (illi qui dicuntur Retiburize). Отдѣльный членъ рода назывался просто своимъ именемъ, славянскимъ или христіанскимъ (Мирославъ, Стойславъ, Генрихъ, Іорданъ), часто въ уменьшительной или сокращенной формѣ (Venciko т. е. Вѧцикъ, Вѧцеславъ, Vartis—Вартишъ, Вартиславъ, Janic — Яникъ, Іоаннъ), или съ прибавленіемъ отчества (Николай сынъ Мирослава, Яникъ Стойславичъ, Яникъ Яромѣричъ — Janic Stoizlauiz, Janike Germeriz). Нѣкоторые приняли особыя прозвища, по разнымъ случайностямъ; таково напр. названіе славянскаго вельможи Heinricus Gamba (Gamma), вѣроятно Гѧба (губа, ротъ). Такъ приводятся славянскіе шляхтичи до второй половины XIII вѣка, отчасти и позже [1]).

Ряды этой старинной славянской шляхты стали наполняться и чужой, нѣмецкой шляхтой, прибывавшей къ князьямъ мекленбург-

---

замѣтно и въ другихъ названіяхъ въ XII—XIV вв., наприм.: Knezegraniza (Княжья граница, урочище въ чрезпѣнской землѣ, 1174 г.), Knesen (Княжно, Княжны, село въ полабской землѣ, 1230 г.), Knegene (Княгиня, село въ Вагріи, 1263 г.), Gnez, Chnez (Князь или Княжь, полуостровъ на Узноимѣ, 1224—1229 г.) Cnasidamberowe (Княжья дубрава, лѣсъ въ Поморьѣ, 1283 г.), Martinus Knese (Князь, поселянинъ на островѣ Полѣ, 1328 г.), knesiczen (княжичи, мелкая шляхта на Ранѣ, въ XIV—XV вв.). Между тѣмъ, люнебургскіе Славяне еще въ XVII — XVIII вв. выговаривали слова *князь* и *княгиня* съ носовымъ звукомъ (какъ и Поляки): tgenangs, tgenangtgeinia, т. е. кнѧзь, кнѧгиня. Срв. впрочемъ Chotebuz (Хотѣбузь, нын. Gadebusch) у Полабянъ (1225), подлѣ Chotebanz (Хотѣбѧзь) въ доленской землѣ (1170, 1182); Techutin (1219) подлѣ Techentin (1260) въ землѣ варновской. — Отецъ князя Янка IV, Николай, носитъ въ пархимской генеалогіи прозвище *poggheno ghe*; первое — нижненѣмецк. *pogge* (лягушка, жаба); но что значитъ другое — *noghe*? Можетъ быть, это славянское — *ногій* (жабоногій); срв. прозвище польскаго князя Владислава, «лясконогій» (палконогій).

[1]) Въ мекленбург. дипломатаріи въ числѣ вельможъ встрѣчаемъ также *Войводу* и *Пристава*: Slavi Venciko, *Woywoto*, Martinus (1192), Heinr. Gamme, Jordanus miles de Werle, *Woiuuote*, Niwoper, Slavi (1219), Mane, Zulin, *Pristav* (1224). Но эти слова — едва-ли названія лицъ; это скорѣе должности *войводы* и *пристава* (слова извѣстныя и балтійскимъ Славянамъ), относясь вѣроятно къ предыдущимъ именамъ, въ родѣ Heinricus Gamba dapifer, Conradus marschalcus. Въ ратиборской землѣ встрѣчаемъ въ XIII в. село Woywetendorpe, Woytenthorp. — Шляхтичъ Sulislav Gamba встрѣчается и въ Польшѣ (1224 г.).

скимъ изъ близкихъ и далекихъ странъ, отъ графовъ и епископовъ звѣринскаго и ратиборскаго, изъ Саксоніи и пр. Эти новые пришельцы получали отъ князей лены, дѣлались ихъ васалами, и принимали по своимъ ленамъ, городамъ и селамъ, новыя фамиліи, напр. Bruno de Chubanze, Ludolfus de Ganzowe, Theodericus de Dibawe, и пр. Другіе нѣмецкіе дворяне продолжали употреблять принятое уже раньше названіе, или назывались просто по родинѣ; напр. de Snakenburg, Soltwędel, Mulsan, Hakenstede, Oldenburg, Bülow, Behr, Raven, Bawarus, Holtsatus, Friso, Danus, и пр. По слѣдамъ этихъ новыхъ княжескихъ васаловъ пошла и старая шляхта славянская, дѣлалась васалами, рыцарями, кнапами своихъ князей, принимала гербы и свои помѣстья въ лены, и стала по нимъ и называться. Такимъ образомъ обѣ шляхты, вновь прибывшая нѣмецкая и коренная славянская, смѣшались такъ, что послѣдней отъ первой почти уже отличить нельзя: ибо и Нѣмцы и Славяне носятъ имена христіанскихъ святыхъ и фамиліи, принятыя по своимъ по славянски называемымъ помѣстьямъ.

На *славянское* происхожденіе нѣкоторыхъ родовъ мекленбургскихъ указываютъ преимущественно имена. Нѣкоторые роды приняли какъ родовое названіе общеупотребительное у нихъ имя; такъ напр. *Стойславъ*, *Тѣшиміръ*, *Пришеборъ*, *Дарославъ* или *Дарашъ*; это имена славянскихъ шляхтичей, упоминаемыхъ уже въ XIII вѣкѣ въ разныхъ странахъ бодричско-лютичскихъ. *Стойславъ* жилъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка; его сынъ Яникъ Стойславичъ упоминается въ 1219 г.; уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1226 г.) встрѣчается Іоаннъ Стойславъ, вѣроятно тотъ же самый Яникъ. Въ первой половинѣ XIV вѣка приводятся три брата, Хотанъ, Вячекъ (Вячеславъ) и Николай называемые Стойславы (Ghoten, Fenceke, Nicolaus dicti Stoyselaf), землевладѣльцы около Ростокъ. Стойславы (Stoisloff) жили еще въ XVIII вѣкѣ. *Тѣшиміръ* былъ шляхтичъ—землевладѣлецъ около Илова и Букова (1249), можетъ быть тотъ же самый, который упоминается нѣсколько лѣтъ раньше (1235) какъ Тѣшичъ Славянинъ (Thessitze Slavus), владѣлецъ села Брезелѣса около Новаго Монастыря; его сыновья (1266) не носятъ особой фамиліи, называясь просто сыновьями Тѣшиміра (filii Tessemari). Другой Тѣшиміръ упоминается потомъ часто въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка около князя верельскаго (miles Tesmarus, Tessemarus advocatus de Gusztrowe, иногда Tesmar dictus de Reberghe miles). Вѣроятно его сыновья были Генрихъ и Лудольфъ,

шляхтичи около Малахина (Hinricus et Ludeke Tessemar 1331). Родъ Тѣшиміровъ или Тѣшей (Tesmar, Tesse) прекратился ок. 1500 года. *Пришеборы*, землевладѣльцы около Малахова и Роболъ въ земляхъ морицкой и вепревской, происходятъ отъ Пришебора, сына Ярослава называемаго изъ Роболъ (Prisebur, Priscebur filius domini Jeroslai dicti de Robele, ок. 1250). Это имя присвоили себѣ его потомки какъ будто родовое (Hinricus Pryssebur 1300, Johannes et Vicke fratres dicti Pritzebur 1314, Henneken Priszbur 1353), и сохранили его, принимая и предикаты по своимъ помѣстьямъ въ выше упомянутыхъ земляхъ; такъ напр. ок. 1333—45 гг. вблизи Малахова жили Пришеборы изъ Каргова, Келе, Грабеницъ, Попентина (Pryscebur de Karghow, P. de Kelle, Prysceko de Grabenisze, Henricus et Henricus fratres dicti Priscebur de Poppentyn, Johannes dictus Priscebur). Родъ Пришеборовъ (Pritzbur, Pritzbuer) существовалъ еще въ XVIII вѣкѣ. *Даргославы* или *Даргаши* были, какъ выше сказано, шляхтичи юговосточной Полабіи, осѣдлые около монастыря эльденскаго. Кромѣ того они были также въ земляхъ розтоцкой и верельской, имѣя помѣстья около морицкаго озера и въ доленской землѣ. Изъ этого рода упоминаются напр. рыцарь Даргославъ (1244—68), Heinricus Dargaz (1238 — 56), Volradus Dargez (1283 — 91), Hinr. Darghesce (консулъ города Лаге 1336), Heine Dargeze (1344) и др. Даргаши прекратились въ XVI вѣкѣ. Подобно тѣмъ именамъ сдѣлалось и прозвище *Гамба*, *Гама* выше приведеннаго Генриха (Henricus Gamma, Gamba, съ 1218 г.), родовымъ названіемъ. Гамы были землевладѣльцы въ юговосточномъ углу верельскаго княжества (гдѣ и Пришеборы), и здѣсь упоминаются въ XIV вѣкѣ напр. братья Хотиміръ и Генрихъ Гамы (fratres Gammen 1320—1341), Іоаннъ Барольдъ и Губекинъ Гамы (J. B. et Zubbekinus fratres dicti Gammen 1330), госпожа Славка (Slaveke), урожденная Гамовна (1371), и пр. Гамы (Gamm) жили еще въ XVIII вѣкѣ.

Кромѣ фамилій, на славянское происхожденіе указываютъ и славянскія имена членовъ рода. Славянская шляхта, принимая новыя фамиліи по своимъ ленамъ, помѣстьямъ, не бросила еще старинныхъ именъ славянскихъ, а продолжала ихъ употреблять хоть отчасти, рядомъ съ болѣе употребительными христіанскими и нѣмецкими. Такія славянскія имена встрѣчаемъ въ родѣ пановъ изъ *Гавельберга*, можетъ быть потомковъ брижанскаго княжескаго рода Витикиндовичей, бѣжавшаго отъ Альбрехта Медвѣдя изъ Гавель-

берга къ Бодричамъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка одинъ членъ этого рода носитъ имя Хотиміръ, но позже встрѣчаемъ только Іоанновъ, Генриховъ, Бертольдовъ, Германовъ, и пр. Въ родѣ изъ *Рѣчова* (село у Добрянъ) часто встрѣчается, во второй половинѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, имя Хотиміръ; въ родѣ изъ *Каланта* (у Даргуня)—братья Ярославъ, Іоаннъ и Радоміръ (1271); въ родѣ изъ *Пусткова* (Putzekow, у Добрянъ)—имя Субиславъ или Субекъ (miles Zubbeslaus de P., его сыновья Johannes et Zubbeko, Subbeke, Tzubbeke, послѣдній 1335 — 1367); въ родѣ *Стангe* (Станко?)—Ратиславъ (Razlaus Stagge, Stange 1274); въ родѣ изъ *Чернина* (село у Бутишова)—Тѣша (Tetze van Cernin 1340 — 44), и проч. [1]).

Вотъ шляхетскіе роды мекленбургскіе, славянское происхожденіе которыхъ болѣе или менѣе ясно. Разумѣется, было много и другихъ родовъ славянскихъ; но съ принятіемъ христіанскихъ именъ и фамилій по имѣніямъ нельзя ихъ уже отличить отъ нѣмецкихъ. Какъ узнать, какого происхожденія были напр. шляхтичи и ихъ роды: Henricus Jesievitz (въ западномъ Мекленбургѣ; позже родъ сталъ писаться de Jesewitz), Thetlev de Gadebus (Godebuz), Heinricus Grube (около краковскаго озера), Baroldus de Lubowe (Любовъ у Висмара), шляхтичи упоминаемые еще до 1230 года?

Когда именно славянская шляхта, принявъ — по образцу нѣмецкому — новыя фамиліи, гербы и лены, перестала быть славянской, т. е. перестала употреблять языкъ славянскій и замѣнила его нѣмецкимъ, ближе опредѣлить нельзя. Это случилось вѣроятно не вдругъ, а мало по малу, подъ вліяніемъ германизующагося княжескаго двора, и совмѣстнаго жительства, общенія, браковъ съ прибывающей въ тѣ страны многочисленной шляхтой нѣмецкой. Въ западныхъ странахъ, именно въ удѣлѣ мекленбургскомъ, окруженномъ почти со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями, славянскій нравъ у шляхты исчезъ раньше, чѣмъ въ восточныхъ удѣлахъ, въ которыхъ нѣмецкая эмиграція была слабѣе. Мы видѣли, что именно въ юговосточномъ углу верельскаго княжества сохранилось до XIV вѣка нѣсколько шляхетскихъ родовъ, которые— противно господствовавшему тогда обычаю — продолжали употре-

---

[1]) Имя Хотанъ встрѣчается тоже въ родѣ, который со второй половины XIII вѣка сталъ называться *Morder*. Имя Хотиміръ носитъ тоже одинъ членъ нѣмецкаго рода Беръ (Gothemarus Behr, 1274), землевладѣлецъ верельскій.

блять старинныя названія и имена славянскія, показывая по крайней мѣрѣ формально свое славянское происхожденіе. Склонность славянской шляхты къ нѣмецкому нраву и языку обнаруживается и тѣмъ, что они новымъ селеніямъ придавали нѣмецкія названія; такъ напр. уже въ первой половинѣ XIII вѣка (1231, 1249), на востокъ отъ Висмара встрѣчаемъ села Nakunstorp и Tessemeresdorp, названныя по жившимъ тогда панамъ Накону и Тѣшиміру [1]).

Славянскій элементъ въ мекленбургской шляхтѣ былъ силенъ еще въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка, во время княженія Генриха Борвина Прибиславича. Славянская шляхта (Slavi 1192 г.) окружаетъ князя, и рѣшаетъ выборъ Брунварда въ епископы звѣринскіе (1195 г.). Подъ конецъ княженія Генриха Борвина, когда къ нему прибывало все больше и больше нѣмецкой шляхты, славянскіе вельможи отличаются отъ нѣмецкихъ. Такъ напр. въ 1218 г. около князя находились Johannes de Snakenburch, Rawelinus, Lodewicus, и одинъ только Чижъ Славянинъ (Sziso, Zise Slavus) [2]). Въ томъ же самомъ году окружало князя семнадцать человѣкъ, „вельможи нашего княжества, Славяне и Нѣмцы“ (dominationis nostrae majores, tam Slavi quam Theutonici), какъ выражается самъ князь; славянскихъ вельможъ присутствовало одинадцать, нѣмецкихъ шесть или даже меньше [3]). Но чѣмъ дальше, тѣмъ меньше встрѣчаемъ славянскихъ шляхтичей около князя, или по крайней мѣрѣ лицъ, которыхъ можно навѣрное считать еще Славянами. Они впослѣдствіи уже прямо отличаются прозвищемъ „Славянинъ“; напр. вышеупомянутый землевладѣлецъ Тѣшичъ въ иловской землѣ (Slavus quidam Thessitze, 1235), Конрадъ въ доленской землѣ (Conradus Slavus, 1252), рыцарь Яковъ около Ростокъ (miles Jacobus Went monoculus, 1308). Изъ этого можно заключить, что большинство шляхты славянскаго происхожденія

[1]) Въ одной грамотѣ 1210 г. (если годъ вѣренъ) встрѣчаемъ около Марлова въ числѣ девяти селъ, отданныхъ въ ленъ Генриху изъ Бутишова, нѣсколько названій съ окончаніемъ — torp: Janikestorp, Ratesburztorp, Uppekentorp, Chemkentorp, Gutentorp, т. е. села Яника, Ратибора, Убика, Камка, Хотана (имена бодричскполютичскихъ шляхтичей того времени). Но такъ какъ эта грамота извѣстна не въ латинск. подлинникѣ, а въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ регестѣ, то — torp въ названіяхъ селъ вѣроятно только переводъ слова villa (villa Gutani etc).

[2]) На этого Чижа или Жижу указываетъ и названіе села Cisendorp, Tzizendorpe (XIII в.), нын. Ziesendorf у Швана.

[3]) Thetlev de Marlow и Henr. Grubo могли быть и Славяне.

вѣроятно уже не считали себя Славянами, а Нѣмцами, такъ что шляхтичъ, говорившій еще по славянски, составлялъ уже исключеніе, и могъ быть означаемъ прозвищемъ „Славянинъ“.

Приведемъ здѣсь извѣстную по именамъ шляхту въ княжествѣ мекленбургскомъ (до его окончательнаго распаденія на удѣлы 1229). На первомъ столбцѣ помѣщены шляхтичи несомнѣнно славянскіе, т. е. лица носящія чисто славянскія имена, безъ всякаго предиката, или лица означенныя прямо какъ Славяне; имена ихъ, насколько возможно возстановленныя въ настоящія славянскія формы, пишемъ по-русски. На другомъ столбцѣ помѣщены шляхтичи съ новыми родовыми названіями; большая часть—Нѣмцы, но въ ихъ числѣ навѣрное есть и нѣсколько Славянъ, которые приняли родовое названіе, но которыхъ, за неимѣніемъ болѣе близкихъ данныхъ, отъ нѣмецкихъ васаловъ отличить уже нельзя; эти названія мы представляемъ въ такой формѣ, въ какой находимъ ихъ въ грамотахъ.

Славянская шляхта	*Нѣмецкая или онѣмеченная шляхта*
до 1200 года:	
Ратиборичи (родъ), Жуpиславъ, Жириславъ, Волкъ, Ратишъ (Ратиславъ) Волковичъ, Вѧцегоръ, Радомiръ, Стойславъ, Яромѣръ, Вѧцикъ, (Вѧцеславъ), Мартинъ, Домаша (Домаславъ), Паличъ, Кусичъ, Уричъ [1]). (всего 14).	Bruno de Chubanze (земля у Добрянъ), Gerardus Prelle, оба у Николая розтоцкаго 1189 г. (Prelle былъ еще 1178 г. у епископа звѣринскаго). (всего 2).
1200—1229:	
Чижъ, Іорданъ (miles de Werle), Славотѣхъ, Генрихъ Гѧба, Вар-	Henricus de Butysowe, Thetlev de Gadebuz (Marlowe), Joh. de

[1]) Четыре изъ нихъ упоминаются у Николая Вартиславича розтоцкаго, другіе у Генриха Борвина. Замѣтимъ здѣсь, что славянскія имена съ окончаніемъ — *міръ*, въ балтійско-славянскихъ памятникахъ пишутся обыкновенно — *mar*, — *mer*, рѣже — *mir*; наприм. Lubemarus, Thessemarus, Chotemarus, Jaromarus, Scarbimarus, Dobemarus, Trebemarus, Chotimerus, Gneomerus, Tessimeritz, Redomer, Mizlimer, Dubimerus, Rademir, Dumamir, Vincemir и пр. Видно, что гласная (*ѧ*, *е*, *и*) не установилась (срв. русск. Володимеръ и Владиміръ, чеш. Яромѣръ и Яромiръ). Мы употребляемъ принятую въ русскомъ языкѣ форму — *міръ*.

тишъ (Вартиславъ), Домаміръ, Прибушъ(Прибиславъ), Безправъ, Яникъ и Генрихъ Яроміричъ, Мирославъ и Яникъ, Яникъ Стойславичъ (Стойславъ), Невоперъ, Никлотъ, Николай сынъ Мирослава, Маня, Сулинъ, Хотиміръ и Іоаннъ изъ Гавельберга, Унславъ изъ Роболъ, Славотѣхъ изъ Малахова.

(всего 22).

Snakenburch, Lodewicus, Rawelin, Henr. (de) Grube, Hermannus de Rodenbeke, Henr. Holtsatus, Ludolfus de Ganzowe, Heilardus de Vifle, Tidericus de Netsen, Theodericus dapifer, Theod. de Dibawe, Petrus de Griwole, Baroldus de Lubowe, Hermannus, Volmarus, Conradus advocatus, Heinricus de Soltwedel (de Gnemare), Conradus marschalcus, Arnoldus de Kunege, Engelbertus, Lippoldus, Reinbertus de Clodene, Thidericus Paganus, Baroldus.

(всего 26).

Для восточныхъ Бодричей и западныхъ Лютичей основана *епископія въ Звѣринѣ*; къ ней принадлежали всѣ земли отъ звѣринскаго озера на востокъ до рѣки Пѣны, отъ моря балтійскаго до Эльды. Первый епископъ былъ Берно, крестившій князей Прибислава и его племянника Никлота. Второй епископъ Бруквардъ (1195—1237), знатнаго рода, возведенъ, какъ выше сказано, въ это достоинство подъ вліяніемъ славянской шляхты. Не смотря на это покровительство, оказанное ему со стороны Славянъ, епископъ Бруквардъ всѣми силами поддерживалъ германизацію своей епархіи, да еще жалѣлъ о томъ, что значительная ея часть невоздѣлана „по поводу варварства Славянъ“ (propter barbariem Slavorum). Въ рядахъ духовенства епархіи звѣринской—Славянъ вообще не встрѣчаемъ; каноники и другія духовныя лица, придворные священники—секретари, монахи и пр.—всѣ Нѣмцы. Также и васалы епископа—Нѣмцы. Главные *монастыри* (цистерціанскіе) въ звѣринской епархіи были въ *Добрянахъ*, на западъ отъ Розтокъ, близко морскаго берега, и *Новый Монастырь* (Neukloster, Sonnenkamp), на востокъ отъ Висмара. Мужской добрянскій монастырь основанъ уже въ 1171 г.; въ него прибыли монахи изъ брауншвейг. монастыря Амелунгсборна, по словамъ епископа Брунварда, усердные „распространители вѣры и истребители идоловъ въ славянской землѣ“ (auctores fidei et exstirpatores idolorum in Slavia). Женскій *Новый Монастырь* основанъ въ 1219 г. у славянскаго села Кутина, въ „землѣ ужаса и дикой пустыни“ (terra horroris et vastae soli-

tudinis), какъ выражается—библейскими словами—звѣринскій епископъ. Другіе монастыри въ епархіи звѣринской были *добротинскій*, (бенедикт., основ. ок. 1225 г.) въ землѣ варновской, и *рунскій* (цистерц., осн. 1233 г.) въ землѣ бутишовской. Кромѣ того въ епархіи звѣринской имѣли помѣстья и нѣкоторые другіе монастыри сосѣдней Саксоніи.

Какъ въ епархіяхъ старгардско-любецкой и ратиборской, такъ равнымъ образомъ и въ звѣринской, съ самаго начала установилась разница на счетъ податей епископу. Новые колонисты нѣмецкіе платили десятину, а Славяне особую подать, такъ называемую *бископницу* или *бископовницу* (decimae Sclavorum, collectura Sclavorum quae *biscopounizha* vocatur). Уже послѣ перваго завоеванія княжества Никлота (1160), — разсказываетъ современный Гельмольдъ, — герцогъ Генрихъ приказалъ Славянамъ, оставшимся въ земляхъ вагорской, полабской, бодричской, хижанской, платить епископамъ такую бископовницу (redditus episcopales), какъ она платилась у Полянъ и Поморянъ, то есть, съ славянскаго рала (sclavico aratro, unco),—обработываемаго двумя волами или столькими же лошадьми, — хлѣба три славянскихъ мѣры, называемыя корцы (modius Sclavorum-curitce), и 12 денегъ. Эта бископовница взималась въ епархіи звѣринской до второй половины XIII вѣка, и еще въ 1254 г. нѣкоторыя славянскія села на средней Варнавѣ платили бископницу, т. е. каждый Славянинъ, у котораго была пара воловъ, давалъ двѣ большихъ мѣры хлѣба, — называемыхъ корцы (curiz),—10 денегъ и связку льна [1]). Но эта подать Славянъ оказалась довольно скудной. Уже черезъ десять лѣтъ послѣ учрежденія епископіи (1171), самъ герцогъ Генрихъ жалуется, что десятины Славянъ (т. е. бископовница) скудны (decimae Sclavorum tenues sunt), но утѣшается, что положеніе дѣлъ улучшится, когда съ божіей помощью десятины увеличатся по закону христіанъ, т. е. другими словами, когда исполнится желаніе всѣхъ господъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и мѣсто Славянъ займутъ нѣмецкіе колонисты. Эти надежды и желанія скоро сбылись. Уже въ началѣ XIII вѣка (1211) думали объ умноженіи звѣринскаго капитула, когда

---

[1]) Слово *бископовница* или *бископница* встрѣчается въ двухъ грамотахъ; слова грамоты 1221 г. приведены выше; грамота 1254 г. извѣстна только въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ регестѣ: die gerechtigkeit, die sie *biskopnitze* heissen.

увеличатся десятины Славянъ по закону христіанъ (postquam decimae Slavorum lege christianorum convaluerint). При быстрой германизаціи страны, скудная славянская бископовница скоро уступила болѣе обильной нѣмецкой десятинѣ.

При расположеніи славянскихъ князей и шляхты къ нѣмецкому нраву и элементу, при усердномъ содѣйствіи ихъ, нѣмецкой шляхты и духовенства—*нѣмецкой колонизаціи*, княжество Никлотовичей скоро покрылось густой сѣтью нѣмецкихъ колоній, въ которой оставшіеся Славяне въ непродолжительномъ времени погибли. Колонизаціи Мекленбурга не мало содѣйствовали опустошительныя войны второй половины XII вѣка. Выше мы привели характеристическія слова лѣтописца современника, рисующія, можетъ быть, слишкомъ рѣзко, печальное положеніе совсѣмъ опустошенной отчины Никлота (tota in solitudinem redacta). Равнымъ образомъ на опустошеніе страны не разъ сѣтуетъ и епископъ Бруквардъ: мѣста ужаса и дикой пустыни, значительная часть епархіи не воздѣлана—вотъ какъ выражается епископъ. Но для поправленія нашлось средство, которое тотъ же епископъ очень хорошо означаетъ словами: „Наши князья пригласили не только рыцарей и крестьянъ, но и духовенство для обработки новаго виноградника христіанскаго (principes terrae nostrae non solum milites et agricolas, verum etiam religiosos trahebant ad novam vineam christianitatis excolendam).“ Такимъ образомъ распространялись въ епархіи звѣринской новые нѣмецкіе порядки, и исполнялось завѣтное желаніе епископа скорѣе собирать вездѣ десятины.

Кромѣ шляхты и духовенства, нѣмецкая колонизація направлялась и на *города*. Нѣмецкіе города, т. е. общины, изъятыя изъ общаго земскаго права и управлявшіяся своимъ городскимъ правомъ, возникли по большей части на мѣстѣ старинныхъ городовъ славянскихъ, частью же они построены вновь. Во время княженія Генриха Борвина и его сына, и вообще до установленія удѣловъ (1229—1231 гг.) въ отчинѣ Никлотовичей возникли нѣмецкіе города *Весмиръ* (Висмаръ), *Розтоки*, *Хотъбузъ*, *Пархимъ*, *Плавы*, *Густровъ* (Востровъ), и пожалованы правомъ любецкимъ или звѣринскимъ. Мѣщане были Нѣмцы, прибывающіе въ города изъ близкихъ и далекихъ странъ, изъ Любека, Люнебурга, Данненберга, Брауншвейга, Кёльна, и пр. [1]). Разумѣется, все устройство город-

[1]) Вотъ на прим. имена нѣкоторыхъ мѣщанъ *розтоцкихъ* (a. 1218 consules: Heinricus Faber, Heinricus Pramule, Hermannus, Rodolfus, Luderus, Bertramus,

ское было нѣмецкое, и съ нѣмецкими названіями; такъ на пр. въ статутахъ городовъ Пархимя и Плавъ, пожалованныхъ правомъ звѣринскимъ, общеупотребительными словами (vulgo) приводятся: inninge, vriedenscillinc, reisa, lenrecht, mannerecht, markdingk, и др. Были-ли Славяне прямо исключаемы изъ этихъ новыхъ городовъ, не извѣстно. Въ статутахъ пархимскомъ и плавскомъ (ок. 1225 г.) говорится объ имуществахъ сыновей, которыми ихъ отцы владѣли со временъ язычества и обработки лѣсной почвы (bona quae patres possederunt a paganismo et cultura silvestri). Оба новые города основаны на мѣстахъ древнеславянскихъ городовъ, въ странѣ пустой и преданной идолопоклонству (terra deserta et invia, cultui demonum dedicata), и только что отданной христіанскимъ колонистамъ. Можетъ быть, что въ числѣ жителей обоихъ городовъ, отцы которыхъ жили еще во время язычества, находились также лица славянскаго происхожденія. Славяне въ рядахъ мѣщанъ новыхъ городовъ мекленбургскихъ встрѣчаются однако очень рѣдко; они обыкновенно жили въ особыхъ кварталахъ, улицахъ или подгородныхъ селеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіями *хызъ* или *викъ*. Такой хызъ встрѣчаемъ въ началѣ XIV вѣка (1302 г.) напр. въ Хотѣбузѣ, и въ немъ позже, въ XV вѣкѣ, хызскую мельницу (kismôle). Особенно ясно выдается отдѣленіе славянскаго и нѣмецкаго населенія въ Ростокахъ. Древнеславянскій городъ Ростоки лежалъ на правомъ берегу Варнавы близъ ея устья; еще въ началѣ XIV вѣка было здѣсь городище (vallum castri). Подъ этимъ городомъ было подгородье, *викъ* (Wendesche Wic), въ которомъ остались Славяне, когда на лѣвомъ берегу Варнавы построенъ (1218 г.) новый городъ нѣмецкій. Но и въ этотъ новый городъ доступъ не былъ имъ запрещенъ, и они заняли здѣсь особую улицу. Вики были также у древнеславянскихъ городовъ Верлья, Марлова и Малахова; но Славяне въ нихъ прямо не упоминаются [1]).

Wizel, Lambertus, Bodo, Heinricus, Lantfer), *висмарскихъ* (a. 1229 burgenses: Hermanus de Dorthmunde, Engelbertus monetarius, Hermannus Vorrad, Johannes Pinguis, Tedolfus Halfpape, Leuerus, Gerwinus, etc.), *гюстровскихъ* (a. 1228—1236 cives: Bruno, Hinricus advocatus, Joh. Cocus, Arnoldus Sagittarius, Daniel Institor, Didericus de Sandow, Wolterus de Lussow, Walterus Clek, Hinr. de Dannenberge).

[1]) Слово *викъ* (позже *вика*) Славяне переняли отъ Германцевъ; оно въ разныхъ нарѣчіяхъ германскихъ значитъ вообще заселенное мѣсто, городъ и село (гот. *veihs*, англ.-сакс. *vîc*, древ.-нѣмецк. *wich*, нижненѣмецк. *wik*; срв. санскр. *vêça*, лат. *vicus*, славянск. *весь*); оно сохранилось въ названіяхъ

Нѣмецкіе колонисты—крестьяне селились, извѣстнымъ образомъ, на земляхъ князей, шляхты, духовенства и монастырей, занимая либо незаселенныя еще мѣстности (novella plantatio, prima plantatio et radicatio), либо заселенныя Славянами села [1]). Они, разумѣется, приносили съ собой свое нѣмецкое право, которое такимъ образомъ распространилось почти во всѣхъ селеніяхъ мекленбургскихъ. Но подлѣ этого нѣмецкаго права, распространившагося не только въ селахъ нѣмецкихъ, но и въ оставшихся славянскихъ, сохранились кое-гдѣ въ селахъ слѣды стариннаго *славянскаго права*. Такія села не пользовались самоуправленіемъ, какъ села устроенныя по праву нѣмецкому, а продолжали нести разныя тяжелыя повинности. Еще въ началѣ XIV вѣка (1315 г.) славянское право было въ употребленіи въ двухъ славянскихъ селахъ около Добрянъ (in duabus villis slavicalibus Stulove et Hogheuelt); князь мекленбургскій и ростоцкій Генрихъ подарилъ эти села монастырю добрянскому и съ судомъ, но съ тѣмъ, чтобъ судъ отправлялся по праву славянскому, какъ оно издавна водилось у Славянъ (omnis ordinacio jurisdictionis debet esse et fieri *jure slavicali*, prout antiquitus Slavi usi fuerunt). Въ чемъ именно состояло тогда еще это старинное славянское право, не сказано; но, зная устройство нѣмецкихъ селъ, можно заключить, что въ обоихъ тѣхъ селахъ не было наслѣдственныхъ шульцовъ—судей и скабиновъ (schöffen), и вообще тѣхъ порядковъ, какіе были въ селахъ пользующихся правомъ нѣмецкимъ [2]).

Bruns-wich, Barde-wich, и др. Польскій лѣтописецъ половины XIII в., Богухвалъ, который вообще хорошо знаетъ балтійскія страны, говоритъ, что Славяне «виками» называютъ такіе города, въ которыхъ находится торгъ, базаръ (consuetudinis est Slavorum civitates *vicos* appellare; vicus enim in slavonico proprie civitas, in qua forum exercetur. Nunquam aliqui dicunt: transeamus ad civitatem, sed vadamus ad *wyk*). Люнебургскіе Славяне называли еще въ XVII — XVIII вв. городъ (т. е. нѣмецкое *stadt*) — *ваика*, отличая отъ ваики — *городъ* (schloss, amt); ваика = вика, какъ заима = зима, ластъ = листъ, и пр. У лужицкихъ Сербовъ *wiki* = торгъ, базаръ (markt, wochenmarkt, marktplatz). Слово *мѣсто* у люнебург. Славянъ (местї) сохранило свое первоначальное значеніе (ort, platz), между тѣмъ какъ у остальныхъ западныхъ Славянъ, оно — по примѣру нѣмецкаго stätte, stadt — стало означать городъ новаго, нѣмецкаго устройства. — О словѣ *кмѣ* см. стр. 87.

[1]) См. выше стр. 135.

[2]) Слѣды славянскаго права сохранились тогда кое-гдѣ и въ другихъ странахъ, въ сѣверовосточномъ углу земли брижанской (см. стр. 94), на Ранѣ и въ Поморьѣ.

Постепенную германизацію западной Оботритіи, именно земель дарчовской, ключской, брежанской и хотѣбузской—входившихъ въ епархію ратиборскую — мы обозрѣли уже выше. Мы видѣли, что ок. 1230 года германизація уже захватила большую часть этихъ странъ, и что въ нихъ Славяне упоминаются довольно рѣдко. Не меньшіе успѣхи германизація дѣлала и дальше, на востокъ отъ звѣринскаго озера. Уже въ началѣ XIII вѣка (1210 г.) нѣмецкіе колонисты приведены на островъ Поле (противъ Висмара), такъ какъ тамошнее рѣдкое славянское населеніе оказалось для его обработки недостаточнымъ (in insula Pole a Slavis hactenus inhabitata, cum propter penuriam et paucitatem hominum gentis illius eam incolere non valentium, princeps de Michelinburg Heinricus Teutonicos in eam colonos colligeret [1]). Въ земляхъ между Висмаромъ и Розтоками нѣмецкую колонизацію поддерживали особенно оба монастыря, *Новый* и *Добряны*. Во время основанія *Новаго Монастыря* (1219) въ этой странѣ было уже нѣсколько селъ носящихъ нѣмецкія названія, Malbodendorf, Wichmannesdorp, Brunesh̨ovede, названныхъ, какъ видно, по основателямъ. Два села, пожалованныя тогда княземъ Генрихомъ Борвиномъ монастырю, принадлежали прежде, еще во время отца князя, Прибислава, славянской шляхтѣ, одно роду Ратиборичей, другое Жуиславу; эти села, стало быть, съ позволенія князя, перешли изъ рукъ славянской шляхты въ руки нѣмецкихъ монахинь. Монахини къ числу пожалованныхъ селъ прибавили скоро и на лѣсной почвѣ вновь построенныя села (incultam silvam a novalibus exstirpaverunt), и такимъ образомъ исполняли желанія епископа Брунварда, чтобъ эта страшная и пустая страна скорѣе заселялась, и чтобъ пришествіемъ вѣрныхъ внушалась вѣра грубому народу (ut haec terra horroris et vastae solitudinis facilius inhabitaretur, et rudi populo per fidelium introitum fides persuadeatur). Впрочемъ епископъ относительно колонизаціи возлагалъ больше надеждъ на нѣмецкихъ монахинь, чѣмъ на самого себя; по крайней мѣрѣ онъ, жалуя чрезъ нѣсколько лѣтъ (1236 г.) монастырю село Бобелинъ, самъ сознается, что онъ долго и напрасно старался заселить его колонистами; но ему мѣшали опустошительныя

[1]) Въ началѣ XIV вѣка упоминаются на Полѣ села: Frederikesdorp, Vorwerk, Warkisdorpe, Stromekendorp Major, Wendesche Stromekendorp, Antiqua Bucowe, Racowe, Russowe. Въ нѣкоторыхъ селахъ встрѣчаются еще въ первой половинѣ XIV в. крестьяне съ славянскими именами. См. ниже стр. 168.

нападенія удаленныхъ оттуда Славянъ (quam villam nec propter vastationem Slavorum inde quandoque ejectorum, locare agricolis eam incolendam pluribus annis valuimus). Изъ этого видно, что удаляемые изъ селеній Славяне не всегда покорялись своей судьбѣ, а напротивъ старались отомстить занявшимъ ихъ мѣсто пришельцамъ.

Добрянскій монастырь основанъ въ 1171 году, и пожалованъ селами лежащими между моремъ и горкой Добеміра (Dobimerigorca). Въ числѣ селъ приводятся уже два села съ названіемъ монастыря: Добряны и „славянское село" Добряны (villa slavica), первое, стало быть, нѣмецкое; въ землѣ хубѧзской — два села Брунона (duae villae Brunonis), вѣроятно тоже нѣмецкія села, основанныя Брунономъ (Bruno de Chubanze), дворяниномъ ростоцкаго князя Николая. Послѣ опустошенія, нанесеннаго монастырю возставшими Славянами (1179 г.), монахи скоро поправились. Въ ихъ имѣнія прибывало все больше Нѣмцевъ (Teutonici in villis eorum), не только хлѣбопашцы, но и разные ремесленники, сапожники, мѣховщики, лавочники, и др. Чтобъ загладить убытки нанесенные монастырю „нападеніемъ Славянъ" (per insultum Slavorum), оба князя, Николай ростоцкій и Генрихъ Борвинъ мекленбургскій, пожаловали монаховъ разными льготами. Князь Николай поселилъ въ монастырскихъ селахъ—для защиты монаховъ—своихъ подданныхъ людей, которые находились у него на „подачѣ" (homines meos habentes podacam meam), т. е. неоплатныхъ должниковъ, въ ихъ числѣ Далика и Нивара; ихъ долги и повинности уступлены княземъ монастырю. Князь Генрихъ Борвинъ пожаловалъ монастырю нѣсколько селъ, и позже (1218 г.) прямо позволилъ монахамъ, селить на ихъ имѣніяхъ людей какого бы то ни было племени (cujuscunque gentis homines) [1]). Вслѣдствіе наплыва нѣмецкихъ колонистовъ въ монастырскія имѣнія надо было вышеупомянутое урочище горка Добеміра уже съ конца XII вѣка ближе означить, какъ холмъ называемый „по славянски" Добеміра горка (collis qui slavica lingua dicitur D. g.), такъ какъ прибывшіе туда Нѣмцы называли его вѣроятно уже иначе.

[1]) Вотъ монастырскія имѣнія: Doberan, villa slavica Doberan, Parkantin, Putekowe, Stulowe, Radecle, Crupelin, Wilsne, quatuor villae in Cubanze, scil. Bruze, Germari, et duae villae Brunonis (1177); Stubelowe, Domastiz, Brusowe, Boianeviz, Rybeniz, Virpene, Radentin, Polaz, Koneredam, Glyne, predium in Pole (1192), Lubesdorf (1209), Schulenberg (1232), и пр.

Въ окрестностяхъ Добрянъ получилъ ок. 1219 г. брауншвейг. мон. *Амелунсборнъ* село Жатовъ (Satov, Satovia), лежавшее—по мнѣнію епископа Брунварда — тоже въ ужасной, дикой пустынѣ (in loco horroris et vastae solitudinis), которую однако монахи скоро обработали. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1224) въ этомъ монастырскомъ имѣніи было, кромѣ селъ Радигоща и Радиржкъ, стало быть старинныхъ славянскихъ селеній, нѣсколько такъ называемыхъ — hagen (indago), уже новыхъ колоній, заселенныхъ отчасти Нѣмцами, отчасти и Славянами: indago Gerardi, Marquardi, Iken (Mikenhagen), и одинъ hagen славянскій (indago sclavicalis).

Въ южной части мекленбургскихъ владѣній, въ земляхъ *варновской* и *морицкой*—нѣмецкая колонизація началась тоже довольно рано, еще при князѣ Генрихѣ Борвинѣ, и при его содѣйствіи. Онъ, основывая здѣсь нѣмецкіе города Пархимь и Плавы (ок. 1225—1226 гг.), называетъ тамошнюю страну пустой и дикой, преданной идолопоклонству, которую онъ заселилъ христіанскими колонистами изъ близкихъ и далекихъ странъ (terram desertam et inviam, cultui demonum dedicatam, colonis commisimus christianis, ipsos tam de longinquis quam de vicinis partibus invitantes). Гуфы и десятины встрѣчаются въ нѣкоторыхъ селахъ уже ок. 1220 г., и черезъ нѣсколько лѣтъ (1230 г.) жители земли варновской платили уже десятину. Кромѣ самого князя, колонизацію въ тѣхъ странахъ производило и духовенство, вышеупомянутый монастырь добротинскій, люнебургскій бенедиктинскій монастырь св. Михаила, который здѣсь получилъ (1219 г.) село Сезимово (въ землѣ турской на востокъ отъ Пархимя), и Іоанниты въ землѣ туренской, на восточномъ берегу морицкаго озера, гдѣ они (1227 г.) получили село Мировъ.

Въ сѣверовосточномъ углу, *въ землѣ хижанской* или *розтоцкой*, встрѣчается до 1230 г. нѣсколько новыхъ селъ, названныхъ уже по основателямъ, и нѣсколько гагеновъ, обязанныхъ платить десятину [1]).

Земли *чрезпѣнская* и *доленская* достались Никлотовичамъ позже, ок. 1230 г. Германизація въ нихъ началась еще при поморскихъ князьяхъ. О ней поговоримъ ниже.

Нѣмецкіе колонисты придавали нѣкоторымъ селеніямъ новыя,

---

[1]) Въ выше (стр. 156) упомянутомъ нѣмецкомъ регестѣ грамоты 1210 г. приводится около Марлова девять селъ «mit ausgeradeten ackern u. wusten, so noch gebawet werden konnen».

нѣмецкія названія, которыя или употреблялись рядомъ съ старинными славянскими, или совсѣмъ ихъ вытѣснили. Это продолжалось до XIV вѣка, т. е. пока еще существовали остатки Славянъ; еще въ началѣ того вѣка (1305 г.) самъ князь мекленбургскій указываетъ на это измѣненіе старинныхъ названій (mutationem nominum, quibus olim aliquae villae nominabantur). Уже во второй половинѣ XII вѣка старинный городъ Иловъ называется иногда *Ilinburg*; но это новое названіе не привилось, а осталось только славянское; село Чарниковъ (у Илова) носило также нѣмецкое названіе Szerninchusen (1224); выше упомянутое село Сезимово, принадлежавшее люнебургскому монастырю св. Михаила, названо въ теченіи первой половины XIII вѣка Горой св. Михаила (Mons S. Michaelis). Названія нѣсколькихъ селъ монастыря добрянскаго тоже замѣнены нѣмецкими. Уже около половины XIII в. (1245) одно монастырское имѣніе имѣло двойное названіе Ekholt (Eichholz) sive Cartlowe; во второй половинѣ этого вѣка село Домашичи называется Ibendorp, Брусы—Thiderikeshagen, хотя еще въ XIV вѣкѣ славянскія названія этихъ селъ были извѣстны (Domastiz-Ibendorp teutonice, Bruze in slavico est Thidericus (sic) in teutonico); село Подкова стало называться съ начала XIV в. Honuelde (Hohenfelde).

Съ постепенной германизаціей старинныя названія племенныя стали все больше и больше забываться. Имена *Бодричей* и *Полабянъ* извѣстны были еще въ самомъ концѣ XII вѣка (1198) г.); ихъ приводитъ тогдашній лѣтописецъ Арнольдъ любецкій. Имя *Хижанъ* или *Кишанъ* сохранилось въ титулѣ князей мекленбургскихъ (princeps Chizinorum) до 1220 года; имя *Варнов*ъ и *Морича*нъ въ названіяхъ земель *варновской* и *морицкой*. Кромѣ того старинныя названія нѣкоторыхъ мелкихъ земель продолжали употребляться и позже, во время нѣмецкаго господства, напр. Бреница (Brenze, Breniz, срв. поль. Brenica, Brynica), Туры, Турно, Вепрево, Лѣса и др. До позднѣйшихъ временъ сохранилось и общее названіе всѣхъ балтійскихъ племенъ—*Славяне*, означая, какъ уже выше сказано, жителей мекленбургскихъ княженій, „Славіи“, хотя и онѣмеченныхъ. Но, пока германизація въ тѣхъ странахъ не взяла еще совсѣмъ верха, пока сами князья и вельможи сознавали себя еще Славянами въ отличіе отъ Нѣмцевъ, до тѣхъ поръ слова „Славяне“, „славянская земля“, не были однимъ только географическимъ названіемъ, а означали еще національное цѣлое въ противуположность „Нѣмцамъ“, т. е. въ особенности жителямъ смежныхъ графствъ

звѣринскаго, ратиборскаго, Саксоніи, и пр. Такъ напр. въ концѣ XII вѣка (1195 г.), во время выбора епископа звѣринскаго, каноники, опасаясь войны между „Нѣмцами“ и „Славянами“, т. е. подданными князя Генриха Борвина, выговорили себѣ у „Славянъ“ неприкосновенность своихъ и епископскихъ имѣній. Такая война не началась тогда же, но нѣсколько лѣтъ спустя (1200 г.) „Славяне“ предприняли походъ въ ратиборскую землю, и здѣсь, въ сраженіи у Варшикова, погибъ князь Николай розтоцкій; его смерть оплакивали всѣ Славяне, и чтобъ отомстить за нее, они бросились на „Нѣмцевъ“ и множество ихъ перебили [1]). Даже впослѣдствіи, когда послѣ полнаго онѣмеченія страны имя „Славянинъ“ имѣло уже не національное, а только географическое значеніе, проглядываетъ иногда какъ бы традиціонная вражда къ залабскимъ Саксамъ. Такъ въ первой половинѣ XIV вѣка въ монастырѣ добрянскомъ вели ожесточенные споры монахи „изъ Славіи“, „Славяне“ (de Slavia, Slavi), т. е. странъ мекленбургскихъ, и монахи „Саксы“ (monachi Saxones), т. е. изъ залабскихъ странъ; и самъ народъ ненавидѣлъ этихъ „Саксовъ“, которые, по его мнѣнію, такъ вредили монастырю.

Послѣдующіе за раздѣломъ (1229 — 1231 г.) отчины Никлотовичей успѣхи германизаціи, удобнѣе будетъ разсмотрѣть по отдѣльнымъ областямъ, по удѣламъ мекленбургскому, пархимско-рихенбергскому, розтоцкому и верельскому.

1. *Мекленбургскій удѣлъ.*

Мекленбургское княжество, окруженное почти со всѣхъ сторонъ нѣмецкими владѣніями, представляетъ, во время раздѣла, страну по большей части уже онѣмеченную. Остатки Славянъ въ этомъ княжествѣ послѣ 1230 г. въ высшихъ, среднихъ и низшихъ слояхъ—незначительны. Въ рядахъ шляхты встрѣчаемъ до 1240 г. еще Генриха и Тѣшиміра Варгушевичей, Волчка, Генриха и Іоанна Быдевичей или Будевичей (Boidevitz), по большей части землевладѣльцевъ около Илова и Висмара. Впослѣдствіи почти одни только сыновья Тѣшиміра (filii Tessemari) продолжаютъ называться по древнеславянски; остальная шляхта мекленбургская, славянскаго-ли нѣмецкаго-ли происхожденія, носитъ уже фамиліи, de Gode-

[1]). По словамъ современнаго Арнольда (VI. 13), разсказывающаго de expeditione Sclavorum in terram Racesburch.... Ruina Nicolai tota Sclavia in meorem est versa et innumera strage Teutonicos prosternunt,

buz, Bulowe, Lensyn, Pole, Holtdorp, Brusevitze, Hakenstede и пр. Къ *городамъ* прибавились, съ половины XIII вѣка, *Новый Буковъ* и *Гневесмольне* (Grevesmühlen). Славяне въ городахъ мекленбургскихъ упоминаются рѣдко. Въ *Хотѣбузѣ* или, какъ онъ позже назывался, *Гадебушѣ*, они поселились, какъ уже выше сказано, въ особомъ хызѣ. Въ *Висмарѣ* упоминается въ половинѣ XIII вѣка госпожа Weneda (Славянка?), и въ 1294 г. *Гердъ* Славянинъ (Slavus), который купилъ здѣсь поземельный участокъ. Другіе упоминаемые въ Висмарѣ Славяне находились въ извѣстной зависимости отъ мѣщанъ, которые отвѣчали за нихъ передъ судомъ; такъ на пр. мѣщанинъ Бертольдъ Фогель принялъ на себя долгъ за трехъ Славянъ (pro tribus Slavis, 1276 — 78); Бенедиктъ изъ Барнекова поручился за своего Славянина (promisit pro suo Slavo, 1277).

Немного Славянъ осталось и въ селахъ. Въ западной половинѣ они упоминаются преимущественно въ приморскихъ странахъ, въ землѣ брежанской около Висмара; они жили въ селахъ вмѣстѣ съ нѣмецкими крестьянами, доживая, такъ сказать, свой вѣкъ. Въ двухъ селахъ у Висмара, въ Ястровицѣ и вѣроятно въ Гонкирхенѣ, были два Славянина, оба по имени Альбертъ (Albertus Slavus 1260—1272), въ Козловѣ — крестьяне Даргашъ и Тѣшикъ, въ Бутлингенѣ—шульцъ Радаша (Radazce), въ Малѧтинѣ—Трибушъ (1277), въ Гоголевѣ — Арнольдъ Славянинъ (Arnoldus Sclavus 1281), въ „славянскомъ селѣ“ Зимнѣ у Любека (slavica villa Zymen)—Тѣшикъ (1322), въ Пивисторпѣ у Гадебуша — Славянинъ Радекъ (Radeko Slavus 1320), на островѣ Полѣ нѣсколько славянскихъ крестьянъ (1326—1340),—Конрадъ Вышакъ, Іоаннъ Букъ, Люба, Мартинъ Князь, Николай Славянинъ. Остальные вмѣстѣ съ тѣми жившіе крестьяне носятъ уже нѣмецкія или вообще христіанскія имена; они по всей вѣроятности Нѣмцы, иначе они бы означались какъ „Славяне;“ такъ на пр. въ выше упомянутомъ селѣ Ястровицѣ вмѣстѣ съ Альбертомъ Славяниномъ жили Wenemarus, Danemarus, Rembertus, Johannes, Gerardus, въ „славянскомъ“ селѣ Зимнѣ—вмѣстѣ съ Тѣшикомъ крестьяне Rodehose, Hinricus filius Mundes, и пр. Память о Славянахъ въ тѣхъ странахъ сохранило лишь прозвище „славянское“ нѣкоторыхъ уже выше приведенныхъ селъ, и „славянское поле“ (Wenetvelt) на Полѣ, проданное въ 1266 г. нѣмецкимъ крестьянамъ.

Въ восточной половинѣ мекленбургскаго княжества *Новый Монастырь* продолжалъ свою германизаторскую работу; въ числѣ но-

настырскихъ селъ встрѣчаемъ все больше села съ нѣмецкими названіями—torp и—hagen (Luderestorp, Ludbrechtistorp, Prouesthahen, Woldenhagen и пр.). По подробному перечню всѣхъ монастырскихъ селъ (ок. 1320 г.) видно, что изъ нихъ 22 носятъ славянскія, 15 же нѣмецкія названія. Подданные крестьяне почти всѣ носятъ нѣмецкія имена, и только въ двухъ селахъ встрѣчаемъ крестьянъ Славянъ, Coneke Went и Hinricus Went, послѣдній въ селѣ Naquinstorp или Nakunstorp, слѣдовательно уже въ селѣ новой колонизаціи [1]). Кромѣ того на славянское происхожденіе указываютъ имена крестьянъ Радикъ, Тѣшикъ, Мирекъ, Неданъ. Наконецъ у монастырскаго села Арнесе было „славянское поле“ (slavicalis campus dictus Wenethuelt, 1275 г. и чаще), остатокъ славянскаго населенія.

На югъ отъ монастырскихъ имѣній, по лѣвому берегу средней Варнавы, были земли *бутѣшовская* (бутишовская) и *брыльская*, принадлежавшія по большей части епископу звѣринскому. Бутѣшовская земля еще въ 1232 г. представляется славянской; не только географическія названія, но и названія урочищъ славянскія: лугъ, луга, лѣсъ или лазъ (на пр. Живановъ, Водровый), могилы (Вановы) и пр. [2]). Но около того самого времени упоминаются въ нѣкоторыхъ селахъ гуфы и десятины, устройство сопровождавшее нѣмецкую колонизапію. Гуфы встрѣчаются (1243) и въ селѣ Маломъ Свишовѣ (Parvum Zwizowe), стало быть славянскомъ. Германизацію въ этихъ странахъ поддерживалъ основанный здѣсь (1233 г.) монастырь *рунскій;* въ числѣ его селъ было уже тогда нѣсколько—hagen (Nienhagen, Hanshagen и пр.); одно село носило названіе Славянскій Чернинъ. На родину нѣкоторыхъ тамошнихъ нѣмецкихъ колонистовъ указываетъ между прочимъ названіе села villa Holtzatorum (1235, позже Holzendorp) у Брыля (Bruyle, срв. польск. Brylewo). Около послѣдняго города были еще во второй половинѣ XIII вѣка (1254 г.) и славянскія села (въ ихъ числѣ Holtorpe), населенныя еще Славянами, которые платили капитулу звѣринскому извѣстную бископницу; но уже тогда имѣлась въ виду замѣна этой славянской платы нѣмецкой десятиной, „когда села заселятъ Нѣмцы и будутъ ихъ воздѣлывать.“ Въ теченіи второй половины

---

[1]) Что Went значитъ Славянина, видно изъ прозвищъ другихъ крестьянъ, Westfal, Hollende и пр.

[2]) См. стр. 29.

XIII в. славянскій характеръ этихъ странъ стерся почти вполнѣ. На усиливающуюся германизацію указываютъ не только нѣмецкіе порядки, но и нѣмецкая географическая номенклатура; такъ на пр. ок. селъ Мыслей и Слемина (у Бутѣшова) встрѣчаются въ 1264 г. ручей Hegerbeke, гора Scleminerberg, мѣсто Vosberch, лугъ Overdyk, кустарникъ Burbrock. На раздѣленіе селеній на нѣмецкое и славянское указываютъ выше упомянутыя села Малый Свишовъ, Славянскій Черпинъ, и Слав. Трехово (у Бутѣшова, 1321 г., срв. польск. Drochowo). Въ селѣ Свишовѣ, — неизвѣстно, въ Маломъ или въ Большомъ,—встрѣчаются, въ началѣ XIV в. (1317 г.), въ числѣ крестьянъ, лица съ очевидно славянскими именами, Тѣшикъ, Гостиміръ, Пѧтекъ и др. (Mildis, Joh Germitze, Tesseke Rabute, Petrus Ponat, Wendele Kedinghe, Gostemer, Panteke, Nicol. Crul. [1]).

2. *Пархимско-рихенбергскій удѣлъ.*

Удѣлъ *пархимско-рихенбергскій* совпадалъ почти съ древней землей варновской, занимавшей басейнъ верхней Варнавы, на востокъ до рѣки Мильденицы; по обоимъ берегамъ Эльды лежали здѣсь древнеславянскія земли, Брениця, Пархимь, Туры, Кутинъ или Плавы. Германизація этой земли началась, какъ мы видѣли, еще во время князя Генриха Борвина, который призвалъ сюда нѣмецкихъ колонистовъ и построилъ нѣмецкіе города Пархимь и Плавы и монастырь Добротинъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и его внукъ *Прибиславъ*, первый и послѣдній князь этого удѣла (1231—1256). Его окружаетъ шляхта нѣмецкая или онѣмеченная славянская; напр.: Ivanus et Nicolaus de Belowe (село въ той землѣ), de Redekestorp, Holtdorp, Rolstede, Brushauer, и др. Только одинъ васалъ князя Прибислава носитъ еще славянское имя, именно *Ратиславъ* (1241); но тотъ жилъ не въ варновской, а въ чрезпѣнской землѣ, гдѣ онъ владѣлъ по феодальному праву (feodali jure) селомъ Даргобѫдомъ около Даргуня. Кромѣ обоихъ городовъ, Пархимя и Плавъ, основаны города *Штернбергъ* и *Гольдбергъ* (1248 г.); послѣдній на мѣстѣ села Голча, и пожалованъ правомъ пархимскимъ. На западной границѣ княжества построилъ Прибиславъ замокъ Рихенбергъ, и по немъ обыкновенно назывался княземъ рихенбергскимъ. Какъ видно, этотъ Никлотовичъ любилъ придавать

---

[1]) Въ окрестностяхъ гор. Швана, около Фаренгольца, встрѣчаются еще въ 1584 г. wendischer weg, wend. kirchhof, schmiede Wendthagen genannt.

вновь строимымъ городамъ нѣмецкія названія. Славяне въ этомъ удѣлѣ упоминаются очень рѣдко. Около села Wolframshagen, принадлежавшаго добротинскому монастырю, былъ лѣсъ, въ которомъ жили Славяне; въ 1267 г., когда лѣсъ проданъ крестьянамъ этого села, говорится уже о Славянахъ какъ о прежнихъ его жителяхъ. Отъ другого монастырскаго села, Опала (Упала, срв. польск. Opaleń, Upale), отдѣлилось славянское (Wendisch-Opal 1263 г.). Другое „славянское" село, Варны, было около города Гольдберга (Wendesche Warne 1296). Во второй половинѣ XIII вѣка въ землѣ древнихъ Варновъ, нѣмецкій языкъ господствовалъ вѣроятно уже исключительно. Такъ напр., около села Кутина (Quetzin), подъ древнеславянскимъ городомъ того имени, урочища носятъ (1271 г.) нѣмецкія названія: ellerholt, heinholt, alewere, borchwal (городище кутинское), но еще поле лѣки (ager lanken); кутинскіе крестьяне жили въ хатахъ (kota). Подобно тому, межи села Чехова (у Пархимя) тогда (1272 г.) означаются по нѣмецки: monticuli lapidum qui stenbrinke dicuntur, monticulus-heitbrinke, cotherelant, и пр. Что касается новой колонизаціи, т. е. основанія новыхъ селеній, то напр., въ числѣ 25 селъ земли турской (въ концѣ XV в.) находятся только два съ нѣмецкими названіями; изъ 44 селъ около Плавъ, только 5 носятъ нѣмецкія названія. Изъ этого видно, что въ этихъ двухъ земляхъ по Эльдѣ, германизація коснулась по большей части существовавшихъ уже славянскихъ селеній.

Въ 1256 г. князь Прибиславъ долженъ былъ отказаться отъ своего удѣла, который раздѣленъ между сосѣдями: Штернбергъ достался князю мекленбургскому, Гольдбергъ и Плавы (позже и Пархимь)—верельскому, Пархимь и Рихенбергъ— графу звѣринскому.

3. *Розтоцкій удѣлъ.*

Князю Генриху III Борвину досталась земля Хижанъ, по обоимъ берегамъ нижней Варнавы на востокъ до рѣки Рекницы, отдѣляющей княжество розтоцкое отъ ранскаго и поморскаго. Позже, ок. 1230—1240 гг., границы розтоцкаго княжества распространились дальше на юговостокъ за Рекницу до Пѣны и Треболы, въ сѣверовосточную половину (поморской) земли чрезпѣнской, къ знаменитому монастырю даргунскому.

Шляхта розтоцкая, послѣ раздѣла отчины Никлотовичей, утрачивала свой славянскій характеръ; она принимала предикаты, дѣ-

лалась васалами князя, и исчезала въ рядахъ прибывающей сюда шляхты нѣмецкой. Около Генриха Борвина (1229—1264) остались очень немногіе шляхтичи, которые еще сохранили свои древнеславянскія названія; такъ на пр. Генрихъ Гъба, братья Ярославъ и Іоаннъ, Хотанъ (позже принявшій названіе Мордеръ), Даргославъ, Ратишъ, Волчекъ. Позже встрѣчаются славянскіе шляхтичи уже рѣже; такъ на пр. выше упомянутые братья Ярославъ, Іоаннъ и Радоміръ, принявшіе уже предикатъ изъ Каланта (1271), землевладѣльцы около Даргуня, и вѣроятно также съ ними упоминаемые Машекъ (Maseke) и Трошевичъ; въ XIV вѣкѣ — рыцари изъ Пусткова, землевладѣльцы около Добрянъ, кнапъ Тѣшиміръ и др. Но повторяемъ, такихъ шляхтичей очень мало въ сравненіи съ множествомъ нѣмецкой шляхты, которая все больше и больше наполняла землю и получала отъ князя лены; такъ на пр. Снакенбурги были васалы-землевладѣльцы около Добрянъ, Буны (de Bune)— около Даргуня, Іорки и Гамбурги—ок. Рыбницы, и пр.

Въ *городахъ* славянскій элементъ сохранился преимущественно въ *Розтокахъ*, гдѣ, какъ уже выше сказано, Славяне продолжали жить не только въ подгородьѣ, но переселились и въ новый, нѣмецкій городъ. Славяне, живущіе въ подгородномъ *викѣ* (villa Wendesche Wic), подъ городищемъ древнеславянскихъ Розтокъ, не входили въ нѣмецкую городскую общину, а подлежали княжескому суду до 1286 г., гдѣ князь Николай продалъ этотъ славянскій викъ со всѣми принадлежностями и съ судомъ городу. Розтоцкій викъ пересталъ быть славянскимъ поселеніемъ, а дома его перешли въ руки Нѣмцевъ; только въ 1294 г. упоминается еще Генрихъ Славянинъ, продавецъ солонины изъ вика (Henricus Slavus specsnider de Wich). Слова „бывшая улица Славянъ“ (ubi quondam strata Slavorum fuerat, a. 1326) — относятся вѣроятно къ этому вику. Собственно въ городѣ—Славяне занимали въ самомъ отдаленномъ углу особую улицу, которая до сихъ поръ называется Wenden—strasse (съ Wenden—thor); они находились подъ вѣдѣніемъ особаго судьи или фогта „славянскаго“ (advocatus Slavorum, 1267—1296). Такимъ славянскимъ фогтомъ былъ на пр. Германъ (1267), и можетъ быть также Радекъ, часто (1320—1335) упоминаемый розтоцкій мѣщанинъ и фогтъ (Radeke dictus Wend, Radeke Went advocatus). Розтоцкіе Славяне владѣли собственностью въ городѣ, и занимались разными промыслами, содержали корчмы, занимались садоводствомъ, мытьемъ сельдей, цирюльничествомъ,

съемкой подгородныхъ луговъ,—которые называются еще во второй половинѣ XIV вѣка „славянскими“ (prata Slavorum),—въ особенности же продажей солонины и мяса. Продажа солонины была вѣроятно по большей части въ рукахъ Славянъ, такъ что „продавецъ солонины“ (speckschneider) и „Славянинъ“ (Wende) сдѣлались синонимами [1]). Продажу солонины и мяса регулировала сама дума особыми уставами (1325 и 1330 гг.), подтвердивъ, что Славяне въ извѣстные дни могутъ продавать солонину на своемъ старомъ мѣстѣ (apud alneum pontem), и въ извѣстное время года говядину и баранину. За это Славяне обложены были извѣстной платой, и исполняли извѣстныя работы, именно косьбу, получая за это вознагражденіе [2]). Розтоцкіе Славяне (въ XIII — XIV вѣкахъ), означаемые почти всегда прозвищемъ „Славянинъ“ (Slavus, Went), носили кромѣ именъ христіанско-нѣмецкихъ, по большей части имена славянскія: Тѣшикъ, Тѣханъ, Тѣхашъ, Доберѣшъ, Волчекъ (Velzico), Милдашъ (Myldaze), Даргашъ, Сулекъ, Радекъ, Бѫданъ (Bandan), Миликъ, Миниша (Miniske), Желиміръ (Zelmarus), Доброслава, Тѣшка; и двойныя: Іоаннъ Прибикъ, наконецъ и фамиліи, даже нѣмецкія, на пр. Петръ Любачъ (Loubatz), Bunt, Johann Bistervelde.

Кромѣ Розтокъ, возникли съ половины XIII в. въ розтоцкомъ княжествѣ нѣмецкіе города *Кропелинъ*, *Калантъ* (Каленъ, срв. польск. Kaleń, Kałęczyn, чеш. Kalenice, Kaletice), *Рыбница*, *Гноенъ*, *Сульта* (Sülz). О Славянахъ въ этихъ городахъ не знаемъ почти ничего; только въ Калантѣ былъ въ числѣ консуловъ Генрихъ Славянинъ (Hinricus Slavus 1283) [3]).

---

[1]) Такъ надо понимать и слова документа 1472 г. (когда подгородные луга отданы мясникамъ—knochenhauer) «so alze *de Wende unde speksnyders* de sulven wysche beth an desse tyd (до сихъ поръ) gehad». Во второй половинѣ XV вѣка въ Розтокахъ едва-ли были Славяне.

[2]) Slavi dabunt quolibet anno de qualibet mensa apud alneum pontem 4 solidos (1325). Slavi vendere debebunt lardum per cursum et circulum anni, scilicet secundis feriis et quintis, in locis suis apud pontem alneum, ubi ab antiquo vendere consueverunt. Dicti vero Slavi a festo b. Michaelis usque ad festum nativitatis Christi bovinas et ovinas carnes cum dimidiis corporibus et quartalibus perpetuo vendere possunt, sed carnes bovinas pro 24 solidis emptas vendere debebunt (1330).

[3]) Вотъ имена нѣкоторыхъ мѣщанъ этихъ городовъ. *Cropelin* (1250) cives: Albertus advocatus, Baldwinus, Wulfardus. *Kalant* (1253) cives: Joh. de Sakenitz,

Сельское славянское народонаселеніе въ розтоцкомъ княжествѣ быстро исчезало. Западную часть продолжалъ германизовать монастырь добрянскій; уже во второй половинѣ XIII вѣка большинство монастырскихъ селъ носитъ нѣмецкія названія (—hagen,— torp); въ купленномъ въ 1282 г. селѣ Малой Границѣ,—стало быть славянскомъ—, встрѣчаются десятины. По подробному перечню монастырскихъ имѣній начала XIV вѣка (1312) оказывается, что изъ 25 монастырскихъ селъ только 9 носятъ славянскія названія, крестьяне же въ тѣхъ и другихъ селахъ носятъ почти исключительно нѣмецкія названія, отчасти просто имена (Dithard, Wilhelm, Bertold), отчасти и прозвища по родинѣ, занятіямъ и пр. (Nygenhusen, Westual, Saxo, Nigebur, Burmester etc); только въ одномъ селѣ Honuêlde (Hogheuelde, стар. Подкова) встрѣчаемъ крестьянъ Радосту (Radust), Генриха Радосту, Даргуша, Утѣшу, и Іоанна сына Тѣшика, очевидно Славянъ. Въ этомъ селѣ и въ Стуловѣ сохранялось тогда—какъ выше сказано—еще старинное право „славянское.“ На славянскихъ жителей указываетъ названіе „поле славянское“ у Брусова (campus slavicalis, 1283) и Вербна (Wendfeld, 1580). Въ числѣ монастырскихъ имѣній былъ тогда (съ 1301 г.) также Жатовъ, прежде имѣніе амелунгсборнскаго монастыря; принадлежавшій къ этому имѣнію славянскій гагенъ (Wendisch—Hagen), въ XVI вѣкѣ уже не существовалъ, а на его мѣстѣ находился лѣсъ „Wendenholz.“ Еще меньше знаемъ о славянскомъ сельскомъ народонаселеніи въ другихъ странахъ розтоцкой земли. Недалеко отъ Рыбницы встрѣчаемъ послѣ 1230 г. нѣсколько селъ и гагеновъ съ нѣмецкими названіями (Holstinthorp, Petersthorp, Gozwinisthorp, и др.), которые платили десятину. Нѣсколько тамошнихъ селъ раздѣлилось на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую (Wendisch — Curkevitz, W. Peterstorp, a. 1257); здѣсь было тоже славянское село Репелинъ (villa slavicalis, 1256). Какъ долго Славяне сохранились въ такихъ селахъ, неизвѣстно; въ первыхъ двухъ „славянскихъ“ селахъ были въ половинѣ XIII в. (1257 г.) уже десятины, гуфы и свободныя гуфы (besettinge), стало быть нѣмецкое устройство.

О германизаціи сѣверовосточнаго угла чрезпѣнской земли, окрестностей поморскаго монастыря *даргунскаго*, поговоримъ ниже въ очеркѣ германизаціи Поморья.

Hinr. Pinaeman, Herm. Vorradt, Wescelinus, Hinricus, Petrus de Merco, Osbornus Rufus, Bernhardus Pellifex.

4. *Верельскій удѣлъ.*

Верельскій удѣлъ простирался отъ средней Варнавы и Мильденицы на востокъ за Невелю, на югъ за озеро морицкое. Во время войнъ Поморянъ съ Бранденбургомъ верельскія владѣнія распространились дальше на востокъ за Пѣну къ Доленцѣ въ предѣлы поморскаго княжества (послѣ 1230 года). Такимъ образомъ въ верельское княжество по большей части вошли земли древнихъ племенъ Чрезпѣнянъ и Доленчанъ, мелкія земли около морицкаго озера, Лѣса (Lieza), Турно, Морица, Вепрево, а позже (1256 г.) и юговосточная часть княжества пархимско-рихенбергскаго.

Князья верельскіе, называвшіеся тоже „славянскими“ (Slaviae, Slavorum, van Wenden), равнымъ образомъ какъ и мекленбургскіе и розтоцкіе, скоро онѣмечились; они уже въ концѣ XIII вѣка употребляютъ нѣмецкій языкъ, называясь „van godes genaden juncherre van Werle.“ Въ *шляхтѣ* верельской повторяется тоже самое, что и въ остальныхъ удѣлахъ Никлотовичей. Она дѣлается васалами князя, принимаетъ по своимъ усадьбамъ названія, и вмѣсто славянскихъ именъ—имена христіанско-нѣмецкія, такъ что ея нельзя уже отличать отъ вновь прибывшей шляхты нѣмецкой. Только въ немногихъ родахъ продолжаютъ употреблять славянскія имена даже до XIV вѣка, хотя, разумѣется, члены этихъ родовъ уже не говорили по славянски. Такія славянскія имена встрѣчаемъ въ выше приведенныхъ шляхетскихъ родахъ, назвавшихся изъ Рѣчова, Даргаши, Пришеборы. Эти остатки старины замѣтны преимущественно въ шляхетскихъ родахъ, осѣдлыхъ въ юговосточномъ углу княжества, около морицкаго озера, въ земляхъ морицкой и вепревской. Кромѣ Пришеборовъ, Даргашей, пановъ изъ Гавельберга, имѣли здѣсь помѣстья и кастеляны малаховскіе и робольскіе, Славотѣхъ, Унславъ, Ярославъ, и сыновья двухъ послѣднихъ (Johannes filius Unislai, Priscebur et frater suus Johannes, filii domini Jeroslai dicti de Robele). Еще ок. 1335 г. въ числѣ малаховской шляхты приводится нѣсколько Пришеборовъ—одинъ даже съ славянской уменьшительной формой Пришко (Prysceke),—Ярославъ изъ Валова, Добеславъ, Хотиміръ изъ Рѣчова. Кромѣ упомянутыхъ родовъ и лицъ—славянскія имена въ окружавшей князя верельскаго шляхтѣ встрѣчаются довольно рѣдко. Такъ до половины XIII вѣка видимъ еще Гѣбу, Іордана, Вѣцка (Venciko), Требиміра, Ратиша, Оттона Сулешка (Suleske, Сулиславъ); вообще до тринадцати лицъ, которыя

еще сохраняли хотя формально славянскій характеръ; между тѣмъ, верельскихъ шляхтичей нѣмецкихъ или, пожалуй, и онѣмеченныхъ славянскихъ — до половины XIII вѣка — можно насчитать до тридцати (Grubo, Baroldus, Joh. de Crupelin, Robert de Bralin, de Wientorp, de Sconewolde, de Snakenburg, Henr. de Ziarnyn, Otto Bawarus, Joh. Danus etc.). Въ послѣдующей за тѣмъ второй половинѣ XIII вѣка шляхтичи, которые назывались еще по славянски, исчезаютъ въ огромной массѣ нѣмецкой или онѣмеченной шляхты; такіе были на пр. Тѣшиміръ, Вартиславъ, Ратиславъ Stagge (Stange) и Ратиславъ Заѣцъ (Zayenz, de Zance), послѣдній впрочемъ изъ Поморья, и нѣсколько членовъ родовъ Пришеборовъ, изъ Рѣчова, изъ Роболъ [1]).

Города верельскіе наполнялись Нѣмцами, по большей части — судя по жалованному имъ звѣринскому праву—изъ сосѣднихъ саксонскихъ земель. Кромѣ Густрова возникли здѣсь, до половины XIII вѣка, нѣмецкіе города *Малаховъ*, *Малахинъ*, *Пенцлинъ*, позже *Роболы*, *Лавы* (Лаге), *Тетеровъ*. О Славянахъ въ тѣхъ городахъ не знаемъ ничего. Малаховскій *викъ* (1287 г.) вѣроятно указываетъ на славянское населеніе; названіе Wende одного малахинскаго мѣщанина (Marquardus filius Wendes Johannis, 1331) можетъ быть только простымъ прозвищемъ. Нетерпимость Нѣмцевъ въ отношеніи Славянъ породила и здѣсь печальное явленіе исключенія Славянъ изъ цеховъ. Мы видѣли, что въ Розтокахъ славянскіе мясники составляли особую корпорацію. Въ городѣ Роболахъ суконщики требовали отъ вновь принимаемаго члена (1463 г.), чтобъ онъ былъ человѣкъ неопороченнаго происхожденія, и по всѣмъ предкамъ не Славянинъ (schal he van unberuchteghen, êrliken, frâmen luden.. unde ghebaren van alle synen veranen, de nicht Wende synt ghewesen). О другихъ городахъ не имѣемъ такихъ прямыхъ свидѣтельствъ по этому предмету; но еще въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Мекленбургѣ требовали отъ принимаемаго въ цехъ такого свидѣтельства, что онъ происхожденія нѣмецкаго, а не славянскаго. Національная нѣмецкая исключительность вообще проявлялась въ разныхъ сторонахъ жизни, и еще въ началѣ XVIII

[1]) Вотъ наприм. болѣе знаменитые шляхтичи верельскіе 1274 г.: Barolt, Berchane, de Britzekowe, de Belin, de Bruseviz, Brusehauer, de Cene, Coz, de Duzyn, Hane, de Hagen, de Hagenowe, de Hakenstede, Kabolt, Ketelhut, de Lesten, Luch, Nordmann, de Stocvlete, de Vlotowe и др.; одинъ только Razlaus Stagge носитъ еще славянское имя.

вѣка въ Мекленбургѣ говорилось о своенравныхъ, упрямыхъ людяхъ, что у нихъ въ шеѣ славянская жила (eine wendische ader im nacken [1]).

Въ *сельскомъ народонаселеніи* Славяне встрѣчаются рѣдко. Въ новой колонизаціи страны славянскіе колонисты тоже участвовали рядомъ съ нѣмецкими; такъ на пр. въ юговосточномъ углу княжества, въ землѣ туренской, въ имѣніи добрянскаго монастыря Чехелинѣ, селились люди какого-бы то ни было племени (homines cujuscunque gentis et cujuscunque sint artis, 1243); и тамошніе Іоанниты мировскіе имѣли до самаго начала XIV вѣка право селить на своихъ земляхъ Славянъ и Нѣмцевъ (locandi Sclavos et Teutonicos). Въ селѣ Репенте (Репѧты?) у Чехелина, на самой границѣ брижанской земли, жили Славяне еще во второй половинѣ XIII вѣка. Въ старой землѣ доленской, въ округѣ фогта пенцлинскаго, около монастыря бродскаго, одна монастырская усадьба (curia Jazeke) была еще въ 1330 г. въ рукахъ славянскихъ владѣльцевъ (Slavi de Jazeke, videlicet Janekinus longus, Nicolaus longus, Lemmekinus et Hincekinus, Thydericus Jermiz in Vridorp, Tessekinus Kucker). Случалось тоже раздѣленіе общины на нѣмецкую и на славянскую, какъ видно изъ названія села Вилемя (Vilem slavicum et teutonicum 1263), и села Wentorpe, которое встрѣчается только съ начала XIV вѣка, и возникло вѣроятно только тогда около Фридорпа. Село Варгѧтинъ у Малахина, лежащее на рѣкѣ Пѣнѣ, раздѣлилось такимъ образомъ, что нѣмецкая община осталась на правомъ берегу, а славянская (Wendisch — W.) переселилась на лѣвый.

Если соберемъ вкратцѣ все сказанное о германизаціи мекленбургскихъ княженій, то увидимъ, что до конца XIII и до начала XIV вѣка отчина Никлотовичей была почти вся онѣмечена; Славянъ оставалось тогда очень немного. Все усиливающійся напоръ германизаціи коснулся, разумѣется, и всего государственнаго и общественнаго строя страны. Славянское государственное право уступило нѣмецкому, славянскія учрежденія замѣнены нѣмецкими; нѣмецкій языкъ считается общеупотребительнымъ (vulgo, usua-

[1]) Westphalen: Monumenta inedita (1739, I. p. 120), Franck: Alt u. neues Mecklenburg (1753, III. buch, p. 86). — Эта «wendische ader» мекленбургскихъ Нѣмцевъ соотвѣтствуетъ бранному «böhmischer dickschädel», какъ честятъ Нѣмцы Чеховъ.

liter). Древнеславянское городовое устройство сильно потрясено многочисленными привилегіями, жалованными духовнымъ корпораціямъ, основаніемъ новыхъ городовъ, и пр.; кастеляновъ замѣняютъ фогты (advocati), которые являются въ первой половинѣ XIII в. въ земляхъ и городахъ мекленбургскихъ, въ Иловѣ, Густровѣ, Гнойнѣ, Роболахъ и др. Земское право, основанное на нѣмецкихъ началахъ, называлось landrecht (jus vel judicium terrae quod lantrecht usualiter nominatur); подлѣ него было тоже jus vasallorum—lenrecht, jus civitatensium—statrecht; княжескій земскій судъ называли landding (judicium quod vulgo lanthdinc dicitur), всеобщія повинности земской обороны, починки замковъ, мостовъ—lanthwere, burgwerk, bruckewerk [1]); сельскіе суды ding, тоже landding (judicia popularia quae lanthdinch theutonico vocabulo nuncupantur [2]). Прививались разные нѣмецкіе юридическіе термины: servitium—unplicht, casus inopinati—ungherad, expectatio—anwarde, proprietates—egendhum и пр.; разныя названія въ сельскомъ быту, agrorum superfluitas — overslach (überschlag), mansi — hegerhuven, mensura—matta, chorus—wichscepel, captura anguillarum—aluanc (aalfang), worpnette, were, landmolen и пр., названія урочищъ: palus-rorbruck, pons — berkenbrugge и пр. Въ городахъ нѣмецкій языкъ господствовалъ съ самаго ихъ основанія.

Изъ славянскихъ учрежденій, или скорѣе изъ учрежденій, которыя касались Славянъ, сохранилась войводница и подача до второй половины XII вѣка, и бископница до второй половины XIII вѣка; наконецъ остатки славянскаго обычнаго права кое-гдѣ въ селахъ до начала XIV вѣка. На сколько замѣтны слѣды славянскихъ учрежденій въ позднѣйшихъ мекленбургско-нѣмецкихъ,—ближе опредѣлить не можемъ [3]).

---

[1]) Burgwerk, brukewerk встрѣчается уже въ 1222 г.: къ такимъ повинностямъ были обязаны жители округа города Мекленбурга (circulus urbis Magnopolis). Тѣ же слова употребляютъ мекленбургскіе князья 1227 г. (въ Густровѣ), жалуя Мировъ въ туренской землѣ Іоаннитамъ.

[2]) Въ Польшѣ такіе суды, княжескій и сельскій, назывались *вѣча* (wieca). Срв. ниже.

[3]) Знатоки мекленбургскаго права указываютъ между прочимъ на мекленбургское феодальное право, которое отличается отъ общаго феодальнаго права нѣмецкаго. По мекленбургск. праву давались лены въ наслѣдственное владѣніе, съ правомъ ихъ продавать и обременять долгами. Срв. Jahrbücher für meklenburg. geschichte III. 164. Если приведенные здѣсь лены пожалованы

Славянскій элементъ въ Мекленбургѣ сохранился дольше всего въ полабской землѣ ябельской (Jabelheide). Здѣсь жили Славяне,— въ сосѣдствѣ люнебургскихъ Славянъ,— еще въ началѣ XVI вѣка. Одинъ мекленбургскій ученый того времени, Николай Маршалькъ, называетъ ихъ и по обычаямъ и по языку Славянами, и говоритъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ихъ обычаяхъ. Ябельскіе Славяне еще тогда, въ началѣ XVI вѣка, провожали покойника съ пѣснями, и выливали въ могилу напитки; лѣтомъ они ходили по полямъ, распѣвая пѣсни, и ударяя въ барабаны, чтобъ отвратить молнію и дождь; во главѣ ихъ шествовалъ „жрецъ," знающій древніе обычаи славянскіе [1]). Изъ этихъ ябельскихъ Славянъ вѣроятно происходили

за извѣстныя службы, то они бы соотвѣтствовали древнечешскимъ и древнепольскимъ *выслугамъ*, *имѣніямъ выслуженнымъ*.

[1]) Приведемъ здѣсь любопытный разсказъ Маршалька (Nic. Marescalcus Thurius) по латински (Vitae Obetritarum) и въ нѣмецкихъ риѳмахъ (Chronicon rythmicum de regibus Obotritarum).

Qui *Gabellarum* saltus incolunt, tam re quam sermone adhuc *Sarmatae*, nihil de moribus mutavere, et per priscam superstitionem mortuos adhuc cantu et choreis prosequuntur poculaque invicem exhibent, jam tumulatis sepulchro infundentes, solemnique tripudiatione statuto tempore fruges lustrant, ex passo canis tergore buccam clangentes et resonantes, sacrificulumque, quem eligunt, ritus veteris peritum, sequentes cursitant, ita demum fulgurum ac himbrium nocentium damna deprecari se posse putantes.

Parchim stösset an die thür
den *Gabelheiten* wird ihr leben führ,
die sind allein der sprache nach *Wenden*,
die verstreuet zu manchen enden.
Dieselbige haben gewohnheit alt,
wenn jemand ward vom tode kalt,
sie folgen ihn mit gesange zu graben,
zuletzt muss er einen ehrentrunk haben,
den giessen sie ihm wohl in die gruben.
Im sommer laufen sie üm ihre huben,
wohl über ihr feld mit 'grossem sange,
ihr pucken sie schlan mit einer stange,
die pucken von einer hundshaut zwar,
sie machen sie zu mit haut und haar,
und meinen so weit die laut erklingt,
ihr regen und donner nicht schaden bringt.
Ihr priester ist der erste in reihen,
der tritt ihm vor dem tanz in Meyen,
wendischer sitt ist ihm bekannt,
jetzo ist er *sclavasco* genannt.

(Westphalen: Monumenta inedita II. 1510, I. cap. 574). Что значитъ слово *sclavasco*, трудно рѣшить; можетъ быть — *клавацекъ* (человѣчекъ, срв. клавакъ — человѣкъ люнебургск. Славянъ). — Въ концѣ XVII вѣка (1696) въ Jabelheide были села: Jabel, Bentz, Volsrade, Jesenitz, Trebse, Ramme, Veltsche, Redefin.

тѣ служившіе при дворѣ мекленбургскомъ барабанщики, которые упоминаются здѣсь еще въ началѣ XVI вѣка (1512—1515): junge der die trome sleit der Wende, der Wendt trumsleger.

Теперь въ Мекленбургѣ память Славянъ сохраняютъ — кромѣ географическихъ названій и очень немногихъ словъ (см. ниже)— лишь славянскія городища (валы) и „славянскія кладбища“ (Wendenkirchhof). Да впрочемъ такимъ „славянскимъ кладбищемъ“ можно считать весь Мекленбургъ, всю отчину Никлота.

X.

Р а н а [1]).

Ранскіе князья распространили въ теченіи второй половины XII вѣка свое владычество на сосѣдній материкъ, на земли между рѣками Рекницей, Треболой и Пѣной, но не успѣли ихъ за собой удержать въ цѣлости. Въ концѣ XII вѣка составляла здѣсь — вообще говоря—рѣчка Рѣка или Гильда границу между княжествами поморскимъ и ранскимъ; къ послѣднему принадлежали города и земли Бартъ, Требожезь, Крестово и Острожна (Вострожна). Въ первой половинѣ XIV вѣка—послѣ прекращенія ранскаго княжескаго рода (1325 г.)—ранское княжество присоединено къ поморскому.

Съ паденіемъ язычества и независимости Раны (1168 г.), это васальное княжество датское вошло въ кругъ христіанско-германскихъ государствъ, и раскрылось, равнымъ образомъ какъ и остальныя балтійскія земли, нѣмецкому элементу и нѣмецкой колонизаціи.

Старинный *княжескій родъ*, вѣроятно рода Крутова, одинъ изъ самыхъ упорныхъ защитниковъ старины, сдѣлался—послѣ покоре-

---

[1]) Fabricius: Urkunden zur geschichte des fürstenthums Rügen (до 1325 г., Stralsund u. Berlin 1843—1869, 4 bde). Срв. тоже источники исторіи Поморья. Что касается формы «Рана», то указываемъ на слова корвейскаго монаха Вибальда (1149 г.): regio quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rana dicitur. Адамъ брем. пишетъ Rani vel Runi, Гельмольдъ Rani sive Ruiani, Rugiani, обыкновенно Rani. Форма Рана исчезаетъ уже въ XII в., а вмѣсто нея употребляется обыкновенно Ruya, Ruiani, теперь Roien, Röjjen. Польскій лѣтописецъ половины XIII вѣка, Богухвалъ, знаетъ еще форму Рана, и производитъ ее—по своему — отъ слова «ранить»: Rani seu Rana dicuntur ex eo, quia semper in conflictu hostium vociferare solebant: rani, rani! id est vulnera, vulnera! (Bielowski: Monum. Polon. histor. II. 469, 479).

нія и крещенія Раны—однимъ изъ главныхъ виновниковъ и поддерживателей германизаціи своего княжества. Еще въ XII вѣкѣ ранскіе князья храбро защищаютъ свободу своего народа противъ притязаній Датчанъ и Нѣмцевъ, поддерживаютъ бодричскихъ князей въ послѣдней ихъ борьбѣ съ этими заклятыми врагами балтійскихъ Славянъ. Но съ конца XII вѣка образъ дѣйствій ранскихъ князей измѣняется. Паденіе Свѧтовита въ Арконѣ значило не только торжество новой религіи, христіанства, но было также предвѣстникомъ побѣды нѣмецкой и паденія славянской народности на Ранѣ. Связи съ окрестными государями, датскимъ королемъ и онѣмеченными князьями мекленбургскими и поморскими, брачные союзы съ этими родами [1]), все усиливающееся число нѣмецкихъ священниковъ и дворянъ при княжескомъ дворѣ—все это значительно повліяло на князей, и произвело рѣшительный переворотъ въ ихъ взглядахъ на столь ненавистныхъ прежде Нѣмцевъ. Съ начала, князья сознаютъ себя еще государями славянскими, и не выдѣляются изъ массы своихъ подданныхъ; они считаютъ разныя славянскія учрежденія своими, славянскими, въ отличіе отъ нѣмецкихъ и датскихъ (more gentis nostrae sive Teutonicorum aut Danorum, какъ выражается князь Яромиръ 1209 г.), называютъ славянскій языкъ своимъ роднымъ (lingua patria, князь Вышеславъ 1247 г.). За тѣмъ князья, желая умножить свои доходы, начинаютъ призывать *нѣмецкихъ колонистовъ*, и эти финансовыя соображенія не мало способствуютъ постепенному притупленію въ князьяхъ національнаго чувства. Уже спустя полъ вѣка послѣ покоренія Раны, князь Вислављъ (Вышеславъ), дѣлая подробныя распоряженія о нѣмецкой колонизаціи въ землѣ требожезской (1221 г.), называетъ ея возвратъ къ прежнему состоянію,—т. е. если бъ нѣмецкіе колонисты были прогнаны и земля досталась бы опять Славянамъ,—„несчастіемъ, которое да предотвратитъ самъ богъ“ (si vero sinistro succedente casu, quod deus avertat, terra in pristinum fuerit statum reversa, ita, quod Teutonicis expulsis, recolere terram Sclavi incipiant) [2]). Другой князь ранскій, Яромиръ, заселяя одно славян-

---

[1]) Дочь Яромира II., Маргарита, вышла за герцога ютландскаго; жена Вислава II., Агнеса, была княжна брауншвейгъ-люнебургская, и ихъ дочери вышли за князей поморскаго и мекленбургскаго и за короля норвежскаго.

[2]) Slavi въ жалованной грамотѣ Вышеслава Любечанамъ (1224 г.), означаютъ вѣроятно не Ранъ, а скорѣе Поморянъ или подданныхъ мекленбург-

ское село нѣмецкими колонистами, прямо запрещаетъ поселеніе въ этомъ селѣ другихъ Славянъ (plures Sclavi in eadem villa non sunt locandi, quam locati sunt). Только изрѣдка пробивается у ранскихъ князей сознаніе, что вѣдь эти исчезающіе Славяне — ихъ собственная кровь, и князья, какъ бы задумываясь, еще въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка,—именно Вислав въ своемъ завѣщаніи (1302), — оказываютъ тѣмъ остаткамъ своего народа нѣкоторое покровительство, и предоставляютъ имъ пользоваться всѣми прежними угодьями и льготами (ut Slavi nostri pascuis ad usus suos pacifice et quiete ac jugiter perfruantur; ut Slavi mei eandam libertatem habeant in omnibus, quam meo tempore habuerunt). Но такія мѣры были, такъ сказать, уже лишними: въ началѣ XIV вѣка въ ранскомъ княжествѣ оставались очень немногіе Славяне, и самъ княжескій родъ совсѣмъ онѣмечился; князья ранскіе пишутъ уже не только на общеевропейскомъ языкѣ латинскомъ, но издаютъ и нѣмецкія грамоты [1]); они окружаютъ себя — по примѣру, нѣмецкихъ князей—разными придворными сановниками, маршаломъ, трухсесомъ, комерникомъ, чашникомъ, и пр. Послѣдній членъ княжескаго рода, Вислав (1302—1325), сдѣлался даже нѣмецкимъ поэтомъ, и входитъ — наравнѣ съ чешскимъ Премысловичемъ Вячеславомъ и польскимъ Пястовичемъ Генрихомъ — въ ряды нѣмецкихъ миннезингеровъ [2]).

Одно только напоминало славянское происхожденіе онѣмеченныхъ потомковъ Крута и Тетислава: это славянскія имена, которыя употреблялись въ княжескомъ родѣ ранскомъ до самаго его прекращенія (1325 г.). Члены его, и его линій—крестовской (Gristow) и подбузской (Putbus), носятъ имена Тетиславъ, Стойславъ, Яромиръ, Барнута, Вышеславъ (Вислав), Святополкъ, Борята, Придборъ, Добеславъ, Ярославъ, Борислав. Саборъ, Тетислава, Тѣша; изъ христіанскихъ и нѣмецкихъ именъ встрѣчаемъ имена Исакій, Іоаннъ и Геннеке (Henneke), Петръ, Николай, Вароломей, Рейнбернъ, Маргарита, Елена и Ефимія.

скихъ; но крайней мѣрѣ князь отличаетъ «Славянъ» отъ «своихъ подданныхъ» (Slavi et homines nostri).

[1]) Вотъ напр. начало первой нѣмецкой грамоты ранскихъ князей (1304 г.): Wye Wizslaw vnde Zambor, von der gnade ghodes vorsten van Rugen, bekennet vnde tughet an dessen iegenwardeghen brene, etc.

[2]) Ругена: Minnesinger (Leipzig 1838, III. 78, IV. 717).

Равнымъ образомъ, какъ княжескій родъ, вела себя и *ранская шляхта*. Шляхта въ княжествѣ ранскомъ, на островѣ и на материкѣ, была довольно многочисленна, и вначалѣ исключительно славянская. До половины XIII вѣка, во время княженія Яроміра I и Вышеслава I, ранская шляхта носитъ чисто славянскій характеръ; она не употребляетъ еще разныхъ предикатовъ, а называется просто по именамъ, по большей части славянскимъ, рѣже христіанско-германскимъ; у лицъ носившихъ послѣднія имена, конечно, нельзя еще, только по этой причинѣ, отрицать славянскаго происхожденія, и напр. встрѣчающіеся въ 1193 г. около князя Яроміра Carolus villicus и Raalf могли быть Нѣмецъ и Датчанинъ, но они могли быть и Славянс, принявшіе въ крещеніи эти имена. Ранскіе шляхтичи употребляли, кромѣ своихъ именъ, также и отчество, часто—даже въ латинскихъ грамотахъ — въ славянской формѣ, называя себя напр. Николай сынъ Прибислава (Nicolaus filius P.), Прибиславъ Тѣшимѣричъ (Pribizlaus Tessimeritz), Николай Волковичъ (Nicolaus Wolkowiz), и пр. У нѣкоторыхъ родовъ является еще общее владѣніе ихъ дѣдинами; такъ напр. въ первой половинѣ XIII вѣка на маломъ островѣ Костнѣ (на югъ отъ острова Раны) родъ Тѣшимѣричей владѣлъ лугами, которые онъ позже уступилъ монастырю Гильдѣ, съ общаго согласія всѣхъ членовъ рода, именно братьевъ Славка и Пѧтена, сыновей Прибислава Тѣшимѣрича, Недаміра, Вѧцеміра и Сулислава, сыновей Гостислава Тѣшимѣрича, ихъ женъ, дѣтей и другихъ родичей и дѣдичей (nomine suo uxorumque et liberorum suorum nec non omnium aliorum propinquorum et heredum suorum). Подобно этому и родъ Подбузскій, состоящій изъ братьевъ, жены и племянника, сообща уступаетъ тому же самому монастырю землю радовичскую. До 1240 г. въ рядахъ ранской шляхты являются очень немногіе пришельцы нѣмецкіе; съ этого времени однако, особенно же въ теченіи второй половины XIII вѣка, число нѣмецкихъ дворянъ все увеличивается. До того года ранскихъ князей окружаютъ почти исключительно славянскіе шляхтичи: Повѣдъ, Прибиславъ, Тѣшиміръ, Крекошъ, Прусъ, Попелъ, Славошъ, Предміръ, Унеславъ, Гориславъ, Дуникъ, Гнѣвоміръ, Витоміръ, Стрезиміръ, Унимыслъ, Добеславъ, Стрезиборъ, Тѧгоміръ, Гостиславъ, Хотанъ, Прибиславъ и Николай Волковичи, Тѣшиміръ Лестиковичъ (Лестьковичъ), вышеупомянутые Тѣшиміровичи или Тѣшимѣричи, Николай сынъ Прибислава, Иванъ, Кличъ, Кличаревичъ, Кракъ, Держекъ, Сумъ, Радо-

славъ, Николай Требеславичъ, Мыслиміръ, Радоміръ, и др. Между тѣмъ изъ нѣмецкихъ дворянъ въ тотъ періодъ являются — кромѣ вышеупомянутыхъ Карла и Ральфа — только Wernerus, Johannes Bere, Hugoldus. Съ 1240 года до начала XIV вѣка являются въ ранскомъ княжествѣ члены разныхъ родовъ изъ Мекленбурга, Гольштейна, Саксоніи, изъ рейнскихъ земель и пр., Bere, Berkhan, Blidersdorp, Kabolt, Eksen, Hakenstede, Platen, Osten, Erteneburg, Dotemberg, Keding, Bohlen, Hagen, Wolde, и др. Этотъ все усиливающійся приливъ нѣмецкой шляхты, конечно, не остался безъ вліянія на славянскую шляхту. Она — по примѣру нѣмецкой — дѣлалась васалами князя, принимала имѣнія по феодальному праву (jure feodali, jure homagii), которое уже въ половинѣ XIII вѣка было въ княжествѣ общеупотребительнымъ [1]). Въ рядахъ ранской шляхты являются рыцари (milites, riddere, напр. Borant miles 1231 г., а еще въ 1225 г. Boranthe nobilis Slaviae), кнапы (armigeri, knapen) и кнехты (famuli, servi, knechte); шляхта стала принимать по своимъ имѣніямъ новыя названія, предикаты. Такъ какъ многіе нѣмецкіе шляхтичи стали называться по пріобрѣтаемымъ ими имѣніямъ въ ранскомъ княжествѣ, стало быть принимали славянскія фамиліи, то со второй половины XIII вѣка трудно, даже невозможно уже строго отличить старинную шляхту славянскую отъ вновь прибывающей нѣмецкой. Эти затрудненія умножаются еще тѣмъ, что — съ одной стороны — нѣмецкіе шляхтичи, вслѣдствіе совмѣстнаго жительства и браковъ съ славянскими родами, стали принимать славянскія имена, а съ другой стороны, что старинная шляхта славянская до начала XIV вѣка принимала нѣмецкій языкъ, и не смотря на свои славянскія имена, дѣлалась нѣмецкой. Такимъ образомъ эти оба элемента слились окончательно, но такъ, что восторжествовала нѣмецкая народность, присвоивъ себѣ всю старинную ранско-славянскую шляхту.

Славянская шляхта принимала предикаты обыкновенно по своимъ имѣніямъ, называясь напр. изъ Лѧки (de Lanka), изъ Обеличъ и пр. Въ нѣкоторыхъ родахъ сдѣлалось простое имя или отчество родовымъ названіемъ; такъ напр. Сумъ, Гориславъ, Стойгнѣвъ,

---

[1]) Въ 1253 году продалъ Richardus de Tribuses sex mansos sitos in villa Grancin — новокампскому монастырю; князь Яромиръ отказывается, quicquid nobis de eisdem mansis jure feodali debuit provenire sive hominii sive servicii. Паны Подбузскіе приняли свои имѣнія въ ленъ только во время поморскаго владычества.

Славковичъ, Краковичъ и др. Въ нѣкоторыхъ родахъ остался старинный обычай, называться просто по имени или съ прибавленіемъ отчества; такъ напр. встрѣчаемъ во второй половинѣ XIII вѣка и въ XIV вѣкѣ фогта Доброміра (владѣльца поземельныхъ участковъ у Мысликова 1285), Добромысла (владѣльца села Тѣходаржичъ 1296), Домаслава, Славоту, Тѣшиміра, Яна сына Мирослава (dominus Johannes Miritzlavi), и др.

До первой половины XIV вѣка въ ранскомъ княжествѣ можно насчитать до 275 шляхетскихъ родовъ [1]). Въ этомъ числѣ можно отыскать уже только около 40 славянскихъ родовъ; всѣ остальные нѣмецкаго, а немногіе сомнительнаго происхожденія. Славянскаго происхожденія были обѣ линіи княжескаго рода, назвавшіяся *Подбузскими* или изъ *Подбузя* (de Putbus, также de Vilmeniz, Borantenhagen), и изъ *Крестова* (Gristow); эти „вельможи славянской земли“ (nobiles, barones Slaviae) происходили: первая линія—отъ Стойслава родственника князя Яроміра I, другая — отъ Барнуты Яроміровича. Отъ вышеупомянутаго рода *Тѣшимѣричей* происходятъ вѣроятно шляхтичи, назвавшіеся потомъ (ок. 1280 г.), по селу—*изъ Лѣки* (de Lanka, Lanken), и *Славковичи* (Slaveke, Schlawkewitz). Первые происходятъ вѣроятно отъ Сулислава Гостиміровича, и въ ихъ родѣ еще до XV вѣка были въ употребленіи имена Прѣдборъ, Сулиславъ, Недаміръ, Тѣшиміръ, Гримиславъ, Приба, Даржикъ. Праотецъ Славковичей вѣроятно—Славекъ сынъ Прибислава Тѣшимѣрича; Славковичи назывались Славекъ, Косенъ, Гостиславъ, Тѣшиміръ, Доброміръ, Тѣшиславъ; они съ конца XIV вѣка стали употреблять предикатъ de Stangenberg. Третья линія Тѣшиміровичей называлась—по имени—*Косены* или *Косаны*, и два Прибислава, отецъ и сынъ (Kosén Prybbezlaf, Kosenson Prybbozlaf), упоминаются еще въ началѣ XIV вѣка. *Сумы* происходятъ отъ шляхтича Сума (1237 г.); это имя осталось въ родѣ какъ фамилія, и въ началѣ XIV вѣка извѣстны Сумы (изъ Витова), Гостиславы, отецъ и сынъ, и другіе „Сумовичи“ (Sumouitz, Sumovisc), Сулиміръ, Рацлавъ и Іоаннъ. *Краковичи* (Krakevitz), вѣроятно потомки шляхтича Крака (ок. 1236 г.), основателя села Кракова (villa Craconis) у Требожезя; позже Краковичи переселились на

[1]) Множество матеріаловъ о ранской шляхтѣ сообщили Klempin u. Kratz: Matrikeln u. verzeichnisse der pommer. ritterschaft vom 14 bis in das 19 jhdrt. (Berlin 1863), Bohlen: Geschichte des geschlechtes von Krassow (Berlin 1853, II. theil: Urkundenbuch).

островъ, и основали здѣсь дворъ Краковичи. Родъ существуетъ до сихъ поръ въ Мекленбургѣ. *Раликы* или *Раликовичи* (Ralic, Raleke, Ralekeuitz), *Радомiры* (Redemer, были еще въ началѣ XVI вѣка), *Горислевы* (Görslaf), вѣроятно потомки кастеляна требожезскаго Горислава (1221—1231), позже родъ патриційскій въ Грейфсвальдѣ, *Стойгневы* (Stogenewe, прекратились въ нач. XVII вѣка), *Славоши* (Zlaws, Slavus), вѣроятно потомки шляхтича Славоша (1207), *Вышки* (Wusseken), *Волчковичи* (Woltzekevitce, позже Volzeke, Fulzeke), *Радоши* (Radas, Rados), и др.—сохранили, какъ видно, старинныя, въ родѣ употребляемыя имена, какъ названія родовыя. Другіе роды назывались по своимъ селамъ, усадьбамъ, изъ *Обеличъ* (Гостиславъ), *Свѣщеновичъ* (Мыслиміръ), *Трѣбичъ* (Trambitz, Даргославъ, Радославъ), *Начевичъ* (Natzevitz, Хотанъ, Сулиславъ, Прибиславъ), *Смѣтевичъ* (Smantewizze, Пустъ, Добеславъ), и др. [1]). Нѣкоторые роды прибыли изъ сосѣдняго Поморья, напр. шляхтичи изъ *Узноима* (Usedom), изъ *Поздиволка* (Pozdevolk), *Жабечичи* (Sabitz, Zabetzitz), и др. Наконецъ и въ нѣкоторыхъ родахъ, носившихъ нѣмецкій предикатъ, встрѣчаются славянскія имена; трудно рѣшить, были-ли то Нѣмцы или Славяне. Такъ напр., члены рода *Mortberner* до самого его прекращенія (1392) носятъ имена Хотанъ (его жена Даргослава), Тѣшиславъ, сыновья Хотана—Лудольфъ и Тѣша (Tetze), сыновья Лудольфа — Добеславъ, Хотанъ, Рацлавъ въ родѣ *Norman* имена Тѣшидаргъ и Тѣшиміръ (ок. 1306), въ родѣ *Rodemunt* Придборъ (1316, 1395) и пр. Славянскія имена сохранились вообще во многихъ родахъ ранскихъ, уже давно онѣмеченныхъ, и въ послѣдующихъ вѣкахъ, хотя въ довольно испорченномъ видѣ (напр. Dubbeschlaff, Verdeschlaff, Jerschlaff, Dubbermer, Steyschlaff, Gützlaff, и пр.).

Приведемъ здѣсь довольно полный перечень ранскихъ шляхтичей (рыцарей и кнаповъ), изъ грамоты 1316 г., писанной по нѣмецки. Въ этомъ любопытномъ памятникѣ замѣтны еще слѣды борьбы славянскаго элемента съ нѣмецкимъ, хотя въ формальномъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ родахъ сохранились еще старинныя славянскія отчества (Ralekeuitz, Sumouitz, Zlawcouitz), но у большинства преобладаетъ уже нѣмецкое — son (Pribenson, Zlawsson, Raduskenson). Интересно, что на нѣкоторыхъ печатяхъ сохрани-

---

[1]) Ради удобства употребляемъ вездѣ русскую форму — *ичи*, вмѣсто западославянской — *ици*, — *ице*.

лась старѣйшая форма лучше, чѣмъ въ самомъ текстѣ грамоты; такъ напр. Razlaf Zlawsson, Teschitz Raduskenson употребляли печати съ надписью: sigillum Rasslai Slavus (т. е. Славошъ), s. Thecen filius Radus. Въ грамотѣ приводятся рыцари: van der Vilmenitz Prydbor, van Pudbutzk Stoyzlaf, mit der Plathe Hinrik u. Thomas, van Karowe Udo, van Wittowe Sum, van Poretz Sambor, van Reetz Hinrik, Budde Egghehard, Bruneswic Johan, Viriz Joh., van der Lanken Prydbor. Дальше множество кнаповъ (knapen van wapen), числомъ 117; оставляя въ сторонѣ кнаповъ съ нѣмецкими фамиліями и именами, приведемъ только тѣхъ кнаповъ, которые, по фамиліямъ и именамъ, оказываются славянскаго происхожденія, или у которыхъ, хотя отчасти, замѣтно вліяніе славянское. Приводятся роды: Crakeuitz (Johan, Heneke, Thessemer), Swetzenouitz (Moyzlemer), van der Lanken (Prydbor, Stoizlaf, Thessemer, Grymezlaf, Mathies), lutteke (малый) Thessemer, Wocek (Claws), Vyriz (Heneke, Thessemer), Rodemunt (Peter, Prydbor), Ralekeuitz (Ralic, Godeschalk), Zytzebor, Pribenson (Wilke, Thezlaf), Gawarn (Pribe), Mortberner (Gote), Sum (Guzlaf), Sumouitz (Tzelmer, Razlaf, Johan), Zabecytz (Jacob), Wyske, Bisteruelt (Thezlaf), Kosen (Prybbezlaf), Kosenson (Prybbozlaf), Zlawcouitz (Thezlaf), Puzdeuolk (Claws, Thesdarc, Peter), Woltzekevitce (Vartyz), Kooth (Razlaf); Zlawsson (Razlaf), Raduskenson (Theschitz), Starkewolt (Thessemer), Clementeuitz (Razlaf), van Natzeuitz (Gothan, Hinceke), Norman (Thesdarc), Trambitz (Darghezlaf, Hinrik), Grote (Ghothen, Guslaf), Redemersson (Zlaweke), van Uzenym (Thezlaf), Wanghelin (Thezlaf), Prybe, Darsit, Meritz, Tzantheuitz (de Smantevizze Pust), Kotzeuitz (Tbessemer).

Кромѣ шляхты, сдѣлавшейся васалами князя и вообще принявшей нѣмецкіе порядки, осталась на Ранѣ еще мелкая шляхта, которая находилась къ князю въ другихъ отношеніяхъ. Это такъ называемые *княжичи* (knesitz, knesyczen, domicelli dicti knesitzen, иногда knes, knetz), которые сохранили это славянское названіе до XV вѣка, даже позже, до временъ, когда они давно уже онѣмечились. Съ конца XIII до конца XIV вѣка, отчасти и въ XV в. княжичи упоминаются въ разныхъ земляхъ Раны, въ селахъ Тѣходаржичахъ, Княжичахъ (Gnysitze, Gnesitze), Пяскахъ, Зрѫбчичахъ, Лѫкѣ, Добреховичахъ, Кубичахъ, Даргеничахъ, около Горы, и пр. „По праву княжичей“ (secundum jus knesitzen, jus knetzorum, sicut juris est knesitzen, prout jus knesitzorum in terra exigit et requirit, velut jus knesitzen in terra Ruge dictat et requirit, to knezytzen

rechte) владѣли на Ранѣ многіе шляхтичи имѣніями, на пр. Добромыслъ въ Тѣходаржичахъ (1296), Андрей изъ Кубичъ въ Добреховичахъ (1346), Робекины въ Кубичахъ (1362), Вѧцековичи въ Полповичахъ (1362—1369), Шереры въ Кубичахъ (1396), и пр. Княжичи платили князю извѣстную подать, деньгами и натурой, которая называется иногда vlycghelt (pflichtgeld); такъ на пр. въ началѣ XIV вѣка платили, одинъ княжичъ въ Пяскахъ—2 гривны, другой только 12 денегъ (solidos), 24 княжича въ рѧбинской землѣ—18 гривенъ, княжичи въ Бѣшинѣ—3 гр., въ Начевичахъ—8 гр., два княжича въ Лѧкѣ—1 гр., одинъ княжичъ въ той же самой Лѧкѣ—1 фунтъ воску, и пр. Князь иногда дарилъ эти платы другимъ, на пр. въ 1439 г. плату одного „князя“ (knetz) въ Даргеничахъ подъягловскому монастырю; а въ 1338 г. переданъ и судъ высшій и низшій надъ княжичами горскому монастырю. Княжичи были, по всей вѣроятности, ранскіе шляхтичи, которые не приняли своихъ имѣній отъ князя въ ленъ, а—вмѣсто личныхъ службъ—были обязаны къ извѣстной платѣ; они, какъ не-васалы, не имѣли права высшаго суда, а только низшаго; это послѣднее называется еще въ XV вѣкѣ (1467, 1488) *knetzen-recht*, противуположность феодальнаго права (mann-recht). Въ XVI вѣкѣ однако на Ранѣ забыли уже шляхетское происхожденіе княжичей, и поморскій лѣтописецъ Канцовъ называетъ „князьями“ (knesen) дѣтей бѣднаго дворянина и богатой крестьянки. Послѣдній слѣдъ княжичей исчезаетъ въ началѣ XVII вѣка (knesen-hof Lybitze, 1611 г.) [1]).

---

[1]) О княжичахъ срв. Bohlen: Geschichte des geschlechtes Krassow (II. 115). Слово «княжичъ» показываетъ, что шляхта у балтійскихъ Славянъ называлась вообще «князья» (срв. сербск. «властелинъ» и «властеличичъ», русск. «бояринъ» и «сынъ боярскій»). Если «княжичъ» = domicellus, junkher (jungherr), то князь = dominus, herr, и слова nobiles, primores, domini, optimates, principes у балтійскихъ Славянъ, можно лучше переводить словомъ «князья», равнымъ образомъ какъ и dominus, princeps, въ смыслѣ князя — государя. Люнебургскіе Славяне еще въ концѣ XVII вѣка не отличали князя—государя отъ князей—дворянъ, называя такъ короля и дворянъ. Пфеффингеръ и Геннигъ объясняютъ: un roy — tschenangs (т. е. кънѧзь), un gentilhomme — tschenangs; les Vandales (т. е. Славяне) tiennent leurs gentishommes pour leurs roys; könig — tyenangs, bedeutet eigentlich etwas fürnehmes, auch einen edelmann, weil die Wenden fast nichts höheres gekannt; tgenangtgeinia, т. е. кънѧгјаиня—edelfrau. У лужицкихъ Сербовъ князь (knjez) означаетъ вообще господина (herr), преимущественно помѣщика (gutsherr), князекъ (knjezk, knjezyk, knjeżk, knjeżik) — junker, gutsherr, rittergutsbesitzer. Форма княжичъ извѣстна и другимъ Славянамъ, русскимъ (княжичъ) и чешскимъ (knéžic) — молодой

Въ *церковномъ отношеніи* ранское княжество подчинено двумъ епископамъ, островъ — датскому епископу роскильдскому, материкъ—звѣринскому. Христіанское духовенство было по большей части нѣмецкое; но встрѣчаются также духовныя лица славянскаго происхожденія, судя по именамъ; такъ въ первой половинѣ XIII вѣка въ духовномъ званіи встрѣчаемъ Ярослава, сына князя Вышеслава I., трехъ членовъ рода Кличаревичей, Мартина (два) и Яника, священниковъ Добеслава (въ Перонѣ), Ратислава. По этому можно заключить, что и въ числѣ другихъ священниковъ, носившихъ имена христіанско-германскія, были Славяне. Славянскія имена ранскихъ священниковъ болѣе позднихъ временъ (на пр. Гостиславъ пробстъ въ Горѣ 1289 г., Гостиславъ священникъ въ Витовѣ 1294 г.), разумѣется, уже нельзя принимать какъ знакъ славянскаго происхожденія, равнымъ образомъ, какъ и шляхты того времени, носившей славянскія имена, нельзя уже считать славянской. *Монастыри* наполнялись, по всей вѣроятности, исключительно Нѣмцами; они, какъ вездѣ, играютъ важную роль въ колонизаціи страны. Монастыри, цистерціанскіе, были въ *Горѣ* на островѣ (основ. 1193 года), въ *Гильдѣ* (основ. до 1207 г.) и въ *Новомъ Кампѣ* (Novus Campus, можетъ быть *Новая Кѣпа*, срв. польск. kępa, 1231 г.) на материкѣ.

На мѣстѣ старинныхъ городовъ славянскихъ или на новыхъ мѣстахъ, возникали *города* новой нѣмецкой формаціи. Самый важный городъ ранскаго княжества былъ вновь построенный *Стрѣловъ* или *Штральзундъ*, основанный до 1229 г., у морскаго пролива на мѣстѣ села близъ острова Стрѣлы, и пожалованный любецкимъ правомъ, какимъ пользовались сосѣднія Розтоки. Мѣщане, всѣ Нѣмцы, были изъ разныхъ странъ княжества, изъ Поморья, мекленбургскихъ владѣній и изъ другихъ нѣмецкихъ земель (Didrich de Demin, Heinr. de Ratzeburg, Heinr. de Vesel, etc). Получали-ли въ Штральзундѣ и Славяне права мѣщанъ или они были прямо исключаемы—какъ это постановлено о Фризахъ (1282 г.)—не знаемъ; по крайней мѣрѣ извѣстныя намъ названія штральзундскихъ мѣщанъ, во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, указываютъ

князь, и польскимъ (księżyc, принявшее уже другое значеніе). Чешское и польское kníže, książe означаетъ не только князя—государя, но вообще какого-бы то ни было начальника. Словомъ «княжичъ» можно переводить титулы балтійскихъ князей — juncherre (напр. Nicolaus juncherre van Werle 1292) и domicellus (Pribico domicellus de Wollin 1276, domicellus Zamborus 1302).

на нѣмецкое происхожденіе. Славянъ упоминается въ городѣ очень немного, на пр. Golowe Slavus, портной Hinricus Slavus, Тѣшикъ (Tessike Slavus), дѣти котораго имѣли какое-то имѣніе въ городѣ, Thide Slavus, Милдаргъ (quidam Slavus Mildarch); другіе въ Штральзундѣ и его округѣ проживавшіе Славяне были вѣроятно только временные его жители, какъ видно изъ прозвищъ „Славянинъ“ изъ такого-то села (Slavus de Sarracin, quidam Slavus in Nipriz) [1]). О Славянахъ въ городѣ, называемомъ *Дѣбья гора* (Damgor, Damgarten)—основаннаго на мѣстѣ села въ 1258 г.—не знаемъ почти ничего; въ началѣ XIV вѣка въ числѣ съемщиковъ городскихъ садовъ былъ и „Іоаннъ называемый Славянинъ“ (Johannes dictus Slavus). Древнеславянскій городъ *Бартъ* существовалъ до половины XIII вѣка, управляемый княжескими кастелянами или, какъ они уже назывались по нѣмецки, бургграфами (Петръ, Ратиславъ, Гостиславъ). Но до 1255 г. Бартъ перемѣненъ въ новый городъ по праву любецкому или ростоцкому. При этой перемѣнѣ славянскіе жители перешли въ особое предмѣстье или *викъ*; здѣсь они упоминаются еще въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка (Slavi in vico juxta civitatem Bard personaliter residentes, 1290, Slavi in vico apud Bard, 1302); имъ предоставлялъ князь свободныя пастбища на одномъ городскомъ лугу сосѣдняго острова Цингста. Когда этотъ викъ присоединенъ къ городу, не знаемъ; на него указываетъ улица, называемая Wyk-strasse (platea vici). Урочища около города носятъ уже во второй половинѣ XIII вѣка (1278) нѣмецкія названія: rosenvort, barenbrugh (palus), hermenshager vort. Подобно Барту перемѣненъ и древнеславянскій городъ *Требоксезъ* (Triboses, Tribses) въ нѣмецкую общину, съ правомъ любецко-ростоцкимъ (1285). Славяне помѣстились вѣроятно тоже въ особомъ предмѣстьѣ или викѣ, хотя они здѣсь прямо не упоминаются; этотъ *викъ* позже, вмѣстѣ съ городищемъ, передавъ городу (villa quae wiek dicitur, locus castri dictus borchwall) [2]). Другіе города и мѣстечки въ ран-

---

[1]) Кромѣ дипломатарія Фабриціуса, и журн. Baltische studien (XI. XII.) ср. Das älteste Stralsundische stadtbuch (1270—1310, ed. Fabricius, Berlin 1872). Были-ли въ 1310 г. упоминаемые Boytin filius Boytin et suus socius dictus *West* — Славяне, не знаемъ. Мѣщанинъ Славекъ изъ Забредья (Slaweke de Seaproden 1311—1313) былъ вѣроятно нѣкоторый родъ Славковичей.

[2]) На островѣ Ранѣ, въ землѣ аркоской или витовской, находится село *Викъ*, вѣроятно викъ Арконы, упоминаемый въ разсказѣ Knytlinga-saga о походахъ Вальдемара.

скомъ княжествѣ были *Лосичи* (*Лосице*, Lositz, Loitz), пожалованныя правомъ любецкимъ (1242 г.), *Гримент*, и *Гарцъ* на островѣ.

Взаимныхъ отношеній нѣмецкаго и славянскаго народонаселенія въ ранскихъ городахъ ближе не знаемъ. Но что и въ нихъ—подобно тому, какъ и въ другихъ балтійско-полабскихъ странахъ,—обнаружилась извѣстная нетерпимость нѣмецкихъ ремесленниковъ по отношенію къ Славянамъ, видно изъ того, что въ двухъ городахъ встрѣчаются особые „славянскіе мясники“ (Wendschlächter). Названіе „Wendschlächter“ осталось и въ послѣдующихъ вѣкахъ, когда—при совершенномъ онѣмеченіи тамошнихъ странъ—мѣсто первоначальныхъ славянскихъ мясниковъ давно уже заняли нѣмецкіе мастеровые. Такіе нѣмецкіе „Wendschlächter“ были въ *Штральзундѣ* еще въ XVI и XVII вѣкахъ; они продавали мясо (Wendefleisch) на особомъ славянскомъ базарѣ „Wendemarkt“. Въ *Бартѣ* было нѣсколько „Wendschlächter“ еще въ половинѣ XVIII вѣка.[1])

Рядомъ съ германизаціей высшихъ сословій, княжескаго рода, шляхты, духовенства и городовъ, шло онѣмеченіе *сельскаго народонаселенія* посредствомъ *нѣмецкой колонизаціи;* колонизація *датская* была, въ сравненіи съ нѣмецкой, незначительна. Колонизація въ Ранѣ относилась прежде всего къ землямъ незанятымъ, незаселеннымъ и необработаннымъ, покрытымъ лѣсами, къ пустынямъ, которыя надо было расчистить и распахать въ поля (agri inculti, mansi non exstirpati, mansi exstirpandi; si silvae et locus vastae solitudinis, ubi prius nulla villa sita fuit, praecisis arboribus atque rubetis exstirpatis, ad agriculturam deventae fuerint etc.). Вмѣстѣ съ такой колонизаціей нѣмецкіе колонисты поселялись также въ существующихъ уже селахъ славянскихъ; Славяне должны были уступить свои земли новымъ колонистамъ,—вѣроятно за извѣстное вознагражденіе,—или оставались подлѣ новыхъ колонистовъ на извѣстныхъ условіяхъ. Покинувшіе свое село Славяне основывали новое село, отличавшееся отъ стараго прозвищемъ „славянское.“ Иногда заселенныя Славянами новыя села получали нѣмецкое названіе, напр. Michelstorp. Славяне, оставшіеся въ нѣмецкихъ селахъ, должны были, съ нѣкоторыми исключеніями, подчиниться новымъ поряд-

---

[1]) Berckmanns Stralsund. chronik (первой полов. XVI в., ed. Mohnike et Zober, Stralsund 1833, p. 121); Fock: Rügensch-pommer. geschichten (Leipzig 1861, IV. p. 12); Franck: Alt u. neues Mecklenburg (Güstrow u. Leipzig 1753, III. buch, p. 86).

камъ, праву нѣмецкому относительно свѣтскихъ и духовныхъ властей; послѣдней, именно епископу звѣринскому, они должны были тогда платить не извѣстную славянскую подать, бископовницу, а десятину, наравнѣ съ нѣмецкими колонистами. Правда, постановленія о совмѣстномъ жительствѣ Славянъ, Датчанъ и Нѣмцевъ касались и двухъ послѣднихъ народовъ, т. е. Нѣмцы и Датчане, поселившіеся въ славянскихъ селахъ, должны были подчиниться господствовавшему въ нихъ праву славянскому; но такихъ случаевъ было по всей вѣроятности немного. Иногда Славянамъ—въ случаѣ отдачи ихъ села новымъ колонистамъ—отводились особые поземельные участки, да и тѣ только живущимъ еще въ селѣ Славянамъ; другимъ Славянамъ не позволялось уже селиться въ томъ селѣ, которое такимъ образомъ, съ вымираніемъ славянскихъ жителей, дѣлалось совсѣмъ нѣмецкимъ.

Въ славянскихъ селахъ господствовало, какъ уже сказано, „право славянское“ (omnis consuetudo quae *jus sclavicum* publice appellatur, a. 1249). Жители такихъ селъ обязаны были отправлять разныя земскія и придворныя повинности, именно подвергались всеобщему ополченію—эта повинность называется прямо „славянской“ (expeditio gentis sclavicae),—строили и поправляли города, мосты, дороги, доставляли подводы и др., наконецъ платили извѣстную подать съ рала (uncus). Князья, жалуя монастыри селами, освобождали ихъ жителей отъ такихъ повинностей и работъ, и такимъ образомъ создавали привилегированныя мѣста, изъятыя изъ подъ всеобщаго права. Эти освобожденія относились, разумѣется, ко всѣмъ подданнымъ монастырей, были-ли они вновь приглашенные колонисты нѣмецкіе и датскіе, или коренные Славяне или даже славянскіе колонисты; ибо Славяне не были исключаемы изъ новой колонизаціи, а монастырямъ позволялось заселять пожалованныя имѣнія людьми какого-бы то ни было племени, Датчанами, Нѣмцами и Славянами (collocare cujuscunque gentis homines, Dacos, Teutonicos, Sclavos); соотвѣтственно этому, монастырямъ дозволялось учреждать и корчмы—важныя мѣста сбора княжескихъ доходовъ, родъ кассъ—по обычаю славянскому, нѣмецкому и датскому (tabernas more gentis nostrae, sive Teutonicorum aut Danorum). Въ церковномъ отношеніи Славяне платили извѣстную въ звѣринской епархіи бископовницу. Селенія по *нѣмецкому праву* основывались извѣстнымъ

образомъ, посредствомъ шульцовъ или гагемейстеровъ, которые заселяли села или гагены, и пр. [1]).

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ XIII вѣка, господствовало въ селеніяхъ ранскаго княжества двойное право, славянское и нѣмецкое (consuetudo quae jus slavicum vel theotonicum appellatur, consuetudo quae in Theotonia seu Slavia pro lege consueverat observari). Но съ половины XIII вѣка славянское право исчезаетъ,— послѣдній разъ оно упоминается въ началѣ XIV вѣка на островѣ Ранѣ,—и новые порядки нѣмецкіе распространяются во всемъ княжествѣ. Въ ранскихъ грамотахъ не находимъ прямыхъ свидѣтельствъ о пожалованіи нѣмецкаго права славянскимъ селамъ, какъ на пр. въ сосѣднихъ поморскихъ и бодричскихъ земляхъ; но за то встрѣчаемъ въ селахъ съ славянскими названіями, стало быть первоначально славянскихъ, учрежденія нѣмецкаго права. На ранскомъ материкѣ уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка въ селахъ встрѣчаются вездѣ гуфы (mansi, houen) вмѣсто древнеславянскихъ ралъ; послѣднія употреблялись еще въ концѣ XII вѣка въ земляхъ требожезской, бартской, остроженской и др., позже только въ одномъ „славянскомъ“ селѣ, въ началѣ XIV вѣка [2]). На островѣ сохранились рала и впослѣдствіи, даже во время полнаго торжества германизаціи. Обыкновенная въ нѣмецкихъ селахъ наслѣдственная аренда встрѣчается также въ селахъ съ славянскими названіями, гдѣ по всей вѣроятности оставались еще хотя отчасти славянскіе жители. Такъ на пр. на островѣ князь Вышеславъ продаетъ (1290) село Бѣлдерикъ двумъ поселянамъ, Сулиміру и Домаміру, въ наслѣдственную аренду, выговаривая себѣ извѣстную ежегодную плату; княгиня Агнеса продаетъ (1297 г.) село Донековичи въ наслѣдственную аренду, Петру Гнѣвику (Gneweken) и Петру и Николаю сыну Войміра (Wymari), съ тѣмъ, чтобъ они платили извѣстную

[1]) Срв. стр. 135. Magistri villarum упоминаются около Требожезя въ 1221 г. (buremester въ 1320 г. на Ранѣ); magister indaginis ок. Барта въ 1242 г.; besettinge ок. Требожезя въ 1278 г., и пр.

[2]) In provinciis Ostrusna, Tribuses, Bart etc. de quolibet aratro (вѣроятно рало) modius frumenti (1193); in terra Tribuzes de omnibus mansis decima (1221); mansi in Gusdin (t. Tribuses, 1237); mansi indaginum (t. Bard, 1242); mansi in villa Prethutzeve (in t. Tribuzes et Losize 1242). Дальше во 2. полов. XIII в. mansi in villis Grancin, Pogelictz, Croneuiz, Perun, Gloviz, Kusterow etc. О «славянскомъ» селѣ см. ниже.

плату въ годъ; князь Вышеславъ продаетъ (1300 г.) жителямъ селъ Широшевичъ и Дуничичъ въ наслѣдственную аренду прилежащіе поземельные участки, требуя извѣстной ежегодной платы деньгами и натурой, и пр.

Благодаря вліянію чужого, нѣмецкаго элемента, старинные порядки вообще мало по малу изчезали или измѣнялись, или наконецъ совсѣмъ уступали новымъ. Съ постепеннымъ усиленіемъ нѣмецкаго языка въ высшихъ, правительственныхъ сферахъ, нѣкоторыя древнеславянскія учрежденія уже рано принимаютъ нѣмецкія названія. Повинность строить и поправлять города и мосты называется уже въ 1225 г. burgwerc, bruckenwerc; общая воинская повинность, оборона земли и ополченіе „славянскаго народа“ принимаетъ около половины XIII вѣка названіе landwere (defensiō terrae generalis, quae vulgariter lantwere dicitur 1282); вмѣсто кастеляновъ являются бургграфы (burgravius), такъ на пр. въ Бартѣ (1225) и въ Требожезѣ (1231). Старинное городовое устройство упало вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Многочисленными привилегіями освобождались подданные княжескіе, монастырскіе и шляхетскіе, отъ общихъ земскихъ повинностей, отъ общаго суда; новые феодальные порядки измѣнили характеръ общей воинской повинности, которая легла главнымъ образомъ на васаловъ; оборона старыхъ и новыхъ городовъ или скорѣе замковъ, крѣпостей, поручена особымъ бургграфамъ и манамъ, васаламъ. Образованіе новыхъ общественныхъ формацій, церкви, васаловъ, городовъ и селъ съ нѣмецкимъ правомъ—измѣнило господствовавшее до тѣхъ поръ право, право славянское, которое уступило праву новому, нѣмецкому, оставивъ по себѣ только незначительные слѣды. Вмѣсто старинаго общаго права, относившагося безъ различія ко всѣмъ жителямъ, является въ ранскомъ княжествѣ,—какъ вездѣ въ балтійскихъ странахъ,—кромѣ права церковнаго, каноническаго, особое земское право—lantrecht, особое феодальное право—manrecht, особое городское право—statrecht, именно города Любека. Прежнихъ кастеляновъ замѣнили фогты (advocatus, vaget, vogt, и subadvocatus), главнымъ образомъ судьи; были судьи княжескіе,—которые на Ранѣ сохранили до позднѣйшихъ временъ полуславянское названіе gardvaget т. е. городовой судья, — судьи въ имѣніяхъ шляхты и духовенства. Низшимъ, сельскимъ судомъ завѣдывали сельскіе старосты, шульцы или гагемейстеры.

Все здѣсь въ общихъ чертахъ сказанное попробуемъ подробнѣе

прослѣдить, на сколько возможно, по отдѣльнымъ землямъ ранскаго княжества.

На материкѣ недалеко отъ устья рѣчки Гильды или Рѣки (Hilda, Reka), на самой границѣ поморскаго княжества, основанъ въ началѣ XIII вѣка цистерціанскій монастырь *Гильда* (Ilda, Hilda, Eldena [1]). Пожалованныя ему въ земляхъ *крестовской*, *остроженской* и *гостковской* села и ихъ урочища, носятъ еще до половины XIII в. славянскія названія; такъ на пр. села Радошовичи, Даржимь, Квиздовъ, Меротичи, Держковъ, Малешичи, Будимь и пр., рѣчки и потоки Свинка, Липица, Каменица, Квичій бродъ или Квиздовская струга (Quezsibrod sive Guizdovesca struga, срв. чеш. Kvíc), городище называемое такъ по славянски „гардище“ (antiquum castrum gardist), и пр. [2]). Монастырю позволялось заселять его села Датчанами, Нѣмцами и Славянами, поселянами и ремесленниками (collocare Dacos, Teutonicos, Sclavos). Этимъ позволеніемъ воспользовались монахи, и еще до половины XIII вѣка расчищены были лѣса, и основано нѣсколько гагеновъ (hagen), Frederikeshagen, Reimberneshagen, Johanneshagen, Bernardeshagen, Bartholomeushagen, Henrikeshagen, Boltcshagen и др., названные такъ, какъ видно, по основателямъ. Въ монастырскихъ имѣніяхъ были уже тогда въ употребленіи mansi indaginarii, jugera indaginaria. Селеній съ нѣмецкими названіями является впослѣдствіи все больше (Rosendal, Vogelsanc, Nienkerken, Stutingehof и др.). Въ разноплеменныхъ монастырскихъ селеніяхъ господствовало до половины XIII в. разное право (cunctis hominibus et colonis in claustri possessionibus locandis sive etiam locatis concedimus jure proprio se tueri), въ славянскихъ — славянское, въ нѣмецкихъ — нѣмецкое (consuetudo quae jus slavicum vel theotonicum appellatur; consuetudo quae in Theotonia seu Slavia pro lege consueverat observari); монастырю предоставлялось учреждать въ селахъ корчмы по обычаю славян-

[1]) Такъ какъ имѣнія монастыря находились не только въ княжествѣ ранскомъ, но также въ сосѣднемъ поморскомъ, именно въ землѣ гостковской, то воспользуемся также жалованными грамотами поморскихъ князей. Около полов. XIII в. монастырь владѣлъ 22 селами и мельницами съ названіями славянскими, а 10 селами съ назв. нѣмецкими (почти всѣ — hagen). Значеніе названія рѣчки и мѣста Ilda темны; срв. названіе рѣки Elda въ полабской землѣ.

[2]) Крѣпость на сосѣднемъ островкѣ Костнѣ называлась еще позже «гардъ» (castrum quod ghart dicitur, a. 1275).

скому, нѣмецкому или датскому (tabernas more gentis nostrae sive Teutonicorum aut Danorum). Датскіе и славянскіе колонисты заняли особые *вики* близъ монастыря (vicus ante claustrum, 1248); датскій викъ (Densche wic, vicus danicus) упоминается до начала XIV в. (1306), славянскій викъ (Wendesche wic) до конца XIII в. (1290). Кромѣ этого славянскаго вика въ числѣ монастырскихъ селеній были также особыя „славянскія" села. Одно было у Даржимя въ остроженской землѣ (grangia Darsim cum villa slavicali 1280); другое „славянское село" (slavica villa) упоминается въ началѣ XIV в. (1306), но безъ болѣе точнаго опредѣленія; не знаемъ, было-ли это то село что у Даржимя или другое, или наконецъ выше упомянутый славянскій викъ [1]). Но кромѣ чисто нѣмецкихъ, датскихъ и славянскихъ селъ, въ числѣ монастырскихъ селеній, были— по крайней мѣрѣ до половины XIII вѣка—и села съ смѣшаннымъ населеніемъ, т. е. въ нѣмецкихъ селахъ находились также Славяне и Датчане, и на оборотъ въ славянскихъ селахъ Нѣмцы и Датчане. О такихъ селахъ поморскій князь Вартиславъ еще въ половинѣ XIII вѣка (1248 г.) постановилъ, чтобъ отдѣльныя лица подчинялись господствующему въ селеніи праву (si quis vero in villis gentis nationis alterius, ut verbi gratia Danus vel Slavus inter Theotonicos, et e converso, elegerit habitare, volumus, ut illorum jure utatur, quorum contubernium approbavit, nisi forte abbas aliter inter eos duxerit ordinandum). Позже такихъ постановленій не встрѣчаемъ, равнымъ образомъ какъ не встрѣчаемъ уже и славянскаго права и Славянъ въ тѣхъ странахъ; тамошнія села—кромѣ выше приведеннаго „славянскаго" у Гильды — въ теченіи второй половины XIII вѣка онѣмечились, принявъ и право и народность нѣмецкую.

Въ *требожезской землѣ*, лежавшей на границѣ мекленбургскихъ владѣній, началась нѣмецкая колонизація, стараніемъ князя Вислава и епископа звѣринскаго, довольно рано, уже въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка. Въ 1221 году въ этой землѣ было уже значительное число нѣмецкихъ колонистовъ (theuthonici coloni), подъ управленіемъ своихъ шульцовъ (magistri villarum); эти колонисты платили епископу извѣстную десятину по нѣмецкому обы-

[1]) Датскій викъ называется также селомъ (villa Denschewic 1304). Vicus упоминается (1249 г.) у села Wampand (W. et vicus Lathebo, но годъ тому назадъ, 1248, только Lathebo).

чаю (decimam theuthonico more). Но кромѣ этихъ уже поселившихся колонистовъ, имѣлась въ виду и дальнѣйшая колонизація, съ помощью расчистки лѣсовъ и пустынь, воздѣлываніемъ ихъ и перемѣной въ поля; а также имѣлось въ виду основаніе другихъ селъ (si silvae et locus vastae solitudinis, ubi prius nulla villa sita fuit, precisis arboribus atque rubetis exstirpatis, ad agriculturam deveniae fuerint). Кромѣ нѣмецкихъ колонистовъ были здѣсь и Славяне; одни славянскіе поселяне, уступивъ свои поля нѣмецкимъ колонистамъ, переселились на другую сторону города (Slavi qui Theutonicis agros illos colentibus cesserunt, ex alia parte castri Tribuzes), другіе—остались и жили сообща съ нѣмецкими пришельцами (Slavi qui adhuc cum Theutonicis resident); первые, не смѣшанные съ Нѣмцами, продолжали платить епископу обыкновенную въ балтійскихъ епархіяхъ *бископовницу* (collectura Slavorum quae biscopounizha dicitur); другіе Славяне, которые остались жить съ Нѣмцами, должны были, наравнѣ съ ними, платить уже десятину. Относительно этихъ доходовъ, десятины, бископовницы и судебныхъ платъ, князь и епископъ сдѣлали другъ съ другомъ подробныя распоряженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опасались тогда еще реакціи со стороны вытѣсняемыхъ Славянъ. Князь боялся, какъ бы требожезскіе Славяне не прогнали Нѣмцевъ и не заняли прежнихъ своихъ жилищъ (si vero sinistro succedente casu, quod deus avertat, terra in pristinum fuerit statum reversa, ita quod Theutonicis expulsis, recolere terram Sclavi incipiant); въ такомъ случаѣ князь лишился бы многихъ доходовъ, и опасенія матеріальныхъ убытковъ заставили славянскаго князя желать установленія *новыхъ* порядковъ, благопріятствующихъ нѣмецкой народности и вмѣстѣ съ тѣмъ княжеской казнѣ, но гибельныхъ народности славянской. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого достопамятнаго договора между княземъ ранскимъ и епископомъ звѣринскимъ, основанъ въ требожезской землѣ цистерціанскій монастырь *новокампскій* (Novus Campus). Въ числѣ пожалованныхъ монастырю селъ было нѣсколько нѣмецкихъ (Richeberg, villa Ratwardi, villa Wulferi, molendinum Richolfi); монастырю пожалованъ тоже лѣсъ для обработки (trescentos mansos nemoris exstirpandos), и позволено приглашать на его земли колонистовъ и ремесленниковъ какого бы то ни было народа (cujuscunque gentis et cujuscunque artis homines), кромѣ подданныхъ княжескихъ. Селеній съ нѣмецкими названіями—пріобрѣтаемыхъ монастыремъ въ тѣхъ странахъ—все больше прибываетъ;

встрѣчаются разныя — dorp (Vlemingesdorp, Langendorp, Barneslawendorp, Lambrechtesdorp, и др.),—hagen (Papenhagen, Gherbodenhagen, Lendereshagen, Conradeshagen и пр.) и др. Славянскихъ селъ упоминается во второй половинѣ XIII вѣка (1282 г.)—только два, славянское Барнеково (Wendesche Barnekowe) и славянское село у Тѣхелина (villa slavicalis juxta Techelin); здѣсь, стало быть, произошло раздѣленіе села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую. Тоже самое случилось и въ селахъ Wendisch-Baggendorf и Wendisch-Langendorf, которыя сохранили свои прозвища до сихъ поръ. Славянами заселенъ былъ по всей вѣроятности и викъ у Требожезя. Въ сѣверовосточной части требожезской земли основанъ выше упомянутый городъ Стрѣловъ или Штральзундъ.

Сѣверную приморскую часть ранскаго материка занимала *земля бартская*. И въ этой землѣ нѣмецкая колонизація началась еще въ первой половинѣ XIII вѣка. Въ сѣверозападномъ углу на границѣ мекленбургскихъ владѣній, у села Дѫбогоры, было село Путичи или Путничи (Putiz, Putniz), гдѣ уже въ 1225 г. считали по нѣмецкимъ моргамъ (jugera quod vulgo dicitur morgen), и опредѣляли направленіе своихъ земельныхъ границъ между прочимъ и по нѣмецки (directe quod vulgo dicitur rarecth). Въ 1242 году князь Вышеславъ продалъ гагемейстеру Ивану (magistro Ywano), четыре села, Старковъ со всѣми принадлежностями, полями, лугами, пастбищами, водами, и съ мельницей, Ратиборичи, Чернинъ, Вилегощь (Велегощь) до рѣчки Бартика; кромѣ того и за рѣчкой тридцать не расчищенныхъ гагергуфъ (mansi indaginum). Всѣ эти имѣнія князь продалъ Ивану и его наслѣдникамъ, по праву феодальному и наслѣдственному (feodali et hereditario jure), освободилъ ихъ отъ земскихъ повинностей и отъ земскаго суда — кромѣ уголовныхъ дѣлъ,—и предоставилъ Ивану и его наслѣдникамъ третью часть судебныхъ денежныхъ штрафовъ. Въ этомъ договорѣ не говорится прямо о нѣмецкой колонизаціи этихъ четырехъ славянскихъ селъ; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что села куплены Иваномъ для колонизаціи существовавшихъ уже селеній славянскихъ [1]). Яснѣе является нѣмецкая колонизація въ селѣ *Чарниковичахъ* (Sarnekevitze) у Барта. Князь Яромиръ продалъ въ 1256 г. это село съ округомъ жителямъ села, уже Нѣмцамъ (Mar-

[1]) Этого Ивана (magister Ywanus) едва-ли можно смѣшивать съ современнымъ ему рыцаремъ Иваномъ (dominus Iwanus, miles, Iwanus de Bliderstorp).

quardus мельникъ изъ Вобелкова, Lubbertus filius Adolphi, Joh. Obulus, Joh. Crantz, Adolphus, Sygfridus de Rubz, Jordanus Rubz, Gerherdus de Rubz, Reimarus de Kenitze, Thidericus parvus, Friedericus Stedingus, Willeke de Sarnekevitze, Wicberus de Stralesund, Hinricus et Joh. Semmelow, Hillewardus, Rosenwater). Село продано жителямъ и ихъ наслѣдникамъ, со всѣми полями, пастбищами и лѣсами; его границы подробно опредѣлены разными урочищами, которыя носятъ уже нѣмецкія названія, на пр. via quae dicitur *rosenvorde*, palus quae dicitur *palus ursi* (двадцать лѣтъ спустя по нѣмецки *barenbrugh*), monticuli *schedehop* (scheidehaufen) appellati, hoc *rarechte* (т. е. прямо) quod vulgariter dicitur. Какъ видно, нѣмецкіе колонисты позаботились о повальномъ онѣмеченіи окружающихъ это древнеславянское село урочищъ. Но въ Чарниковичахъ осталось еще нѣсколько старинныхъ жителей изъ Славянъ; за ними князь закрѣпляетъ занимаемыя ими мѣста, но не дозволяетъ пользоваться полями, а только лѣсами и пастбищами, стало быть, дѣлаетъ изъ хлѣбопашцевъ и земледѣльцевъ только лѣсныхъ промышленниковъ и пастуховъ, скотоводовъ (Slavi seu solani ponendi sunt, ubi nunc positi sunt, et non tenentur agris uti, sed tantum lignis et pascuis [1]). Но эта льгота дозволена только живущему еще поколѣнію; ибо князь прямо запрещаетъ дальнѣйшее поселеніе Славянъ въ этомъ селѣ, которое такимъ образомъ обречено къ полной германизаціи (plures Slavi seu solani in eadem villa non sunt locandi, quam locati sunt). Когда въ 1316 году князь Вславъ пожаловалъ это село городу Барту, то въ немъ Славяне уже не упоминаются. Послѣдніе Славяне въ бартской землѣ были, кажется, жители выше упомянутаго бартскаго вика, гдѣ они жили еще въ началѣ XIV вѣка, пользуясь пастбищами на островѣ Цингстѣ. Кромѣ Славянъ бартскаго вика, упоминаются въ это время Славяне еще въ двухъ селахъ *лосицкой земли*—между тѣмъ присоединенной къ ранскому княжеству (1275 г.), — именно въ селахъ Bretwisch и Michelstorp. Объ этихъ остаткахъ Славянъ князь Вышеславъ вспомнилъ еще въ своемъ завѣщаніи (1302 г.). Завѣщая разныя имѣнія и вещи своей женѣ, сыновьямъ и дочерямъ, родственникамъ, своей дворнѣ, монастырямъ, церквамъ и пр., князь въ началѣ своего завѣщанія—послѣ завѣщаемыхъ женѣ, сыновьямъ,

[1]) Темное слово «solani» имѣетъ вѣроятно связь съ solum, solanum—почва, земля.

монастырю горскому и одному госпиталю вещей — распоряжается насчетъ „своихъ Славянъ“ въ бартскомъ викѣ и въ обоихъ селахъ, и требуетъ отъ своихъ наслѣдниковъ, чтобъ эти Славяне пользовались всѣми прежними льготами (volo et mando heredibus meis, quod Slavi mei in Michelstorp et Bresechevis ac in vico apud Bard eandem libertatem habeant in omnibus, quam meo tempore habuerunt). Не знаемъ, соблюдали-ли преемники Вышеслава его волю, пользовались-ли именно бартскіе Славяне спокойно пастбищами на городскомъ лугу сосѣдняго острова Цингста, предоставленными имъ по приказанію того же самого князя Вышеслава еще двѣнадцать лѣтъ назадъ (1290 г.); но когда по смерти Вышеслава сынъ и преемникъ его, князь Вышеславъ III, продаетъ этотъ островъ недавно основанному въ Гиденсе (Hyddense) монастырю, то о бартскихъ Славянахъ нѣтъ уже никакого помину.

Кромѣ того Славяне жили въ началѣ XIV в. (1306) еще въ одномъ селѣ монастыря Гильды, который тогда лежалъ уже въ поморскомъ княжествѣ; это село называется прямо „славянскимъ“ (slavica villa). Въ селѣ употребляли еще старинную славянскую мѣру, рало (uncus), между тѣмъ какъ въ остальныхъ селахъ ранскаго материка вездѣ существовала уже нѣмецкая гуфа (mansus). Въ числѣ поселянъ были Nicolaus dictus Wessel, Nicolaus Vitzeke, Hinricus dictus Syneken; они давали монастырю десятину, и съ каждаго рала извѣстную подать натурой, между прочимъ и двѣ связки льна; связка называется уже по нѣмецки *top*. Наконецъ нѣкоторые Славяне проживали тогда, какъ уже выше сказано, въ Штральзундѣ и его окрестностяхъ; они были уроженцы окрестныхъ селъ (Slavus de Sarracin, quidam Slavus in Nipriz).

Нѣмецкая колонизація на материкѣ ранскаго княжества, сдѣлала въ теченіи второй половины XIII вѣка огромные успѣхи; въ началѣ XIV вѣка славянскій элементъ считалъ уже очень немногихъ представителей; съ ихъ же кончиной—онъ исчезаетъ совсѣмъ. Если соберемъ названія селъ въ ранскомъ материкѣ (вмѣстѣ съ лосичской землей), встрѣчающіяся въ грамотахъ до 1302 года (т. е. до кончины князя Вышеслава II.), то оказывается слѣдующее. До 1260 г. (годъ смерти князя Яроміра II, и воцаренія Вышеслава II) упоминается всего ок. 78 селъ, въ томъ числѣ 60 съ славянскими названіями ($^3/_4$), 18 же съ нѣмецкими ($^1/_4$); къ первымъ причислены „славянское село“ у Дѣбогоры, и „славянскій викъ“ у Гильды, къ другимъ „датскій викъ“ тамъ же. Нѣмецкія

названія новыхъ селъ начинаются уже съ 1221 года, особенно же съ 1240 года, и взяты по большей части отъ именъ основателей(—dorp,—hagen); ихъ основали напр. епископъ (Biscopesdorp), попъ (Papenhagen, indago sacerdotis), фогтъ (Vogedehagen), Борята, Янекъ, Сумекъ, Ратвардъ, Вульферъ и др. (Borantenhagen, Janekendorp, Sumekendorp, villa Ratwardi, v. Wulferi), слѣдовательно германизующіеся Славяне и Нѣмцы. До 1302 г. упоминается—вмѣстѣ съ предыдущими—ок. 160 селеній, въ томъ числѣ 95 съ славянскими названіями, 65 же съ нѣмецкими, послѣднихъ стало быть уже $^2/_5$. Названія послѣднихъ происходятъ по большой части отъ именъ основателей, на пр. Barneslawendorp, Lambrechtisdorp, Dethmerestorp, Ludershagen, Gerbodenhagen, Thessekehagen и пр. Всѣхъ вообще названій съ окончаніемъ—dorp (villa) встрѣчаемъ (до 1302 года) 21,—hagen (indago) 24. Другія взяты отъ мѣстоположенія или по другимъ обстоятельствамъ (Houet, Rosendal, Rostenberg, Vogelsang и пр.). Мы уже часто замѣчали, что славянскія названія представляютъ — вообще говоря — первоначальную славянскую колонизацію, нѣмецкія же—послѣдовавшую за ней *новую* колонизацію. Нѣкоторыя села съ славянскими названіями построены уже позже, во время происходившей нѣмецкой колонизаціи; такъ напр. село Дамбе (Damme), принадлежавшее гильдскому монастырю, встрѣчается только около половины XIII вѣка, когда монастырь сталъ обработывать и заселять пожалованныя ему земли. Съ другой стороны Славяне заселяли не только новыя села съ славянскими названіями и означаемыя какъ „славянскія“, но и новыя села, называемыя по нѣмецки, какъ напр. вышеупомянутое Michelstorp. Но такая новая славянская колонизація, которая происходила рядомъ съ нѣмецкой, была въ сравненіи съ послѣдней незначительна. Мы видѣли, что нѣмецкіе колонисты селились не только въ новыхъ, но также и въ старыхъ селеніяхъ; тамошніе Славяне должны были или выселиться и образовать новое селеніе „славянское“, или жили еще нѣкоторое время совмѣстно съ новыми колонистами, до своей кончины или до своего онѣмеченія. Всего этого процеса во всей его полнотѣ мы—за неимѣніемъ болѣе подробныхъ данныхъ—подробно прослѣдить не можемъ; но и приведенные выше примѣры постепенной германизаціи земли требожезской и села Чарниковичъ—представляютъ довольно ясную картину такой германизаціи. Славяне или уступаютъ новымъ нѣмецкимъ колонистамъ свои села и поля, переселяются въ другое мѣсто, или остаются между но-

выми колонистами. Но они не поддерживаются никѣмъ, ни духовной ни свѣтской властью, ни шляхтой — всѣ эти сословія скоро онѣмечились,—новаго прилива со стороны соплеменниковъ нѣтъ, такъ какъ имъ даже запрещается поселяться въ германизующихся селеніяхъ. Вслѣдствіе этого славянскій элементъ или асимилируется съ окружающимъ его элементомъ нѣмецкимъ или вымираетъ. Нѣсколько дольше сохраняются Славяне въ своихъ отдѣльныхъ селеніяхъ; но и тѣ, въ началѣ XIV вѣка, раздѣляютъ участь остальныхъ своихъ братьевъ, принимаютъ нѣмецкую народность или вымираютъ. По крайней мѣрѣ со второго десятилѣтія XIV вѣка Славяне на материкѣ ранскаго княжества уже не упоминаются.

Повальное онѣмеченіе этой части ранскаго княжества видно и по разнымъ примѣтамъ, въ сельскихъ учрежденіяхъ, въ названіяхъ урочищъ и пр. О распространеніи нѣмецкихъ гуфъ (и besettinge) въ славянскихъ селахъ мы говорили уже выше. Мѣры употреблявшіяся въ селахъ—нѣмецкія (tremodium—drömt, modius), а о славянскомъ корцѣ нѣтъ уже и помину. Нѣмецкія названія носятъ и разныя мѣры, вещи, орудія и др. (terra—overslach, semita dura—hartanger, platea—vestrate, casa—katen, agger seu dam, cotlant, и пр.), мельничныя и рыболовныя (dych, stowinge, gruntwerk, sluse, worpnette, stockenette, waden), и пр. Урочища около селъ принимаютъ нѣмецкія названія или онѣмеченныя формы, напр. rivus—Simerstorperbeke, palus — mur, palus Benekenbroke, Dambroch, stagnum Bandin—Peninrese, pons—Bolbruchge, и пр. Къ этимъ нѣмецкимъ названіямъ обыкновенно прибавляется, что они общеупотребительны (quod vulgo, vulgariter dicitur). Вся эта разнообразная нѣмецкая терминологія встрѣчается не только въ селеніяхъ съ нѣмецкими названіями,—стало быть въ селеніяхъ новой колонизаціи,—но также и въ селеніяхъ называемыхъ по славянски. Такъ напр. около выше упомянутаго села Чарниковичъ были холмики называемые schedehop, дорога—rosenvorde (1256); около села Езерья (Jesere) близъ Крестова было болото—elrebrooc, лугъ—reedwisch (1276); у села Трибомя близъ новокампскаго монастыря была мельница, называемая Bertrammesmolen или Monekemolen, и ея принадлежности—vrigothe sive sluse (1288); лежащія у селъ Пѣнина и Путна (близъ новокампскаго монастыря) озерца называются уже по нѣмецки — *see* (Bandinrese sive Peninrese, Putthenerse); рыба ловилась здѣсь сѣтями, называемыми worpnette, stockenette, vloten (1287); въ селѣ Гостинѣ извѣстные поземельные участки называются cotlant (1289);

на островѣ Цингстѣ была дорожка называемая hartanger (1290); въ вышеупомянутомъ селѣ Вилегощѣ извѣстная мѣра называлась hofslach, и одинъ тамошній житель, вѣроятно шульцъ, назывался Grammerstorpe (1302), и пр. Всѣ эти и имъ подобныя слова, встрѣчающіяся въ грамотахъ второй половины XIII вѣка, нельзя, разумѣется, уже приписывать составителямъ грамотъ, обыкновенно нѣмецкимъ священникамъ, а надо ихъ считать взятыми прямо изъ устъ народа, Нѣмцевъ или онѣмеченныхъ Славянъ.

На *островѣ Ранѣ* славянскій элементъ сохранился немножко дольше. Прямыхъ извѣстій о славянскомъ населеніи острова въ XIII и XIV вв., имѣется однако очень мало, меньше, чѣмъ на ранскомъ материкѣ. Островъ Рана былъ уже въ XII в. густо населенъ. Въ послѣдней борьбѣ Ранъ за независимость (1168 г.) стояло только въ одномъ городѣ, Каренцѣ [1]), 6000 вооруженныхъ человѣкъ, другое войско, вѣроятно не меньшее, защищало Аркону. На густое населеніе указываетъ тоже значительное число заселенныхъ мѣстъ (до 500) въ началѣ XIV вѣка [2]). Селенія носятъ, съ немногими исключеніями, славянскія названія, принадлежатъ слѣдовательно къ первоначальной славянской колонизаціи; ихъ названія доказываютъ древнее ихъ происхожденіе, доходящее до временъ исключительнаго господства славянскаго элемента. Большая половина—названія родовъ, съ патропимическимъ окончаніемъ—*ичи* (—*иче*), напр. Лютковичи, Чеховичи, Страхотичи, Любановичи, Лобковичи, Домашевичи, Тѣходаржичи, Попеловичи, Буретичи, Бѫдославичи, Краковичи, Гостирадичи, Варшиковичи, Далимѣричи, Хотѣмичи, Славковичи, Прусиновичи, и др. Другія названія разнообразны; они взяты отъ основателей (Прѣмышль, Быдгощь, Любинъ, Хотѣминъ, Карово, Мысликово, и др.), отъ мѣстоположенія (Гора, Забродье, Заезерье, Подгардье, Гардище, Лазы, Бреги, и пр.), отъ качества почвы (Пяски, Сушица, Солинъ, Полица, Лѫка, Кѫпа, Бризанки, Дѫбаны, Борово, Восѣчье, и пр.), отъ занятій жителей

---

[1]) Carentia (у Саксона), Charenz (въ грамотахъ XIII в.), потомъ Garz. Срв. польск. Karnice. Въ началѣ XIV в. упоминаются на Ранѣ села Karnice, Charense.

[2]) См. подробный перечень княжескихъ доходовъ съ острова Раны 1314 г. (Fabricius IV. 2. p. 36), и Registrum redituum ad episcopum Roskildensem pertinentium (c. 1320): terra Ruye (Dähnert: Pommersche bibliothek IV. 45, Langebek: Scriptores rerum danicarum VII. 133). Статьи Болена (Bohlen: Der bischofsroggen auf Rügen) ближе не знаемъ.

(Ковале, Доморады), отъ разныхъ случайностей (Дриволки, Преставолки, Конетопы, Лопата, Мельно, Таргово, Медово, Святогора, и пр.). Уже изъ этого разнообразія мѣстныхъ названій видно, на сколько глубокіе корни пустила на островѣ славянская колонизація; однихъ родовыхъ названій, свидѣтельствующихъ о самой древней колонизаціи, насчитывается больше двухъ сотъ. Нѣмецкая колонизація на островѣ коснулась по большей части заселенныхъ уже мѣстъ; и дѣйствительно, вновь построенныхъ селеній съ нѣмецкими названіями, встрѣчается еще въ началѣ XIV в. очень мало. Находимъ нѣсколько—hagen (Verchoslaveshagen, Wislaueshagen, Rouenhagen, Budenhagen, Sumeshagen, Smitershagen и пр.), нѣсколько—dorp (Niendorpe, Slauestorpe, Bartstorpe, Tvargelstorpe, Strucemanstorp и пр.), названныхъ, какъ видно, по основателямъ; названіе села Sasitze указываетъ либо на основателя Саса, либо на „Сасичей“ т. е. сасскихъ (саксонскихъ) колонистовъ. Вслѣдствіе нѣмецкой колонизаціи, нѣкоторыя селенія раздѣлились на два, на большое или нѣмецкое, и малое или славянское, именно Karove slavicum et aliud (Wendesche, Dudesche Karow), Cituvice (Cycoviczs) parvum et magnum, Lesten parvum et magnum (въ 1302 г. только одно село этого имени: villa Lesten et omnia bona ad eam pertinentia), Lopkeuitze parva et magna, Glove et G. novum, Gartz slavicum et teutonicum, ambae Grabow, ambae Zayezere, Kampa antiqua et nova; названія Kuscel parva, Swertzin antiqua, Ecclesia antiqua (Oldenkerke), предполагаютъ и другія селенія этого имени; наконецъ встрѣчается тоже особое село славянское—Wentdorp (въ гарцской землѣ). Въ началѣ XIV вѣка было вообще на островѣ Ранѣ:

въ земляхъ (terra, advocacia)	всѣхъ селеній (villae) (кромѣ дворовъ—curiae)	селеній съ названіями славянскими	селеній съ названіями нѣмецкими
Витова	48	43	5
Пяски	47	45	2
Гора	41	38	3
Gartz.	97	85	12
Рѫбинъ	52	45	7
Gynxst	41	38	3
Забродье	29	24	5
Ясмѫдъ	59	51	8
Стрые.	50	46	4
Всего . .	464	415	49 [1]).

[1]) Къ нѣмецкимъ причислены выше приведенныя села съ прозвищемъ

На островкахъ Умансѣ и Гиденсе (Hythis, Hiddense) упоминается около того времени 8 селъ, въ томъ числѣ 2 съ нѣмецкими названіями.

Въ теченіи всей второй половины XIII в., славянскій элементъ на островѣ уступалъ нѣмецкому, такъ что въ началѣ XIV вѣка островъ Рана, равнымъ образомъ какъ и материкъ княжества ранскаго, былъ по большей части уже онѣмеченъ; Славяне были здѣсь рѣдкимъ исключеніемъ [1]). Но весь этотъ процесъ онѣмеченія острова Раны, мы, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, не можемъ прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ. На основаніи вышеприведенныхъ топографическихъ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, и по примѣру такого же процеса на материкѣ, можемъ предполагать, что и на островъ Рану прибыли нѣмецкіе колонисты, которымъ Славяне должны были уступить—отчасти или совсѣмъ,—и отъ которыхъ они, наконецъ, приняли языкъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь на островѣ монастыри поддерживали нѣмецкую колонизацію въ своихъ помѣстьяхъ. Такъ именно поступилъ монастырь Гильда, въ ранской землѣ радовичской, пріобрѣтенной имъ въ половинѣ XIII вѣка (1252 г.). Монастырю позволялось строить здѣсь села и дворы (villas et curias), разрушать ихъ, перемѣнять дворы въ села и наоборотъ, и пр.; поселенные въ монастырскихъ имѣніяхъ подданные (coloni seu homines, coloni et villani) освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей. Постепенное распространеніе нѣмецкаго элемента въ радовичской землѣ видно по названіямъ урочищъ. Еще въ 1276 г. нѣмецкія названія здѣсь почти не встрѣчаются; границы земли заключались между старымъ рвомъ (veteri fossato), моремъ, потокомъ Сикерницей и урочищами: Горной, Лобемъ и Redevizhovet, т. е. радовичскій носъ (terminus qui Gorna vocatur, t. Lobbe, t. qui R. appellatur). Но уже черезъ два десятилѣтія (1295 г.) упомянутый ровъ назывался landwere (fossatum quod vulgariter nun-

---

teutonicum, magnum etc., къ славянскимъ Wentdorp. Теперь на Ранѣ (18 □ м.) ок. 46,000 жителей въ 547 мѣстахъ.

[1]) Слова грамоты 1193 г.: mansio quae lingua sclavica dicitur Gargolizi (на островѣ), надо, разумѣется, приписать составителю грамоты, нѣмецкому или датскому священнику; также и слова грамоты 1252 г.: terrula quae Redeviz slavice appellatur (въ 1249, 1276, 1295 гг. только terra quae Redeviz appellatur). Но слова грамоты 1306 г.: villa quae sclavica lingua Cyzeradicz nuncupatur, имѣютъ уже свое значеніе; надо было уже противопоставить языкъ «славянскій» — нѣмецкому.

cupatur l.); здѣсь были Zelineschebeke (т. е. Желинскій потокъ), и Redeuizewyk (радовичская губа) подлѣ Redeuizehouet [1]). Подобныя этому явленія, встрѣчаемъ и въ другихъ странахъ острова. Такъ напр. въ началѣ XIV вѣка около Горы, Карова и Загардья, народъ называлъ насыпи уже по нѣмецки, *dam* или *wal* (agger vulgo en dam, agger—vulgariter wal, fossatum dictum wal), на Витовѣ у села Сварбна кораблекрушеніе—*schipbrok* или *gruntroringhe* (naufragium quod dicitur s. sive g.), около Забродья, поставленное у берега моря основаніе маяка—*bulwirke* (bollwerk), въ стрыйской землѣ корчма стояла *in der heide*, и пр.

Съ усиленіемъ нѣмецкаго элемента, географическія названія стали отчасти измѣнять свои формы, передѣлываться на нѣмецкій ладъ. Такъ напр. село и монастырь Гора носитъ это свое славянское названіе до половины XIII вѣка (monasterium s. virginis Mariae de Gora 1250, villa Gora 1296), хотя иногда переводится уже по латински Mons или Montes; во второй половинѣ XIII вѣка входитъ въ употребленіе нѣмецкое названіе *Berghe*, хотя славянское Гора не предается еще окончательному забвенію; но съ начала XIV вѣка восторжествовало нѣмецкое названіе (coenobium Berghe 1278, monasterium Gora sive Mons 1289, claustrum Berghen 1306). Вышековичи переименованы въ Neuhof (Wusseghochuitze quae nunc dicitur Nyghehof 1320); Медовъ назывался также викъ (Medow sive Wyk 1320). Проливъ между материкомъ и островкомъ Гиденсе называется еще въ первой половинѣ XIII вѣка Еленино (Jelenine); но это названіе скоро измѣняется въ Gelende, Yelland, Jaeland. Вышеупомянутый полуостровъ Радовичи (—це), принадлежавшій монахамъ, сталъ называться *Mönchgut*, и только одна его коса сохранила древнее названіе до сихъ поръ. Островокъ близъ Гильды называется еще въ первой половинѣ XIII в. Костенъ (insula quae Chosten, Costen lingua patria appellatur, потомъ Cost, Cuzsze, Choz, теперь Koos). Пяски измѣнились въ Patzig, Сушина въ Zissen, Босковичи въ Buschwitz, Гаварны въ Gawern, потомъ Gagern, и пр.

Съ конца XIII вѣка на островѣ Ранѣ Славянъ упоминается очень мало, да и то о славянскомъ происхожденіи этихъ нѣкоторыхъ нешляхетскихъ лицъ можно догадываться только лишь по

---

[1]) Wik означалъ тоже морскую губу; срв. brachium maris - vulgariter *wyc* (у Гильды 1306 г.).

ихъ славянскимъ именамъ, которыхъ нѣмецкіе колонисты не употребляли. Такъ напр. въ концѣ XIII вѣка (1290 г.) двое братьевъ Сулиміръ и Домаміръ изъ села Журковичъ, ясмѫдскіе поселяне, купили отъ князя село Бѣлдерикъ (Zulimarus et Domamarus de Zurkiviz, coloni in Jazmundia, villam Bealderik, Baldereke); въ началѣ XIV в. въ селѣ Raleswiik въ числѣ крестьянъ (inquilini homines dicti koteren) былъ поселянинъ Мирославъ, въ Клокошевичахъ Милошъ (Milasze), въ Негацахъ Утѣша (Utessen), въ разныхъ мѣстахъ корчмари (tabernatores) Миликинъ, Ближацъ (Blisatzen), Сумъ (Zume); въ селѣ Подгардьѣ на Витовѣ, принадлежавшемъ Сумовичамъ, были въ 1335 г. поселяне: Joh. Machenhagen, Thesmarus Tenke, Laurencius Celiknese, Koltzeke vidua Rademari, Grubiz, Gulekin, Jordan, Tvargel, Greue, Myldesstrey (—стрый?), судя по именамъ, Славяне и Нѣмцы [1]). О судьбахъ вымирающихъ остатковъ славянскихъ на Ранѣ въ XIV в. не знаемъ ничего болѣе подробнаго. Въ концѣ этого вѣка люди знавшіе еще славянскій языкъ, составляли большую рѣдкость, и кончина послѣднихъ двухъ Славянъ ранскихъ записана даже въ поморско-ранской лѣтописи. „Въ началѣ XV вѣка“, разсказываетъ поморскій лѣтописецъ первой половины XVI в., *Канцовъ*, „около 1404 г. умерла на Ранѣ въ Ясмѫдѣ старуха по имени Голицына; она и ея мужъ были послѣдніе, которые на Ранѣ умѣли говорить по славянски“ [2]).

Славяне оставили на островѣ замѣтные слѣды не только въ географическихъ названіяхъ, но и въ разныхъ учрежденіяхъ. Мы уже выше видѣли, что еще въ половинѣ XIII вѣка *славянское право* извѣстно было въ княжествахъ ранскомъ и поморскомъ рядомъ съ съ правомъ нѣмецкимъ. Такимъ славянскимъ правомъ пользовалось на островѣ напр. село Гадимовичи у Пясковъ (omnis consuetudo, quae jus sclavicum publice appellatur), до тѣхъ поръ, пока село

---

[1]) Съ названіями этихъ селъ срв. чешск. и польск. Surchów, Żurczyn, Białotarsk, Bałdrzychów, Kłokoszyn, Klokočov, Nehasice, Něhošovice, Niegocin, Niegosławice. Славянскія имена въ средѣ ранскихъ крестьянъ встрѣчаются и позже; такъ напр. въ началѣ XVI вѣка жили крестьяне Dübschlaff (Добеславъ), Claus Stanicke, Hinrich Chamcken, въ концѣ XVI в. (1592) Marten Uteschen.

[2]) Umb diesze zeit (1404) sol eine alte fraw im lant zu Rhügen auff Jasmunde, Gulitzin geheissen, gestorben sein, welche sampt irem mane die letzten weren, die im lande zu Rhügen wendisch khonten reden. (Kantzow's Pomerania, ed. Kosegarten, Greifswald 1816, I. 436). Въ 1487 г. въ Хотѣмичахъ у Рѫбина упоминается Matthias Went; послѣднее — вѣроятно только прозвище.

это не пожаловано княземъ монастырю Горѣ (1249). Славянское право было извѣстно на Ранѣ еще въ началѣ XIV вѣка, именно въ имѣніяхъ рода Подбузскихъ; отъ такого „славянскаго права“ (jus slavicale, jus slavicum) въ селахъ Натличахъ и Долгомостѣ отказывается Придборъ изъ Вилменичъ (1310 г.) [1]). Нѣкоторыя древнеславянскія учрежденія сохранились на островѣ Ранѣ дольше, чѣмъ на материкѣ и въ Поморьѣ. Такъ напр. древнеславянская *подача*, т. е. извѣстная, до рабства доходившая зависимость несостоятельныхъ должниковъ отъ заимодавцевъ, встрѣчается на материкѣ только въ нач. XIII в. (coloni ecclesiae Ildensi *podaizam* habentes, 1207 г.); на островѣ этотъ печальный обычай подачи (usurarum lucra quae *poddas* vulgariter appelant) оставался дольше; противъ него ратовали духовенство и даже самъ папа (1239). Славянское названіе извѣстнаго рода подданныхъ людей, *десятли* (homines qui *dessitli* nominantur, 1232 г.), исчезаетъ въ первой половинѣ XIII в.; славянское названіе мелкой шляхты, *княжичи (knesitzen)*, сохранилось, какъ уже выше сказано, до XV вѣка, да и дольше. Княжескіе судьи или фогты и ихъ судебные округи сохранили до XVI вѣка отчасти славянское названіе: *gard-vaget*, *gard-vaagd*, т. е. городовой фогтъ, его округъ — *gard-vagedij* ((gard-vogtei; такихъ городовыхъ округовъ было на островѣ семь); *gard* — судъ (gericht edder gard) [2]).

---

[1]) Damus et resignamus omne *jus slavicale*, precariam, denarios monetales, angarias, perangarias et alia servicia, cum omni proprietate, sicut habuimus a nostris heredibus; in silva juxta Dolghemast sita... renunciamus... omni consuetudini, quae *jus slavicum* vel omagium... Было-ли выше упомянутое «право княжичей» — частью этого славянскаго права?

[2]) О гардахъ и гардфогтахъ часто говорится въ ранскомъ уложеніи, составленномъ земскимъ фогтомъ Матвѣемъ Норманомъ ок. 1530 г., и въ городской книгѣ гарцской (Pommer. u. rügische geschichtsdenkmäler, ed. Kosegarten, I. 271). Тоже самое значеніе слова городъ т. е. значеніе суда, осталось и у люнебургск. Славянъ до начала XVIII в.; Геннигъ объясняетъ: *gord* — gericht, amt, *pride chordom* (предъ гордомъ) — vor's amt, *na chorde* (на гордѣ) — auf dem amte. Польское *гродъ* (castrum) означало тожо судъ (judicium castri), именно судъ кастеляна. — Общая повинность угощать судей (advocatos et subadvocatos) называлась на Ранѣ *gustinge* (vecturae, visitationes gustinge vulgariter nuncupatae 1290, liberi ab omni minori justicia in serviciis et gustinghe 1297, advocato dabunt de quolibet unco unum coretz siliginis, subadvocato unum coretz avenae pro gustinge 1300). Не знаемъ, чисто-ли нѣмецкое это слово; въ Поморьѣ существовала подобная этому повинность, *гоститба* (goztitua, gaztitua, 1176), и срв. выше (стр. 47) слова Парума Шульца о *гостинцѣ* у люнебургск. Славянъ.

На Ранѣ встрѣчается еще въ началѣ XIV вѣка *приставъ* (nuncius qui *pristaw* dicitur, 1307), именно у пановъ Подбузскихъ; между тѣмъ въ другихъ памятникахъ ранскихъ этотъ чиновникъ называется латинизованной формой *pristallus* (1221, 1252).

О слѣдахъ славянскаго права въ господствовавшемъ впослѣдствіи на Ранѣ правѣ нѣмецко-саксонскомъ трудно пока сказать что-нибудь болѣе опредѣленнаго. Древнеславянская круговая порука, т. е. отвѣтственность всѣхъ членовъ рода, впослѣдствіи общины, округа (польск. ополя), за всѣ совершившіяся въ его предѣлахъ преступленія и несчастья, господствовала въ ранскомъ княжествѣ до начала XIV вѣка, и только тогда (1301 г.) князь Вышеславъ, вслѣдствіе прошенія всѣхъ васаловъ, отмѣнилъ эту тяжелую повинность. Слѣды этой круговой поруки замѣтны однако еще въ XVI вѣкѣ [1]. Въ ранскомъ уложеніи 1530 г. встрѣчается тоже слово *czwör*, т. е. общее имѣніе супруговъ, и составитель уложенія, М. Норманъ, самъ называетъ это слово славянскимъ (idt hedde up wendisch ein *czwör* geheten), т. е. *свор*ъ (чеш.) или *свора* (польск.), связь, союзъ, пара [2].

---

[1]) Васалы просятъ князя, ut omnes excessus provenientes ab eventu infortunii, ut puta ab animalibus quadrupedibus, ledentibus homines, seu a lignis edificialibus, aut a casibus arborum opprimentium homines, aut a molendinis, et si aliquis hominum, eques aut pedes, in itinere inopinate moreretur, aut aliquod membrum aliqua lesione minueretur, aut qualicunquemodo proveniret aliqua lesio, a successibus indignis, et generaliter ab omni malo eventu, qui *ungherad* vulgariter appellatur, nostris fidelibus vasallis et villanis, qui agricolae dicuntur, donare et remittere curaremus, etc. Отъ послѣдствій такого *ungherad* освобождаетъ подданныхъ даргунскаго монастыря розтоцкій князь Николай (1297), и графы звѣринскіе своихъ васаловъ (1279). Подобное этому постановленіе встрѣчается въ статутѣ вислицкомъ § LVII. (Helcel: Pomniki I. 94, срв. II. 18). — Канцовъ (Pomerania II. 240) приводитъ слѣдующій обычай господствовавшій въ его время на Ранѣ: Im wendischen landrecht ist's, wan einer erslagen und viel frome lewte in derselbigen staube u. zeche weren, die doch nichts darzu tetten, u. der tetter entkhumpt, so gibt des totten freuntschafft denselben den totten, als hetten sie jne erslagen, u. das heiszen sie die *unreine gunst*. Это напоминаетъ отчасти древнерусскую «дикую виру», платимую вервью.

[2]) Это слово приводятъ издатели Cod. diplom. Pomeraniae (p. 593), ссылаясь на неизвѣстное намъ изданіе ранскаго уложенія 1777 г. (Greifswald). Въ изданіи 1760 г. (Dreyer: Monumenta anecdota, Lubecae, I. p. 229) мы этого мѣста отыскать не могли. Въ уложеніи нѣсколько разъ упоминается о разныхъ учрежденіяхъ «vormöge wendisch rechte», «na wendischen gebrucke»; интересно было бы узнать, дѣйствительно-ли тутъ сохранились «славянскія» учрежденія.

На островѣ сохранились и нѣкоторыя славянскія мѣры дольше, чѣмъ на материкѣ. Такъ на пр. общеупотребительной мѣрой полей осталось древнеславянское рало (uncus), которое съ конца XIII вѣка принимаетъ нѣмецкое названіе *haka*, *haken* (una haka in Renciz, unus haken in Rentzitze 1302, unci dicti haken 1320). По такимъ раламъ платились подати, и по выше приведенному перечню селеній ранскихъ 1314 г. видно, что съ каждаго рала взималось 12 денегъ, въ землѣ витовской только 8 (precaria de quolibet unco 12, 8 solidi). Гуфы (mansi) встрѣчаются на островѣ очень рѣдко, да можетъ быть, что здѣсь слово mansus употреблялось въ смыслѣ полевой мѣры вообще; такъ на пр. въ селахъ Тѣходаржичахъ, Сирошевичахъ, Дуничичахъ и Щедрѣ въ землѣ горской, приводятся въ 1305 г. гуфы (houen), а въ 1314 г. въ тѣхъ селахъ рала (unci); въ 1300 году въ селахъ Сирошевичахъ и Дуничичахъ подать судьямъ распредѣлялась по раламъ (de quolibet unco); тоже самое видимъ въ селахъ Выреяхъ, Попеловичахъ, Горѣ и др. Только въ селѣ Rodenkerken встрѣчаются вмѣстѣ рала и гуфы (unci et mansi 1306, но въ 1314 г. только unci), вѣроятно остатокъ смѣшаннаго населенія, славянскаго и нѣмецкаго. Другимъ остаткомъ древнеславянскихъ мѣръ является извѣстный у всѣхъ балтійскихъ и вообще западныхъ Славянъ, *корецъ*, который употребляли на Ранѣ еще въ XIV вѣкѣ рядомъ съ новыми, нѣмецкими мѣрами, tremodium (dremit, drömt), modius, last. Такъ, по корцамъ считали въ Пяскахъ (de quolibet unco mensuram siliginis, m. avenae, quae mensura vulgariter dicitur coretz, 1297), въ Сирошевичахъ и Дуничичахъ (de quolibet unco unum coretz siliginis, unum coretz avenae, 1300), въ Рѫбжѣ (Rambz, срв. польск. Rąbież) и Любиничахъ (de quolibet unco duo koriz siliginis 1307), и въ нѣкоторыхъ другихъ селахъ [1]). Изъ другихъ славянскихъ словъ, уцѣлѣвшихъ на Ранѣ до XVI вѣка и дольше, знаемъ, кромѣ упомянутыхъ *гардъ*, *своръ*, *княжичи*, слово *дворница* (dorntz, dörns), т. е. комната [2]).

---

[1]) Въ роскильдскомъ регистрѣ (1320 г.) приводятся напр. села: Sigghermeiwe 5 modii et 1 kyrtze, Onasitze 2 modii et dimidium kyrtze, Lauenitze et Parva Kuscel 3 modii minus dimidio kyrtze, Samotiste 3 modii et dimid. kürtze, 1 tremodium minus dimid. kürtze, Kraditze 1 kürtze, Smachte 3 chori dicti kürtze, Motran 16 kurtze, Rützevine 1 chorus dictus kurtze.

[2]) Arndt (Versuch einer geschichte der leibeigenschaft in Pommern u. Rügen, Berlin 1803) вспоминаетъ мимоходомъ (р. 118), что на Ранѣ кое-гдѣ говорятъ по нѣмецки такъ, какъ Кашубы, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышны

Въ заключеніе приводимъ интересную характеристику ранскаго народа первой половины XVI вѣка, сдѣланную историкомъ Канцовымъ [1]): „Жители Раны—это очень сварливые забіяки, подтверждая латинскую пословицу omnes insulares mali—всѣ островитяне люди злые. Нигдѣ во всемъ Поморьѣ не убивается въ годъ столько шляхтичей и другихъ людей, сколько на этомъ маломъ островѣ; и ранскій народъ ведетъ столько тяжбъ, сколько половина поморской земли. Каждую субботу земскій судья (landvogt), вмѣстѣ съ старшинами всей шляхты, чинитъ въ Горѣ (Bergen) судъ и расправу; дѣлъ у него съ самаго утра до вечера вдоволь, и онъ даже не любитъ прекращать дѣлопроизводства ради обѣда; ибо если онъ позволитъ имъ уйдти съ тѣмъ, чтобъ они явились опять послѣ обѣда, то они или напьются или поднимутъ новую драку, или вернувшись начнутъ предъ судомъ такъ буйствовать, что земскій судья не знаетъ, что съ ними дѣлать. По тому онъ засѣдаетъ въ судѣ до самаго конца, и рѣшаетъ дѣло окончательно, или отсрочиваетъ его до слѣдующаго суда. Самый послѣдній шляхтичъ или крестьянинъ знаетъ общее земское право и защищаетъ свои дѣла самъ. При такой самонадѣянности никто не хочетъ другому уступить, и отъ того происходитъ много ссоръ и убійствъ. Особенно легко ссорятся въ корчмахъ, и если кто-нибудь скажетъ „пусть рѣшаетъ богъ и холодное желѣзо“ (dat walde gott, und een kolt isen), то надо хорошо смотрѣть за его кулаками, а не на ротъ, ибо онъ скоро нападетъ на противника. Въ корчмахъ же происходитъ столько дракъ и другихъ беззаконій, что часто шляхтичъ — владѣлецъ корчмы получаетъ столько штрафныхъ денегъ, сколько можетъ получать ихъ съ половины или съ цѣлаго села. Ране, куда бы ни шли или путешествовали, носятъ съ собой всегда копье или ножъ [1]); если идутъ въ церковь, ставятъ копья у церковныхъ дверей или берутъ ихъ съ собой; часто при выходѣ изъ церкви поднимается крикъ. Если идутъ въ церковь, то они вооружены, если идутъ на свадьбу—вооружены, если хоронятъ покойника—вооружены, однимъ словомъ, они вездѣ являются съ оружіемъ въ рукахъ. Если они эту свою необузданность, какую они показываютъ другъ противъ друга, по-

«manche worte wendischen ursprungs, die in dem übrigen Pommern u. Rügen nicht verstanden werden»; но къ сожалѣнію, не приводитъ ихъ.

[1]) Pomerania II. 433.

[2]) Въ XII вѣкѣ каждый Поморянинъ, горожанинъ или селянинъ, являлся на сходки съ копьемъ въ рукахъ.

казывают и на войнѣ противъ враговъ, то изъ нихъ выходитъ храброе войско".

Какое сходство характера между этими онѣмеченными Ранами XVI вѣка и между старыми буйными Лютичами и сварливой польской шляхтой позднѣйшихъ временъ!

XI.

Поморяне [1]).

Поморянами назывались Славяне, занимавшіе земли по морю балтійскому между нижней Одрой и Вислой, Вартой и Нотецью. Поморяне, послѣ столѣтней войны, должны были наконецъ, въ началѣ XII в. признать верховную власть польскихъ князей и принять христіанство. Съ тѣхъ поръ восточное или *заднее Поморье* осталось частью Польши, развиваясь, подобно Польшѣ, на основѣ національно-славянской; въ немъ началась германизація позже, со временъ господства нѣмецкихъ крестоносцевъ. Западное или *переднее Поморе* не долго сохранило связь съ польскими соплеменниками, и еще во второй половинѣ XII вѣка должно было примкнуть къ Германіи; его князь сдѣлался герцогомъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ васаломъ Даніи (1181, 1185), а равно васаломъ маркграфа бранденбургскаго (1199—1211). Такимъ образомъ западная половина Поморянъ очутилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ были Рана и мекленбургскія земли, и предоставлена, подобно тѣмъ странамъ, напору германизаціи [2]).

---

[1]) Грамоты (до 1253 г.) издали Hasselbach et Kosegarten: Codex Pomeraniae diplomaticus (Greifswald 1862), дополненія и поправки къ нимъ Klempin: Pommersches urkundenbuch (Stettin 1868). Къ сожалѣнію, продолженіе этихъ важныхъ дипломатарій до сихъ поръ не издается, такъ что для позднѣйшихъ временъ мы могли пользоваться только дипломатаріемъ Дрегера (Cod. dipl. Pomer., Stettin 1748, грамоты до 1269 г.), и дипломатаріями ранскими, мекленбургскими и бранденбургскими. Срв. журналъ Baltische studien (Stettin съ 1832 г.), Barthold: Geschichte von Rügen u. Pommern (Hamburg 1839—1845, 5 bde), Fock: Rügensch-pommer. geschichten (Leipzig 1861—1872, 6 bde), Kratz: Die städte der provinz Pommern (Berlin 1865), и др.

[2]) Отчужденіе обѣихъ половинъ Поморья, гданскаго и щетинскаго, характеризуетъ поморскій историкъ первой половины XVI вѣка, *Кантцовъ*, слѣдующими словами: «Die Sachsen haben die Wende sehr geringe geachtet u. unterdruckt. So sint dieszer viel zu den Hinterpomern geflogen, u. haben inen ir leidt geklagt, die es einen mitleiden gehapt, u. derhalben den Vorpomerschen sehr feindt geworden sein, u. hernachmalsz weinig gunst u. freundtschafft haben

Въ началѣ XII в. (ок. 1119 г.) князь западно-поморскій Вартиславъ распространилъ свое владычество на лѣвый берегъ Одры до рѣки Пѣны, а его преемники—еще дальше на западъ за Пѣну до рѣкъ Рекницы, Невели и до верхней Гаволы. Такимъ образомъ во второй половинѣ XII в. поморское княжество обнимало—кромѣ собственнаго Поморья между Одрой и Персантой—почти всѣ земли сѣверо-восточныхъ Лютичей, земли племенъ Чрезпѣнянъ, Доленчанъ, Ратарей и Укрянъ, острова Узноимъ и Волынь; сѣверная граница противъ материка ранскаго княжества шла по рѣкамъ Треболѣ и Рѣкѣ (Гильдѣ). По этому поводу поморскіе князья назывались не только славянскими (duces Slavorum), поморскими (Pomoranorum, Pomeranorum), но и лютичскими (Liuticiorum, Leuticiorum, Leuticiae, еще 1215 г.). Со временемъ, однако, поморско-лютичскіе князья потеряли — какъ уже выше сказано — большую часть этихъ лютичскихъ земель: земли чрезпѣнская и доленская отчасти — достались мекленбургскимъ князьямъ (послѣ 1230 г., городъ Stavenhagen 1282 г.); земли ратарская и укерская и нѣкоторыя поморскія земли между Одрой и Вартой (Nova Marchia)— бранденбургскимъ маркграфамъ (съ 1236 г. до конца XIII в.). На востокъ отъ Колоберга и горы Холма [1]) образовалось—во второй половинѣ XII в.—особое княженіе *Ратиборовичей*, потомковъ князя Ратибора († 1155—56), брата и преемника выше упомянутаго князя Вартислава. Это княжество обнимало земли между Холмомъ, верхней Персантой и Лебой; главные города здѣсь были Словно или Славно,—по которому князья, какъ уже выше сказано, назывались „словенскими“,—Столпъ и Бѣлгардъ на Персантѣ [2]). Послѣ прекращенія Ратиборовичей (1223 — 27), ихъ княжество досталось Свѣтополку, князю задняго, гданскаго Поморья. Стремленіе поморскихъ князей распространить свое владычество на востокъ за Холмъ,

---

halten wollen, u. haben von dieszer zeit an die Pomern nur Teutsche u. Sachsen gebeiszen, und haben sie für ihre landsleute nicht mehr halten wollen; daraus auch hernach gekhomen, do ire rechte herschafft losz starb, das sie viel lieber einen Polen annahmen, wan ire erbherschafft, die hertzogen in Pomern. (Pomerania I. 217, cf. 233). «По поморски говоритъ» (po pomorzku movic) значитъ у потомковъ восточныхъ Поморянъ (Кашубовъ) «по нѣмецки».

[1]) Это славянское названіе нын. горы Gollenberg у Кошалина (Köslin) встрѣчается въ грамотахъ (juxta Cholin 1214 г., вѣроятно вм. Cholm, in Cholme 1278 г.); еще Канцовъ (XVI в.) пишетъ Cholmberg.

[2]) Срв. стр. 32. Другая боковая линія поморскихъ князей были *Свѣтоборичи*, осѣдлые около Госткова, Щетина и Колбаса.

имѣло въ XIII в. лишь мимолетные успѣхи. Только въ началѣ XIV вѣка (ок. 1317 г.) удалось имъ присоединить къ своему княжеству часть Поморья отъ Холма до Лебы, такъ назыв. *Кашубію*, съ городами Рюгенвальде, Словномъ и Столпомъ; землю бѣлгардскую на верхней Персантѣ пріобрѣли они еще раньше, во второй половинѣ XIII вѣка. Съ 1253 года поморскіе князья называются тоже князьями славянскими и кашубскими (duces Slavorum et Cassubiae).

Такимъ образомъ около половины XIII в. къ поморскому княжеству принадлежали слѣдующія земли, называемыя по большей части по городамъ. По рѣкѣ Пѣнѣ на лѣвомъ берегу—*Лосичи* (*Лосице*), *Гостковъ*, *Щитно*, *Лѣшане*, *Волегощь*, на правомъ—поморская часть *доленской* земли (между Пѣной и Доленцой), *Дыминъ* (гдѣ прежде были земли *Плотъ* и *Мезерѣчье*), *Грозвинъ* (позже Анкламъ); *Роховъ* при устьѣ Укры; острова *Узноимъ* и *Волынь* (*Вѣцславъ*); по Одрѣ *Полица*, *Пѣкунь* (Pinkun, срв. польск. Pieńków, Pękowo), *Щетинъ*, *Хиничи*, *Цетень*, *Витковъ*, *Банинъ*, *Колбасъ*; по Плонѣ и Инѣ *Пырица*, *Старгардъ*, *Новгардъ*, *Машовъ*; по морю *Камень*, *Требетово*, *Колоберъ* и *Кошалинъ*.

Княжескій родъ поморскій сохранилъ до первыхъ двухъ десятилѣтій XIII вѣка свое славянское сознаніе вполнѣ. Князья Казиміры и Богуславы не только по названію были „князьями славянскими,“ но и на дѣлѣ; окруженные славянскими вельможами, они считаютъ господствующее въ ихъ славянско-лютичско-поморскомъ княжествѣ право—правомъ и обычаемъ „своего народа“ (mos gentis nostrae). Браки заключали они съ начала съ княжнами польскими и заднепоморскими; такъ на пр. Богуславъ I († 1187) былъ женатъ на Анастасьѣ польской, Богуславъ II († 1220) на Мирославѣ поморской; жена Казиміра II († 1219) была уже датская княжна Ингардисъ; ихъ сынъ Вартиславъ дыминскій (1220—1264) женился на Софьѣ польской. Сынъ Богуслава II и Мирославы, князь Барнимъ щетинскій (1220—1278), женился на Маріанѣ изъ рода тюрингскихъ графовъ Орламюнде, родственницѣ своей и короля датскаго; папа охотно даетъ разрѣшеніе, такъ какъ—по его словамъ—ничто такъ не смягчаетъ вражды между Славянами и Датчанами, какъ браки (cum nihil adeo ad sedandas inimicitias capitales inter Danos et Slavos exortas et reformanda inter eos pacis foedera operetur, a. 1238). Но при послѣднихъ двухъ князьяхъ произошелъ рѣшительный поворотъ. Оба князя, Вартиславъ дыминскій и Барнимъ щетинскій, поддерживаютъ всѣми силами нѣмецкую колонизацію

въ городахъ и селахъ, и новые нѣмецкіе порядки, государственные и общественные; къ нимъ прибываетъ все больше нѣмецкихъ дворянъ, которые получаютъ отъ нихъ земли; а славянскіе шляхтичи все больше исчезаютъ, такъ что, подъ конецъ княженія обоихъ князей, они составляютъ уже рѣдкое исключеніе. Княжескій дворъ устраивается по нѣмецкимъ образцамъ съ разными придворными сановниками. Князь Барнимъ является не только усерднымъ сторонникомъ и ревнителемъ элемента нѣмецкаго, но и врагомъ своего племени, какъ выказалъ это особенно въ Щетинѣ. Понятно, что Нѣмцы Барнима любили, и что его восхваляетъ одинъ нѣмецкій поэтъ, Румеландъ,—который былъ вѣроятно и въ Щетинѣ,—„der milte vürste Barnam von Stetin.“ [1]) Со второй половины XIII вѣка поморскій родъ княжескій можно считать уже онѣмеченнымъ, и съ тѣхъ поръ славянское его происхожденіе видно лишь въ славянскихъ именахъ, которыя онъ продолжалъ употреблять до самаго своего прекращенія (1637) [2]).

Духовенство было по большей части нѣмецкое. Только первый поморскій епископъ, Адальбертъ, былъ Полякъ; его преемники Конрадъ I, Зигфридъ, Зигвинъ, Конрадъ II и III, Вильгельмъ и др.,— всѣ они Нѣмцы. Въ рядахъ свѣтскаго духовенства встрѣчаемъ изрѣдка и славянскія имена, которыя до первой половины XIII вѣка означаютъ еще дѣйствительныхъ Славянъ; такъ на пр. члены каменскаго капитула, Прибиславъ, Богуславъ, Ярославъ и др., священники Держиславъ, Гостиміръ, Радославъ, Вѣцеславъ, и др. Но съ половины XIII вѣка славянскія имена въ рядахъ духовенства представляютъ только историческія воспоминанія славянскихъ временъ, какъ это было и у князей и у шляхты поморской. Монахи и монахини были всѣ Нѣмцы, отчасти Датчане, приглашаемые въ Поморье изъ разныхъ странъ въ монастыри столпскій, гробскій, колбасскій, бѣлбожскій, и въ разные городскіе монастыри; въ ихъ рядахъ Славяне не встрѣчаются, а если они и допускались, то это были члены знатныхъ родовъ, какъ на пр. миноритъ Добеславъ изъ рода дыминскихъ Рохловичей (ок. 1247 г.). Духовен-

[1]) Hagen: Minnesinger III. 55.

[2]) Вотъ напр. нѣмецкія титулатуры поморскихъ князей: Bugbzlaw, Barnym, Wertzlaw, der Stettyner, der Wenden, der Cassuben vnde der Pomerenen hertoghen, vorsten tho Rughen (1339); послѣдняго Богуслава: Bogislchlaff, dieses namens der vierzehende, herzog zu Stettin, Pommern, der Cassuben und Wenden, fürst zu Rügen (1633).

ство, епископъ и монастыри, производили въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ громадную нѣмецкую колонизацію; ко двору епископовъ каменскихъ, равнымъ образомъ какъ и ко двору князей, собиралось все больше нѣмецкихъ дворянъ, получая отъ нихъ земли въ лены.

Поморско-лютичская *шляхта* въ XII и въ первой трети XIII в. была почти исключительно славянская. Кастеляны колобержскіе, каменскіе, волынскіе, дыминскіе, щетинскіе, гостковскіе, поздиволцкіе и др., стольники, чашники, маршальки, воеводы и др.—всѣ они носятъ славянскія имена; рядомъ съ ними встрѣчаются конечно также имена христіанскихъ святыхъ, въ томъ числѣ и нѣмецкія. Поморско-лютичскіе шляхтичи называются, какъ и у другихъ Славянъ, просто по своему имени: Вартиславъ, Прибиславъ, Славомиръ, Собѣборъ, Мирогнѣвъ, сокращенно: Бартошъ, Держекъ, Приба, Яникъ, съ прибавленіемъ имени отца, отчества: Пѧтинъ сынъ Мстислава, Одолянъ сынъ Казиміра, Вартиславъ Свѧтоборичъ—Wartizlaus Szvantiboriz, Ратиславъ Скарбимѣричъ—Ratislaus Scarbimariz, Честиславъ Унимичъ—Zetizlaus Unimiz, Сулиславъ Тѣшерадовичъ—Sulizlaus Tesseradoviz, Пѧтинъ Стефановичъ—Pantynus Stephaniwiz, и пр. Это славянское отчество встрѣчается и въ названіяхъ цѣлыхъ родовъ, Свѧтоборичей (боковая линія княжескаго рода), Рановичей, Честиславичей, Жабиковичей, и др. [1]).

Нѣкоторыя такія славянскія имена сдѣлались впослѣдствіи родовыми названіями. Такъ на пр. старинный родъ *Борковъ*, — его древность вошла даже въ пословицу (dat is so old als de Borcken und de düvel),—происходитъ отъ пана Борка (dominus Bork), который, вмѣстѣ съ своими сыновьями Ярогнѣвомъ и Прибиславомъ (filii Borconis), упоминается во второй половинѣ XII вѣка. Фамиліи *Нацмеръ*, *Тесмаръ*, *Мислафъ (Мицлафъ)*, *Фаргине*, *Убеске* и др. указываютъ на *Начемѣра*, *Тѣшимѣра*, *Мойслава*, *Варгину*, *Убигиу* (*Убислава*) — все это имена поморско-лютичскихъ шляхтичей начала XIII вѣка. Впослѣдствіи славянскіе шляхтичи—по примѣру нѣмецкихъ — стали называться по своимъ имѣніямъ, городамъ и

[1]) Срв. выше о шляхтѣ мекленбургской (стр. 152) и ранской (стр. 183). Отчество употребляла также древнепольская шляхта XII—XIII вѣковъ. Вотъ нѣкоторые примѣры изъ грамотъ XII и начала XIII вѣка: Zmil Cetechoüiz, Vencezlaus Zulizlauiz, Gualis Zdeboriz, Martinus Poznanouiz, Jan Jancouich, Potrek Cesslauich, Stephanus Andreiovich, Jacobus Ratiborouic, Troin Troianovic, Jan Dneprouic, Voyslav Lutslauic, Mstigneus Nicolausovic, etc.

селамъ. Такъ на пр. шляхтичъ чрезпѣнской земли Радославъ († 1216 г.), владѣвшій нѣсколькими селами, назывался по одному изъ нихъ—изъ Скорѧтина (Radoslaus de Zcorentin); шляхтичъ доленской земли Яникъ изъ Верхна (Yeneke, Janic, Johannes de Virchen, in Virchina, 1228—32), шляхтичи Петръ и Николай Приборичи осѣдлые около Колбаса—изъ Ришова (de Rissio, 1220—27), Ратиміръ—изъ Гардца (de Gardiz 1236), Варѳоломей—изъ Полицъ (1249), роды изъ Коморова, Узноима, Вотока, Камыка, и др. Такимъ образомъ славянская шляхта, принимая родовыя названія, фамиліи, подражаетъ нѣмецкой шляхтѣ, прибывающей во владѣнія поморскихъ князей, такъ что уже трудно, и даже невозможно отличить славянскаго шляхтича отъ нѣмецкаго. Какого происхожденія были на пр. Andreas de Cyrbrecin (1232), Mattheus miles de Grindiz (1234), Mathias miles in Tristensa (1243)? Они могли быть и Славяне и Нѣмцы, назвавшіеся такъ по своимъ селамъ. На славянское происхожденіе указываютъ преимущественно славянскія имена, которыя продолжали употребляться въ нѣкоторыхъ родахъ и впослѣдствіи, уже во время ихъ полнаго онѣмеченія; но надо замѣтить, что со временемъ такія славянскія имена вошли въ употребленіе и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ родахъ. Имена Прибиславъ, Тѣшиміръ (Tesmer, Tessen), Гостиславъ (Guzlaff), Добеславъ, Безправъ, Славекъ, Богуславъ, Гнѣвоміръ (Gneomar), Стойславъ и др., встрѣчаемъ въ родахъ Камеке, Экстеде, Клейстъ, Остенъ, Фоссбергъ и др. до позднѣйшихъ вѣковъ (XVI—XVII), да отчасти до сихъ поръ (на пр. Клейсты Богуславъ и Гнѣвоміръ 1862 г.). Съ половины XIII вѣка Поморье наполнялось множествомъ нѣмецкихъ дворянъ, прибывавшихъ къ поморскимъ князьямъ и епископамъ со всѣхъ сторонъ Германіи, изъ сосѣднихъ бранденбургскихъ и мекленбургскихъ владѣній, изъ Гольштейна, изъ саксонскихъ земель, Брауншвейга, Люнебурга, Вестфаліи, Магдебурга, Тюрингіи, отъ Рейна и пр. [1]).

Чтобы составить себѣ хотя поверхностное понятіе о составѣ поморско-лютичской шляхты до начала XIV вѣка, выпишемъ здѣсь имена свидѣтелей изъ нѣкоторыхъ грамотъ:

a. 1176: Barsa vir nobilis in Colberg, Zauist castellanus, Unima

---

[1]) Много матеріаловъ о поморской шляхтѣ сообщили Klempin u. Kratz: Matrikeln u. verzeichnisse der pommer. ritterschaft vom 14. bis in das 19. jhdt. (Berlin 1863).

ceterique nobiles de castro Caminensi, Priba castellanus in Cotzecowe, Dirska, Bodewi, Jerogneu, Munk (Monic), Boriz, Radoslaus, Zpol ceterique nobiles viri castri Diminensis (около князя Казиміра).

a. 1223: Rokillus castellanus Diminensis, Solizlauus Scarsewiz et filii ejus Prinsata et Sebor, Jacobus Nankowiz, Janic, Dobeslau Unidarszitz, Barnislau filius Suioitin, et alii nobiles et barones tocius Slavie (около князя Барнима, на сеймѣ въ Укермюнде).

a. 1253: Rudolfus, Ulricus de Ost, Johannes de Walsleue, Joh. de Appeldorn, Borcho castellanus Colbergensis, Sanda, Bisprawe milites (около князей Барнима и Вартислава, въ Дыминѣ).

aa. 1273—1276: Kasimarus, Borko, Teslaus Albus, Teslaus de Cummerow, Dubislaus Prisiborizs, Gneumarus, Virchwitz, Bertoldus et Hermannus Thuringus, Conradus de Massow, Rodolfus de Nyenkerken, Gobele, Heydenricus de Clutsow, Joh. de Berlin, Frid. de Hindenborch, Joh. de Letenyn, Gherardus et Lippoldus et Harnit Ursus (Bere), Gherbertus Balke, Joh. de Scolentin, Tammo, Reybernus de Wacholt, Joh. Romele, Ulricus Saxo, Herm. de Mozstow, Ludolphus de Lassan, Olricus et Freder. de Beuenhusen, Theodericus de Weyte, milites; nobiles viri Otto comes de Euerstein, Pribico domicellus de Wollin (изъ князей мекленбург.); Hinricus de Zaienzs, Luchte advocatus de Stetin (около князя Барнима въ Дѣбѣ и Камнѣ).

a. 1319: Nicol. de Gützkow, Henning Bere, Peter de Nuwenborch, Arnold de Grambow, Thiderich Scerf, Ulrich Keding, Eghard Budde, Sifrid Lode, Gerhard de Bukhold, Henning Bork, Herm. Tylbur, Conrad Ubeske, Conr. Flemming, Thymmo de Petzow, Thezlaus de Bevenhusen (щетинскіе шляхтичи).

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какія перемѣны произошли въ рядахъ поморской шляхты въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій.

Съ постепеннымъ распространеніемъ чужихъ, нѣмецкихъ порядковъ, стали измѣняться отношенія шляхты къ князю. Славянская шляхта владѣла своими дѣдинами (haereditates) по дѣдическому, наслѣдственному праву (jure haereditario), какъ дѣдичи (hae-

redes), вотчинники-собственники [1]). Прибывающіе въ Поморье нѣмецкіе дворяне, принимали пожалованныя имъ имѣнія отъ князя въ лены, дѣлались княжескими васалами. По примѣру ихъ такъ же поступали и славянскіе шляхтичи; они принимаютъ тоже свои имѣнія въ лены по праву феодальному (jure feodali), дѣлаются княжескими васалами, рыцарями и кнапами (milites, armigeri). Рыцари и васалы славянскаго происхожденія являются въ Поморьѣ уже въ третьемъ десятилѣтіи XIII вѣка; князь Вартиславъ называетъ своими васалами въ 1227—28 г. дыминскаго кастеляна Рохла и его сына Добеслава (homo noster Dobezlaus, filius hominis nostri Rochilli), въ 1232 г. дыминскаго шляхтича Люборада (fidelis homo noster, а сынъ приводится просто какъ Domasca filius Luberadi), въ 1243 г. Варѳоломея (homo noster), и пр. Славянскіе „рыцари" — рядомъ съ нѣмецкими—встрѣчаются съ 1228 г.: Яникъ изъ Верхна (Yeneke miles dictus de Virchen), Прибиславъ (1230), Ратиміръ (1237) и др. Славянскіе „рыцари" встрѣчаются рядомъ съ простыми шляхтичами; такъ напр. въ 1236 г.: Conradus, Wedgo, Lutardus, Dobezlaus, Nezul, milites, Chanzik, Dobeska, Nenzad, Slavi nostri nobiles in Dimin; въ 1244 г.: Sanda miles рядомъ съ не-рыцарями Zauist, Wiseco. Владѣніе имѣніями по феодальному праву (jure feodali, bona in feudum collata, villa quam tenet vasallus) все больше распространяется [2]), князь рѣшаетъ дѣла съ своими васалами (coram nobis et nostris vasallis); князь же принимаетъ отъ каменскаго епископа десятины изъ разныхъ земель въ ленъ (in feodum, 1240). Феодальное право было встрѣчено однако также съ сопротивле-

---

[1]) Напр. Рановичи въ доленской землѣ (villae omnes quae per provinciam Tolenze ad filios Ranni spectant jure haereditario, 1191—94), Свѣтоборичи въ колбасской землѣ (quicquid jure haereditario et paterna successione possedimus in terra Colbacensi 1220—27), Рохловичи въ чрезпѣнской землѣ (haereditates Rochilli villae Wigun et Clobutsew, quas ab haeredibus villarum jure haereditario sibi comparaverat, 1220—22; еще внукъ Рохла въ 1269 г. заявилъ притязанія на три села haereditaria successione). Слова *дѣдина* и *дѣдичъ (дѣдинникъ)* знали балтійскіе Славяне (срв. стр. 41). Слова haeres, haereditas, bonum haereditarium, bonum patrimoniale—переводятъ польскіе переводчики XV вѣка: dziedzic, dziedzina, imienie dziedziczne, imienie oćczyzne. О дѣдичскомъ правѣ въ Польшѣ срв. R. Hube: Prawo polskie w wieku XIII. (Warszawa 1874, p. 92).

[2]) Такъ напр. имѣлъ miles Ratizlauus villam Dargebant (около Даргуня) feodali jure (1241, отъ пархимскаго князя Прибислава), Sanda miles de Cholberg in feudo tenebat villam Carvov (на Рѣкѣ, 1255).

ніемъ; такъ напр. Борки еще въ концѣ XIII вѣка (1297) прямо говорятъ, что они владѣютъ своими землями по „дѣдичскому“ праву, и даже въ XVI вѣкѣ не придавали значенія леннымъ грамотамъ князей.

Такимъ образомъ славянская шляхта, принимая разные чужіе порядки, мало по малу стала чуждаться своихъ обычаевъ; общеніе и браки съ многочисленными родами нѣмецкими, вліяніе онѣмеченнаго княжескаго двора — все это подѣйствовало на славянскую шляхту до такой степени, что она въ теченіи второй половины XIII вѣка отказалась отъ своего родного языка и замѣнила его нѣмецкимъ. Языкъ нѣмецкій считаютъ въ началѣ XIV вѣка „своимъ“ (nostra lingua) даже такіе роды, какъ Камыки, жившіе въ странахъ заодрянскихъ, гдѣ славянская шляхта дольше сохранилась, чѣмъ въ лютичскихъ странахъ на лѣвомъ берегу Одры.

Въ теченіи первой половины XIII вѣка, поморско-лютичскіе *города* стали принимать совсѣмъ другой видъ. Славянскіе города — т. е. крѣпости съ подгородьями или виками — перемѣнялись въ особыя городскія общины, исключенныя изъ общаго земскаго права, и пожалованныя правомъ нѣмецкихъ городовъ, именно Магдебурга и Любека. Заселеніе такихъ новыхъ общинъ поручено извѣстнымъ лицамъ, Нѣмцамъ, которые призвали въ устраиваемые города Нѣмцевъ изъ разныхъ странъ, и пользовались потомъ въ городѣ разными выгодами. Такая новая городская община пользовалась обширной автономіей и своимъ судомъ; отношенія ея къ князю были конечно уже другія, чѣмъ отношенія древнихъ славянскихъ городовъ. Въ Поморьѣ устройство нѣмецкихъ городовъ началъ князь Барнимъ, „въ виду своихъ выгодъ и по примѣру другихъ странъ“, какъ онъ самъ выражается (1235). Въ ряды нѣмецкихъ мѣщанъ вступили вѣроятно и нѣкоторые знатные Славяне, хотя мѣщанъ славянскаго происхожденія было очень мало — мы можемъ указать только на Колобергъ —; они скоро исчезаютъ совсѣмъ. Оставшееся славянское населеніе, подлежавшее суду князя, оставалось обыкновенно въ предмѣстьѣ или викѣ, или занимало какую нибудь отдаленную улицу, „славянскую“, гдѣ впрочемъ также скоро исчезаетъ. Съ половины XIV вѣка Славяне въ поморскихъ городахъ уже не встрѣчаются. Исключительность нѣмецкихъ мѣщанъ заявила себя въ Поморьѣ, какъ и вездѣ въ полабско-балтійскихъ странахъ, — тѣмъ, что они исключали Славянъ изъ цеховъ, требуя отъ при-

нимаемыхъ доказательства, что они происхожденія нѣмецкаго а не славянскаго [1]).

Тоже самое, что въ городахъ, происходило и въ *селахъ*. Духовныя корпораціи стремились во первыхъ къ тому, чтобъ ихъ подданные служили только имъ, и были освобождаемы совсѣмъ или отчасти отъ княжескаго суда, отъ общей подати (поральнаго), отъ разныхъ земскихъ и придворныхъ повинностей, отъ общаго ополченія, постройки и поправки городовъ, дорогъ, мостовъ, отъ гоститвы, осепа, нарѣза, превода, и пр., вкратцѣ отъ земскаго „права славянскаго“ (jus slavicum). Духовенство и шляхта стали потомъ призывать въ свои имѣнія нѣмецкихъ колонистовъ, которые поселились либо во вновь основанныхъ селахъ, либо заняли существовавшія уже села славянскія. Колонизація селъ и гагеновъ происходила извѣстнымъ образомъ, при посредничествѣ шульцовъ и гагемейстеровъ [2]). Такимъ образомъ водворилось въ Поморьѣ и въ селахъ „право нѣмецкое“ (jus teutonicum) [3]). Славяне не были исклю-

---

[1]) Поморскій историкъ Канцовъ первой пол. XVI в. пишетъ (I. 211): «Die Sachsen haben die stette in eine besser gestalt u. höfflichkeit gepracht, u. haben die Wende so gar verachtet, dasz sie sie neben sich nicht haben leiden wollen, auch in keyne gilde oder wercke gestatten. Darum sind sie aus den stetten bald ausgerottet, u. nur in den dörffern geplieben, da man sie ein zeitlangk zu bawung des lands gelidden, aber die lenge auch in Vorpomern ganz u. gar ausgerottet hat». Тоже самое разсказываетъ современникъ Канцова, Кранцъ: «Omne nomen (wandalicum, т. е. славянское) ita habuerunt advenae Saxones exosum, ut non paterentur, in suis collegiis et societatibus quemvis esse, qui non sit ortus parentibus teutonicis, idque sacramentis extorquent ab his, quos suscipiunt. Magna gentis injuria, quae patrio solo exturbata in ipsis suis nativis sedibus non sinitur habitare et vivere, etc. (Wandalia, lib. VII. c. 10).

[2]) См. стр. 135. Гагены встрѣчаются преимущественно въ западномъ Поморьѣ (до 140), ок. Штральзунда, Барта, Францбурга, Гримена, Грейфсвальда (по большой части быв. ранское княжество); рѣже на Ранѣ и въ округахъ дыминскомъ и анклямскомъ; на Волынѣ и Узноимѣ ихъ нѣтъ; дальше встрѣчаются въ округѣ рандовскомъ; въ заднемъ восточномъ Поморьѣ больше всего отъ Требетова до Рюгенвальде, нѣкоторые около Столпа. Извѣстные намъ сельскіе старосты носятъ нѣмецкія имена; наслѣдственный шульцъ села Шиллерсдорфа (Scyldersdorp у Грейфенгагена) назывался Іоаннъ Приславъ (Pryszlaw, 1327 г.), Нѣмецъ или онѣмеченный Славянинъ?

[3]) О распространеніи нѣмецкаго права въ Силезіи и въ Польшѣ, срв. Tzschoppe u. Stenzel: Urkundensammlung zur geschichte des ursprungs der städte u. der einführung u. verbreitung deutscher colonisten u. rechte in Schlesien u. der Ober-Lausitz (Hamburg 1832), и Владимірскаго — Буданова: Нѣмецкое

чаемы изъ этой новой колонизаціи, и монастырямъ предоставлялось заселять свои земли людьми разныхъ народностей (libertas vocandi et collocandi, ubicunque voluerint, Teutonicos, Danos, Sclavos vel cujuscunque gentis homines); всѣ такіе колонисты освобождались или вполнѣ или отчасти отъ земскихъ повинностей. Этимъ разноплеменнымъ колонистамъ предоставлялось жить всякому по своему праву (jure proprio, more gentis slavicae sive teutonicae sive danicae); только о смѣшанномъ поселеніи постановлялось, что меньшинство должно приноравливаться къ большинству; если напр. Славянинъ поселялся въ селѣ нѣмецкомъ, то онъ пользовался правомъ нѣмецкимъ, а на оборотъ, если Нѣмецъ поселялся между Славянами, то онъ пользовался славянскимъ правомъ. Такъ именно было въ имѣніяхъ монастыря Гильды [1]). Но если славянскіе подданные не были прямо освобождены отъ разныхъ повинностей, то они должны были отправлять ихъ и впредь, и такимъ образомъ не могли приносить своимъ господамъ большой пользы. Такъ напр. любецкіе каноники получили отъ князя Богуслава село Пречено въ мезерѣчской землѣ, но вѣроятно безъ болѣе точнаго опредѣленія льготъ; съ подданныхъ, Славянъ, продолжали требовать отправленія разныхъ повинностей (verum quia villa a Slavis inhabitata ad libertatem ecclesiae et canonicorum utilitatem sine gravibus expensis et perpetua multorum nobilium persecutione nequaquam poterat expediri). По этому князь Барнимъ замѣнилъ это село двумя другими, освободивъ ихъ отъ всѣхъ повинностей (1228). Чтобъ освободиться отъ разныхъ притязаній княжескихъ чиновниковъ, монахи колбасскіе выхлопотали у князя (1247 г.), чтобы и ихъ славянскимъ подданнымъ дано было нѣмецкое право (et Slavis eorum jus teutonicum in perpetuum dare).

И такъ въ Поморьѣ рядомъ съ стариннымъ правомъ славянскимъ существовало и новое право нѣмецкое (omnis consuetudo quae jus slavicum vel theutonicum appellatur, consuetudo quae pro jure in Theutonia sive Slavia servatur, 1248—49 гг.). Это славянское право, обязывавшее всѣхъ славянскихъ поселянъ, которымъ не пожаловано право нѣмецкое или по крайней мѣрѣ извѣстныя льготы, существовало въ Поморьѣ, на сколько намъ извѣстно, до конца

право въ Польшѣ и Литвѣ (С.-Петерб. 1868, срв. критику А. Павинскаго въ отчетѣ о 13. присужденіи наградъ гр. Уварова).

[1]) См. стр. 196.

XIII вѣка; еще въ 1272 г. князь Барнимъ, позволяя своимъ и своихъ васаловъ подданнымъ переселяться въ имѣнія колбасскаго монастыря, заявляетъ, что они свободны отъ разныхъ повинностей, кромѣ тѣхъ, которые они должны нести по общему праву славянскому (ultra communem omnium Slavorum in terra nostra manentium justitiam). Этого „права славянскаго“ въ Поморьѣ конца XIII вѣка точнѣе опредѣлить нельзя [1]). Въ то время повинности поселянъ, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ, уже значительно увеличились; поселяне, кромѣ разныхъ податей князю и господамъ, были обложены и многими натуральными повинностями, такъ что требованія по нѣмецкому праву сливались съ требованіями по праву славянскому [2]). Разница между поселянами нѣмецкими и славянскими замѣтна въ восточномъ Поморьѣ, въ земляхъ каменской и колобрежской, еще во второй половинѣ XIII вѣка (1273 г.) и въ церковномъ отношеніи, т. е. относительно десятинъ. Съ земель, занятыхъ Нѣмцами взимались десятины, которыя однако часто уступались въ ленъ князю и шляхтѣ, именно такимъ образомъ, что Нѣмцы обязаны были платить извѣстную сумму денегъ съ гуфы (Theutonici.. de quolibet manso); Славяне же платили епископу и каноникамъ—вмѣсто десятины натурой — извѣстную сумму денегъ съ каждаго рала (Slavi... de unco), стало быть родъ бископовницы, какъ это было и въ другихъ балтійскихъ и польскихъ странахъ [3]).

Нѣмецкая колонизація въ самомъ обширномъ смыслѣ, — т. е. наплывъ Нѣмцевъ во всѣ сословія,—произвела рѣшительный пере-

---

[1]) Это «славянское право» въ Поморьѣ и вообще въ балтійско-славянскихъ странахъ, можно ближе опредѣлить съ помощью «польскаго права» (jus polonicale, polonicum), какъ оно является въ грамотахъ и другихъ памятникахъ, особенно же въ важной книгѣ обычнаго права польскаго, составленной на нѣмецкомъ языкѣ въ XIII вѣкѣ. (Helcel: Pomniki II. Срв. тоже вышеприведенное сочиненіе Tzschoppe u. Stenzel, и R. Hube: Prawo polskie w wieku XIII., Warszawa 1874).

[2]) Срв. слова князя Оттона въ грам. 1328 г.; князь даетъ Щетину villam Podjuch cum aliis exactionibus, precariis, servitiis rusticalibus et urbanis, et angariis quibuscunque etiam nomine censeantur, liberam et exemptam. Трудно рѣшить, говорится-ли здѣсь о славянскомъ правѣ, или уже объ общемъ тогда правѣ поморско-нѣмецкомъ. Остатки «славянскаго права» сохранились въ разныхъ странахъ балтійскихъ до XIV вѣка. См. выше, стр. 41, 94, 162, 208.

[3]) О бископовницѣ у Бодричей и Лютичей см. выше, стр. 134, 159, 197. Въ смежной съ Поморьемъ польской епархіи владиславской habitatores in Pomerania solvunt domino episcopo Wladislaviensi de manso unum medium fertonem bonae monetae pro decimis (ок. 1258 г.).

воротъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ Поморья. Мы видѣли, что славянская шляхта, принимая свои земли отъ князя въ лены, дѣлалась, наравнѣ съ вновь прибывающей нѣмецкой шляхтой, васалами или манами князя, епископа, монастырей и вельможъ, и такимъ образомъ очутилась въ другихъ, новыхъ отношеніяхъ къ своимъ верховнымъ господамъ; старинное право дѣдичское (jus haereditarium) замѣнило право феодальное (jus feodale). Новые города, пользуясь своимъ нѣмецкимъ правомъ, исключались изъ общаго права земскаго. Тоже самое было въ многочисленныхъ имѣніяхъ, пожалованныхъ духовнымъ корпораціямъ и шляхтѣ; сидѣвшіе на нихъ колонисты освобождались по большей части отъ княжескаго суда, и отъ разныхъ земскихъ и придворныхъ повинностей. Вслѣдствіе такихъ исключеній изъ земскаго права расшаталось мало по малу старинное устройство гардовое (городовое). Поморье, равнымъ образомъ какъ и другія балтійскославянскія земли, раздѣлялось на извѣстные округи, земли, средоточіемъ которыхъ было укрѣпленное мѣсто—*гардъ* (городъ); здѣсь жилъ кастелянъ, трибунъ, коморникъ и другіе земскіе сановники. Гардъ былъ средоточіемъ окрестнаго народонаселенія, обремененнаго разными тяжелыми повинностями, особенно относительно города. Еще во время существованія этого древнеславянскаго устройства замѣтно формальное вліяніе нѣмецкаго элемента въ разныхъ названіяхъ. Уже во второй половинѣ XII вѣка (1175 г.) земля гостковская называется по нѣмецки—burgwardium. Кастеляны принимаютъ позже нѣмецкое названіе бургграфовъ, трибуны—гергграфовъ; такъ напр. дыминскій кастелянъ Рохелъ († ок. 1227 г.) называется (вскорѣ послѣ смерти) borgravius, дыминскій трибунъ Андрей—heregravius (1232 г) [1]). Но скоро устройство это падаетъ,

[1]) Слово *жупа* въ смыслѣ округа у балтійскихъ Славянъ, равно какъ и у польскихъ, не встрѣчается. Округъ принадлежавшій къ городу (castrum, castellum, urbs), называется обыкновенно terra, territorium, provincia, что соотвѣтствуетъ древнепольскому дѣленію на *земли*; иногда земля называется burgwardium, или просто castrum (наприм. nobiles viri castri Diminensis, villa in Colberg, villa in Pyritz); слова «circulus urbis Magnopolis» (1222) хорошо объясняютъ округъ города. *Гардъ* означаетъ еще въ XVI—XVII вв., на Ранѣ и у люнебургскихъ Славянъ—какъ и въ Польшѣ *гродъ*—судъ, судебный округъ (см. стр. 208). Слово *жупанъ* встрѣчается въ Поморьѣ только одинъ разъ, въ одной грамотѣ 1187 г., изданной однако не въ Поморьѣ, а въ Бамбергѣ, архимандритомъ монастыря св. Михаила: princeps dominus Boguzlaus consensu fere omnium baronum et *suppanorum* suorum (въ другихъ по-

въ западномъ Поморьѣ раньше, чѣмъ въ восточномъ, заодрянскомъ; въ Волегощѣ, Гостковѣ, Дыминѣ, кастеляны являются послѣдній разъ въ 1230, 1234, 1235 гг., въ Камнѣ въ 1244 г., въ Колобергѣ въ 1255 г. Мѣсто кастеляновъ занимаютъ фогты (advocati), высшіе судьи завѣдывающіе высшимъ судомъ (judicium majus) — съ участіемъ присяжныхъ изъ васаловъ—на такъ называемомъ landding (commune placitum). Старинное ополченіе славянскаго народа (expeditio gentis slavicae) встрѣчается еще въ 1219 г. въ землѣ гостковской, и въ 1229 г. около Гильды; позже является вмѣсто него простое ополченіе expeditio, lanthwere, jus quod herschild dicitur (послѣднее въ 1240 г. въ колбасской землѣ). Стереженіе городовъ или лучше княжескихъ замковъ, поручено княжескимъ манамъ или васаламъ, которымъ пожалованы принадлежавшіе къ замку лены. Въ селахъ, устраиваемыхъ по праву нѣмецкому, шульцы (въ имѣніяхъ колбасскихъ они являются съ 1220 года) завѣдывали, съ участіемъ другихъ судей (scabini, schöffen), низшимъ судомъ (minor justitia, judicium minus), а изрѣдка—съ позволеніемъ князя—и высшимъ судомъ, какъ это было въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ монастырей [1]).

морскихъ грамотахъ: optimates, principes terrae, 1187—1191, principes et barones terrae, nobiles et barones terrae, 1223—1224). Жупаны здѣсь означаютъ вѣроятно вообще шляхту, а не однихъ только градоначальниковъ, которые всегда называются castellani, иногда praefecti. Barones, comites были въ Поморьѣ вообще высшіе сановники, земскіе и придворные; напр. comes Jacobus (1224—1242) встрѣчается какъ dapifer de Camin, nobilis de Camin, comes Warghina (1224—1235) — pincerna, castellanus de Camin. Поморскіе supani, comites, barones напоминаютъ польскихъ supani (наприм. въ любушской землѣ, см. стр. 110), comites (кмети?), barones, чешскихъ жупановъ и кметей (Časop. Česk. Mus. 1875, 62), югославянскихъ кметей (кмети угорскіе, въ хорват. и серб. грамотахъ XV вѣка, = barones regni Hungariae); все это были земскіе и придворные сановники вообще. Выше мы высказали мнѣніе, что у балтійскихъ Славянъ шляхта называлась вообще князьями (князь и княжичъ); были-ли имъ извѣстны и слова *шляхта*, *панъ*, *влодыка* (какъ Полякамъ и Чехамъ), не знаемъ. — По нѣмецкому названію трибуна — heregravius (heergraf) можно предполагать, что этотъ сановникъ назывался *войвода*, *воевода;* это слово знали балтійскіе Славяне, какъ видно по словамъ *войводница*, *woywoto* (у Бодричей, см. стр. 152), *wowoda* (у люнебургск. Славянъ=un prince). Польскій tribunus переводится *войскій*, а *воевода*=palatinus.

[1]) Въ Польшѣ сельскій судъ въ селахъ, пользовавшихся нѣмецкимъ правомъ (судомъ завѣдывали тоже scultetus et scabini), продолжалъ называться стариннымъ славянскимъ словомъ *вѣче* (wiece, gajone wiece, zagajone wiece= нѣмецк. ding, gehegtes ding). Срв. наприм. земскія книги костянскія 1402—30 гг.,

Изъ славянскихъ учрежденій встрѣчаются *подача*, т. е. извѣстная зависимость должниковъ отъ заимодавца, еще въ 1212 г. въ колбасской землѣ (pro centum marcarum podaciis), *нарѣзъ* и *осепъ* въ 1229 г. въ землѣ старгардской.

Этотъ постепенный переворотъ замѣтенъ тоже въ грамотахъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка встрѣчаются въ нихъ разныя слова славянскія (могилы, дупная могила, тригорки, лугъ, гардище и др.), которыя потомъ уступаютъ нѣмецкимъ (stenbedde—sepulcrum gigantis т. е. нын. hünengrab, mur—moor, borchwall и др.). Нѣмецкій языкъ сдѣлался общеупотребительнымъ (quod vulgariter dicitur).

Постепенное распространеніе нѣмецкаго элемента въ поморско-лютичскомъ княжествѣ прослѣдимъ подробнѣе по отдѣльнымъ землямъ, раздѣливъ послѣднія на нѣсколько группъ, на групу земель по лѣвому берегу Пѣны, на правомъ б. Пѣны, на лѣвомъ берегу нижней Одры, острова, земли на правомъ берегу Одры, приморскія земли отъ Одры за Персанту.

1. *Запѣнскія земли.*

На лѣвомъ берегу Пѣны на сѣверъ до рѣки Гильды (Рѣки), отъ устья Треболы на востокъ до моря, были, какъ выше сказано, земли лосичская, гостковская, щитенская, лѣшанская, буковская, волегощская, остроженская, послѣдняя прежде принадлежавшая къ Ранѣ.

Лосичская земля досталась—вмѣстѣ съ другими смежными, именно съ чрезпѣнской и доленской, ок. 1230 — 36 гг. князьямъ мекленбургскимъ, но не на долго; уже черезъ нѣсколько лѣтъ въ ней господствуетъ опять поморскій князь Вартиславъ. Еще во время мекленбургскаго владычества лосичскую землю получилъ какъ поморскій ленъ мекленбургскій вельможа, рыцарь *Тетлевъ изъ Гадебуша* (Tethlevus miles dictus de Godebuz, dominus terrae Lositz). Въ 1242 г. онъ пожаловалъ Лосичи (Лосице, срв. польск. Łosice). нѣмецкимъ, любецкимъ правомъ, и вообще поддерживалъ германизацію своей земли. Уже въ этомъ году въ окрестностяхъ города одинъ мостъ называется по нѣмецки bolbrucke, одно старое

познанскія 1429—37 гг., акты капитула гнѣзнен. 1590 года, и пр. Извѣстно, что и высшій, княжескій, позже королевскій судъ — въ которомъ засѣдали король и земскіе сановники (barones) — назывался *великое* или *посполитое вѣче* (colloquium generale).

городище—oldenborchwal, одно село—Janekendorp. Названіе села Приточина (Pritochine, Pretuzhine), какъ оно называется еще въ 1232 г., передѣлано у Нѣмцевъ уже черезъ десять лѣтъ въ Pretwisch, Bretwisch; ранскій князь называетъ его еще по славянски Prethutzeve. Сосѣднее село Раковъ раздѣлилось уже до 1232 года на два, большее и меньшее, по всей вѣроятности—какъ и въ другихъ странахъ — нѣмецкое и славянское. Кромѣ рыцаря Тетлева, прибыли въ лосичскую землю и другіе мекленбургскіе и вообще нѣмецкіе шляхтичи—васалы; въ 1242—1249 гг. были тамъ именно Johannes et Bertholdus Thuringus, Ludeke et Bolto de Slaukesdorpe, Egbertus de Baggendorpe, Borcardus Wine, Ludico Duser, Reymbern, Sifridus Lode, Brunwardus de Lositz и др. Лосичская земля находилась въ владѣніи рода Тетлева, именно двухъ его сыновей, Вернера и Генриха, до 1275 г., гдѣ досталась ранскому княжеству, почти уже совсѣмъ онѣмеченная; по крайней мѣрѣ въ началѣ XIV вѣка упоминаются Славяне только въ двухъ селахъ, Bresechevis (ст. Приточино) и Michelstorp [1]).

На востокъ отъ Лосичъ лежали земли и города *Волегощь*, *Буково*, *Лѣшане*, *Щитно*, и *Гостковъ*. Изъ кастеляновъ волегощскихъ знаемъ Сулистрѣга и Недаміра (во второй пол. XII в.), Мирослава, Прешу (Preza 1230, вѣроятно сокращ. Преславъ); изъ кастелянов гостковскихъ — Ярогнѣва и Прибу (XII в.), Бартоша, Требоміра, Станка, Прѧцу (Prentza 1234, срв. польск. Przącław, Przesławice).

Изъ шляхты здѣшнихъ странъ извѣстны до первой половины XIII в. по именамъ, Никлонъ, Радошъ, Генрихъ, Вислав Немьстичъ, Свирчъ (1231 ок. Щитна). Около Госткова имѣли помѣстья Свѧтоборичи, боковая линія княжеская, именно *Вартислав* (dominus Wartislaus de Choskoue, 1219 — 1233). Вдова его, Доброслава, вышла за прибывшаго въ Поморье изъ Старой Марки фогта Яца изъ Зальцведеля (Jaczo advocatus de Saltwedele), отъ котораго происходитъ родъ назвавшійся изъ *Гостькова* (de Cotscowe, de Gutzkowa, von Gützkow). Нѣмецкихъ дворянъ стало вообще прибывать сюда все больше; такъ между Гостковымъ и Гильдой имѣли ок. 1249 г. села — кромѣ пановъ изъ Госткова — и члены родовъ Bere (Ursi), Osten, Schwerin и др.

Въ этихъ земляхъ между Пѣной и Рѣкой поддерживалъ герма-

[1]) См. стр. 199.

низацію особенно вышеупомянутый монастырь *Гильда* [1]). Съ половины XIII вѣка являются здѣсь нѣмецкіе города *Грейфсвальдъ*, *Волегощъ*, *Лѣшане*. Самый важный городъ въ тѣхъ странахъ былъ *Грейфсвальдъ* [1]). Еще въ 1248 г. это было мѣстечко (oppidum) монастыря гильдскаго; черезъ два года оно пожаловано любецкимъ правомъ. Гильдскіе монахи позаботились также объ онѣмеченіи этихъ странъ; въ то время около возникающаго города былъ потокъ Eschenbech, мѣсто Darsimhoued (т. е. даржимскій носъ); причисленная къ городу земля мѣрилась по такъ наз. гагергуфамъ (mansi qui haghenhof dicuntur). Имена мѣщанъ—нѣмецкія, и указываютъ на ихъ происхожденіе изъ Люнебурга, Висмара, Густрова. Требетова, Розтокъ, Ракова, Cosuelde и пр. (1250 — 1258). Въ числѣ грейфсвальдскихъ патриціевъ былъ въ концѣ XIII вѣка родъ *Горислави* (Gorislav, Görslaf, de Gorislav), неизвѣстно только славянскаго-ли происхожденія (срв. Горислава кастеляна требожескаго).

О существованіи славянскаго народонаселенія между Рѣкой и Пѣной исчезаютъ—съ пол. XIII в.—почти всѣ слѣды. Въ имѣніяхъ монастыря гильдскаго господствовало еще около половины XIII вѣка „право нѣмецкое“ и „право славянское;“ но послѣднее исчезаетъ съ половины этого столѣтія. Въ 1228 г. любецкіе каноники получили въ землѣ гостковской два села, Карбово и Печково, въ замѣнъ села Пречена въ мезерѣчской землѣ. Жители этихъ селъ были тогда еще Славяне; но около половины XIII вѣка оба села являются уже нѣмецкими; ихъ урочища называются по нѣмецки: stagnum—Seblecke, rivus—Lutzowerbeke, campus—stritkampe, palus—rusgensole, montes qui Circumspice te sive Se thic umme nominantur, stenbedde (могила обложенная камнями). Нѣсколько славянскихъ рыбацкихъ селъ находилось еще въ 1270 г. около устья Пѣны (exceptis Slavis de villis circumjacentibus, qui cum instrumento, quod nuncupatur stafwede, et non aliter piscandi liberam potestatem in aqua memorata habeant). Позже, въ 1284 г., приводится у Грейфсвальда „славянское село Честелинъ“ (villa slavicalis Sestelin, Cestelin); но уже въ 1300 г. въ этомъ селѣ встрѣчается наслѣдственный шульцъ

[1]) См. стр. 195.

[2]) Въ 1249 г. князь Вартиславъ говоритъ: oppidum quod Gripeswald lingua *theotonica* appellatur, а епископъ каменскій Вильгельмъ: o. q. G. *lingua patria* appellatur. О городѣ Гр. срв. Dähnert: Pommer. bibliothek V. 130, Kosegarten: Pommer. u. Rüg. geschichtsdenkmäler I. 42.

Ertmarus, владѣвшій свободными ралами (quantum uno unco et dimidio, quod vulgo anderhalf hake nuncupatur), и завѣдывавшій судомъ—heghetdinch. „Рала“ были тогда уже единственной памятью славянскаго населенія этого мѣста. Съ исчезновеніемъ славянскаго элемента многія географическія названія стали замѣняться новыми искаженными формами, иногда и переводами. Такъ Гостковъ перемѣнился въ Gutzkow, Щитно съ Zieten, Острожна или Вострожна въ Wusterhusen, и пр. Лежащій вблизи послѣдней земли островокъ называется въ 1282 г. Свѧтый востровъ (insula quae dicitur Swantewostroe), черезъ нѣсколько лѣтъ (1291) Szwantewuzterhusen, а въ началѣ XIV вѣка уже по нѣмецки Oe (нын. Oi, т. е. островъ). Эти измѣненія географическихъ названій происходили въ теченіи XIII вѣка повсемѣстно, и уже въ 1281 г. князь Богуславъ, подтверждая Гильдѣ всѣ жалованныя грамоты, могъ сказать, что монастырскія имѣнія когда-то назывались по славянски иначе (possessiones in privilegiis notatae quondam idiomate slavico nominibus aliis pronunciari solebant).

2. *Предпѣнскія земли.*

При впаденіи Доленцы и Треболы въ Пѣну стоялъ старинный городъ *Дыминъ*. Онъ съ распространеніемъ поморскаго владычества на западъ сдѣлался средоточіемъ окрестныхъ земель расположенныхъ по верхней Пѣнѣ и по Доленцѣ около него полукругомъ, именно земель чрезпѣнской, доленской, старинной плотской и мезерѣчской. Дыминъ былъ потомъ столицей князя западнаго Поморья, *Вартислава* (1220—1264), который часто назывался также княземъ дыминскимъ (dux Diminensium, Diminensis, de Dimin). При этомъ князѣ Поморье потеряло однако большую часть лютичскихъ земель, „Лютичіи,“ именно землю чрезпѣнскую и часть земли доленской, которыя — какъ уже сказано — присоединены къ сосѣднимъ землямъ мекленбургскимъ (ок. 1230—1236) [1]).

Дыминская шляхта, т. е. вообще шляхта, поселившаяся въ выше означенныхъ земляхъ, была довольно многочисленна. Къ ней принадлежалъ и знатный родъ *Рановичей* (Ramnouits), обитавшій въ доленской землѣ около Требетова на Доленцѣ; сыновья Рана, Ген-

[1]) Чтобъ не слишкомъ дробить нашего очерка, разсмотримъ процесъ германизаціи въ этихъ поморско-мекленбургскихъ странахъ разомъ теперь же, тѣмъ болѣе, что процессъ тотъ происходилъ въ обѣихъ странахъ одинаково.

рихъ и Борешъ (Borts, Boriz, Buric), жившіе во второй половинѣ XII вѣка (1176—1194), занимали первое мѣсто въ доленской землѣ; они происходили отъ „славнаго рода лютичскаго“ (filii Ranni, H. et B. illustri Luticiorum prosapia ceteros antecellentes), вѣроятно княжескаго. Въ чрезпѣнской землѣ около стариннаго города, позже монастыря, Даргуня былъ родъ Мирогнѣва (1173); вѣроятно его сынъ былъ часто впослѣдствіи упоминаемый (1194—1226) Рохелъ [1]). Въ ряды этой старинной славянской шляхты мало по малу стали прибывать и нѣмецкіе шляхтичи. Этотъ дуализмъ дыминской шляхты является все больше и больше, и въ 1236 г. князь Вартиславъ отличаетъ уже своихъ славянскихъ шляхтичей (Slavi nostri nobiles in Dimin) отъ нѣмецкихъ. Во второй половинѣ XII вѣка (1150—1200) извѣстны слѣдующіе дыминскіе шляхтичи: Пѫтинъ сынъ Мстислава, Домаславъ, Николай, Будивой, Субиміръ Стодорковичъ, Держекъ (кастелянъ), Мирогнѣвъ, Моникъ, Хотиміръ, Бѫдекъ, Добеславъ, Праусъ, Запаха, Голдонъ, Сулиміръ Тѣшиміричъ, Генрихъ Плохиміричъ, Одолянъ сынъ Казиміра (de Liuticia), Іоаннъ или Яникъ Держковичъ (кастелянъ), Боркъ и его сыновья Прибиславъ и Ярогнѣвъ, Ранъ и его сыновья Генрихъ и Борешъ, Славоміръ и др. Въ это время извѣстенъ былъ около Дымина только одинъ нѣмецкій шляхтичъ, Hermannus Teutonicus (1175). Въ 1200—1236 гг.: Рохелъ (кастелянъ), и его сыновья Сулиславъ и Добеславъ (коморникъ), Добеміръ (коморникъ), Ратиславъ (Радославъ) Скарбиміричъ, называвшійся по своей усадьбѣ „изъ Скорѫтина,“ и его сынъ Душикъ, Андрей Приборовичъ (воевода), Начеміръ (кастелянъ), Камыкъ (Chemko, Chemeco), Держекъ, Барнимъ, Валикъ, Доброміръ, Живко, Мирославъ (кастелянъ), Тѣшиміръ (каст.), Яникъ изъ Верхна, Люборадъ (каст.), Яковъ Жабочичъ (каст. грозвинскій), Нисулъ (каст. 1235), Домаша сынъ Люборада. Наконецъ въ 1236 г. приводится еще нѣсколько „славянскихъ шляхтичей дыминскихъ“ (Slavi nostri nobiles in Dimin) Добеша, Chanzik (Камчикъ?), Nenzad. Изъ нѣмецкихъ дворянъ были въ 1232—1236 гг. въ дыминскихъ земляхъ Walterus comes de Goia (вѣроятно изъ Вестфаліи), Sifridus, Andreas de Cyrbrecin (Славянинъ или Нѣмецъ?), Helboldus, Wedgo, Luttardus.

---

[1]) Славянская форма этого имени (Rokil, Rochil, Rokel) видна изъ чешскихъ названій Rochlice, Rochlov. Въ полов. XII в. упоминается и въ Вагріи князь Рохелъ (см. стр. 122).

Слова князя Вартислава (1236 г.) „наши славянскіе шляхтичи въ Дыминѣ“ имѣютъ свое значеніе: съ того года исчезаютъ славянскіе шляхтичи въ дыминскихъ странахъ почти совсѣмъ, и въ старинныхъ земляхъ чрезпѣнской, доленской, плотской, мезерѣчской и грозвинской — шляхта — землевладѣльцы почти исключительно Нѣмцы изъ мекленбургскихъ, саксонскихъ и др. странъ [1]). Встрѣчаются здѣсь члены родовъ Badelaken, Sconevelde, Bruseviz, Cule, Bere, Berghe, Angeren, Reineuelde, Sconewalde, Blixino, Thuring, Multsan, Apeldorn, Penz, Vitzen, Ertheneborch, Walsleue, Wachholte, Suerin, Munt, Stolteuot, Voss, Bune, Warborch, Brusehauer, Stokwlote, Molteke, Manduvel (Manteuffel), и др. Славянской шляхты встрѣчается со второй половины XIII вѣка очень мало; она, дѣлаясь васалами князей и принимая новые предикаты, исчезала въ рядахъ новой шляхты нѣмецкой. Около столпскаго монастыря въ грозвинской землѣ жилъ въ 1243 г. Яковъ Жабочичъ въ Танглимѣ (но не какъ кастелянъ, такъ какъ здѣсь былъ уже фогтъ); вмѣстѣ съ нимъ упоминаются землевладѣльцы грозвинскіе, Hermannus Szowa et Dhegenhardus—владѣльцы села Восѣка, и рыцарь (miles) Матвѣй въ селѣ Терстеницѣ, о которыхъ трудно рѣшить, кто они были, Славяне или Нѣмцы. Около Даргуня, встрѣчаются Ратиславъ, владѣлецъ села Даргобѫдъ (1241), Конрадъ „Славянинъ“ (Slavus) близъ Иванокъ (1252), Рохелъ сынъ Лобеслава (1269)—претендентъ на три села (Кѫтимь, Даргобѫды, Варѫжинъ),—и его родственники и сосѣди, Гнѣвоміръ, Тарпикъ изъ Волчина или Вольшина, Cirnid de Grambove, Тѣшиславъ, Добеславъ. Изъ-за села Кѫтимя былъ еще въ 1287 г. споръ между монастыремъ даргунскимъ и „Славяниномъ Дѣдикомъ“ (quendam Slavum, virum honestum, nomine Dedic), вѣроятно изъ рода Рохловичей; Дѣдикъ, съ согласія своего сына Якова и другихъ дѣдичей, отказался отъ своихъ правъ на это село. Были-ли упоминаемые съ Дѣдикомъ рыцари Видантъ, Унславъ (Vinslaws longus) и Бархилъ помѣщики странъ тамошнихъ или другихъ (именно узноимскіе), не знаемъ. Славянскій родъ *Заѫцовъ* (Zayenz, Zagenetz, Zance, во второй полов. XIII в. упоминается часто Генрихъ, маршалъ князя Барнима), владѣвшій помѣстьями между Анкламомъ, Поздиволкомъ и Укермюнде, перевелъ впослѣдствіи

[1]) На прибытіе разныхъ васаловъ въ чрезпѣнско-гноенскую землю указываютъ слова мекленбургск. князей въ грамотѣ 1276 г.: ...vasallos nostros bona sua possidere cum tali jure, sicut a nobis a novella plantatione sub feodo susceperunt.

свое имя по нѣмецки *Haasen*. Дальше о славянской шляхтѣ въ попѣнскихъ земляхъ нѣтъ слѣдовъ.

Въ самомъ восточномъ углу чрезпѣнской земли основанъ въ 1172 г. поморскимъ княземъ Казиміромъ цистерціанскій монастырь у стариннаго города *Даргуня*, и сюда призваны монахи, съ начала датскіе (изъ эсромскаго монастыря на Зеландѣ), а впослѣдствіи нѣмецкіе изъ мекленбургскихъ Добрянъ. Монастырь основанъ, разумѣется, въ странѣ чисто славянской, и всѣ въ земляхъ чрезпѣнской и доленской пожалованныя ему села и угодья и ихъ урочища носятъ чисто славянскія названія; здѣсь были села Выгонъ, Гнѣвотино, Топорище, Добемышль или Добромышль, Требимѣрь, Собѣдарги, Домагнѣвь и пр., луга Глѣбокій, Долгій, и Широкій, урочища могила, тригорки, вилій дѣбъ, княжья граница, и пр. [1]). Князь поморскій позволяетъ монахамъ заселять ихъ имѣнія Нѣмцами, Датчанами и Славянами, которымъ всѣмъ предоставлено жить по своимъ обычаямъ, именно что касается корчемъ (vocandi et collocandi Teutonicos, Danos, Sclavos, et tabernam habendi sive velint more gentis nostrae, sive teutonicae et danicae). Это позволеніе повторяется нѣсколько разъ и впослѣдствіи, и еще въ 1229 г. монастырю позволено основывать въ пустыхъ мѣстахъ села нѣмецкія или славянскія (ponere villas teutonicales vel slavicales) [2]). Датской колонизаціи не знаемъ ближе; если она и была, то скоро исчезла въ колонизаціи нѣмецкой. Послѣдняя съ начала, по всей вѣроятности, не была значительна; по крайней мѣрѣ села и урочища продолжаютъ называться по славянски еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII вѣка, и составители жалованныхъ грамотъ, Нѣмцы, приводя названія урочищъ, не разъ прибавляютъ, что такъ ихъ называютъ Славяне; такъ напр. около села Пинова и сосѣдней пустыни Голишова (въ доленской землѣ) былъ камень, который Славяне называли Добришь камы, т. е. камень Добриха (lapis quem Slavi Doberiscecame vocant, 1226), около села Дукова (въ той же доленской землѣ) родникъ и озеро—называемыя по славянски Гидамѣрь и Мирчино (fons qui slavice Gidamer vocatur, stagnum q. slavice Mirtsino v., 1229), и пр. Только съ половины XIII вѣка встрѣчаются въ числѣ монастырскихъ селъ и угодій нѣкоторыя

[1]) Срв. стр. 29.

[2]) Ок. 1230 г. основаны въ двухъ пустыняхъ, Голишовѣ и Скарбишовѣ, два села съ тѣми же самыми названіями. Были-ли эти села славянскія или нѣмецкія, не извѣстно.

съ нѣмецкими названіями, напр. Wittenwerder, Bokholt, Rucenwerder, Ganzekendorp, Twedorp и пр. Нѣкоторыя села однако переименованы потомъ на нѣмецкій ладъ; такъ напр. уже въ 1238 г. вышеупомянутое село Добемышль или Добромышль называлось также Brodersdorp, и это двойное названіе сохранилось до второй половины XIII вѣка (Dobermoizel alio nomine Broderesdorpe, 1282); село Тѣшиково переименовано въ Nova Villa, Niendorp (villa Tessekowe alio nomine Nova Villa 1282), и это нѣмецкое названіе пріобрѣло себѣ потомъ исключительное господство (Niendorp quae quondam Tessekow vocabatur [1]). О постепенной германизаціи монастырскихъ селъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ; но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она происходила такимъ же образомъ, какъ въ сосѣднихъ странахъ мекленбургскихъ, ранскихъ и въ остальномъ Поморьѣ. Села заселяли шульцы нѣмецкими колонистами; Славяне или уходили въ новыя селенія, или, оставшись посреди новыхъ пришельцевъ, со временемъ принимали съ нѣмецкимъ правомъ и нѣмецкую народность. Село Дреновица (Drenuuiz, Droneviz) приводится во второй половинѣ XIII в. (еще 1253 г.) въ числѣ остальныхъ селъ подъ этимъ простымъ названіемъ; но уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1264 г.) приводится и „славянское“ село того имени (slavicalis villa Droneviz), стало быть, въ отличіе отъ другихъ, неславянскихъ [2]). Уже въ первой половинѣ XIII в. въ монастырскихъ селахъ встрѣчается нѣмецкое устройство, которое сдѣлалось въ нихъ впослѣдствіи господствующимъ. Въ селахъ встрѣчаются гуфы, десятины, шульцы (villici), завѣдывавшіе сель-

---

[1]) Въ 1266 г. монастырю принадлежали слѣдующія мѣста, всецѣло или отчасти: Dargun, Rokeniz, Kussitz, Kalen, Damnio, Glasowe, Polchowe, Geressowe vel Cowale, Pennecowe, Pinnowe, Golessowe, Ducowe, Scarpessowe, Pribignewe, Ratenowe, Jarezowe, Chilowe, Muzeliz, Benziz, Bralin, Caulin, Cantim, Dargebant, Slutowe, Zarnecowe, Warensin, Droneuiz, slavicalis villa Droneuiz, Startzowe, Nuzcowe, Bresen, Cusserowe, Vsatlin, Zagenzcowe, Bronsowe, Tusin, Plozzek, Siuuolk, Sarowe, Luchowe, Tescowe, Leuin, Madesin, Clobessowe, Wigun, Dolgolin, Warsowe, Dargelin, Ganzekendorp, Twedorp, Broderestorp, Wittenwerdere, Bokholte; на островѣ Узноимѣ села Gardiz (Garz), Karsibor. Всего 49 селъ съ слав. назв., а только 5 съ нѣмецк. названіями.

[2]) Въ числѣ монаст. селъ приводятся два села Cuzis (срв. польск. Kucice): Cuzis et altera Cuzis, Cusitz et iterum Cusitz. Но такъ какъ оба эти села существовали уже во время основанія монастыря (уже въ 1173 г.), то едва ли можно считать ихъ одно—славянскимъ, а другое—нѣмецкимъ. Срв. древнечешск. Mocropsy et alia Mocropsy (1233).

скимъ судомъ (thet dinch); напр. Lambertus, Albertus Vader, Heinricus въ селахъ Дуковѣ, Голишовѣ, Скарбишовѣ (1262). Урочища принимаютъ нѣмецкія названія, напр. мостъ между Ратеновымъ и Сетѣминымъ называется bolbruchge, рвы у Варгатина—vossgroven. Даже рыбацкія орудія, употребляемыя въ окрестностяхъ Даргуня, носятъ нѣмецкія названія — а между рыболовами сохранился славянскій элементъ еще всего долѣе; въ Пѣнѣ и коморовскомъ озерѣ рыба ловилась сѣтями worpenet, stokenet, cropelwade, drachgarne, съ удочками hantangele, vtotangele (1292). Нѣкоторыя села раздѣлились на общины нѣмецкую и славянскую; въ чрезпѣнской землѣ между городами Лавами (Lage) и Гнойнымъ встрѣчаются такія села уже въ 1235 г., Нѣмецкій Бучинъ (Teutonicum Butzin) и Славянскія Метники (Slavicum Metnic), позже переименованныя въ Gross-Bützin, Klein-Methling, подлѣ Klein-Bützin (слав.), Gross-Methling (нѣм.); дальше село Малыя Далевичи (Parvum Daleuiz), которое называется тоже „славянскимъ“ (Wendisch-D.) Въ обоихъ селахъ Малыхъ Далевичахъ и Метникахъ встрѣчаются уже въ 1235 г. десятины и гуфы, и въ первомъ — позже (1257 г.) также besettinge, стало быть нѣмецкое устройство. Послѣдній Славянинъ въ окрестностяхъ Даргуня былъ вѣроятно поселянинъ Тѣшиміръ въ Вардовѣ (villanus Thesmar 1336); его имя указываетъ по крайней мѣрѣ на его славянское происхожденіе.

Въ доленской землѣ, въ Требетовѣ на Доленцѣ, основали въ концѣ XII в. (1191—1194) вышеупомянутые знатные паны лютичскіе, Рановичи Генрихъ и Борешъ, женскій бенедикт. монастырь, который позже (1245) переселился въ *Верхно* (Virchene, Verchen) близъ истока Пѣны изъ коморовскаго озера. Монастырскія села носятъ славянскія названія (28); и только позже встрѣчается въ ихъ числѣ нѣсколько селъ съ нѣмецкими названіями (Sconeuelde уже 1243 г., позже въ 1279 г. Borchvelde, Smachtenhagen, Vlemingestorpe, Werder, Suichtenberge); село Мильчичи переименовано во второй половинѣ XIII в. въ Nova Insula. На югъ отъ верхенскаго монастыря, въ той же доленской землѣ, въ 1252 г. рыцарь Reinbernus de Stouen основалъ цистерціанскій женскій монастырь въ *Иванкахъ* (Hiuanak, Ivenak) [1]). Въ числѣ монастырскихъ селъ встрѣчаются нѣкоторыя съ нѣмецкими названіями (Soldekedorp, Kosso-

[1]) Такъ возстановляемъ славянское названіе; срв. польск. Iwiny, чеш. Jivany (отъ *ива*).

cendorp, Vorenholt); „оба села Божіе поле“ (utrumque Bosepol, 1256) указываютъ вѣроятно на раздѣленіе села на двѣ общины, нѣмецкую и славянскую; на такое раздѣленіе указываетъ и названіе села Wendische Marsowe (1344).

На правомъ берегу Пѣны, въ *грозвинской землѣ*, основанъ въ половинѣ XII в. бенедикт. монастырь въ *Столпахъ*. Въ землѣ *мезерѣчской* владѣли любецкіе каноники селомъ Пречеломъ на Пѣнѣ; но такъ какъ оно заселено было Славянами (quia a Slavis inhabitata), — отъ которыхъ окрестные шляхтичи требовали отправленія разныхъ повинностей, — и приносило каноникамъ мало пользы, то князь Барнимъ пожаловалъ каноникамъ взамѣнъ два села въ гостковской землѣ (1228).

Древнеславянскіе города *Требетово* и *Дымінъ* сдѣлались около половины XIII в. городами нѣмецкими (civitas T. 1245, civ. D. 1249). Дымину пожаловано позже право любецко-розтоцкое. Лѣсъ около Дымина называется въ концѣ XIII вѣка по нѣмецки Demminsche Wolth, и изъ десяти городу принадлежавшихъ селъ четыре носятъ нѣмецкія названія (—dorp). Уже въ 1248 г. въ Дыминѣ былъ фогтъ, двадцать лѣтъ спустя приводятся consules et burgenses. Въ городѣ *Танлимѣ* (Tanglim, Tanchlim, позже Anklam) былъ уже въ 1243 г. scultetus, а въ 1264 г. городъ пожалованъ вѣроятно правомъ любецкимъ. О Славянахъ въ тѣхъ городахъ не знаемъ ничего. Анклам-скіе купцы (krämer) требовали въ XIV в. отъ принимаемыхъ въ ихъ цехъ доказательства, что они нѣмецкаго происхожденія (dat se dudescher art u. herkunpft sin); Славяне, наравнѣ съ Датчанами и Шотландцами, считались недостойными почтеннаго цеха (Dene, Wende u. Schotten, we ock tho Lübeck u. anderen schesteden gebrücklich, schollen disser kumpanie nicht werdig sin) [1]).

3. *Предодрянскія земли.*

На востокъ отъ земель дыминскихъ были земли *ратарская*, позже *старгардская*, и *укерская*, въ 1236 и 1250 гг. уступленныя Бранденбургу [2]). При устьѣ Укры лежала малая земля *роховская;* по лѣвому берегу нижней Одры — земли *полицкая, пѣкунская* и *щетинская*.

Во второй половинѣ XII вѣка извѣстны изъ укерской шляхты

[1]) Rolle der krämer-innung zu Anklam, 1330. (Fock III. 247).

[2]) См. стр. 101 и 104.

Стефанъ и его сыновья Пѧтинъ и Гнѣвоміръ, Прибиславъ (изъ Поздиволка), Сулиславъ (изъ Премыслава), эти три вѣроятно кастеляны; въ Щетинѣ былъ тогда кастелляномъ Вартиславъ Свѧтоборичъ изъ боковой линіи княжеской, которая владѣла дѣдинами около Щетина. Въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIII в. (1200 — 1235) извѣстенъ въ Укрѣ Ѳома изъ Лохницы, вѣроятно кастелянъ; въ щетинской землѣ Розваръ (кастелянъ), Вартиславъ (сынъ Вартислава Свѧтоборича), Присноборъ (коморникъ и кастелянъ), Яковъ (воевода), братья Далиміръ и Москотъ, Прибина и Лаврентій, Стефанъ и Сулиславъ Розваровичи, Ярославъ Присноборичъ (позже 1267—1276, другіе два сына Присноборa, Прибиславъ и Добеславъ; послѣдній употребляетъ еще отчество „Присноборичъ"); Войславъ, Ратиміръ, Миловикъ, Сулиславъ Тѣшерадовичъ. Въ 1235 — 1250 кромѣ нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ: Ратиміръ изъ Гардца, Пѧтинъ Стефановичъ, Унивславъ, Яковъ Свойтиновичъ, Варѳоломей изъ Полицъ, Самборъ. За то въ послѣдній періодъ появляется въ земляхъ укерской и щетинской все больше нѣмецкихъ шляхтичей изъ разныхъ странъ: Rimbold dapifer (1235), Goswin, Godefridus, Conradus de Pozowalk, Heinr. Westual, Vrowin de Drensen, Arnold de Valkenrede, Swaneberch, Insleve, Naugarden, Brelin, Boizenburg, Albrechtshusen, Bertikow, Vunka, Ochtenhagen, Gartov, Smogerove (у Пѧкуня), Jagow, Boldensele, Listen, Bassedow, Kotene, и пр.

Въ *города* сталъ прибывать нѣмецкій элементъ—вмѣстѣ съ христіанствомъ,—еще въ XII вѣкѣ, привлекаемый преимущественно торговлей; такъ напр. уже въ XI вѣкѣ Нѣмцы (Саксы) находились въ Волынѣ. Во второй половинѣ XII вѣка было много Нѣмцевъ въ самомъ важномъ городѣ поморскомъ, *Щетинѣ*. Одинъ изъ этихъ щетинскихъ Нѣмцевъ, Берингѐръ изъ Бамберга, долго проживавшій въ томъ поморскомъ городѣ и владѣвшій здѣсь поземельной собственностью, построилъ въ подгородьѣ (extra castellum) церковь св. Якова. Эта церковь открыта въ 1187 г. въ присутствіи поморскаго епископа Зигфрида, княгини—вдовы и временнаго правителя, князя Вартислава, шляхты и многихъ Нѣмцевъ и Славянъ (multo populo Theutonicorum et Sclavorum coram posito); новая церковь назначена, по распоряженію епископа, именно для Нѣмцевъ (ut ecclesia Theutonicorum appellaretur). Наплывъ Нѣмцевъ въ Щетинъ все больше усиливался, и очень можетъ быть, что не безъ ихъ участія совершилось завоеванія Щетина ихъ же соотечественниками Бранденбуржцами въ 1214 году. Черезъ полстолѣтія послѣ откры-

тія церкви св. Якова Нѣмцы находились въ Щетинѣ уже въ большинствѣ. По этому поводу князь Барнимъ въ самомъ концѣ 1237 года сдѣлалъ важное распоряженіе о мѣстномъ судѣ, который до тѣхъ поръ находился во власти Славянъ; князь отнялъ судъ у Славянъ и передалъ его Нѣмцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посовѣтовавшись съ епископомъ Конрадомъ и своими васалами (въ ихъ числѣ и славянскій панъ Ратиміръ), позаботился и о духовныхъ нуждахъ щетинскихъ Нѣмцевъ и Славянъ, которые вѣроятно жили другъ съ другомъ не въ особенной дружбѣ; обоимъ назначены особыя загородныя церкви, Нѣмцамъ — церковь св. Якова, Славянамъ — церковь св. Петра. Что касается славянскаго народонаселенія въ окрестныхъ селахъ, то села лежавшія по лѣвой сторонѣ главной дороги въ Премыславь, причислены къ нѣмецкой церкви св. Якова, по правой же — къ церкви св. Петра. Все это сдѣлано „во избѣжаніе раздоровъ и для усиленія единодушія“. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Барнимъ, „князь славянскій“, который еще недавно (1223 г.) хорошо помнилъ то время, когда его столица завоевана была (1214 г.) другими Нѣмцами, Бранденбуржцами (cum Stetin a Theutonicis invasa fuisset et obsessa) [1]).

[1]) Важную грамоту 1237 г. приведемъ здѣсь вполнѣ: 1237, 28 dec. Ad evitandum discordiae malum et promovendum concordiae bonum. Ego Barnym, dei gratia dux et princeps Sclavorum, notum esse cupio omnibus hanc paginam inspicientibus. Cum sedisset animo nostro, ut oppidum nostrum Stetin, cujus jurisdictionem hactenus habuerunt Sclavi, ad jurisdictionem transferremus Teutonicorum, sic de consilio domini Conradi vener. Camin. episcopi et vasallorum nostrorum ordinavimus, volentes haec perpetuis temporibus immutabiliter observari. Volumus, ut omnes Teutonici infra municionem et vallum commorantes, una cum capellis jam aedificatis et in futurum aedificandis ad ecclesiam s. Jacobi extra ipsum oppidum sitam pertineant, ibi ecclesiastica beneficia requirendo. Sclavi vero infra munitionem positi ecclesiastica beneficia requirant ad ecclesiam s. Petri, quae sita est extra munitionem. Omnes etiam villae, quae sunt slavicae in rure positae, et quae sunt ad laevam manum regiae viae versus Premizlawe, ad s. Jacobum pertineant, et quae ad dexteram, ad s. Petrum. Ne autem aliquis hanc nostram ordinacionem praesumat immutare vel infringere, praesentem paginam conscribi et sigillo nostro jussimus communiri. Huic ordinacioni interfuerunt et testes sunt Conradus episc. Caminensis, Johannes plebanus in Grindiz, Conradus dapifer, Gozwinus, Nicolaus, Ratmarus et alii quam plures. — Поморскіе князья въ своей антинаціональной дѣятельности не стояли особнякомъ; такъ дѣйствовали и ранскіе Крутовичи (срв. выше стр. 197 замѣчательныя слова князя Вышеслава), и силезскіе Пястовичи и чешскіе Премысловичи. Срв. наприм. жалобы чешскихъ лѣтописцевъ на короля Премысла Отакара II., который repulit Bohemos de suburbio pragensi et locavit alienigenas, и передалъ нѣкоторыя окраины

Такимъ образомъ щетинскіе Славяне очутились въ меньшинствѣ и въ зависимости отъ размножившихся въ „матери поморскихъ городовъ“ Нѣмцевъ, и отъ городскаго шульца (scultetus, praefectus), какимъ былъ тогда (1242—43) Вернеръ. Формальное введеніе нѣмецкаго права въ Щетинѣ было только вопросомъ времени. Это случилось черезъ нѣсколько лѣтъ; въ 1243 г. пожаловано городу Щетину право магдебургское. Изъ этой жалованной грамоты узнаемъ тоже имена нѣсколькихъ мѣщанъ щетинскихъ: Stephanus Sagittarius (т. е. Schütt), Johannes Span, Albertus de Brandenburch, Heidenricus de Magdeburch, Lambertus de Sandow, Albertus de Sparrenuelde, Heinricus de Gubin, Gerardus institor, Gerardus de Domiz. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1249) разрушенъ и старинный княжескій замокъ, а мѣсто дано общинѣ. Разумѣется, что въ Щетинѣ, вмѣстѣ съ разными нѣмецкими порядками, нѣмецкій языкъ пріобрѣлъ себѣ господство, сдѣлался общеупотребительнымъ (vulgaris).

Но Щетинъ не былъ—по времени—первымъ нѣмецкимъ городомъ въ Поморьѣ, т. е. особой общиной пожалованной нѣмецкимъ правомъ. Его опередилъ нѣсколькими годами главный городъ въ укерской землѣ—тогда еще поморской—*Премыславъ*, который пожалованъ магдебургскимъ правомъ уже въ 1235 году [1]). Князь Барнимъ, устраивая этотъ первый нѣмецкій городъ въ своемъ государствѣ, прямо объявляетъ, что онъ въ виду своихъ выгодъ и по примѣру другихъ, т. е. нѣмецкихъ странъ, задумалъ основать и въ своей землѣ свободные города (nostris volentes utilitatibus et commodis providere, nos nihilominus aliarum provinciarum consuetudinibus conformantes, in terra nostra civitates liberas decrevimus instaurare). Для этой цѣли онъ подарилъ новому городу земли, и поручилъ его постройку и устройство нѣсколькимъ лицамъ, вѣроятно купцамъ изъ Штендаля (Waltero, Jordano, Willikino cum Esyko, Henrico cum Helya, et Paulo de Stendal), выговоривъ для себя извѣстную подать. Кромѣ Премыслава и Щетина князь пожаловалъ магдебургскимъ правомъ также *Гардецъ* (Garz, 1249); въ теченіи второй половины XIII. вѣка сдѣлались нѣмецкими городами *Пыжунъ* (*Пик-*

чешскія Teutonicis, suos postergando, и пр. — О древнемъ городѣ Щетинѣ срв. особенно Геринга (Hering) въ журналѣ Baltische studien (X. I), и Бергауза (Berghaus: Geschichte der stadt Stettin, Berlin u. Wriezen 1875, I.).

[1]) См. стр. 105.

кунъ), *Полица*, *Укермюнде*. Что касается славянскаго населенія въ этихъ городахъ, то мы имѣемъ объ немъ извѣстія только относительно одного Щетина. Въ этомъ городѣ было предмѣстье *викъ*, упоминаемый уже въ 1240 г. (vicus) и раздѣлившійся на верхній и нижній (Oberwiek, Unterwiek); судъ здѣсь принадлежалъ князю, и только въ 1319 г. викъ вмѣстѣ съ судомъ проданъ щетинской общинѣ. Въ верхнемъ викѣ уцѣлѣли Славяне еще въ первой половинѣ XIV вѣка; они жили именно въ такъ называемой шульцовской улицѣ, которая принадлежала княжескому шульцу Бернгарду Шиле (1321 — 1334, quam plateam B. Schile cum Slavis in eadem morantibus platea quiete habuit et possedit). Были-ли Славяне принимаемы также и въ ряды щетинскихъ мѣщанъ и цеховъ, не знаемъ; имена мѣщанъ Dubberaze, Triglaw, Swantes, Bobbelin, Kloxin, Trettin и др.—не доказываютъ еще ихъ славянскаго происхожденія, а они взяты отъ мѣстъ. Въ другихъ городахъ только *викъ* (vicus) указываетъ, можетъ быть, на славянское народонаселеніе; такіе вики были въ 1240 г. въ Премыславѣ и въ (тогда еще славянскомъ) Пѣкунѣ; сюда надо отнести и подгородье въ Гардцѣ, которое вмѣстѣ съ городищемъ пожаловано новому городу (locus in quo castrum G. steterat cum loco suburbii, 1259).

О германизаціи *сельскаго народонаселенія* между Укрой и Одрой есть очень мало прямыхъ свидѣтельствъ. Мы видѣли, что ок. 1237 г. на дорогѣ изъ Щетина въ Премыславь упоминаются „славянскія села“. Около этого времени (1240 г.) между Укрой и Одрой, въ земляхъ премыславской, пѣкунской и щетинской, въ числѣ селъ принадлежавшихъ каменскому епископу, находилось нѣсколько пустыхъ; но ихъ заселеніе имѣлось въ виду (villae longo tempore desertae, quae de novo excultae fuerint a colonis). Въ нѣкоторыхъ селахъ щетинской земли, принадлежавшихъ монастырю щетинскому, именно въ Грабовѣ, Дретовѣ, Колбасковѣ, Каменцѣ, Помелѣ, Устовѣ, Барнославѣ, Голашинѣ, Лодѣтинѣ, были тогда (1243 г.) уже шульцы (sculteti), завѣдывавшіе низшимъ судомъ (minora judicia); эти села были, стало быть, устроены уже по нѣмецки. Вездѣ считали здѣсь по гуфамъ и платили десятину [1]). Раздѣленіе селъ на нѣмецкую и славянскую общину встрѣчается и въ тѣхъ странахъ; такъ на

[1]) Въ полицкой землѣ поручилъ рыцарь Гербордъ изъ Кетена тремъ гагемейстерамъ заселить indaginem Holteshagen (1262 г.). Изъ этой грамоты узнаются нѣкоторыя подробности колонизаціи jure indaginario.

пр. въ 1289 г. около Пинкуна упоминаются два села Blomenberch, teutonicale et slavicale. Также встрѣчается перемѣна славянскаго названія въ нѣмецкое (villa olim dicta Nembuszoue nunc vero Zabelsdorp a. 1267). Славянское населеніе сохранилось дольше при устьяхъ Одры, при такъ назыв. Frische Haff (recens mare уже ок. половины XIII в.); здѣсь между Укермюнде и Полицами, островокъ въ губѣ варбенской называется еще во второй половинѣ XIII в. по славянски *востровъ* (insula quae sclavice *Wozstro* dicitur, 1252), нын. Werder. Интересно, что нѣмецкое названіе Ucramund, т. е. устье Укры, встрѣчается уже въ первой половинѣ XIII вѣка (1222); но это былъ тогда просто переводъ составителя грамоты, равнымъ образомъ какъ полстолѣтія тому назадъ (1178 г.) это мѣсто называется по латински introitus fluminis Ucrensis. Какое было славянское имя, неизвѣстно; можетъ быть Укра или Усть-Укрье (срв. Усть-Урье, Ust-Uire, при впаденіи Оры или Уры въ Лабу). Окрестности устья Укры, въ землѣ роховской, были въ первой пол. XIII в. еще славянскія, какъ видно на пр. изъ названій урочищъ (1216 г.), мостъ Неклоншица (Neklonsiza mozt), Лысая Гора (Liza góra), и пр.

4. *Острова.*

Узноимъ (Usedom). Изъ узноимской шляхты во второй половинѣ XII в. (1150 — 1200) извѣстны по именамъ: Острободъ, Гостиславъ, Повой (всѣ-кастеляны), Домаславъ. Съ 1200 г. до второй половины XIII в. Генрихъ (кастелянъ), позже (1224—28) называвшійся по своимъ имѣніямъ на островѣ, de Chnez, de Bukowe, оба его сына Іоаннъ и Добиша, Прибиславъ, Собѣборъ, братья Варбель и Ненадѣй, Хотиміръ Держличъ, Сулиславъ (каст.), Тѣшиславъ (воевода), Вышеславъ Вотиничъ, братья Жабикъ и Розваръ, Яковъ Жабочичъ, Михаилъ и Доброміръ Coniquiz (можетъ быть сыновья выше упомянутаго дыминскаго шляхтича Chemeco-Камыка). Въ началѣ XIII в. въ числѣ землевладѣльцевъ на Узноимѣ, были и „Славяне“ Вѫсошевичъ и Злутевичъ въ селѣ Врещевичахъ, Радошъ Голѫбевичъ, Терникъ, и Вовитикъ въ Церквищѣ; неизвѣстно, шляхтичи или поселяне [1]). Около половины XIII вѣка являются на Узноимѣ и нѣмецкіе шляхтичи, на пр. рыцари Fridericus de Ram-

[1]) Villa Vresteuiz cum alia terra quorundam Sclavorum (1178, 1194); V. cum alia terra quorundam Sclavorum Vanzaseuiz et Sluteuiz (1216); heredes agrorum in loco Tsirkewist: Rados Golambewic, Tirnik, Wouitic (1218).

stede, Rodolfus et Heinricus Munt, Gherardus Lepel, три брата de Suerin, Heinricus Luker и его сыновья Herbordus et Heinricus, рыцарь Richardus назвавшійся по лену Горкѣ de Gorke (1267 sqq.), и др. Подобно этимъ нѣмецкимъ шляхтичамъ и славянскіе стали принимать особые предикаты: сыновья выше упомянутаго Вислава Вотинича, Милошъ и Вѣцекъ, стали называться изъ Узноима (de Uznam 1249); ихъ потомки переселились потомъ на Рану, и отъ нихъ происходитъ нынѣшній родъ von Usedom. Послѣ прекращенія рода Coniquiz его имѣнія достались каменско-колобрежскому Безправу; его сынъ Петръ сталъ называться изъ Камыка (Kameke). Потомки Жабика назывались еще во второй половинѣ XIII в. по славянски Жабиковичи (Barchil et Johannes fratres dicti Sabekeuiz, 1282); оба брата владѣли своимъ имѣніемъ сообща вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Городъ *Узноимъ* пожалованъ любецкимъ правомъ въ 1296 году.

Германизацію Узноима поддерживалъ премонстрат. монастырь, основанный послѣ 1150 г. въ *Гробѣ*, позже перенесенный ближе къ городу Узноиму, и въ началѣ XIV в. въ Подъяглавы (Pudaglave Pudagla). Пожалованныя монастырю села носятъ всѣ — славянскія названія, какъ и вообще почти всѣ села на островѣ до сихъ поръ, кромѣ очень немногихъ — dorf, — hof. На Узноимѣ имѣлъ также даргунскій монастырь три села (два села Гардецъ и Каршиборъ); и князь позволялъ поселять въ нихъ Нѣмцевъ и Славянъ (Teutonicos sive Sclavos, 1242). Около пол. XIII в. на островѣ появляются нѣмецкія названія урочищъ; уже въ 1246 г. одна гора носитъ двойное названіе, славянское Бѣлая гора (Belgor, Bealgor) и нѣмецкое переводное (Wittenberc); черезъ десять лѣтъ — сосѣднія деревья называются hagenboken. Протокъ, соединяющій узноимское озеро съ Пѣной, называется еще во второй половинѣ XIII в. по славянски: жерло, жредло (ostium in vulgari Zrield, 1267), позже, въ началѣ XIV в., уже по нѣмецки — Kele (1315). Во второй половинѣ XIII в. (1270) на такъ назыв. Frische Haff (recens mare quod haf dicitur) рыбаки употребляли суда, называемыя vulgariter hafkane; здѣсь платились canepenninge.

Какъ скоро забыли на островѣ время господства славянскаго элемента, видно тоже изъ нѣкоторыхъ подложныхъ грамотъ монастыря подъяглавскаго. Монахи, поддѣлывая въ концѣ XIV в. грамоты будто первой половины XIII в., называютъ въ нихъ наивно разныя урочища уже по нѣмецки, т. е. такъ какъ они назывались

въ концѣ XIV вѣка. Такъ на пр. они предполагали, что уже въ 1238—1244 гг. на Узноимѣ находились: via vulgariter Catzecowerwech, insula vulgariter eyn werder, antiqua domus—aldehusen, aqua—kele; что здѣсь были koten (хаты), что употреблялись мѣра—top (связка) и сѣти—grote garne, что близъ Укермюнде былъ лѣсъ Monnekebode (встрѣчается только въ 1300 г.), и пр.

Отъ славянскихъ временъ уцѣлѣли и впослѣдствіи рала (unci, hakenhufen), встрѣчающіяся подлѣ гуфъ (mansi, landhufen). Говорятъ, что жители такъ называемаго липскаго угла (Lieper winkel) сохранили до сихъ поръ нѣкоторыя славянскія особенности; мы ихъ ближе не знаемъ.

Волынь. Изъ волынской шляхты извѣстны—съ половины XII до пол. XIII вѣка—Недаміръ, Вѧцеславъ (каст.), Сулистригъ и Добеславъ (вѣроятно кастелины), Всеміръ, Убиславъ, Вышеславъ (каст.), Славекъ, Прибиславъ, и его сыновья Добеславъ и Тѣшиславъ (Теславъ 1277—79); послѣдній и его сыновья, Прибиславъ, и Ратиславъ, употребляли прозвище Albus (бѣлый) или—съ XIV вѣка—по нѣмецки Witte. Нѣмецкій городъ Волынь является ок. 1279 года; у города былъ еще въ XVI в. *викъ* рыбаковъ, можетъ быть первоначально славянскихъ [1]). Географическія названія на Волынѣ до сихъ поръ почти всѣ славянскія; одно мѣсто при заливѣ (Haff), гдѣ могутъ безопасно стоять суда, называется до сихъ поръ glambok (т. е. глѧбокъ), то, что въ другихъ мѣстахъ diep (tiefe). Славянскія рала сохранились подлѣ гуфъ и на Волынѣ; и въ XVI в. встрѣчается въ одномъ селѣ слово *хиши*, въ смыслѣ сельскихъ хозяйствъ (drei wirthe hissche [2]).

5. *Заодрянскія земли.*

На правомъ берегу Одры, по Плонѣ и Инѣ, были земли *цетенская* (отошедшая впослѣдствіи къ Новой Маркѣ), *банинская*, *витковская*, *колбасская*, *пыриицкая*, *старгардская*.

Первое мѣсто между шляхтой этихъ странъ, занимали *Свѧтоборичи* (Suantoboriz), боковая линія поморскихъ князей. Оба Свѧтоборича Вартиславы, отецъ и сынъ, были въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. кастелянами въ Щетинѣ; Варѳоломей, Свѧтоборъ и

---

[1]) Vicus piscatorius quem incolae *wiek* appellant. (Bugenhagen: Pomerania 21).

[2]) Raumer: Die insel Wollin und das seebad Misdroy, eine histor. skizze (Berlin 1851).

Казиміръ (каст. колобрежскій до 1255 г.), жили въ теченіи первой половины и до второй половины XIII вѣка. Имѣнія Свѧтоборичей лежали преимущественно около монастыря колбасскаго. Остальная шляхта до 1235 г. почти исключительно славянская. Извѣстны именно Славотѣхъ, Гостиславъ (оба изъ Цетня), Walterus, владѣлецъ села Брода у Пырицы (1186), Павелъ и его сыновья Войславъ, Унимка, Прибинка, Лаврентій (старгардскіе); Барнославъ, Вогардъ, Свойтинъ, Войтѣхъ, Притѣхъ (Wocesk, Pricesk), Тѣшиміръ Прибовичъ (filius Pribonis), Николай Предборовичъ, Честиславъ Унимичъ, Надѣй, Доброгость, Славиборъ, Хотиміръ, Безмѣстъ (Bismast), и два члена рода назвавшіеся по селу „изъ Ришова“— Петръ и Николай Приборичъ (1220—1227). Ок. 1234 г. въ земляхъ банинской и старгардской жили шляхтичи Барнославъ и Свойтинъ, сыновья Свойтина, Яковъ, Вѧцеславъ, Гостиславъ, Симеонъ, Мирославъ, Николай, Ярогнѣвъ, Lenardus, рыцарь Mattheus de Grindiz (Грѧдице, село у медуйскаго озера, срв. польск. Grędzice). Былъ-ли послѣдній, равнымъ образомъ какъ и выше приведенный Вальтеръ, — Нѣмцы, нельзя рѣшить. Съ 1235 г. славянскіе шляхтичи въ тѣхъ странахъ упоминаются рѣдко; такъ Приборъ и Свѧтошъ, владѣльцы четырехъ селъ около Пырицы (1240). Вмѣсто нихъ являются шляхтичи нѣмецкіе, называющіеся либо по прежнимъ, либо по вновь пріобрѣтеннымъ жилищамъ; были здѣсь члены родовъ Ramstede, Pyritz, Welewanz, Clest, Osten, Jerichow, Regedantz, Blankenburg, Gransoye, Koten, Riden, Hindenburg, Wederinge, Misner, Bavarus, Massow, Luchte, и др.

Нѣмецкіе города (по праву магдебург.) въ этихъ странахъ стали возникать около половины XIII вѣка, по большей части на мѣстѣ старыхъ городовъ славянскихъ. Возникли здѣсь города *Дѧбъ* (Damm), *Грейфенгагенъ* (устройство поручено Рудольфу изъ Белекова и его сыновьямъ Рудольфу и Герарду), *Банинъ* (Bahn), *Пырица*, *Старгардъ*, потомъ *Голиногъ* (Golnow), *Машовъ*, *Витковъ* (Fiddichow). О Славянахъ въ этихъ городахъ знаемъ мало. Въ Грейфенгагенѣ жили Славяне въ предмѣстьѣ (wyk) еще въ началѣ XIV вѣка (1309), и въ Витковѣ—въ хызѣ—въ половинѣ XIV вѣка (de Wende up dem kyese); въ Витковѣ имъ позволено было пользоваться дровами въ сосѣднихъ лѣсахъ; память о нихъ сохранила до XVII вѣка одна роща у города (ein holzlein, die Wendenberge genandt, 1545—1609). Въ Дѧбѣ былъ въ началѣ XIV вѣка „старый викъ“ (antiquus vicus), можетъ быть заселенный Славянами.

Нѣмецкую колонизацію этихъ странъ поддерживало духовенство. Въ земляхъ цетенской и пырицкой были ок. 1240 г. пустыя села, колонизація которыхъ имѣлась въ виду (villae longo tempore desertae, quae de novo excultae fuerint a colonis). Въ цетенской землѣ получилъ поземельный участокъ бранденбургскій монастырь *ленинскій* (1248), который здѣсь позже основалъ Godekendorp и Woltorp (упомин. 1270 г.). Въ пожалованной въ 1234 г. *Тампліерамъ* землѣ банинской встрѣчаются уже тогда урочища, называемыя по нѣмецки, напр. мостъ Zichelesbrukke, лѣсъ—bochwalt, мѣсто—siluerenmos, дорога—lotstich, stenwer. Видно, что уже тогда происходила въ этой землѣ нѣмецкая колонизація; землевладѣльцы (heredes dictae terrae et villarum in ea sitarum) однако носятъ почти всѣ еще простыя славянскія имена, Барнославъ, Свойтинъ, Вѣцеславъ, Гостиславъ, Ярогнѣвъ, Symon, Jacobus, Nicolaus, Lenardus. Тампліеры пріобрѣли имѣнія также въ сосѣднихъ земляхъ хиничской и (поздн.) кёнигсбергской; въ первой—село Даргомышль по праву нѣмецкому (cum jure teutonicali, 1234), въ другой—Konigkesberge и Nahusen (1244). Въ этихъ странахъ около Кёнигсберга основанъ женскій монастырь *Sconenbeke* (Schönbeck), который пріобрѣлъ (1248) отъ епископа каменскаго извѣстные доходы изъ селъ Рожнова (Rosnowe), Vrowenmarkt, Sconenvlete, Sconenvelde. Старгардъ съ двѣнадцатью селами—называемыми по славянски—пожалованъ *Іоаннитамъ* (1229), съ правомъ заселить ихъ по нѣмецкому праву (ut possint hospites qualescunque jure teutonicali in omnibus villis suis collocare). Около этого времени (1233) Іоанниты получили отъ польскаго князя Владислава земли между Иной и Дравой, съ правомъ заселять ихъ Нѣмцами по нѣмецкому праву (locandi Teutonicos jure teutonico).

Нѣмецкую колонизацію по рѣкамъ Плонѣ и Инѣ поддерживалъ особенно цистерц. монастырь *колбасскій* [1]), основанный въ 1173 г. Вартиславомъ Свѧтоборичемъ на рѣкѣ Плонѣ между озерами медуйскимъ и дѧбскимъ, въ колбасской землѣ. Первые монахи были Датчане, потомъ Нѣмцы. Ужс въ годъ основанія монастыря въ числѣ пожалованныхъ ему селъ упоминается одно „село нѣмецкое“ (villa Theutunicorum), которое впослѣдствіи называется Кругъ (villa Theutonicorum quae Chrogh dicitur 1242); одновременно съ этимъ

[1]) Colbaz; Колбасъ или Колбасы. Срв. польск. мѣста Kiełbasa, Kiełbaska, Kiełbaski, у Словаковъ Klobásov (по мадьярск. Kolbászo).

селомъ упоминается и село Schoneuelt (1179—1181), которое однако носило—еще въ началѣ XIII вѣка—и другое, славянское названіе Обрыта (Obrita, Wobrita, срв. польск. Obryte, чеш. Obřit'). Но другія пожалованныя монастырю села и окрестныя урочища—всѣ носятъ славянскія названія до самой половины XIII вѣка, и славянскія формы этихъ названій проглядываютъ въ латинскихъ грамотахъ почти до половины XIII вѣка, напр. monticuli Suineromogula (на Инѣ 1233 г.), monticuli Brodegore, mons Wolsigore, fagetum Borimske, niger fluvius qui dicitur Ziarna Ztrug (ок. 1242 г.), и пр. Колонизація монастырскихъ имѣній началась рано; уже въ 1176 г. князь Казиміръ, жалуя монастырю село Прилѣпъ, имѣетъ въ виду его колонизацію (colonos quotcunque ibi posuerint). Жители монастырскихъ селъ жили—смотря по своему происхожденію—по праву славянскому или по праву нѣмецкому; послѣднее было въ употребленіи также въ нѣкоторыхъ селахъ съ славянскими названіями, именно въ тѣхъ, въ которыхъ встрѣчаются шульцы (1242 г. Simon scultetus de Woltyn, Theodericus s. de Broda, Thomas s. de Croch, и такъ вѣроятно и Hinricus de Gardna, Michael de Cleboh, Baldewinus de Cilizlaf). Уже около этого времени нѣкоторыя села являются раздѣленными на два, одно вѣроятно славянское, а другое нѣмецкое; такъ въ 1240 г. были utraque villa Smirdeniz, utraque villa Cilizlawe; село Schoneuelt (Schönfeld) раздѣлилось на Gross-Sch. и Klein-Sch. (послѣднее, можетъ быть, тождественно съ упоминаемымъ въ 1234 г. Kicowe); въ предѣлахъ села Смердницы основано село Bucholt (in cujus villae terminis sita est villa B., 1274), а названіе Смердница уступило потомъ нѣмецкому Molenbeke.

Наконецъ, чтобъ освободить монастырскихъ подданныхъ (homines et colonos) отъ разныхъ притязаній княжескихъ чиновниковъ, князь Барнимъ порѣшилъ (1247 г.) пожаловать и славянскимъ подданнымъ навсегда право нѣмецкое (Slavis eorum jus teuthonicum in perpetuum dare). Черезъ нѣсколько лѣтъ (1254) монастырскіе подданные, Нѣмцы и Славяне (Teutonici Sclavique), освобождены отъ извѣстной подати (denarii qui vulgariter pantpennink dicuntur). Въ монастырскія имѣнія переселялись Славяне изъ княжескихъ и шляхетскихъ селъ въ теченіи второй половины XIII вѣка; князь Барнимъ освободилъ (1272) такихъ, въ монастырскихъ имѣніяхъ жившихъ Славянъ, отъ разныхъ земскихъ повинностей (ut Slavi in dominio nostro constituti sive in nostris sive in vasallorum nostrorum

villis manentes, si ad abbatem et conventum causa manendi in villis eorum transferre se voluerint, liberi sint etc.), такъ что съ нихъ нельзя было взыскивать ничего, кромѣ того, что постановляетъ общее *славянское право* земское (nulli cuiquam aliquid servicii aut emolumenti debentes ultra communem omnium Slavorum in terra nostra manentium justitiam). Это уравненіе Нѣмцевъ и Славянъ въ ихъ правахъ содѣйствовало со временемъ полному онѣмеченію монастырскихъ имѣній. Дольше сохранились Славяне въ нѣкоторыхъ особыхъ „славянскихъ" селеніяхъ, напр. въ „славянскомъ селѣ" у Шёнвердера и Сѣдова (curia monachorum de Colbatz cum villa slavicali adjacente, 1278), и въ Славянскомъ Мельнѣ (Slavicalis Melne), которое такъ называется еще въ половинѣ XIV вѣка (1345). Въ теченіи второй половины XIII вѣка на монастырскихъ земляхъ, между Колбасомъ и Пырицей, построено много новыхъ селъ, названныхъ по нѣмецки (—hagen, — dorp, — berch, — wolde, — werder); ок. 1282 г. въ числѣ 48-и монастырскихъ селъ было 12 съ такими нѣмецкими названіями. Но нѣмецкія названія придавались также нѣкоторымъ уже существовавшимъ селамъ съ славянскими названіями. Выше сказано, что еще въ началѣ XIII вѣка село Schoneuelt называлось по славянски Обрыта; послѣднее названіе однако скоро исчезаетъ. Другія такія измѣненія имѣлись въ виду уже въ первой половинѣ XIII вѣка, и епископъ каменскій Конрадъ, жалуя монастырю свои десятины изъ монастырскихъ селъ (1235), прямо указываетъ не только на предстоящую новую колонизацію въ монастырскихъ имѣніяхъ, но и на измѣненіе названій существовавшихъ тогда селъ (si dictas possessiones quandocunque aliis nominibus olim vel novis de futuro fortassis appellari contigerit, vel in silvis possessionibus antedictis attinentibus villae de novo aedificatae fuerint cum novis vocabulis). Это дѣйствительно и случилось. Уже около этого времени замѣтна постепенная замѣна нѣкоторыхъ славянскихъ названій нѣмецкими; послѣднія, послѣ нѣкоторой борьбы, наконецъ пріобрѣтаютъ исключительное господство. Съ половины XIII вѣка село Черновъ принимаетъ названіе Nienmarkt (N. quae antea vocabulum habuit Cyrnowe 1255, Cirnowe quae nunc N. dicitur 1295—1313), село Хабово — названіе Valkenberg (1255, Cabowe quae nunc V. dicitur 1274), Себеразъ—Woltersdorp (еще 1243 locus slavico vocabulo Zibberose nuncupatur, а 1249—1313 Zibberose quae nunc W. dicitur), Смердница — Molenbeke (Smirdeniz quae

nunc M. dicitur 1295—1313), Парсовъ—Wardenberg (1274) и пр. [1]). Остальныя славянскія названія, разумѣется, значительно искажены; такъ напр. ок. 1242 г. названіе Чарной струги передано хорошо: niger fluvius qui dicitur Ziarna Ztrug; но черезъ сорокъ лѣтъ (1282) уже искажено: n. g. q. d. Znarnaztrow. Интересно, что еще въ началѣ XIV вѣка колбасскіе монахи помнили нѣкоторыя старинныя славянскія названія; кромѣ названій приведенныхъ селъ, сохранилось тогда и славянское названіе одного рва „вѫжій долъ“ т. е. долъ змѣй (ужей) (польск. węży dół), которое переведено по нѣнѣмецки wormgrave т. е. wurmgraben (fossatum Yenzidulgh, Yenzidol, quod vulgo Wormgraue dicitur, въ двухъ подложныхъ грамотахъ ок. 1323 г.).

Въ *старгардской землѣ* между Иной и Плоной, гдѣ въ 1240—1248 гг. владѣлъ епископъ каменскій, географическія названія еще въ половинѣ XIII вѣка остаются почти исключительно славянскія; по славянски называются села, рѣки (между ними одна Суха рѣка—Zucharecha), озера, болота, лѣса и пр.; нѣмецкія названія имѣютъ одно только село (Seuelde) и болото (Mosbrock), благодаря вѣроятно колонизаціи епископа и старгардской шляхты, въ числѣ которой уже тогда были рыцари и кнапы Fred. de Osten dictus de Woldenborch, Bolte dictus Block, Hinricus de Jerichow, Burchardus et Ludewicus fratres dicti Regedantz, и др. Въ 1248 г. основанъ въ старгардской землѣ цистерц. женскій монастырь *Маріенфлисъ* (apud rivulum S. Mariae), и подданные его (homines et coloni) освобождены отъ разныхъ земскихъ повинностей, и подчинены суду монастырскихъ фогтовъ и шульцовъ (advocatorum et scultetorum); они, слѣдовательно, пользовались нѣмецкимъ правомъ.

На сѣверъ отъ старгардской земли находились мало заселенныя земли, позже, во второй половинѣ XIII вѣка, названныя *голиножская*, *машовская* и *новгардская*. Голиногъ [2]) еще до второй половины XIII вѣка была пустыня (solitudo, desertum, 1255). Въ 1268 г. Голиногъ называется еще новымъ городомъ (по магдебург. праву); старинное славянское названіе желали тогда перемѣнить въ нѣмецкое (novella civitas Gollenog, quae nunc Vredeheyde appellatur), которое однако не привилось; осталось славянское Golnow. *Новгардъ*

[1]) Встрѣчается также замѣна славянскаго названія другимъ славянскимъ (Niznaw quae nunc Belcow dicitur 1274—1313).

[2]) Древнѣйшая форма Golinog (1220 г.), потомъ Golnowe (1248). Срв. польск. Gołonóg.

(castrum et oppidum) съ 700 гуфъ далъ епископъ Германъ своему дядѣ Оттону de Everstein (1274). Нѣкоторыя славянскія названія урочищъ уцѣлѣли—подлѣ нѣмецкихъ—еще до второй половины XIII, да отчасти до начала XIV вѣка. Такъ напр. между Дѫбомъ (Dam) и Голиногомъ былъ лѣсъ называемый Княжья дѫброва (nemus quod vulgariter Cnasidamberowe vocatur, 1283), часть степи Заѧчій лугъ (merica Sagenzghelugh 1299 — 1324); другая дубрава у Голинога называлась уже по нѣмецки (quercina quae teutunice eckfir dicitur, 1268). На границѣ земель гольновской, машовской, новгардской и старгардской былъ ок. 1269 г. каменъ мостъ (camenemust, cammemust), Сухава рѣка (Zuchauireka), болота Премыскія и Бѣлыя (Premuzekeblita, Bialeblita), Крижанскія лѧки (Crisanskelanken), и пр. Память Славянъ въ тѣхъ странахъ, именно около Пырицы, сохранили малыя гуфы (ст. рала), по которымъ взималась подать еще въ XVII вѣкѣ, и которыя замѣнены обыкновенными гуфами (landhufen) только въ началѣ XVIII вѣка.

6. *Приморскія земли.*

По морю лежали земли *каменская*, *требетовская*, *колобрежская*, *кушалинская*; за ними же выше упомянутая *Кашубія*.

Изъ шляхты земель каменской и требетовской извѣстны до 1200 года: Завиша (каст. кам.), Унима Жарнославичъ (каст. кам.), Чеславъ, Вышеславъ, Скарбишъ (каст. треб.), Барсъ, Творишъ, Завиша (всѣ трое кастеляны колобр.). Въ XIII вѣкѣ: Варгина (каст. кам.), Честиславъ и его родъ Честиславичи въ Камнѣ (heredes qui vocantur Zetizlauici), именно сынъ Честислава Стойславъ (каст. кам. еще 1242 г.); Яковъ (стольникъ кам.), Іоаннъ Нантковичъ, Собѣмыслъ, Прибиславъ, Яникъ, Войтѣхъ (Woyceh, Albertus), Бартошъ, Прибиславъ (праотецъ выше упомянутаго рода Albus—Witte), Вышекъ, Домаславъ. Кастеляны колобрежскіе: Добеславъ, Черникъ, Боркъ и Казиміръ Свѧтоборичъ, эти два — послѣдніе кастеляны (до 1255 г.); Здиславъ (воевода), Всеміръ, Чеславъ, Стойславъ, Сѧда, Вѧцекъ, Военъ, Славоміръ, Вышекъ, Томекъ, Свѧтошъ, Добеславъ (de Wotuch, вѣроятно праотецъ рода Woedtke), Домаславъ, Безправъ (вѣроятно праотецъ родовъ Камыковъ-Kameke и Бониновъ [1]), братья Радоміръ, Гнѣвоміръ и Тѣшиславъ изъ Коморова,

[1]) Это имя было извѣстно и у другихъ Славянъ, на прим. у Бодричей (шляхтичъ Б.), и у Чеховъ, какъ видно изъ названія мѣста Bezgravovice.

братья Чижикъ и Тѣшиміръ, Тѣшиславъ и его сынъ Верхута, Павелъ сынъ Бартоша, Бориславъ; Добешичи Гостиславъ и Гнѣвоміръ (внуки узноимскаго кастеляна Генриха); одинъ сынъ Гнѣвоміра назывался еще Начеміръ Добешичъ (ок. 1300 г.), а правнукъ принялъ имя Начеміръ какъ фамилію (Johannes dictus Natzemer 1330). Нѣмецкіе дворяне встрѣчаются въ этихъ странахъ очень поздно, рыцарь Johannes Cule въ 1264 г., позже роды Bevenhusen, Everstein, Thuring, Hane, Ketelhut, Wolde, Rode (Rufus) и др.

Въ теченіи второй половины XIII вѣка славянская шляхта все больше и больше германизовалась, такъ что „Славянинъ“ въ ихъ рядахъ становился какою-то рѣдкостью; такъ на пр. въ концѣ XIII вѣка (1296 г.) владѣлецъ села Баща (Bast между Колобрегомъ и Кушалиномъ) Милота, сынъ Радоши, прямо называется „Славяниномъ“ (quidam Slavus nomine Milota filius Radossu). Въ началѣ же XIV вѣка (1301 г.) Камыки называютъ уже нѣмецкій языкъ—своимъ (quod in nostra idiomatis lingua *vorlanden* appellatur). На славянское происхожденіе Бониновъ, Камыковъ и другихъ родовъ указываютъ впослѣдствіи лишь славянскія имена, на пр. (1315—1336 гг.) de Bonyn Tesmarus et Swantus, de Kamik Tessen et Swantus, de Strachemyn Byspraus et Swantus et Tessen, de Necene Thezlaus, и др.

Нѣмецкіе города по праву любецкому въ приморскихъ земляхъ возникли—на мѣстѣ старинныхъ славянскихъ городовъ—въ теченіи второй половины XIII вѣка, *Колобрегъ* или *Колоберг*ъ, *Камень*, *Требетовъ* (на Рѣкѣ), *Плате*, *Грейфенберг*ъ, *Кошалинъ* или *Кушалинъ*, *Бѣлгардъ*. Первый устроенный по нѣмецки городъ—это старинный *Колоберг*ъ [1]). Въ 1255 г. князь Вартиславъ и епископъ каменскій Германъ подарили городъ Нѣмцамъ по праву любецкому (civitatem nostram Gholberch Theutonicis jure lubecensi donavimus), какъ оно было въ употребленіи въ Грейфсвальдѣ. Первые мѣщане прибыли сюда изъ разныхъ странъ, изъ Любека, Виттенбурга, Гнойна, Вербна, Дортмунда, Укермюнде, Волыня, и пр. (1255—1260). Въ ихъ ряды вошли и нѣкоторые знатные Славяне, какъ видно изъ названій двухъ мѣщанъ перваго десятилѣтія существованія города: Nu-

[1]) Т. е. городъ построенный *около берега*. Въ стар. памятникахъ Cholberg, Choleberch, Coluberch, Colbiarg, также Colubrech, Colubriech. Изъ этого видно, что поморскіе Славяне говорили уже въ XII вѣкѣ *бергъ* и *брегъ*. Объ исторіи Колоберга срв. Riemann: Gesch. d. stadt Colberg (Colberg 1873).

nestin Nastawiz (Naslawiz, срв. польск. Nasławice), Henricus filius Juttae, который употреблялъ также славянское отчество Henricus Juttiz. Но позже въ Колобергѣ мѣщане славянскаго происхожденія уже не упоминаются; жили здѣсь только презрѣнные остатки славянскаго населенія того мѣста, въ особой отдаленной улицѣ близъ лобнаго мѣста, въ улицѣ „славянской“ (platea Slavorum, до сихъ поръ Wenden-strasse), равнымъ образомъ какъ жили здѣсь и Жиды въ особой улицѣ жидовской. Кромѣ того Славяне жили еще въ другомъ мѣстѣ у Колоберга (locus Rosglem — habitatio Slavorum, 1300). Но и въ этой славянской улицѣ Славяне скоро исчезаютъ, и ихъ земли покупаютъ Нѣмцы (Slavus vendidit agrum a. 1303, 1313, записано въ городской книгѣ), такъ что во второй половинѣ XIV вѣка жители „славянской улицы“ всѣ уже Нѣмцы или носятъ нѣмецкія названія. *Кошалинъ* [1]) пожалованъ нѣмецкимъ правомъ въ 1266 г. Епископъ каменскій передалъ его тогда Марквартy и Герману „ad possidendam“, т. е. для нѣмецкой колонизаціи. *Грейфенбергъ* является городомъ 1262 г., *Требетовъ* 1277 г. (possessio civitatis T. cum Teutonicis et jure teutonicali), *Камень* 1274 г., и мѣщане пожалованы поземельной собственностью, которая принадлежала городу еще во времена Славянъ (Slavorum tempore), *Плате* основанъ 1277 г. Добеславомъ изъ Вотока (Wotuch), *Бѣлгардъ* 1299 г. О Славянахъ въ этихъ городахъ не знаемъ ничего. Исключеніе Славянъ изъ цеховъ господствовало по всей вѣроятности и во всѣхъ этихъ городахъ. Въ *Колобергѣ* въ 1539 г. дума подтвердила цехамъ ихъ старинный обычай, по которому они не позволяли ни одному Славянину вступить въ цехъ, и ни одного славянскаго ученика не брать въ ученіе; а въ 1562 г. постановляютъ колобрежскіе кузнецы, что кузнецъ не долженъ быть славянскаго происхожденія (nicht wendischer art u. zunge).

Нѣмецкую колонизацію этихъ приморскихъ земель поддерживалъ, кромѣ свѣтскихъ вельможъ, епископъ каменскій и премонтратскій *монастырь* у Требетова. Послѣдній основанъ ок. 1180 г. и занятъ монахами изъ Даніи; монастырю пожаловано одинадцать селъ, впрочемъ по большей части пустыхъ (incultae); только одно, Гѣбинъ, было воздѣлано (quae sola culta est). Монахи однако скоро разошлись, и монастырь возобновленъ только въ началѣ XIII в.

---

[1]) Cossalitz villa (12I2), позже Cussalin (1266), нын. Cöslin, у Кашубовъ Кошалено. И въ Вагріи была Кушалина (Cuzalina).

(1208 г.), и занятъ монахами изъ Фрисланда. Монастырь основанъ въ *Бѣлбогѣ* [1]), переименованномъ въ „городъ св. Петра“ (locus quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictus). Позже основанъ вблизи другой, женскій монастырь. И тогда еще изъ пожалованныхъ бѣлбожскому монастырю одинадцати селъ только одно село Гѣбинъ было заселено и воздѣлано. Но остальныя села скоро заселились. Монастырь въ своихъ имѣніяхъ, лежавшихъ въ очень плодородной странѣ, „текущей медомъ и млекомъ“ — какъ выражались тогда библейскимъ языкомъ—производилъ нѣмецкую колонизацію. Такъ напр. пожалованное монастырю село Кошаличи (Cossalitz, позже городъ Cussalin) князь Богуславъ позволяетъ заселить иностранцами (quoscunque homines non pertinentes ad dominium nostrum vel fratris nostri Kazimari, ad eandam villam induxerit possidendam, 1214); подобная этому колонизація имѣлась въ виду въ пожалованномъ монастырю селѣ Карвовѣ на Рѣкѣ (cum villa possessa fuerit seu locata a colonis, 1255). Монастырь давалъ свои имѣнія и въ ленъ окрестнымъ шляхтичамъ, Нѣмцамъ или онѣмеченнымъ Славянамъ [2]).

Такая же нѣмецкая колонизація происходила въ этихъ земляхъ въ теченіи всего XIII вѣка. Еще во второй его половинѣ (1273 г.), въ виду колонизаціи пустыхъ участковъ (deserta) каменской земли, заключенъ между княземъ и епископомъ и капитулами каменскимъ и колобрежскимъ, договоръ относительно уступленныхъ князю десятинъ въ селахъ земель каменской и колобрежской. По этому договору нѣмецкіе жители вновь строющихся селъ, какого бы ни были сословія, рыцари, кнапы или поселяне (theutonici incolae villarum cujuscunque fuerint condicionis, milites, armigeri sive coloni)

---

[1]) Belbuc, Belbuk, Belbuch, Belbug, Belbog, Belboch, Bealbug. Это любопытное названіе встрѣчается и въ Чехіи (Бѣлбожице) и въ Лужицѣ (гора Бѣлбогъ подлѣ горы Чернобогъ, т. е. если названія этихъ горъ не новѣйшаго происхожденія).

[2]) Вотъ наприм. васалы бѣлбожскаго монастыря 1282—1339 гг.: Wulphard Caghe, Wildekin de Belicow, Wilhelm de Jerichow, Gerhard de Levissow, Thitbold de Broitze, Bernhard Gurickow, Siegfried de Levissow, Radatz, Thidrich et Conrad de Streckentin, Conrad de Treptow, Joh. de Broitze, Wildekin et Sabell de Gumtow, Ganskin de Cirkewitze, Gerhard de Gützelvitz, Heinrich et Henning de Wacholt, Conrad de Mandüuel, и др. — На значительную колонизацію нѣмецкую въ бѣлбожскихъ имѣніяхъ указываетъ и то, что въ XVI вѣкѣ встрѣчаются здѣсь только такъ назыв. hegerhufen и landhufen, а уже не hakenhufen (славянск. рала).

должны были платить — при посредствѣ шульцовъ — каменскому епископу и капитулу извѣстную сумму съ каждой гуфы (de quolibet manso culto sive inculto per villarum villicos). Въ селахъ, въ которыхъ капитуламъ принадлежали полныя десятины, было иначе. Если тамошніе владѣльцы желали заселять свои земли Нѣмцами, то они должны были брать для этого по крайней мѣрѣ двѣ трети Нѣмцевъ (si qui villas habentes volentes eas cum Teutonicis possidere, duas ad minimum partes Teutonicorum, si plures haberi non poterint, in locacione habebunt); но не смотря на это, владѣлецъ получалъ въ ленъ изъ десятинъ только половину, а не двѣ трети. Наконецъ о десятинахъ селъ, которыя были бы заселены Славянами (de decimis villarum quae cum Slavis fuerint possessae), постановлено, что съ каждаго рала (de unco) епископу и капитуламъ слѣдуетъ по шести динаріевъ и по одному солиду. И такъ видимъ, что еще во второй половинѣ XIII в. въ землѣ каменской были нѣмецкія и славянскія селенія, отличавшіяся другъ отъ друга своимъ устройствомъ. Собственно славянское названіе тогда не указывало уже на славянское населеніе; такъ напр. въ селѣ Бащѣ (между Колобрегомъ и Кошалиномъ), въ которомъ жилъ вышеупомянутый Славянинъ Милота Радошевичъ, болото называлось уже по нѣмецки — moer (palus quae vulgo moer dicitur, 1288).

Подобныя этому отношенія были также въ такъ называемой *Кашубіи*, т. е. въ земляхъ бѣлгардской, словенской и столпской, которыя, какъ уже выше сказано, достались поморскимъ князьямъ окончательно только въ началѣ XIV вѣка. Въ землѣ словенской княжилъ нѣкоторое время и ранскій князь Вислав (1270—77); память о ранскомъ владычествѣ сохранилась въ названіи города Rügenwalde (Ruyenwalde), основаннаго около стараго славянскаго города Дерлова (1270). Въ окрестностяхъ этого города основанъ княземъ Свѧтополкомъ (1248 г.) цистерц. монастырь въ *Буковѣ*, и переданъ монахамъ даргунскимъ. Монахамъ дозволено князьями Свѧтополкомъ, Барнимомъ и Вартиславомъ, заселять имѣнія Нѣмцами, Славянами и Датчанами, которые могли жить всякій по своему обычаю (collocare Theutonicos, Slavos seu cujuscunque gentis homines 1252 г., collocare Teutonicos, Danos, Slavos vel cujuscunque gentis homines, tabernam habere more gentis teutonicae vel Slavorum, 1253 года). Это право свободной колонизаціи жаловалось и впослѣдствіи; такъ напримѣръ князь Вислав, жалуя монастырю село Словинъ (1270 г.), освобождаетъ будущихъ его

жителей отъ разныхъ земскихъ повинностей (homines quos in dictis bonis locaverint). Буковскіе монахи воспользовались этимъ, и вводили въ пожалованныя имъ села нѣмецкихъ колонистовъ и нѣмецкіе порядки. Всѣ монастырскія села носятъ славянскія названія [1]). Если князь Вислав, жалуя монастырю село Парпарино, говоритъ, „которое называется такъ на славянскомъ языкѣ“ (villa quae lingua slavicali P. dicitur 1271), то это понятно: князь, наравнѣ съ монахами не считалъ себя уже Славяниномъ. Въ монастырскихъ селахъ встрѣчаемъ шульцовъ (напр. villicus in Bobelin 1296), и гуфы (mansi); однако рядомъ съ гуфами встрѣчаемъ въ тамошнихъ селахъ еще древнеславянскія рала; такъ именно въ селахъ Нѣмцахъ (Nemitz), Бартолинѣ, Solchowe, Lechowe, Borchowe, Suracowe, Cusitz, Pankonin; жители должны были платить священнику въ Нѣмцахъ съ каждаго рала по два корца ржи и овса (de quolibet unco duas mensuras quae porhowe (sic) dicuntur slavice, 1267) [2]). Нѣкоторыя урочища въ окрестностяхъ Букова носятъ еще въ началѣ XIV вѣка (1306) славянскія названія: рѣчки Волова струга и Грабова струга (Wolowastrugo, Grabowastrugo), гора Ястрѣбова, которая однако имѣла также нѣмецкое названіе Hauekesberch (mons qui dicitur Jastremowa gora sive H.), и пр.

О земляхъ на верхней Персантѣ, Рѣкѣ и Дравѣ, знаемъ мало. *Бѣлгардская* земля еще въ началѣ XIV вѣка была мало заселена. Въ странахъ на верхней Дравѣ пожалованы въ 1254 г. бѣлбожскому монастырю земли, раздѣленныя на нѣмецкія гуфы (mansi teutonicales). Урочища однако называются по славянски: болота Ресница (paludes Resnitza blota), Словино, каменный холмъ называемый по славянски дупная могила (mons lapideus duppna muggula slavicali more sic nominatus), и пр.

---

[1]) По подтвердительной грамотѣ 1277 г. монастырю принадлежали: villae Bobolin, Poretz, Pomelowe, Bonsowe, Peristowe, Guritz, Pankomin, Damerowe, Carnsvitz, Parpart, Malchowe; loca villarum Wuch, Slouin, Pintzmechowe, Glesenowe, Bolechowe; patronatus ecclesiae in Nemitz cum 4 mansis et decima, et cum decima villae Bartholin.

[2]) Въ другихъ грамотахъ (1250, 1277) въ Нѣмцахъ приводятся mansi; не знаемъ, значитъ-ли здѣсь mansus вообще всякую гуфу, или можно здѣсь различать mansus и uncus. Слово porhowe вѣроятно опечатка Дрегера, вмѣсто cortzowe, и едва-ли тождественно съ приводимымъ у Дрегера *porrump*, т. е. подать хлѣбомъ около Столпа въ XVIII вѣкѣ.

Съ XIV вѣка Славяне въ Поморьѣ исчезаютъ; жалкіе остатки ихъ доживали свое время въ нѣкоторыхъ хызахъ, викахъ и селахъ. Это постепенное исчезаніе Славянъ въ Поморьѣ мы прослѣдили, на сколько возможно, до конца XIII вѣка; дальше за нимъ слѣдить не позволяетъ намъ недостатокъ извѣстій изъ позднѣйшихъ временъ.

Память Славянъ въ древней землѣ лютичско-поморской сохранили лишь географическія названія, древности, нѣсколько словъ и кое-гдѣ такъ называемая hakenhufe, т. е. славянское рало. Интересно, что національный дуализмъ нынѣшняго населенія Помераніи, коренныхъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Славянъ, проявился между прочимъ и въ народной философіи. Съ одной стороны простой Померанецъ называетъ презираемыхъ имъ чужеземцевъ „Undüdsche“ т. е. Не-Нѣмцы, и словомъ „uekerwendsk“ (т. е. укрославянскій) означаетъ странныя, непонятныя для него слова. Съ другой стороны въ Помераніи придумали для *дьявола* странное прозвище „Düdscher—Нѣмецъ“, говоря—въ родѣ русскаго „чортъ тебя возьми“ — „Нѣмецъ тебя возьми — Di schall de Düdscher up den kopp faren! Dat di de Düdscher“! [1]).

Остатки поморскихъ Славянъ сохранились только въ сѣверовосточномъ углу Поморья, въ такъ называемой Кашубіи, на границѣ польскаго Поморья или, какъ оно позже называлось, королевской Пруссіи (нын. Wєst-Preussen). Въ началѣ XVI вѣка—по свидѣтельствамъ поморскихъ историковъ того времени, *Бугенгагена* и *Кантова*—эти остатки Славянъ (Slavi, Wende und Caszuben) жили въ заднемъ Поморьѣ по селамъ, замкнутые, недовѣрчивые къ Нѣмцамъ, которые насмѣхались надъ ними, презирали ихъ, и изъ названія Славянинъ сдѣлали бранное слово (itzund ist des Wenden nahme u. geschlecht bey uns so verachtet, dasz man einen zum schimpfe einen Wend oder Slafen nennet). Противъ такого презрѣнія Славянъ со стороны Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Славянъ вооружаются оба названные нами историка, говоря, что не слѣдуетъ

[1]) Dähnert: Plattdeutsches wörterbuch nach der alten u. neuen pommer. u. rügischen mundart (Stralsund 1781): «Düdscher — Deutscher, ein versteckter namen des teufels». Къ сожалѣнію авторъ не говоритъ, гдѣ именно онъ слышалъ такія слова. Тоже самое явленіе встрѣчается и въ Гольштейнѣ (см. выше стр. 128, и срв. 109). — Извѣстно, что и польскіе простолюдины представляютъ себѣ чорта въ *нѣмецкомъ* платьѣ.

стыдиться своего происхожденія отъ Славянъ, которые основали столько государствъ, Чехію, Польшу, Русь, Сербію и др.; скорѣе надо этихъ Славянъ уважать какъ остатки своего племени (potius ut nostrorum reliquias veneraremur) [1]).

Эти остатки Славянъ сохранились въ нынѣшней Помераніи до сихъ поръ, числомъ ок. 3,000 душъ. Они живутъ въ округахъ бытовскомъ и лаунбургскомъ, на границахъ Западной Пруссіи, и на берегу моря на западъ до гардскаго озера. Восточная часть этихъ Славянъ называется—какъ и въ Пруссіи—*Кашубы* и *Кабатки* (по платью), жители же двадцати двухъ селъ на берегу морскомъ, между озерами гардскимъ и лебскимъ, сохранили еще старинное племенное названіе, и именуютъ себя *Словинцами*, а свой языкъ—*словинскимъ*, *словенскимъ*. Но вскорѣ, вѣроятно, исчезнутъ и эти остатки поморскихъ Славянъ; надъ ихъ германизаціей трудятся правительство, церковь и школа; славянскій языкъ болѣе извѣстенъ только старикамъ. Читая записки А. Ф. Гильфердинга [2]), — путешествовавшаго между этими Словинцами и Кашубами,—по неволѣ сравниваешь слова этого русскаго ученаго съ записками вустровскаго священника Геннига о люнебургскихъ Славянахъ; то, что два столѣтія тому назадъ происходило въ самомъ западномъ углу балтійско-полабской Славянщизны, въ люнебургскомъ Вендландѣ, тоже самое повторяется теперь въ самомъ восточномъ ея углу, въ славянской Кашубіи. Словинцы и Кашубы сами сознаютъ, что они теперь должны всѣ сдѣлаться Нѣмцами, а славяно-польскія книги и стариковъ надо положить „въ гробъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти старики, сѣтуя на убіеніе славянскаго языка, сказали русскому ученому: „Какъ бы насъ взяли въ Россію, какъ всѣхъ польскихъ!“

---

[1]) Bugenhagen (пис. 1518 г.): Pomerania (Greifswald 1728, p. 21, 49, additam. p. 3), Kantzow: Pomerania (I. 1, II. 404). Срв. тоже Krantz: Wandalia I. c. 6, VII. 10. Канцовъ жалѣетъ о гибели поморскихъ Славянъ, которыхъ (unsere armen Wenden) истребили Нѣмцы, призванные княземъ Богуславомъ. Онъ отчасти знаетъ славянскій языкъ, объясняя наприм. имена Bugslaff—gots wort, Dobrislafa—gut wort, Miroslafa—wort des friedes, Caszemyr—friedbrecher, Schwantepolck—heilig land; производитъ имя Богдановъ (Bugdan) въ Волынѣ отъ словъ сказанныхъ однимъ Поморяниномъ Оттону бамбергскому: Bog dal ize cien nie zabil.

[2]) Остатки Славянъ на южномъ берегу балтійскаго моря (Этногр. Сборникъ, т. V., 1862).

Слѣды Славянства въ нижненѣмецкомъ народонаселеніи.

Главнымъ и едва ли не единственнымъ остаткомъ погибшихъ полабско-балтійскихъ Славянъ являются географическія названія, которыя, не смотря на всѣ перемѣны, сохранились до нашего времени. Затѣмъ кромѣ географическихъ названій осталось очень мало такого, что бы напоминало о существованіи Славянъ въ балтійскихъ странахъ. Не имѣя возможности изслѣдовать данный предметъ на мѣстѣ, и будучи лишены многихъ весьма существенныхъ пособій, мы не можемъ здѣсь подробно разсматривать этотъ вопросъ, а можемъ указать только на очень немногіе слѣды Славянства въ народонаселеніи сѣверной Германіи.

Мѣсто славянскаго языка занялъ здѣсь вездѣ *языкъ нѣмецкій*, именно нарѣчіе такъ называемое „сасское"; его принесли съ собой нѣмецкіе колонисты, его же приняли и Славяне. Примѣръ такой постепенной замѣны родного языка нѣмецкимъ мы представили выше, говоря о германизаціи люнебургскихъ Славянъ; мы видѣли, какъ у залабскихъ Славянъ, вслѣдствіе вѣкового давленія высшихъ слоевъ, славянскій языкъ мало по малу уступалъ нѣмецкому, какъ Славяне принимали въ свой языкъ все больше и больше нѣмецкихъ словъ, пока наконецъ нѣмецкій говоръ не вытѣснилъ совсѣмъ старинный языкъ отцовъ. То, что мы могли прослѣдить у залабскихъ Славянъ, происходило и у остальныхъ Славянъ въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Поморьѣ и Ранѣ, то происходитъ и у послѣднихъ жалкихъ остатковъ балтійской Славянщизны, у Словинцевъ и Кашубовъ.

Съ своей стороны исчезающіе Славяне внесли очень немногое во входящій въ общее употребленіе въ сѣверо-восточной Германіи нижненѣмецкій языкъ—нѣсколько словъ, уцѣлѣвшихъ въ древнихъ памятникахъ и отчасти въ устахъ народа до сихъ поръ. Вотъ нѣкоторыя изъ такихъ извѣстныхъ намъ словъ, [1]) славянское про-

[1]) Эти немногія слова собраны изъ разныхъ вышеупомянутыхъ словарей (Haltaus, Schütze, Dähnert, Danneil), изъ грамотъ, лѣтописей и др. памятниковъ. Слова, встрѣчающіяся только въ древнихъ памятникахъ, означены звѣздочкой *. Жаль, что прекрасный словарь нижненѣмецкаго языка Козегартена (Wörterbuch der niederdeutschen sprache, Greifswald 1856—1860) прекратился въ самомъ началѣ; словарь, который издаютъ Schiller u. Lübben:

исхожденіе которыхъ болѣе или менѣе ясно; у нѣкоторыхъ оно сомнительно. Вообще мы не беремъ на себя окончательнаго опредѣленія каждаго слова, предоставляя это лучшимъ знатокамъ обоихъ языковъ.—**Bardesniker*, бартники. См. стр. 97.—*Batschen*, *batsen* (помор.), бить, толкать; срв. слав. бацать.—**Clues* (мекленб.), спальня (verschlossene bettschap oder schlafstelle, Franck); срв. ключъ.—**Cæwör* (древнерюг.), соворъ, союзъ; срв. стр. 209.—*Dörntze*, *dörns*, *dönsse*, *dünns*, *dünsse* (у Древлянъ *дворнаица*, у Кашубовъ *дворница*)—во всей сѣверо-восточной Германіи комната съ печкой; *spinndörntze*-spinnstube. Въ звѣринскомъ замкѣ были въ XVI вѣкѣ *hof-dornitz* (hofsaal) и *dorntzen* (zimmer). Нѣкоторые примѣры см. въ словарѣ Шиллера и Люббена.—**Gard*, на Ранѣ до XVI вѣка судъ, судебный округъ, городъ. Срв. выше, стр. 208.—*Glupesch*-лукавый, коварный, неожиданный (глупъ?).—*Gnêw*, *gnêwig* (въ Ст. Маркѣ)—въ дурномъ расположеніи духа; *gnêw* (subst); слав. гнѣвъ.—*Hisch* см. *Kietz*.—*Chalupp*, въ Поморьѣ у Столпа, халупа, хата.—**Chimmeke*, привидѣніе; ein poltergeist, den die unseren Chimmeken (der Chimmeke) nennen, пишетъ Канцовъ въ XVI вѣкѣ; срав. латыш. *кѣмсъ*-привидѣніе, kobold, русск. *кикимора*.—*Katen*, *kote*, называются въ сѣверо-восточной Германіи домики поденьщиковъ, батраковъ (*katenleute*, *köter*). Считаемъ это слово славянскимъ, *хата*. Кашубы тоже знаютъ это слово *кота*, *ката*, что означаетъ больше чѣмъ *буда* (рыбарска буда, паньска ката). Уже въ древнихъ памятникахъ XIII в. встрѣчаемъ это слово: cota, kathen, coten, choten, chothere, cotere, domunculae quae choten vulgariter appellantur, mansiones chothere vulgariter appellatae (1254). Собственникъ каты или хаты *köter* — вѣроятно *хатарь*, какъ отъ хыза — хызарь, отъ домка — домкарь, отъ хѣжки — хѣжкарь. Отъ слова *kote* происходитъ также извѣстное въ сѣверо-восточной Германіи слово *kossate* — мелкій крестьянинъ (viertelhüfner), въ стар. памятникахъ — cotere, cotarius, cotsatus (casarii qui vulgariter dicuntur kotere); бранденбургская земская книга 1375 г. объясняетъ: cossati proprie de kotseter (т. е. kotsitzer). См. въ словарѣ Шиллера и Люббена *kote*, *koterer*, *kotsete*, *kotstede* etc. Въ нѣкоторыхъ странахъ употребляется форма *kutze*, *kotze*, *kotzen*, срв. слав. *хижа*, кашуб. *хича* — изба, *хече* — жилой домъ. Въ Ольденбургѣ слово *kitzen*, *ketzen* значило при-

---

Mittelniederdeutsches wörterbuch (Bremen 1875—76) доведенъ пока до буквы I.. Нѣкоторыя слова люнебургскаго нарѣчія см. стр. 65.

стройку (nebenwohnung, Schiller и Lübben).—*Kamp*, *kempe*, поземельный участокъ (поле, лугъ, роща), обведенный заборомъ или рвомъ. Срв. польск. kępa, малорусск. купина, и чешск. Kampa (названіе острова въ Прагѣ). Шиллеръ и Люббенъ не рѣшаются объяснить это слово (ableitung unsicher). — *Kietz*, *hisch*, *kietzer* — хызъ, хыза, хыжа, хыжарь. См. выше, стр. 87.—*Kläöw* (въ Ст. Маркѣ), печенье изъ пшеничной муки, круглое или въ видѣ полумѣсяца, которое прежде пекли къ Рождеству. **Kleve* (мекленб.), родъ хлѣба, eine art von brod (Franck). Срв. слав. хлѣбъ. Другое тому подобное печенье называютъ „Венды“ въ Старой Маркѣ и въ Люнебургѣ—pageleitz (см. стр. 65).—**Knese*, *knesiz*—князь, княжичъ, слова извѣстныя въ Мекленбургѣ до XIV, на Ранѣ до XVII вѣка. Срв. выше, стр. 151 и 187. Въ Гюстровѣ варилось крѣпкое пиво knisenak; это названіе производятъ отъ слав. князь (knise)—господское пиво (herrenbier). V. Schiller u. Lübben.—**Koretz*, корецъ, на Ранѣ еще въ XIV в. См. стр. 210.—**Kreitzmer* (у Каѣнцова), корчма.—*Kulpasse* (помор.), колбаса. — *Luch*, *luh*, *lauch*, *leuch*, *luge* — лугъ (bruch, sumpf). Въ Поморьѣ у Щетина находится das grosse gelüche, въ Бранденбургѣ Rhinluch (у рѣки Рына), Havelländisches luch. Это слово встрѣчается часто въ грамотахъ, на пр. der Radenschlewische lug (бранденб. 1530), werder, weidbruch и lauch (мекленб. 1580). Мекленбургскій ученый Кляндріанъ объясняетъ одну латин. грамоту: die helffte des morasses oder luhes (1603). Перемѣна кореннаго *y* въ *ey*, *ay* замѣтна уже въ XII вѣкѣ (loug, срв. стр. 29). — *Mäd* (Ст. Марка), напитокъ изъ *меду* и воды; литер.-нѣм. *meth*.—*Mare* (помор.), *Mortrieden* (мекл.), кошмаръ (alp, alpdrücken); срв. слав. мора.—*Mogillen*, *mogrillen*, въ восточной Помераніи, около Новаго Щетина и Бѣлгарда — могилы (heidengräber). — **Niwade*, *nyewede*, неводъ. См. стр. 103, 113. — *Pietsche* (мекл.), бичъ, слово принятое и въ литер. языкъ нѣмецкій, peitsche. — *Pätsch* (въ Ст. Маркѣ), широкое весло; срв. чеш. oračina. — *Plünen*, *plünn*, лохмотья; срв. слав. плены, пелены.—*Pracher*, въ сѣв. Германіи—нищій; срв. древян. прîситъ—просить милостыни, прîсаръ—нищій.—**Pretzen* (помор.), браслетъ; срв. слав. перстень. — *Pülle* (помор.) — сосудъ для питья (въ Берлинѣ *pulla-bouteille?*), *püllen*-напиваться, *püllkroog*-корчма. (Слав. пить?). — *Quad*, злой, скверный; срв. слав. худъ, древян. хеуды (schlecht, böse).—*Quast*, метелка изъ ситника, волосъ или щетины. (Quaste или слав. хвостъ? Срв. древян. хjîстъ — помело, чеш. chvoště - метла). — **Rattagger* (помор.), ратай (пахарь); древян.

ратой — pflüger, häcker. — *Schummern*, слав. сумерки? — *Slave* (помор., гольштейн.), каторжникъ, *slaven* — исполнять каторжную работу, *slaverij* — тяжелая, каторжная работа. Въ Поморьѣ и др. названіе „Славянинъ“ приняло такое же постыдное значеніе, какъ во всей Германіи и вообще у всѣхъ германскихъ и романскихъ народовъ (sklave). Но въ Мекленбургѣ слово *slaw* (по свидѣтельству Музеуса) означаетъ большого человѣка, нѣчто въ родѣ извѣстнаго hüne (исполинъ). — *Slodikk* (помор.), родъ яблока; срв. польск. słodki. — **Temnize*, темница, тюрьма (въ Розтокахъ 1471 г.). Это слово было извѣстно до XVI вѣка и въ полабско-сербскихъ странахъ, на пр. въ Галле, Лейпцигѣ, Эрфуртѣ, Наумбургѣ. (Haltaus). — *Tollatschen* (на Ранѣ), пироги съ начинкой, колачи. Это слово знали еще въ XVI вѣкѣ въ Мишніи (Meissen) — kolitsch, kalatsch, и оно до сихъ поръ извѣстно Нѣмцамъ въ Чехіи (böhmische kolatschen). — *Waddik*, *watk*, *watke*, сыворотка, сыроватка (слав.?). — *Wetik*, *veitken*, селезень, утки (слав.?). — *Wôrt*, *wûrt*, *wuhrd*, малое поле, садъ или пастбище; wortzins — census de areis. Слово славянское или германское? Срв. слав. ворать (орать, пахать), и англосакс. wurdh—area, wyrdhland—пашня. — **Wutzschken*, свободные крестьяне. См. стр. 71. — *Zeese* (пом.), сѣть. — **Zube* (пом.), длиннополое платье, особенно женское, опушенное мѣхомъ, шуба. У Словинцевъ и Кашубовъ *шуба* значитъ всякое длиннополое платье. — Что касается слова *jodute*, *tojoduthe* — крикъ нападаемыхъ (срв. Grimm's rechtsalterth. 877, Meklenburg. jahrb. VI. 190, Forschungen zur deutschen geschichte 1866, VI. 225), — то оно не славянское (Мацѣёвскій Hist. praw. słow. III. 281, сравниваетъ его съ „идите“), а нѣмецкое; оно уже въ 1287 г. въ Висмарѣ переводится tojod uthe—trahite foras (т. е. ziehet aus).

Наконецъ нѣкоторыя славянскія слова перешли въ балтійскія страны уже позже, изъ Руси, вслѣдствіе торговыхъ сношеній ганзейскихъ городовъ съ Русью; на пр. *gridenisse* (гридница), *kopken*, *kopeken* (копѣйки), *lasten*, *lasteken*, *laschizen* (ласицы, мѣха).

Нѣтъ сомнѣнія, что близкій наблюдатель и знатокъ быта простого народа въ Мекленбургѣ, Помераніи и Бранденбургѣ съ одной стороны и быта западныхъ Славянъ съ другой, найдетъ въ обычаяхъ, преданіяхъ и пр. сѣверовосточной Германіи кое-какіе слѣды Славянства. Больше всего сохранилась старина между онѣмеченными потомками люнебургскихъ „Вендовъ“.

Нѣмецкій элементъ въ своемъ стремленіи на востокъ не остановился на границахъ Польши. Съ одной стороны онъ сталъ проникать въ Силезію и вскорѣ завоевалъ себѣ здѣсь высшія сословія, а отчасти и сельское народонаселеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ проникъ и въ собственную Польшу, и водворился особенно въ ея городахъ Съ другой стороны внѣдрились нѣмецкіе крестоносцы и на сѣверной границѣ Польши, въ землѣ Прусовъ, покорили и истребили это литовское племя, и наконецъ оторвали отъ Польши восточное Поморье, а также нѣкоторыя ея сѣверныя полосы. Только съ напряженіемъ всѣхъ силъ удалось Польшѣ поразить этихъ опасныхъ враговъ, и возобновить свое владычество на балтійскомъ приморьѣ. Но Польша, оставивъ въ Пруссіи князя, хотя и васала польскаго, и допустивъ соединеніе Пруссіи съ вѣковымъ врагомъ всей полабско-балтійской Славянщизны, съ Бранденбургомъ, сдѣлала роковую ошибку. Бранденбургскіе курфюрсты провозгласили себя королями прусскими, пріобрѣли давно онѣмеченную землю Пястовичей, Силезію, и стремились къ соединенію главной части своего государства между Лабой и Одрой, съ завислянской Пруссіей, отдѣленной отъ него польскими владѣніями. Это имъ и удалось въ теченіи второй половины XVIII вѣка: восточное Поморье, Великая Польша и Мазовія сдѣлались прусскими провинціями West-Preussen, Süd-Preussen, Neu-Ost-Preussen. Но на этотъ разъ преемникамъ Альбрехта Медвѣдя еще не удалось удержать въ своихъ рукахъ всю захваченную добычу; только восточное Поморье (West-Preussen) и часть Великой Польши (provinz Posen) остались за Пруссіей; остальное присоединено къ Россіи, и сдѣлалось частью царства Польскаго.

Такимъ образомъ ляшское племя, живущее въ восточныхъ окраинахъ Германіи, Кашубы, Поморяне, Мазуры, Поляне, Слензане, предоставлены вѣковому давленію нѣмецкому. Ихъ вожди и представители, изнемогая въ неравной борьбѣ, озираются все больше на востокъ, на великое славянское государство, искренно-ли или помимо воли, не беремся рѣшать. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, будто мы слышимъ извѣстное въ древнеримскомъ циркѣ привѣтствіе: Ave, Caesar, morituri Te salutant!

*PB-38271-SB
5-19
CC
B/T

DK 511 .B3 P43
Germanizatsiia baltiiskikh sla
Stanford University Libraries
3 6105 041 458 386

DK
511
B3P43

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.